Дайджест публикаций о беларуской истории

ДЕДЫ

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Д Е Д Ы

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Дайджест публикуется с 2009 года

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 7 / Составление и научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2011. – 256 с.

ISBN 978-985-18-0185-1

В седьмом выпуске дайджеста помещены 15 статей. Они посвящены событиям, связанным с советско-германской войной 1941–1945 гг., а также послевоенному антикоммунистическому сопротивлению на территории БССР. Публикуемые материалы сгруппированы в трех тематических разделах.

ISBN 978-985-18-0185-1

Содержание

ЧАСТЬ I. ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ СО ЗВЕЗДОЙ

РАЗГРОМ «НЕСОКРУШИМОЙ»: БЕЛАРУСЬ, ЛЕТО 1941 ГОДА (Славомир Косим) 4

ДИВИЗИЯ ИМЕНИ КАСТУСЯ КАЛИНОВСКОГО (Максим Петров) 57

ЛЕСНЫЕ ЕВРЕИ (Максим Петров) 62

ЧТО ДЕЛАЛИ ЧЕКИСТЫ В БЕЛАРУСКИХ ДЕРЕВНЯХ (Иван Данилов) 74

«МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ»: ОБ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» (Сергей Захаревич) 78

ЧАСТЬ II. ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ СО СВАСТИКОЙ

ФАБИАН АКИНЧИЦ — ПРЕДВОДИТЕЛЬ БЕЛАРУСКИХ НАЦИСТОВ (Юрий Туронок) 101

БЕЛАРУСКИЕ ДИВЕРСАНТЫ АБВЕРА (Василий Матох) 115

БЕЛАРУСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ «БЕЛАРУСЬ» В 1941—44 гг. (Александр Гелогаев) 121

БЕЛАРУСЫ НА СЛУЖБЕ В «СС» (Иван Ковтун) 149

ЧАСТЬ III. ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ...

«КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ» И КУРОПАТЫ (Юрий Туронок) 170

ПОЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ТУЗЕМЦЕВ (Максим Петров) 178

КТО УБИЛ ФРАНТИШЕКА ОЛЕХНОВИЧА? (Юрий Туронок) 205

ГЕРОИ ИЛИ УБИЙЦЫ? ТЕРРОР АК ПРОТИВ БЕЛАРУСОВ (Максим Петров) 212

БЕЛАРУСКИЕ «ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ» (Максим Петров) 229

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ПОДПОЛЬЕ В БССР. 1944-51 гг. (Анатолий Тарас) 243

Часть I | ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ СО ЗВЕЗДОЙ

Славомир Косим

Разгром «несокрушимой»: Беларусь, лето 1941 года

Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет...

1. План «Гроза»

В ноябре 1940 г., во время визита в Берлин народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова, Гитлер попытался заинтересовать СССР предложением о разделе между союзниками стран Ближнего и Среднего Востока. В частности, он предложил Сталину Ирак и Иран. Увы, союзники не договорились. Москва была согласна, но только при условии получения в свои руки еще и Румынии, Болгарии, Турции и Финляндии. Такие аппетиты Кремля указали Гитлеру на то, что сотрудничество с СССР в политическом плане подходит к концу. 18 декабря 1940 г. он подписал директиву о нападении на СССР (план «Барбаросса»), которое должно было произойти весной 1941 г. Опоздание более чем на месяц вызвала кампания Вермахта в Югославии и Греции в апреле 1941 г.

Как известно, с момента прихода Гитлера к власти (январь 1933 г.) отношения между СССР и Германией ухудшались и со временем перешли во враждебность, обусловленную различиями в идеологии и внешнеполитических целях.

Но в 1939 г. обе государства смогли договориться о сотрудничестве, оставив идеологические споры ради политического прагматизма. Общей целью обоих государств был захват территорий, хотя и под разными лозунгами. Первой жертвой новых союзников стала Польша. После уничтожения Польши пришла очередь других государств.

В Советском Союзе давно готовились к агрессии в Европу. Лозунг похода на Запад для распространения коммунизма за пределами СССР коммунисты озвучивали с момента захвата власти в России. События 1919 и 1920 гг. подтвердили их намерения. Советская политика в 1939–41 гг. была возвращением к этим лозунгам. Благодаря сотрудничеству с Гитлером, Сталину удалось захватить во-

Из журнала «Архэ» № 5/2010, с. 73–182. Сокращенный перевод А.Е. Тараса.

сточную часть Польши, три балтийских государства, часть Румынии (Бесарабию) и начать агрессию против Финляндии. Но дальнейшие захваты в Европе уже были невозможны без конфликта с Германией, которая к лету 1940 г. добилась крупных военных успехов, а государства, граничившие с СССР, стали ее союзниками (Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния). Конфликт в Западной Европе, который, по рассчетам Сталина, должен был продолжаться несколько лет (как во время Первой мировой войны) и ослабить обе стороны, тем самым упростив поход Красной Армии, почти закончился. После поражения Франции, захвата Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии, перехода Великобритании к обороне немецкие дивизии постепенно перебрасывались на восток – в район реальной угрозы со стороны СССР.

Советско-немецкая символика на арке в честь встречи освободителей от польского национального гнета (деревня Ивахновичи под Брестом. Сентябрь 1939 г.)

В результате изменения военной ситуации в Европе был разработан советский план нападения под кодовым названием «Гроза» (или «Буря»). Работу над ним завершили в сентябре 1940 г. На тот момент немецкий Генеральный штаб проводил только предварительную работу по подготовке плана войны против Советского Союза. План «Гроза» предусматривал нападение силами трех фронтов, созданных из особых военных округов, на территорию оккупированной немцами Польши, и вспомогательный удар на юге, чтобы отрезать Германию от румынской нефти. Проект был доработан весной 1941 г. и приобрел статус «предупредительной войны» против Германии и ее союзников.

Западный фронт, который планировалось создать на основе Западного особого военного округа (ЗапОВО), предназначался для удара по территории Генерал-губернаторства (части ликвидированной Польши) и Восточной Пруссии. Тем самым он должен был поддержать атаку основной советской группировки с Украины, тоже на территорию оккупированной Польши и к югу от нее.

Однако советским войскам в Беларуси не пришлось маршировать на запад. 22 июня 1941 г. по ним самим нанесла мощный удар немецкая группа армий «Центр». Западному фронту неожиданно для себя пришлось противостоять главному немецкому удару, направленному в центр европейской части страны по линии Минск – Смоленск – Москва. Войска Западного фронта не смогли остановить немецкие дивизии. За десять дней боев они оставили почти всю территорию Беларуси, немцы дошли до линии Днепра, было потеряно 600 тысяч солдат, более двух тысяч самолетов и танков, а Минск взят врагом. Такое поражение заслуживает того, чтобы называться катастрофой.

Одной из главных причин столь грандиозного поражения явилось состояние этих войск с точки зрения дислокации, оснащения, подготовки и системы ко-

мандования. После десяти дней боев войска Западного фронта (кроме небольшой части их, которой удалось избежать окружения) перестали существовать. Немцы заняли территории, которые можно сравнить по площади с той частью Польши, которую они захватили за месяц боев в 1939 г.

Но на десятый день войны, хотя фронт был прорван, а немецкий успех не вызывал сомнений, Варшава успешно отбила атаку 4-й немецкой танковой дивизии, а под Бзурой армия «Познань» атаковала войска 8-й армии немцев. Много польских дивизий еще сражалось в Малой Польше и дальше на востоке. В 1941 г. в Беларуси после десяти дней боев организованной обороны более не существовало, а свыше 300 тысяч солдат попали в плен. Остатки отдельных корпусов и дивизий бродили в лесах, пытаясь пробиться к своим.

Советские планы агрессии против Германии, которые разрабатывались летом 1940 г. и в последующие месяцы, наводят на мысль о готовности Красной Армии к атаке и возможном сроке такого удара. Так, Виктор Суворов утверждает, что Вермахт лишь на несколько недель опередил советскую атаку.

Что интересно, первые конкретные планы появились в обеих странах примерно в одно и то же время – поздним летом 1940 г. Гитлер впервые заговорил на тему войны против СССР в конце июля 1940 г., а 18 декабря того же года эти разговоры воплотились в план «Барбаросса», предусматривавший захват территории до условной линии Архангельск – Волга – Астрахань.

Советский и немецкий офицеры общаются с местным «активом» (Западная Беларусь, октябрь 1939 г.)

Работа советских штабов над планом военной операции против Германии началась еще в октябре 1939 г. До июня 1940 г. были разработаны пять вариантов. К 18 сентября их свели в два основных – северный и южный (в зависимости от направления главного удара). 5 октября 1940 г. планы были представлены Сталину и Молотову. Сталин вместе с Генштабом избрал «южный» вариант, по которому главный удар должен был нанести Юго-Западный фронт (созданный из Киевского особого ВО) с так называемого «львовского выступа», углубленного на территорию Генерал-губернаторства. Первоначальной целью атаки являлся Люблин, далее – Бреслау (Вроцлав). Захват южной части Генерал-губернаторства значительно затруднил бы обеспечение Германии румынской нефтью. 18 октября 1940 г. план «Гроза» был утвержден.

Согласно ему, 4-я и 13-я армии из состава ЗапОВО должны были поддержать Юго-Западный фронт в наступлении на Генерал-губернаторство с юга. Размещенная на Белостокском выступе 10-я армия вместе с 3-й армией (или самостоятельно) должна была занять Восточную Пруссию, район Остроленки и, по возможности, Варшаву. Главной целью являлось уничтожение немецких сил в Вос-

точной Пруссии, что стало бы поддержкой наступления с юга через Люблин в направления Бреслау.

Началась подготовка. 21 ноября 1940 г. нарком обороны маршал С.К. Тимошенко предложил Сталину проект и одновременно приказ о начале мобилизации резервистов, которая должна была завершиться к сентябрю 1941 г., увеличив общую численность РККА до 8 миллионов солдат. Она должно была проводиться постепенно, чтобы не создавать затруднений с размещением огромной массы войск, а также скрыть увеличение численности вооруженных сил почти вдвое.

В ноябре в особых округах прошли штабные учения. В ЗапОВО Павлов командовал войсками, которые должны были штурмовать Генерал-губернаторство. «Вермахтом» командовал тогдашний начальник Генерального штаба Кирилл Мерецков. Павлов одержал победу. Мерецков с трудом остановил его у самого Берлина. «Победу» одержали и другие округа, разгромив на картах немецкие войска. Но это была только теория. Особые округа не имели шансов для столь успешных действий – у них не было ни соответствующих сил, ни средств, ни кадров. На это обратил внимание даже Сталин – по его мнению, реальная подготовка войск к наступлению еще требовала времени и много работы.

Схема вторжения советских войск по плану «Гроза»

В декабре 1940 г. в Москве прошло совещание, в котором приняли участие командующие военными округами, начальники штабов округов и армий, Генштаб, а также начальники различных родов войск. Павлов зачитал доклад об использовании танковых войск. Он поддержал в нем идею создания крупных танковых соединений, усиленных артиллерией и авиацией. Такие соединения Вермахт использовал в Польше и в кампании 1940 г. на Западе Немецкие успехи навели Павлова (и Сталина) на мысль о создании подобных формирований, тем более, что таковые пытались создавать в СССР еще в 1930-е годы. Теперь, после завоевания Германией Франции, Павлов выступил за восстановление танковых корпусов. Доклад Павлова об использовании тактических механизированных соединений в современной наступательной операции был встречен с большим интересом, признан интересным и логичным.

Через несколько дней после этого совещания в Москве началась большая оперативно-стратегическая игра – на уровне командующих фронтами и армиями. Перед этим ее участников вызвали к Сталину, который был очень заинтересован ходом совещания и военной игрой. Сначала Сталин раскритиковал Тимошенко за закрытые совещания и отсутствие консультаций с ним, потом началась игра. Ею руководили Тимошенко и начальник Генштаба Мерецков.

Стороны разделили на «голубых» (Вермахт) и «красных» (РККА). На первом этапе «голубыми» командовал Жуков (командующий Киевским ОВО), который наступал с территории Восточной Пруссии и Генерал-губернаторства на войска «красных» в Беларуси. «Красными» командовал Павлов, а его силы были размещены так, как они действительно размещались в ЗапОВО. На втором этапе Павлов и Жуков поменялись ролями, а игра проводилась на участке Киевского ОВО.

Однако наиболее интересен третий этап игры, который проводился на западном направлении. Павлов командовал «красными» на участке ЗапОВО – там, где командовал на самом деле. Результат этой игры интересен тем, что «в игре было много драматических моментов для восточной стороны. Они оказались во многом похожи на те, что возникли после 22 июня 1941 г.»*.

Жуков наступал «голубыми» из районов Бреста и Сувалок – именно так, как в июне 1941 г. атаковали танковые группы Готта и Гудериана. И, как в июне, в январе «голубые» окружили и уничтожили силы обороняющихся. Размещение советских сил, в том числе на Белостокском выступе, выгодное в случае наступления, было очень опасным, если бы неприятель первым ударил с флангов. Риск их окружения был огромен.

Об этом Жуков предупреждал во время обсуждения результатов учений на встрече со Сталиным. Итоги игры подводил сначала Мерецков. Его хаотичное выступление (Мерецков явно опасался рассказать Сталину о подробностях поражения «красных» в Беларуси) только разозлило Сталина. Павлов, командовавший «красными», старался смягчить ситуацию шуткой: «В военных играх так бывает». Его шутка не понравилась Сталину, желавшему услышать более содержательное мнение**. И он получил его от Жукова, который поведал об опасности размещения советских сил в ЗапОВО и местных укрепленных районах в наличном виде – сразу у границы и на Белостокском выступе.

С точки зрения обороны это было ужасное размещение. Жуков, как командующий Киевским ОВО, не мог еще тогда знать, что планировалась не оборона, а наступление. Но назавтра после обсуждения результатов игры его назначили начальником Генштаба, вместо Мерецкова.

Дополнительным импульсом для реализации планов советского командования стало достижение в апреле 1941 г. пакта о ненападении с Японией. В апреле и мае 1941 г. в Генштабе продолжалась интенсивная подготовка конкретного проекта так называемого превентивного удара, в связи со все более частыми сообщениями разведки о плане «Барбаросса».

* Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970, с. 185

** Жуков, с. 186

К 15 мая план был готов. Роль войск ЗапОВО заключалась во вспомогательном ударе. Главную атаку, как и в предыдущих планах, должен был осуществить созданный из Киевского ОВО Юго-Западный фронт. Войска Западного фронта (прежнего ЗапОВО) должны были ударить силами 3-й, 10-й и 13-й армий по Восточной Пруссии и центральной Польше и в течение 15 дней захватить центральную часть Генерал-губернаторства. В плане не была указана дата атаки, однако предусматривалась полная готовность к ней к весне 1942 г.

Но вскоре подготовка была ускорена вместе с подтягиванием новых дивизий из центра страны на запад. Это явно указывает на корректировку сроков начала нападения. Планам обороны западных округов уделялось значительно меньше внимания. Такие планы появились только в мае 1941 г. Генштаб к тому времени подготовил документ «План обороны государственной границы на 1941 год», который был уточнен в течение нескольких недель спешно разработанными директивами. Они требовали от командующих округами подготовить детальные планы обороны государственной границы. Планы следовало подготовить к 25 мая 1941 г., и штаб ЗапОВО такой план подготовил. В нем упоминались участки, которые должны были оборонять армии: Брестский район – 4-я армия, Белостокский – 10-я армия, Гродненский – 3-я армия, Бельский – 13-я армия.

Схема вторжения германских войск по плану «Барбаросса»

Во вступительной части к плану внимание уделялось, главным образом, роли УР (укрепрайонов) в задержании врага. В случае прорыва обороны этих районов танками противника в бой должны были вступить бригады противотанковой артиллерии. Затем подтянутые из тыла механизированные соединения должны были отбросить войска противника за линию государственной границы. Подчеркнем, что в этом плане штаб округа обозначил проблемные участки обороны – районы Бреста и Сувалок (Павлов не забыл январскую игру). Предусматривались также районы сосредоточения для каждой дивизии округа и планы их дальнейших действий*. Пла-

* «Записка по плану действий войск и прикрытию на территории Западного Особого военного округа». См. в книге: Иринархов Р.С. Западный Особый... Минск, 2002, с. 146.

ны действий отдельных корпусов и дивизий находились в красных конвертах. Вскрыть конверты и начать боевые действия можно было только после получения телеграммы наркома обороны и начальника Генштаба.

Отметим, что планы наступления разрабатывались в Генеральном штабе и Наркомате обороны более полутора лет. А вот о планах обороны задумались только в 1941 году, причем их разработку свалили на штабы командующих пограничными округами.

И для СССР и для Германии целью была война, притом война наступательная. Весной 1941 г. шла гонка – кто скорее и лучше подготовится.

2. Силы Западного особого военного округа накануне войны

Количественный состав

Важное место ЗапОВО в стратегических планах советского командования требовало концентрации там достаточных армейских сил. Четыре армии округа в мае и июне 1941 г. срочно пополнялись резервистами, 800 тысяч которых было призвано в войска страны в мае в связи с началом подготовки превентивного нападения. Отдельные дивизии удалось доукомплектовать, однако к 22 июня во многих частях штаты оставались неполными. ЗапОВО не был исключением. Немецкая атака утром 22 июня застала большинство дивизий и корпусов в неполном составе либо не до конца сформированными.

Теоретически, округ представлял собой значительную силу. В июне 1941 г. в состав четырех армий (3-й, 4-й, 10-й, 13-й) и резерва округа входили 42 дивизии, в том числе 22 стрелковые, 12 танковых, 6 механизированных, 2 кавалерийские. Вместе с Пинской военной флотилии это было свыше 672.000 солдат.

К ним надо добавить войска НКВД, занятые охраной государственной границы (погранзаставы) и железнодорожных линий в зоне округа. Они насчитывали до 20.000 хорошо обученных солдат. Уже 22 июня, после немецкого нападения, «вторую линию» войск НКВД подчинили оперативному командованию отдельных участков (т.е. генералам РККА).

В армиях дивизии должны были действовать в составе крупных соединений – корпусов, которых было сначала 9 (в 3-й, 4-й и 10-й армиях), а потом к ним добавились еще 6 в подчинении командования округа (корпуса 13-й армии в июне только создавались, впрочем, как и сама 13-я армия).

Корпуса насчитывали от двух до трех дивизий. В составе стрелкового или кавалерийского корпуса к ним добавлялись два полка корпусной артиллерии, дивизион ПВО, саперный батальон, батальон связи, а также отдельные роты тыловых служб.

По штатам, стрелковая дивизия состояла из трех стрелковых полков (в кавалерийской дивизии было 2 или 3 кавалерийских полка), полка гаубиц (122-мм или 152-мм), полка полевой артиллерии, трех отдельных батальонов (саперного, связи, разведывательного), дивизиона противотанковой артиллерии, тыловых служб. Отметим, что в стрелковых и кавалерийских дивизиях имелись танки – от 16 до 54 машин, а также несколько десятков бронеавтомобилей.

В немецких пехотных и даже механизированных дивизиях не было никаких танков. Личный состав стрелковых дивизий РККА по штату насчитывал почти 15.000 солдат – примерно столько же, сколько и в немецкой пехотной дивизии. По тогдашним понятиям, это была большая сила.

Однако в июне 1941 г. число солдат в стрелковых и кавалерийских дивизиях значительно отличалось от штатного. Стрелковые дивизии, даже спешно пополненные резервистами, в июне насчитывали по 8–9 тысяч человек вместо 15 тысяч. Кавалерийские дивизии в среднем насчитывали 6000 солдат. Только 6-я стрелковая дивизия (далее – СД) из состава 4-й армии имела уже 14.000 солдат! Она дислоцировалась в Бресте, возле самой границы. Но большинство дивизий округа насчитывало, как уже сказано, не более 8–9 тысяч человек.

Естественно, и здесь были исключения. ЗапОВО, как и другие приграничные округа, имел приоритет в получении резервистов. Резервистов направляли из центральных регионов страны на запад, где планировалось провести летом большие маневры. Понятно, что в тогдашней политической ситуации такие маневры могли превратиться в реальные военные операции – во всяком случае, планы этих операций уже были готовы.

В последние недели перед началом войны дивизии округа не только непрерывно пополнялись резервистами. Велась ускоренная боевая подготовка, чтобы организовать взаимодействие между резервистами и солдатами срочной службы. Но, кроме солдат, не хватало оружия и другого снаряжения – средств для переправы, санитарных средств, даже таких обязательных солдатских «инструментов» как саперные лопаты и штыки. Стрелковые дивизии были недостаточно оснащены, недостаточно вооружены, недостаточно подготовлены. Беспорядок царил и в вопросе размещения воинских частей. Одни находились на учениях, другие – в казармах, третьи передвигались ближе к границе. 22 июня немецкое нападение застало советские войска именно в такой ситуации – на учениях, в казармах, в движении, на формировании.

Генерал Дмитрий Павлов, командующий ЗапОВО

Командование округа находилось в Минске, там же размещались штабы отдельных формирований. Командовал округом с лета 1940 г. генерал Дмитрий Павлов (1897–1941), который раньше командовал танковыми войсками СССР. Его заместителем был энергичный генерал-лейтенант Иван Болдин (1892–1965), а начальником штаба округа – генерал-майор Владимир Климовских (1895–1941). Что касается военной квалификации командования округа и других командиров (армий, корпусов, дивизий, полков), то основные задачи, которые им пришлось вскоре решать, явно превосходили их возможности.

При командовании округа существовали штабы воздушных сил (авиацией командовал генерал Иван Копец), командование инженерных

войск (в том числе командование укрепрайонов, ответственное за их строительство, оснащение и вооружение), командование войск НКВД (генерал Иван Богданов), а также штаб Пинской военной флотилии*. Важным элементом тогдашнего командования были члены Военных советов. Они отвечали за политическую подготовку солдат, а также контролировали военную подготовку и боеготовность. В ЗапОВО эту роль играл корпусной комиссар Александр Фоминых (1901–1976). При штабах армий тоже находились такие офицеры.

Самой сильной была 10-я армия, размещенная на Белостокском выступе – районе вокруг Белостока и к западу от этого города. Эта территория вклинивалась между Восточной Пруссией и Генерал-губернаторством. 10-я армия под командованием генерала Константина Голубева (1896–1956) имела хорошую позицию для атаки в направлении центра Генерал-губернаторства, для чего она й предназначалась. Но в случая нападения Вермахта силы Голубева немедленно оказались бы в тяжелом положении из-за угрозы охвата с флангов и последующего окружения. Хотя такой вариант событий (а также ошибки в размещении укреплений, складов и т. д.) после штабной игры в январе 1941 г. не мог быть неожиданным, размещение 10-й армии не изменили. 10-я армия имела 13 дивизий – 5 стрелковых, 2 кавалерийские, 4 танковые и 2 механизированные, а также дивизион зенитной артиллерии и 4 авиаполка истребителей. Частично армия опиралась на Осовецкий укрепрайон. Ее штаб находился в Белостоке.

Генерал Иван Болдин, заместитель командующего ЗапОВО

На юге с 10-й армией соседствовала 4-я армия генерала Александра Коробкова (1897–1941). По плану «Гроза» она должна была наступать вместе с силами Голубева на юго-запад, в направлении центральной части Генерал-губернаторства. 4-я армия состояла из 4-х стрелковых дивизий, 2-х танковых, одной механизированной, а также дивизиона ПВО. Значительной была авиация армии – два полка истребителей, полк бомбардировщиков и полк штурмовиков. Армия частично опиралась на Брестский укрепрайон со знаменитой Брестской крепостью. Эту важную крепость защищал размещенный в Бресте 28-й стрелковый корпус – 6-я и 42-я СД. Штаб 4-й армии находися в Кобрине, восточнее Бреста.

Северным соседом 10-й армии, со штабом в Гродно, была 3-я армия генерала Василия Кузнецова (1894–1964). По плану «Гроза» целью ее атаки являлась Восточная Пруссия. Она тоже размещалась почти у самой границы, там же находились склады и аэродромы. Армия Кузнецова имела 3 дивизии пехоты, 2 танковые и одну механизированную; армейская авиация – два полка истребителей

* Флотилией командовал контр-адмирал Дмитрий Рогачев (1895–1963), начальником ее штаба был капитан 2 ранга Г.И. Брахтман. – *Прим. ред.*

и два полка бомбардировщиков. На участке 3-й армии находился Гродненский укрепрайон.

В мае 1941 г. началось формирование 13-и армии под командованием генерала Петра Филатова(1893–1941). Штаб армии находился в Новогрудке, а потом в Минске. Но 20 июня Филатов получил от Павлова приказ переместиться на запад от столицы БССР. Окончательно он разместился со своим штабом в Молодечно, к северо-западу от Минска. 13-я армия должно была поддержать там, где возникла бы необходимость, наступление или оборону других армий ЗапОВО. В Молодечно штаб 13-й армии прибыл вечером 23 июня. На тот момент задачей армии являлось укрепление стыка Западного и Северо-Западного фронтов, где после двух дней боев, прорвав советскую оборону, быстро наступала из Восточной Пруссии 3-я танковая группа генерала Германа Готта.

Главной проблемой 13-й армии было то, что она существовала преимущественно на бумаге – в планах Павлова и наркома обороны Тимошенко. Планировалось включить в ее состав 5 стрелковых дивизий, 2 танковые, одну механизированную, а также 4 полка истребителей. Но к 22 июня 13-я армия существовала в виде наполовину укомплектованных частей, с большой нехваткой тяжелого вооружения, а отдельные дивизии Филатову передали только во время боев. 13-я армия защищала Минск силами 44-го стрелкового корпуса, остальные части этой армии не была укомплектованы и вооружены.

Горящий Минск (район площади Свободы)

В резерве округа находились 12 стрелковых дивизий (5 из них предназначалась для 13-й армии), 4 танковые дивизии и 2 механизированные.

Часть штабов дивизий резерва, прежде всего танковых корпусов (17-го и 20-го) – всего 4 танковые дивизии и 2 механизированные – размещалась в Борисове. Резервные стрелковые дивизии Павлов приказал передвинуть непосредственно к границе. Война застала их в состоянии перехода и доукомплектования личным составом.

13 мая Генштаб издал директиву, которой приказывал перевести часть войск из округов, размещенных в глубине СССР, на запад, в пограничные округа. Дивизии, которые передвигались, не были укомплектованы в соответствии со штатами, им не хватало вооружения и снаряжения. Однако это были 28 дивизий, что являлось весьма значительным усилением. Вместе с подтягиванием дивизий из глубины страны Генштаб выдал командованию пограничных округов приказ подготовить пункты командования. Для ЗапОВО, с 21 июня переименованного в Западный фронт, такой пункт рекомендовалось разместить в Лесной, по-

ближе к границе, и Павлов со своим штабом должен был прибыть сюда днем 22 июня.

В направлении Беларуси в мае – июне 1941 г. передвигались 20-я и 22-я армии – в качестве резерва Главного командования в случае начала войны. Местом размещения командования этих двух резервных армий был избран Брянск. По плану «Гроза» 20-я и 22-я армии должны были занять свои позиции до 10 июля. Предполагалось, что они поддержат наступление Западного фронта или будут оборонять подступы к Смоленску. Другие армии передвигались на Украину

Ввиду сложной ситуации на западном участке военных действий в район западнее Смоленска была срочно направлена 16-я армия из Забайкалья. В окрестности Смоленска она прибыла в середине июля, поддержав оборону города, которая к тому времени уже развалилась. Но и 16-й армии не хватало кадров, вооружения и достаточной подготовки.

Армии ЗапОВО (с 21 июня Западного фронта) были армиями первого стратегического удара. Они же должны были первыми принять возможную немецкую атаку. Но к 22 июня эти войска не были готовы для выполнения своей задачи.

Танковые войска

Важную роль в наступательных действиях войск ЗапОВО должны были сыграть танковые войска.

Но отсутствие общепринятой концепции использования танков отражалось на организации танковых соединений. После войны в Испании споры продолжались и дальше. В результате были сохранены те временные корпуса (состоявшие из бригад), которые в 1939 г. участвовали в нападении на Польшу. В Польше они показали себя слабо, в том числе вследствие низкого уровня подготовки кадров. В 1940 г. были созданы 9 механизированных корпусов, а в феврале 1941 г., после штабной игры, началось формирование очередных 20. Из них к июню 1941 г. успели укомплектовать менее половины.

Такая перестройка танковых сил требовала резкого увеличения производства танков – в 1941 г. надо было выпустить до 30 тысяч новых боевых машин, что оказалось нереальным. Кроме того, не хватало квалифицированных технических кадров, а также командиров танковых войск. В июне 1941 г. танковые силы РККА находились в состоянии реорганизации и комплектования личным составом.

Из 9 новых механизированных корпусов большинство направили в ЗапОВО. Пять корпусов разделили между армиями округа, два составили резерв (однако они имели неполный личный состав и мало боевых машин). Каждый из этих корпусов состоял из трех дивизий – двух танковых и одной механизированной – и по штату насчитывал 1031 танк, а также 268 бронемашин. Это была большая сила. Советская моторизованная дивизия имела по штату 278 танков, а танковая дивизия – 375. Немецкая же танковая дивизия летом 1941 г. насчитывала около 200 танков, а моторизованная дивизия не имела их вообще. В пяти механизированных корпусах армий и двух резервных корпусах ЗапОВО число танков по штатам превысило бы количество всех танков, которые Вермахт вы-

ставил против СССР. А к ним надо добавить бронеавтомобили и самоходные пушки, еще 1200 боевых машин!

Но ни один из корпусов округа не имел к 22 июня штатное количество танков. Ближе всех к штатной численности (1031 танк) был 6-й корпус 10-й армии – 1021 танк. Но все же в июне 1941 г. танковые и механизированные дивизии округа имели около 2200 танков*. Они вдвое превосходили в этом плане танковые силы группы армий «Центр». Во 2-й танковой группе генерала Гейнца Гудериана и 3-й танковой группе Германа Готта было менее тысячи танков.

В войсках ЗапОВО танки имели в своем составе также стрелковые и кавалерийские дивизии. Как уже сказано, это от 16 до 54 машин.

10-я армия получила 6-й и 13-й механизированные корпуса (4 танковые дивизии и 2 моторизованные). 4-й армии подчинили 14-й корпус (2 танковые и одна моторизованная дивизии). 13-й корпус должен был войти в 13-ю армию, но, как и вся 13-я армия, он только формировался и насчитывал менее 300 танков. В резерве округа формировались еще два корпуса – 17-й и 20-й. Штат мехкорпуса предусматривал 1331 танк, но только 6-й корпус в 10-й армии имел 1021 машину. Остальные имели около 300 танков, а 14-й корпус – 520. В резервных корпусах (17-м и 20-м) их было, соответственно, всего лишь 36 и 93. Так что они не могли играть важной роли.

Основу танковых сил ЗапОВО составляли легкие танки Т-26 разных модификаций. В механизированных корпусах их было свыше 1100. Т-26 имел легкое бронирование, 45-мм пушку и развивал скорость до 30 км/час. Он мог быть серьезным противникам для немецких Панцеркампфваген (PzKpfw) I и II – такие легкие машины использовал Вермахт во время операции «Барбаросса», первый из них был вооружен двумя пулеметами, второй – 20-мм пушкой и пулеметом. Сложнее было с PzKpfw III, имевшими пушки калибра 30 или 50 мм. Они могли успешно бороться с Т-26.

В дивизиях округа имелись танки БТ (быстроходный танк) разных версий – БТ-2, БТ-5, БТ-7. Они развивали скорость до 60 км/час, были весьма маневренными. Эти колесно-гусеничные танки могли передвигаться по шоссе на колесах и преодолевать большие расстояния. По теории наступательных операций, которые командование РККА планировало осуществлять на территории противника, именно танки БТ должны были выполнять глубокие прорывы через оборону врага и быстро проникать вглубь вражеской территории, действуя в составе самостоятельных танковых соединений. Однако это была только теория. В 1941 г. танковые соединения в виде корпусов еще не были готовы к крупным операциям. Парк танков БТ в ЗапОВО насчитывал около 500 машин. Легко бронированные, вооруженные 45-мм пушкой и пулеметом, к 1941 году они морально устарели, но, при умелом использовании в составе крупных формирований представляли серьезную опасность для любого противника.

---

* В разных источниках количество танков в войсках ЗапОВО и в немецких танковых группах оценивается по-разному, но в целом выходит в среднем 2200 танков для ЗапОВО. Несмотря на некоторые расхождения в цифрах, видно, что силы Павлова превышали число танков группы армий «Центр» более чем на тысячу машин!

Танковым силам ЗапОВО не хватало тяжелых танков, число которых в механизированных корпусах должно была доходить до 500. Это были знаменитые танки Т-34, имевшие 76-мм пушку и два пулемета. Самый тяжелый немецкий танк по состоянию на лето 1941 г. – PzKpfw IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой значительно уступал Т-34.

Кроме Т-34, в ЗапОВО было свыше сотни танков КВ-1, бронированных и вооруженных еще сильнее, чем Т-34. Немецкой противотанковой артиллерии было очень трудно вывести их из строя. Минусом КВ-1 была низкая скорость, но в составе крупных формирований он являлся очень грозным оружием.

Кроме того, мехкорпуса имели на вооружении и другие типы машин. Это плавающие легкие танки Т-37 и Т-38 (один 7,62-мм пулемет), а также Т-40 (один 12,7-мм пулемет), средние танки Т-28 (76-мм пушка). Было даже несколько бесполезных монстров Т-35 с пятью башнями (одна 76-мм пушка, две 45-м пушки, шесть пулеметов).

Советский легкий танк Т-26,
брошенный экипажем в Волковыске (июнь 1941 г.)

Помимо танков, мехкорпуса имели в своем распоряжении бронеавтомобили разных конструкций и модификаций, вооруженные пулеметами или 45-мм пушками. Они были легко бронированы и обладали низкой проходимостью.

Помимо недостаточной комплектации техники, имелись и другие недостатки. В отдельных дивизиях мехкорпусов уровень боевой готовности был очень низким. Так, 4-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса (в 10-й армии) 22 июня могла использовать не более половины тех танков, которые имела:

> «30 % танков не были пригодны к бою, и еще часть надо было оставить на месте, так как под рукой не было нужного количества топлива. /.../ В санитарном батальоне, который должен был иметь 150 человек личного состава, не хватало 125 человек». (Из воспоминаний командира 4-й танковой дивизии генерала Патотурчева)

Кроме того, не хватало командирских кадров, а также боеприпасов и топлива, которые подвозили нерегулярно. В остальных корпусах и дивизиях были сходные проблемы. Не хватало средств связи, противотанковой и зенитной артиллерии.

И все же, несмотря на неполный комплект, танковые силы ЗапОВО были весьма значительными. Округ имел абсолютный перевес над противником по числу боевых машин. Новые танки Т-34 и КВ были лучше вооружены и бронированы, чем современные немецкие. Конструкция легких танков тоже была неплохой.

Однако минусом было качество исполнения, которое вследствие низкой квалификации заводских кадров оставляло желать много лучшего. Танки были неточно собраны, они часто ломались. Поломки было трудно исправить, ибо солдаты ремонтных отделов были слабо подготовлены. Кроме того, не хватало запасных частей.

Командиры подразделений и экипажи танков тоже были недостаточно подготовлены. Не хватало средств связи (радио), часто экипажи одних танков должны были во время маневров передавать приказы другим экипажам. Кроме того, советские танки редко использовались в составе крупных формирований, в отличие от немецких. Танки постоянно служили средством поддержки пехоты, и хотя после июня механизированные корпуса нередко атаковали самостоятельно, делалось это неохотно и в целом безрезультатно.

Советские танковые войска, с учетом всех указанных обстоятельств, значительно уступали силам Гудериана и Готта. Немецкие танки, хотя и были слабее советских, лучше использовались отлично подготовленными и закаленными в боях экипажами. Действия немецких танковых корпусов были хорошо продуманы, сотрудничество с авиацией и артиллерией — исправное, обеспечение — хорошо организованное. И еще один важный фактор — авиация, поддерживавшая действия немецких частей. Немецкие «штуки» (пикирующие бомбардировщики Junkers 87) рассматривали медлительные советские танковые подразделения как отличную мишень.

Авиация

Она тоже проходила реорганизацию. Поставлялась новая авиационная техника, хотя более медленно, чем новые танки. Весной 1941 г. в рамках реорганизации ВВС началось создание авиаполков, вооруженных новейшими самолетами. По планам, полки должны были образовывать авиадивизии.

Дивизия бомбардировщиков включала в себя 3–4 полка, а дивизия истребителей или штурмовиков — 2 или 3. В полках требовалось иметь по 60 самолётов.

На 22 июня авиация округа насчитывала 11 авиационных дивизий. Однако они находились в состоянии переформирования, имели мало современных истребителей, штурмовиков, самолетов-разведчиков. Эти дивизии были переданы 3-й, 4-й и 10-й армиям (по одной каждой). Четыре дивизии бомбардировщиков находились в резерве и должны были поддерживать действия сил округа. Такие же цели были поставлены четырем резервным дивизиям истребителей. На 22 июня 1941 г. авиация округа насчитывала около 1200 самолетов разных типов.

Авиацией округа командовал генерал Иван Копец (1908–1941), ветеран гражданской войны в Испании. Это был одаренный и отважный пилот, но командование столь крупными авиационными силами, к тому же в пограничном округе, было выше его возможностей. Не мог в этом помочь ему и заместитель, генерал Андрей Таюрский (1901–1942). В то же время задачи, поставленные перед ВВС округа, были серьезные. Планируемым наступательным операциям надо было обеспечить поддержку с воздуха — бомбардировщики должны были ударить по тылу противника, сделав невозможной концентрацию его войск и затруднив их обеспечение. А в случае наступления противника требовалось оборонять свои войска и тыл.

В ЗапОВО (как и в других округах) авиация не была готова к крупным операциям. Помимо реорганизации, шло перевооружение их новыми типами самолетов. Это были хорошие машины, однако они не прибыли в новые полки вовремя и в соответствующем количестве.

В ЗапОВО новых машин было относительно немного – среди 450 бомбардировщиков преобладали устаревшие ТБ-3. Они были тихоходны (не превышали 300 км/ч). Имелись более новые СБ-2, но и они уступали в скорости и вооружении самолетам Хейнкель 111, Дорнье или Юнкерс 87 и 88, которыми были вооружены части Люфтваффе. Кроме упомянутых 450 бомбардировщиков старых типов, авиация округа имела 50 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 образца 1939 г., которые считались современными (скоростью они превосходили немецкие бомбардировщики). Также успели получить несколько десятков очень удачных штурмовых самолетов Ил-2, имевших бронирование.

Что касается истребителей, то большинство их составляли устаревшие И-16 («ястребки»), вооруженные четырьмя пулеметами, слишком тихоходные (хотя и маневренные) для того, чтобы бороться на равных с немецкими Месершмидт 109 – сильно вооруженными и намного более быстрыми чем И-16. В истребительных полках использовались также бипланы И-153 – еще менее скоростные, чем И-16. Среди более чем тысячи истребителей округа (включая те, что не входили в истребительные полки) были также самолеты новых типов – МиГ-3, Як-1. Обе машины, очень быстрые и хорошо вооруженные (20-мм пушка и пулеметы), могли стать равным противником для немецких истребителей и представлять опасность для бомбардировщиков. Таких самолетов было свыше 500.

Но количество самолетов – это еще не все. Нужны подготовленные пилоты, соответствующая техническая база, сеть аэродромов. В мае 1941 г. комиссия Генштаба инспектировала авиацию ЗапОВО. Выводы не были оптимистическими. Перевооружение летных полков шло неспешно, в полках было мало пилотов и технических работников, не хватало топлива для учебных полетов (поставки были нерегулярными). Слишком редко проводились учения с боем в воздухе. Новые самолеты, которые прибывали в округ, пилоты знали плохо.

Подготовка пилотов была неудовлетворительной. Летали они мало, ночных полетов почти не проводили. Техническое состояние самолетов было плохим, часто происходили аварии, в которых терялись самолеты и гибли пилоты. Механики были плохо подготовлены, не хватало запасных частей. Поврежденные самолеты часто бросали недалеко от аэродромов, а если и проводился их ремонт, то очень неаккуратно. Аварий было много, даже Сталин обратил на это внимание в апреле 1941 г. Тогда дело дошло до дискуссии, в которой командующий ВВС Красной Армии генерал Павел Рычагов (1911–1941) назвал самолеты, на которых летали и гибли пилоты, «гробами». Тем самым он задел Сталина, так как тот очень интересовался авиацией (офицером авиации был и Василий, сын диктатора). Рычагова после этого быстро арестовали, а за ним – и других офицеров из командования ВВС.

Понятно, что в атмосфере «чисток» командования ВВС подготовка этих сил к войне шла плохо. Арестовывали и увольняли с должностей людей, которые отвечали за внедрение новых типов самолетов в боевые части или за разные типы вооружения самолетов – как, например, инженера Таубина. В списке офицеров,

которых собирались арестовать, оказался и заместитель Рычагова, генерал Проскуров. Момент для репрессий среди командного состава авиации был избран наихудший – май и июнь 1941 г., как раз то время, когда происходила реорганизация воздушных сил.

В апреле 1941 г. в Генштабе разработали планы базирования авиации особых округов, по которым предусматривалось создание авиабаз на удалении 200 километров от границы для истребительной, штурмовой и разведывательной авиации, решавшей задачи в интересах войск округа. На расстоянии от 200 до 600 километров от границы следовало создавать базы для бомбардировщиков, решавших задачи в глубине территории противника.

Советские самолеты, сгоревшие на аэродроме

Этот план остался преимущественно на бумаге. Всего в Западном ОВО планировалось иметь в своем распоряжении 62 аэродрома военной авиации. Были начаты постройкой сразу 46 аэродромов.

В июне 1941 г. самолеты, предназначенные для поддержки войск, была собрана на 6 аэродромах вблизи государственной границы – например, в Высоком-Мазовецком, которое находилось в 16 километрах от границы, базировались 100 истребителей (в том числе 70 новейших МиГ), а в Тарнове, за 12 километров от границы – 120 истребителей. Несмотря на приказ о маскировке этих самолетов (приказ Тимошенко и Жукова от 19 июня 1941 г.), 22 июня они стояли незамаскированные, собранные в одном месте и без топлива после субботних полетов, ведь 22 июня было воскресенье. Истребители и бомбардировщики Люфтваффе добрались до этих аэродромов за несколько минут, и еще два часа ушло на то, чтобы уничтожить большинство самолетов округа.

С ВВС были связаны воздушно-десантные войска. В 1941 г. они существовали в форме бригад (бригада насчитывала около трех тысяч человек, имела 8 пушек, минометы и даже легкие танки). Они были моторизованы, солдаты были хорошо подготовлены. В марте 1941 г. началось создание воздушно-десантных корпусов. В ЗапОВО формировался 4-й корпус, состоявший из трех бригад, танкового батальона (танки Т-37 и бронеавтомобили), а также роты связи.

Воздушно-десантные бригады предназначались для самостоятельных действий в тылах войск противника. Но в июне 1941 г. им пришлось решать совсем другие задачи. Десантирование в глубокий тыл врага не проводилось, парашютисты были вынуждены воевать как обычная пехота, не имея возможности использовать свой потенциал хотя бы наполовину.

В общем, подготовка воздушных сил к войне с Германией была совершенно недостаточной. Не хватало времени, средств и способностей.

Артиллерия

Войска ЗапОВО имели свыше десяти тысяч орудий и минометов разных калибров и образцов. Они в основном обеспечивали потребности тактических соединений округа – корпусов и дивизий. Действия корпуса должны были поддерживать два артиллерийских полка (122-мм пушек и 152-мм гаубиц).

В дивизии тоже имелся артиллерийский полк, а кроме него – четыре батареи (16 стволов) 76-мм пушек, дивизион зенитной артиллерии (11 стволов калибра 76 мм и 37 мм) и дивизион противотанковых 45-мм пушек. Эти пушки артиллеристы вскоре после начала войны прозвали «мухобойками» – такое юмористическое определение артиллеристы связывали с малой эффективностью сорокапяток в борьбе против немецких танков. Однако это не совсем справедливо. Такие пушки с трудом поражали в 1941 г. только танк PzKpfw IV – а он использовался в немецких дивизиях достаточно ограниченно.

Советские артиллеристы со своими «мухобойками» мужественно противостояли германским танкам

Весной 1941 г. началась реорганизация артиллерии округа, находившейся в резерве Главного командования. Этот резерв состоял из 3-х полков легкой артиллерии, 7 полков тяжелых гаубиц, дивизиона орудий особой мощности и минометного батальона.

По приказу наркома обороны от 26 апреля 1941 г. в составе резерва ГК началось формирование бригад противотанковой артиллерии. Их задачей являлось противостояние танковым силам противника. К июню 1941 г. в округе успели сформировать только три противотанковые бригады. Каждая бригада должна была иметь по штату 136 стволов различных орудий. Но ни одна из этих трех бригад не была полностью укомплектована. В 6-й бригаде не хватало артиллерийских тягачей и грузовиков, в 7-й бригаде – 60 орудий, тягачей, грузовиков и даже винтовок (на почти две тысячи солдат их было 430), 8-я бригада могла выставить в бой только три дивизиона.

В июне 1941 г. на это обратил внимание Жуков, который вместе с Тимошенко издал директиву, которая требовала ускорить темпы формирования бригад и оснащения их артиллерийскими тягачами и грузовиками. Приказывалось также полностью укомплектовать эти бригады офицерским составом, водителями и рядовыми солдатами.

Проблемой округа являлись плохие дороги, по которым артиллерийские тягачи в ненастную погоду не могли транспортировать пушки (на плохое состояние дорог в округе Павлов многократно пенял в письмах в Наркомат обороны).

Несмотря на все эти недостатки, артиллерия округа представляла собой грозную силу. Ее огневая мощь была достаточно велика, а качество некоторых конструкций (например, 76-мм противотанковых пушек Ф-22, и гаубиц, особенно 152-мм) было высоким.

Недоставало минометов, которые в большом количестве начали выпускать только в 1940 г. Ранее этот вид оружия считался малоэффективным. Таково было мнение ответственного за артиллерию при Наркомате обороны маршала Григория Кулика (1890–1950), возглавлявшего Главное артиллерийское управление. Это был человек с устаревшими взглядами (ветеран Гражданской войны), типичный «выдвиженец», занявший пост заместитель наркома обороны и начальника ГАУ в 1939 г. Офицеры, знавшие его, характеризовали Кулика как «недалекого» и «полностью некомпетентного». Он называл «саботажем» любой новаторский проект, который не мог понять. А именно новаций он и не понимал. Поэтому долго отвергал систему залпового огня БМ-13 – знаменитую «Катюшу», оказавшуюся весьма полезной на войне. Серийное производство «Катюш» началось только в июне 1941 г., и в ЗапОВО их не было.

Еще один серьезный недостаток – ограниченный запас снарядов для орудий новых типов, особенно для противотанковых Ф-22. На складах округа таких снарядов было мало (часто один боекомплект) и подвозили их с опозданием. Доставка большого количества планировалась на июль 1941 г.

Недостатки в артиллерийских войсках, как и в других родах войск, не были непосредственной виной их командования. Начвальник артиллерии округа, генерал Николай Клич (1895–1941), находился в такой же проигрышной позиции, как и генерал Копец, начальник авиации. Несмотря на то, что Клич был честным и трудолюбивым командиром, он не мог обеспечить надлежащую готовность артиллерии округа к войне.

Связь

С самого начала боевых действий немцам удалось полностью парализовать связь командования округа с армиями и корпусами. Связь Минска с Москвой тоже была проблематичной. Результатом такого положения вещей стали хаос и дезорганизация в действиях советских войск. Начальник войск связи генерал Андрей Григорьев (1889–1941) подвел, но надо признать, что он не имел больших возможностей, чтобы предотвратить катастрофу.

Связь в войсках округа опиралась главным образом на обычные телефонные и телеграфные линии, которые было нетрудно уничтожить. Еще до начала войны командование округа понимало, что имеющаяся сеть связи не отвечает требованиям времени. Так, во время учений военные использовали гражданские средства связи, пользовались обычными линиями телефона и телеграфа. То же самое было в июне 1941 г. Например, штаб 4-й армии в Кобрине поддерживал связь с Брестом и с гарнизоном Брестской крепости по обычной гражданской телефонной линии. В ночь с 21 на 22 июня переброшенные через Буг немецкие диверсанты вывели ее из строя. Но и телефонных линий было мало, поэтому командиры всех уровней широко использовали связных – офицеров и солдат, передвигавшихся в автомобилях, на мотоциклах, лошадях и т.д. Понятно, что во время боевых действий связые часто погибали, не успев доставить нужное сообщение, или доставляли его слишком поздно.

Корпуса округа в июне 1941 г. имели менее половины технических средств, необходимых для комплектования подразделений связи. На печальное состояние связи обращал внимание генерал Климовских в своем рапорте Генштабу от

18 июня 1941 г. Согласно рапорту, не хватало технических средств для организации сети связи – телефонов, телеграфов, проводов, кабелей, запасных частей к имеющимся радиостанциям. В батальонах связи недоставало подготовленных солдат, а во время авианалётов 22 июня эти немногочисленные кадры понесли значительные потери.

Округ имел только одну треть нужного количества радиостанций. Например, штабы 11-го мехкорпуса 3-й армии и 14-го корпуса 4-й армии могли использовать только по одной радиостанции. Это привело к тому, что организация надежной радиосвязи командования округа с армиями, командования армий – с корпусами и дивизиями, осталась на бумаге. Немногие радиостанции, имевшиеся в распоряжении штабов, были устаревших конструкций, с малым радиусом действия. Огромным недостатком было и то, что каналы радиосвязи действовали только в одном направлении: от командиров – к подчиненным. Таким образом, командир мог передать приказ, но не получал отчет о его выполнении. Личный состав войск связи не умел достаточно хорошо пользоваться даже теми немногими радиостанциями, которые имелись, предпочитая им телефоны и телеграфы, которых тоже было мало.

В целом, немецкое нападение застало войска связи в состоянии реорганизации – очень медленной из-за недостатка технических средств, низкой технической культуры военнослужащих, слабой профессиональной подготовки.

Все это сделало невозможной регулярную связь между войсками и штабами Западного фронта, начиная уже с первых часов войны.

Что касается укрепленных районов (УР), то Полоцкий, Минский, Мозырский и Слуцкий УР, расположенные вдоль прежней советско-польской границы (до сентября 1939 г.) к июню 1941 г. успели разоружить. А новые – Гродненский, Осовецкий, Брестский и Замбровский – еще не завершили строительством, не обеспечили личным составом и штатным вооружением.

Их состояние можно показать на примере Гродненского УР (полоса 3-й армии). Из предусмотренных планом более чем 370 огневых позиций успели построить только 165 (44,5 %). Они имели 100 пушек (45-мм и 76-мм) и 300 пулеметов. Это очень мало для обороны участка протяженностью 80 км. С личным составом УР дело обстояло еще хуже – имелось только 2 батальона пехоты (около 800 человек)

Такая ситуация была не только в ЗапОВО, но и во всех пограничных округах. Все эти недостатки делали невозможным успешный отпор Вермахту.

3. Первый удар Вермахта

Западный фронт во время первой атаки

Накануне 22 июня 1941 г., когда Вермахт начал операцию «Барбаросса», Западный особый военный округ был преобразован в Западный фронт. Вследствие реорганизации сил и неготовности к войне он оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Большинство из 44 дивизий (о степени боеготовности кото-

рых уже сказано), размещалось в казармах, учебных лагерях либо находились в состоянии перехода к новым районам дислокации вблизи государственной границы. Некоторые готовились к учениям или маневрам — например, в 4-й армии 22 июня планировалось провести учения с участием всего командования (что имело, однако, положительный результат ввиду немецкого нападения).

По другую сторону границы стояли войска группы «Центр» под командованием фельдмаршала Федора фон Бока (1880–1945). Положение, в котором оказались войска Павлова, ухудшил тот факт, что именно Беларусь была главной целью первого немецкого удара, именно на этом участке противник имел наибольшие силы. Сталин и Наркомат обороны избрали приоритетным направлением Украину (тогдашний Юго-Западный фронт по плану «Гроза» должен был нанести главный удар), и там были размещены более крупные силы, чем в Беларуси.

Войска ЗапОВО имели перед собой две общевойсковые армии, 4-ю и 9-ю, под командованием фельдмаршала Ганса фон Клюге (1882–1944) и генерала Адольфа Штрауса (1879–1973), а также две танковые группы — 2-ю и 3-ю. 2-я танковая группа, которой командовал генерал Гейнц Гудериан (1888–1954), должна была атаковать из района Бреста на северо-восток, чтобы в районе Минска встретиться с наступающей из Восточной Пруссии 3-й танковой группой генерала Германа Готта (1880–1971). Таким образом, планировалось взять советские силы в клещи танковыми группами. Ликвидацией окруженных и ослабленных боями советских дивизий должны были заняться пехотные части 4-й и 9-й армий.

Генералы Гейнц Гудериан (слева) и Герман Готт в окрестностях Минска (июль 1941 г.)

Группа войск «Центр» была самой сильной среди трех войсковых групп, которые 22 июня начали вторжение. Она насчитывала 48 дивизий — 31 пехотную, 7 моторизованных, 9 танковых, 1 кавалерийскую. Ее поддерживали самолеты 2-го воздушного флота под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга (1885–1960). В целом группа войск «Центр» насчитывали 634.000 солдат.

Уже шла речь о перевесе «советов» в количестве самолетов и танков. Западный фронт имел вдвое больше тан-

ков (не считая бронеавтомобилей и самоходных пушек), чем группа войск «Центр». То же было и с самолетами. Однако 2-й воздушный флот, в отличие от авиации Западного фронта, имел в своем распоряжении только современные машины, качественно превосходившие советские И-153, И-16, ТБ-3 и СБ.

Танки немецких танковых групп уступали танкам Т-34 и КВ в бронировании и вооружении (за исключением легких Т-26 и БТ) при непосредственном столкновении. Но они были хорошо организованы, их экипажи прекрасно подготовлены, имели боевой опыт, а с воздуха их поддерживала авиация.

Немецкая тактика действий крупными танковыми соединениями, успешно сдавшая экзамен в Польше и в Западной Европе в 1940 г., теперь была применена против СССР. В Беларуси советское командование ожидал весьма чувствительный урок применения таких соединений для мощного удара с целью прорыва линии обороны.

Главной ударной силой Вермахта в первые дни войны стала 2-я танковая группа Гудериана, тогда как танки Готта до 25 июня действовали против Северо-Западного фронта. Силы Гудериана составляли 5 танковых дивизий, а кроме них две моторизованные дивизии, кавалерийская дивизия, моторизованная дивизия СС, пехотный полк «Великая Германия» («Grossdeutschland»), полк зенитной артиллерии. В ходе боев Гудериан получил дополнительные силы пехоты для защиты своих танковых частей.

Дивизии Вермахта, в отличие от частей РККА, были полностью мобилизованы и вооружены. Солдаты были отлично вымуштрованы, имели боевой опыт. Своих командиров они хорошо знали и верили им. Это составляло сильный контраст с тем, что было в Красной Армии, где кое-как обученные, лишенные инициативы офицеры, часто «выдвиженцы», не были и не могли быть авторитетными для солдат. Дополнительный минус – частая смена командиров всех уровней. Многократные в течение нескольких месяцев смены командующих армиями и корпусами не позволяли очередным командирам достичь большего, чем поверхностно ознакомиться со своими обязанностями, исключали эффективную подготовку к ведению боевых действий.

Против войск ЗапОВО с другой стороны границы стояла убийственно эффективная вооруженная сила, готовая к полномасштабным боевым операциям.

Подготовка немцев не осталась вне внимания Павлова. Он получал от командующих армиями, а они от пограничников, рапорты о подготовке немцев к военным действиям. Да и в Кремле в общих чертах знали о плане «Барбаросса». В полосе Западного округа пограничники наблюдали за концентрацией немецких сил, при этом они распознавали все новые пехотные и танковые дивизии, прибывавшие к границе.

Так, 19 мая 1941 г. в рапорте командованию округа генерал Богданов сообщил о концентрации 17 немецких дивизий в районе Сувалки – Бяла-Подляска. Самолеты Люфтваффе все более интенсивно вторгались в воздушное пространство СССР (они вели разведку районов ударов сухопутных войск и определяли мишени для себя – например, советские аэродромы, которые детально фотографировали). Еще 2 июня один из командиров-пограничников сообщил о появлении на Буге немецких инженерных частей со средствами переправы – это был ясный сигнал о том, что наступление может начаться в самом скором времени. Погра-

ничные войска НКВД перешли к усиленному патрулированию границы и начали готовить полевые укрепления возле своих застав.

20 июня генерал Богданов приказал усилить дневное и ночное патрулирование, а на расстоянии не далее 300 метров от границы разместить дежурные подразделения, вооруженные пулеметами. Приказ о полной боевой готовности пограничники получили вечером 21 июня.

Насколько в те июньские дни в войсках НКВД были заметны меры, предпринятые в связи с угрозой немецкого нападения, настолько в частях приграничных армий по-прежнему отсутствовала готовность к отражению атаки. Отсутствие ее было выявлено при проведении учебной тревоги 3 июня в 4-й армии. Попавшие позже к немцам рапорты были весьма интересны. Согласно им, в 204-м гаубичном полку «батареи только через шесть часов после начала тревоги были готовы к тому, чтобы открыть огонь». В стрелковых полках «те, кто нес службу, не знали правил действий по тревоге», а 246-й дивизион зенитной артиллерии, размещенный в Бресте, «неся службу не был в состоянии после начала тревоги предпринять какие-либо действия».

Немецкий легкий танк на поле боя (конец июня 1941 г.)

Но непосредственную подготовку к обороне от немецкого наступления генерал Коробков, командующий 4-й армией, а также другие командиры, начать не могли. Не мог отдать такого приказа и Павлов. До вечера 21 июня, несмотря на полученные от командующих армиями сообщения о ликвидации немцами своих пограничных укреплений и очевидной подготовки к атаке, он так и не отдал приказа о приведении войск в состояние полной боевой готовности. На этом настаивал генерал Климовских, но Павлов не мог совершить такой шаг без разрешения Наркомата обороны. А разрешения не было.

Для немцев, наблюдавших за восточным берегом Буга, отсутствие подготовки к обороне было очевидным. Например, Гудериан лично видел 21 июня на плацу Брестской крепости советских солдат, проходивших строевую подготовку под звуки военного оркестра. Напрашивался вывод, что «советы» не готовы к войне.

Это не было до конца правдой. В штабе Павлова понимали смысл немецкой подготовки, но атака утром 22 июня оказалась, несмотря на это, внезапной, быстро породила хаос и дезорганизовала войска Западного фронта.

Несмотря на усиленную бдительность, пограничники Богданова не смогли предотвратить проникновение многочисленных немецких диверсантов. Они быстро засвидетельствовали свое присутствие – в штабах армий и корпусов отключалось электричество и водопровод, а прежде всего была уничтожена связь. Во всех штабах это выглядело одинаково.

Субботний вечер 21 июня выглядел обычно. Многие офицеры провели его в кино или театрах. Но у Павлова беззаботного отдыха не получилось. Угрожающие сообщения с границы приходили одно за другим. Павлов сразу сообщал об этом Тимошенко, однако тот приказывал успокоиться и не поддаваться немецким «провокациям», обещая собрать утром «на всякий случай» штаб фронта.

Все же часть командиров собственным решением направила к границе некоторые подразделения. Правда, полной боевой готовности объявлено не было. Командующий армией мог под свою ответственность сделать это только в одной из своих дивизий. Так и поступили обеспокоенные командармы Коробков, Голубев и Кузнецов.

Начальник штаба 4-й армии – позже ее командир, полковник Леонид Сандалов (1900–1987), описал в своих мемуарах события той ночи и драматических утренних часов 22 июня в штабах армий округа и в Минске*. С часа ночи штаб 4-й армии в Кобрине начал терять связь со своими дивизиями, с Брестской крепостью и Минском. В Кобрине происходили аварии электричества, водопроводов, отключались телефоны. Группы, которые выходили для ремонта связи, докладывали, что разорваны сотни метров кабелей – это свидетельствовало о неспособности пограничников и органов НКВД предотвратить действия диверсантов.

Штаб Павлова в Минске несколько раз за ночь терял связь как с войсками, так и с Москвой. Все же она функционировала настолько, чтобы получить из Москвы директиву, разработанную Жуковым и Тимошенко, которая стала результатом поступавших на протяжении нескольких дней с границы сообщений о подготовке немецкого наступления. Перед тем, как разослать директиву в отдельные округа, ее показали Сталину, который немного изменил текст документа. Директива подчеркивала возможность немецкой атаки в ночь с 21 на 22 июня на территорию пограничных военных округов (в том числе Западного). Командующим округов приказывалось привести войска в состояние боевой готовности, распределить самолеты, занять огневые позиции у границы, а также «не поддаваться ни на какие провокационные действия». Последнее требование ставило командующих армий и командиров дивизий перед сложной дилеммой – какие немецкие действия надо считать «провокацией», а какие – атакой? Размышления, однако, продолжались недолго. Командующим армиями Западного фронта директиву отправили из Минска около 2.30 ночи, как только была восстановлена связь с Москвой. Но в большинство корпусов и дивизий она не дошла вовремя из-за позднего времени появления, а нередко из-за отсутствие связи.

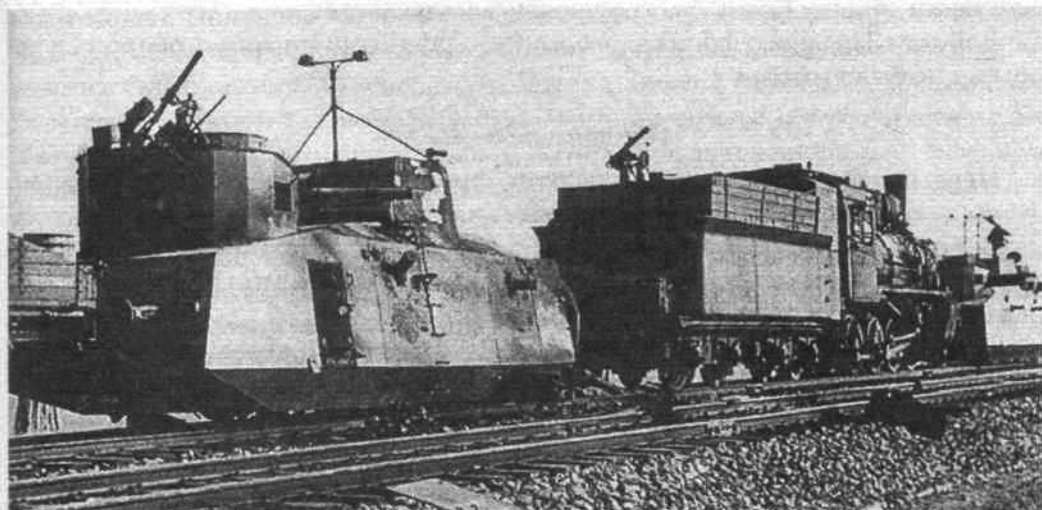
В это же время на западном берегу Буга солдаты 45-й пехотной дивизии Вермахта, готовившиеся атаковать Брестскую крепость, с удивлением наблюдали за советским товарным поездом, который вез в Германию зерно. В это же время недалеко от Бреста, в Кодани, немецкие солдаты уничтожили советскую охрану моста через Буг и захватили его. В 3.15 по берлинскому времени, вместе с восходом солнца, оглушительная артиллерийская канонада нарушила сон советских солдат и командиров. Вермахт начал наступление.

Немецкая атака стала для советских войск громом среди ясного неба. Артиллерия била по заранее разведанным складам, пограничным заставам, полевым

* Сандалов Л.М. Первые дни войны. Москва, 1989.

укреплениям, местам размещения советских частей. В Бресте снаряды обрушились на казармы, заполненные присланными в последние дни перед нападением резервистами. Они, предназначенные для планируемого нападения на Германию, стали первыми жертвами вражеской артиллерии.

Неожиданность нападения была огромной. Офицеры командного состава 4-й армии, находившиеся восточнее Бреста ввиду учений, которые должны были начаться в воскресенье, сначала приняли артиллерийский огонь за элемент учений. Когда немецкие снаряды стали наносить потери, они попытались сигналами обратить на себя внимание и сигнализировать об ошибке. Артиллеристы внимание обратили, но, к несчастью, это были немецкие артиллеристы. Все более интенсивный огонь и непрерывно растущие потери наконец развеяли сомнения офицеров в том, что происходит. Но в общей неурядице никто не мог организовать ни оборону, ни эвакуацию.

Бронепоезд войск НКВД, захваченный немцами 27 июня 1941 г. в районе Смолевич

Командующий 4-й армией генерал Коробков через полчаса после начала артиллерийского обстрела получил драматические сообщения от командования авиационных частей. Потрясенный полковник Белов, начальник авиации 4-й армии, сообщил ему о бомбардировке немецкими самолетами аэродромов в Пружанах и Кобрине. Стоявшие рядами и незамаскированные самолеты 4-й армии методично уничтожали немецкие бомбардировщики. Целью атак Люфтваффе стали, кроме аэродромов, железнодорожные линии и вокзалы, шоссейные дороги, районы концентрации войск, штабы и населенные пункты, где эти штабы находились. Штаб 4-й армии, до тех пор, пока не началась его поспешная эвакуация, тоже подвергся воздушному налету – сразу после получения рапорта о бомбардировке аэродромов.

Примерно то же самое происходило и в других армиях округа. В Минске были получены рапорты о немецком нападении, ставшем неожиданностью для командиров, несмотря на директиву, отправленную из штаба округа. До Кобрина и Гродно она дошла за полчаса перед атакой. В Белостоке генерал Голубев по-

лучил ее текст, уже находясь под немецким огнем. Времени на продуманную организацию обороны не было. А через полчаса после начала обстрела и бомбежки Павлов потерял связь с войсками на западном направлении.

В 4.15 немецкие штурмовые группы двинулись в атаку. Танки 2-й танковой группы переправились через Буг после захвата моста, который не был подготовлен к подрыву на случай атаки противника*. Немцы форсировали границу и Буг без преград и быстро продвигались вперед. Через четыре часа танки немецкой 18-й дивизии добрались до Лесной, где должен был с 22 июня находиться штаб Западного фронта ввиду планируемого превентивного удара.

Советские солдаты в панике бежали от немецких танков. Значительный отпор оказали только солдаты 28-го стрелкового корпуса в Брестской крепости, задержав тем самым 45-ю пехотную дивизию (австрийскую в составе Вермахта), атаковавшую крепость. Но это не имело значения для операции в целом. Немецкие танки обошли Брест, быстро продвигаясь на восток.

Войскам Западного фронта требовалось срочно организовать оборону, к чему они не были готовы.

Оборонительные бои

Первый день боев в полосе Западного фронта прошел в попытках командования дать отпор атакам немцев, а также овладеть ситуацией и покончить с хаосом. Чаще всего эти попытки были неудачными из-за внезапности атаки, неготовности своих сил и отсутствия связи с частями, вступившими в бой вблизи границы.

Дезорганизацию советских войск немцы заметили с первых часов боевых действий. Начальник немецкого Генштаба Франц Гальдер (1884–1972), подытожив первые донесения из наступающих частей, отметил, что наступление немецких войск стало для «советов»:

> «...по всему фронту полной тактической неожиданностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки везде захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. /.../ Части захвачены внезапно в казарменном размещении, самолёты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать».

Такие запросы советских подразделений, которые передавали немногие действовавшие радиостанции, перехватывали немецкие службы прослушивания. Кроме панических запросов о приказах, перехватывались донесения об уничтожении штаба 3-й армии и просьбы о защите с воздуха. Однако 22 июня Западный фронт потерял большинство самолетов – почти 750 из них бомбардировщики Люфтваффе уничтожили в утренние часы, атаковав аэродромы. Остальные были уничтожены в течение дня. К вечеру 22 июня ВВС Западного фронта в основном были уничтожены. Генерал Иван Копец, командующий авиацией Западного фронта, получив вечером 22 июня сообщения о состоянии своих частей и одновременно приказ Павлова об авиационной поддержке контратак войск 3-й, 4-й и 10-й армий утром 23 июня, застрелился в своей квартире.

* Три батальона танков из 3-й, 4-й и 18-й дивизий переправились через Буг по дну. Они имели оборудование для подводного движения на переправах.

Ситуация с самого начала стала критической не только в авиации. Немецкие удары почти сразу привели к прорыву линий обороны 3-й и 4-й армий. Перехваченные немцами панические сообщения об уничтожении штаба 3-й армии стали эмоциональной реакцией на сильные бомбардировки Гродно. Штаб генерала Кузнецова в тот день несколько раз был атакован с воздуха и до вечера 22 июня трижды менял место дислокации, передвигаясь между своими отступающими частями. О командовании обороной и вообще об организации обороны не могло быть и речи.

Когда вечером 22 июня генерал Кузнецов получил связь с Минском, он дрожащим голосом сообщил командующему фронтом о «катастрофе».

В тот день 3-я армия оказалась в ужасном положении. Соседние с ней на севере войска 11-й армии Северно-Западного фронта через нескольких часов после начала немецкой атаки стали отступать на северо-восток в направления Вильни и Ковно. Немецкое наступление на этом участке сосредоточилось против 56-й СД, которая, обороняясь в районе Августова, была почти полностью уничтожена. Остатки дивизии вечером отступали в сторону Белостока. 56-я дивизия была единственной более-менее укомплектованной частью возле границы. Ее уничтожение открыло немцам проход, который расширялся с момента отступления всей 11-й армии. Возник пролом, через который немцы могли ударить по флангам 10-й армии.

Упорное сопротивление в окрестностях Гродно оказывали дивизии 11-го механизированного корпуса, особенно 29-я и 33-я танковые дивизии, а также, со второй половины дня, 204-я механизированная дивизия, подтянутая от Волковыска. Но они не были полностью укомплектованы, им не хватало оружия – даже стрелкового. Не хватало топлива и боеприпасов, запасы которых нельзя

Немецкие войска в районе Пружан (июнь 1941 г.)

было пополнить. Армейские склады горели, над дорогами повсюду кружили немецкие самолеты, гоняясь буквально за каждой автомашиной. 11-й корпус вел хаотичный бой, не имея возможности создать единую линию обороны.

Вечером 22 июня штаб 3-й армии разместился в местечке Мосты, примерно за 50 километров от границы. Кузнецов практически не имел связи со своими дивизиями, поэтому не представлял полной картины той ситуации, в которой оказалась его армия. Частям, находившимся поблизости от Мостов, он приказал организовать к следующему утру рубеж обороны восточнее Гродно. В Мостах он получил приказ Павлова начать утром 23 июня контратаку. Этот приказ Павлов отдал после получения директивы из Наркомата обороны, требовавшей контратаковать немцев силами Западного, Северно-Западного и Юго-Западного фронтов.

Это была уже вторая директива, в которой Наркомат обороны приказывал вести наступательные действия. Первая, директива № 2 (директива № 1, пришедшая ночью 22 июня говорила о возможность немецкого нападения), была послана утром 22 июня. Она приказывала атаковать и уничтожить немецкие войска, ворвавшиеся на территорию страны. Советские силы должны были отбросить и уничтожить наступающих немцев, но не переходить линию государственной границы. Только авиации было приказано атаковать на удалении до 150 километров от границы в глубь немецкой территории, чтобы уничтожить там аэродромы и вражескую авиацию. Директива № 2 была послана в 7.15 утра 22 июня.

3-я армия, которая весь день 22 июня вела оборонительные бои (частью сил, так как остальные вместе со штабом армии начали хаотичное отступление), не имела никаких шансов для успешной контратаки. Она не могла даже задержать немцев, рвавшихся вперед и закрыть дырки в своих линиях обороны.

Авиация 3-й армии (а также 4-й и 10-й) тоже не могла атаковать немецкие аэродромы и районы концентрации немецких войск. Когда Наркомат обороны отправлял фронтам директиву № 2, самолеты этих армий горели на аэродромах, а топливо для них пылало на складах, размещенных возле немецкой границы. К полуночи 3-я армия панически отступала большей частью своих сил, поэтому на северном фланге фронта возник разрыв, через который устремились немцы.

Опасная ситуация возникла и на юге, на участке 4-й армии Коробкова. Как уже сказано, танки Гудериана обошли Брест и быстро продвигались на восток. Сам город подвергся бомбардировке, в нем пылали пожары. Дороги в восточном направлении и железнодорожная станция наполнились толпами беженцев, преимущественно из членов семей офицеров брестского гарнизона.

Крепость, отрезанную от города, защищали до пяти тысяч солдат из разных полков 6-й и 42-й СД. К полудню Брест почти весь был захвачен. Только в районе железнодорожного вокзала сражались мелкие группы солдат, которых немцы постепенно вытесняли из города. В окрестностях Бреста они сопротивлялись еще и 25 июня, а отдельные небольшие группы – до 2 июля.

Уже в первые минуты войны немецкие «штуки» появились над Кобрином, превратив город в моря огня. Коробков приказал своему штабу эвакуироваться в деревню Буховичи. Но переезд негативно повлиял на связь с войсками армии.

Со своего нового места Коробков мог связаться только с Пружанами, Кобрином и Пинском, а также, притом нерегулярно – с командующим фронтом.

Отсутствие связи сделало невозможным управление войсками. Их действия носили хаотичный характер. Но здесь не произошло такой дезорганизации, как в 3-й армии, развалившейся уже 22 июня и отступавшей, не оставляя за собой никакой линии обороны. 4-я армия, отступая, сумела такую оборону создать, несмотря на сильное давление 2-й танковой группы и частей 4-й немецкой армии.

Ошибкой приграничных подразделений армии Коробкова была неудовлетворительная охрана мостов через Буг. Их на участке 4-й армии было шесть и немцы все их захватили в исправном состоянии. Только два полка из 42-й СД и часть 6-й дивизии оказывали сопротивление, будучи отрезанными в Брестской крепости.

Севернее от Бреста удар с южного направления пришелся на 49-ю СД. Она оборонялась как могла. Артиллерия дивизии, размещенная на полигоне под Брестом, была почти вся уничтожена. Стрелковые полки, сражавшиеся в окрестностях Немирова, понесли большие потери и начали отступать на северо-восток, чтобы вечером 22 июня остановиться примерно в 20 километрах от границы.

Убитый пограничник возле пулемета «максим»

Сходным образом обстояло дело с 75-й СД в районе западнее Малориты, что южнее Бреста. Дивизия оказывала сопротивление в разных местах своего участка обороны, а под утро, обескровленная, начала отступать на юго-восток.

28-й стрелковый корпус вел оборонительные бои, будучи отрезанным от Брестской крепости.

Под огнем с самого начала оказались войска 14-го мехкорпуса. В Бресте под артиллерийский обстрел попали части его 22-й танковой дивизии, которые в течение дня с трудом отступили в район Жабинки. Они отступали от Бреста по дорогам, заполненным беженцами из города и в результате авианалётов понесли большие потери.

Тяжелые бои вела 30-я танковая дивизия, получившая от командующего 14-м корпусом, генерала Степана Оборина (1892–1941), приказ направиться в Жабинку и далее к Бресту, а там, соединившись с 22-й танковой дивизией и 28-м стрелковым корпусом, атаковать немцев и отбросить их к границе. 30-я дивизия выступила, но поставленную задачу выполнить не смогла. Она двинулась на запад, и в полдень достигла района Поддубно к северо-востоку от Кобрина.

До совместных действий с 22-й танковой дивизией дело не дошло, так как после того, как части 30-й дивизии достигли деревни Щербово, они столкнулись с танками немецкой 18-й танковой дивизии. Этот встречный бой был очень

упорным, и окончательно его итог решили «штуки», остановившие наступавшие советские танки. 30-й дивизии пришлось отступить к Поддубно, куда она пришла вечером. Там части приводились в порядок, пополнялись запасы топлива и боеприпасов. Однако этих запасов было немного. В течение дня сгорели склады с боеприпасами в Берёзе-Картузской и Пинске.

Вечером 22 июня штаб 4-й армии разместился в деревне Запруды. Когда удалось установить связь с частью войск армии, им передали приказы из штаба фронта. Коробков приказывал, согласно с распоряжениями Павлова, продолжить атаки механизированными силами утром 23 июня, чтобы достичь государственной границы (но не переходить ее). Атаки «должна была» поддерживать авиация, в своем большинстве уже уничтоженная. Было приказано наступать силами 14-го мехкорпуса и 28-го стрелкового корпуса. Однако оба они были в значительной степени рассеяны, и единственное, на что могли рассчитывать утром, – на нескоординированные атаки указанных им целей в районе Бреста.

Коробков в течение всего дня лишь периодически имел связь с Минском. Он сообщал о своих приказах 14-му и 28-му корпусам, о больших потерях, особенно в авиаполках, просил поддержки с воздуха. Командование фронта мало чем могло помочь. Генерал Климовских приказывал наступать с целью взятия Бреста, обещая поддержку кораблей Пинской флотилии, которая должна была выйти к городу 23 июня. Но одновременно из подчинения Коробкову он вывел 49-ю СД, которую передал 10-й армии. Это означало сокращение сил и без того слабеющей обороны 4-й армии. Войска Коробкова отступали на северо-восток, к вечеру 22 июня большая часть войск 4-й армии отошла от границы на расстояние около 20 километров.

Как уже сказано выше, отступление 4-й и 3-й армий открыло фланги размещенной на Белостокском выступе 10-й армии генерала Голубева. В течение первого дня она вела оборонительные бои, опираясь на Осовецкий и Замбровский укрепрайоны. Дивизии 1-го стрелкового корпуса (2-я и 8-я) обороняли район западнее Белостока по линии Грабово – Кольно – Граево. 5-й стрелковый корпус вступил в бой частями трех дивизий (13-й, 86-й, 113-й). Несмотря на то, что состояние полной боевой готовности было объявлено в корпусе за час до немецкой атаки, его трудно было достичь. Часть подразделений находилась в учебных лагерях (например, артиллерия 86-й дивизии), другие – на ранее указанных им позициях. Когда немецкая атака обрушилась на корпус, во многих местах стрелковые полки оборонялись там, где находились в этот момент, не имея возможности соединиться с другими своими частями. 5-й корпус вел бои в районе Замбров – Ломжа – Семятичи юго-западнее Белостока. В течение дня он начал отступать под натиском войск 9-й немецкой армии в направлении этого города.

Отступая, войска понесли большие потери, особенно от авианалётов. Наибольшие потери немецкие самолеты нанесли 36-й кавалерийской дивизии из 6-го корпуса, которая в течение дня вела бои в районе Ломжи. К вечеру 22 июня от дивизии мало что осталось. Эти остатки вечером отступили в северо-западном направлении. На южном участке обороны 10-й армии находился 13-й мехкорпус. Его 208-я механизированная дивизия оборонялась в окрестностях Беловежья и Гайновки. Восточнее позиций этой дивизии 25-я и 31-я танковые дивизии вели тяжелые бои и понесли потери, которые принудили их отступить.

Вечером 22 июня Голубев приказал своим обескровленным дивизиям отступать на линию рек Нурец и Бобр, населенных пунктов Визна – Бельск – Клещево. Ситуация, в которую попала 10-я армия, становилась все более сложной. Ее фланги к концу первого дня войны находились под угрозой в связи с отступлением 3-й и 4-й армий. Большой проблемой была связь. Голубев, как и Коробков с Кузнецовым, не мог вовремя информировать Павлова о ситуации и получать приказы из Минска, которые все равно успевали устареть, пока попадали в руки командующего. До вечера 22 июня Павлов имел только разрозненные сведения о состоянии своих западных армий. Особенно нерегулярной была связь с Голубевым, осуществлявшаяся по радио. Поэтому положение 10-й армии к концу дня не было вполне понятно ни Павлову, ни его штабу.

Из-за отсутствия точной информации о том, что происходит на границе, командующий Западным фронтом не мог представить Генеральному штабу и Наркомату обороны обзор ситуации. И Павлов, и Наркомат не понимали всей сложности положения – хаотичного отступления 3-й армии (она начала распадаться как оперативное соединение), и того, что 4-я армия хотя и вела упорные бои, но отступала, сдав Брест. Опасность для 10-й армии тоже не была еще хорошо видна. На основании донесений, полученных от командования Западного фронта (и других пограничных округов) ситуация, хотя и сложная, еще не выглядела катастрофической.

Вечером 22 июня Сталин издал директиву № 3, которую из Наркомата обороны переслали в штабы фронтов. Она предусматривала контратаку немецких

Красноармейцы сдаются в плен (Западная Беларусь, июнь 1941 г.)

сил, перешедших границу, их уничтожение и удар по немецкой территории. Западному фронту была поставлена задача: занять район Сувалок к вечеру 24 июня. Это должно было явиться началом захвата, совместно с силами Северно-Западного фронта, Восточной Пруссии и территории Генерал-губернаторства.

Задачи этого плана повторяли разработанный до начала войны план нападения на Третий Рейх. Подписание такой директивы Сталиным и Наркоматом обороны свидетельствовало об их дезориентации относительно состояния собственных войск. Командование Западного фронта, и остальных сил, атакованных немцами, стояло перед проблемой остановки наступления врага и удержания собственных оборонительных позиций. Надо было не пускать немцев дальше, вместо того, чтобы думать о захвате Сувалок. Инициативу имел Вермахт, и это было самой большой проблемой для всех советских планов, руководствовавшихся духом наступления.

Но директива из Москвы была однозначной, и Павлов должен был ее исполнять. Его приказы о наступлении штабы армий получили поздно вечером 22 июня. Контратакой на участке действий 10-й армии должен был командовать Болдин, заместитель Павлова, который прибыл сюда самолетом во второй половине дня (путь Болдина не был легким – его самолет сразу после приземления уничтожили немецкие бомбардировщики, а во время перелета несколько раз он был атакован немецкими истребителями). Во время прорыва к штабу Голубева Болдин сам видел с воздуха, что части 10-й армии «рассыпаются» и несут большие потери. Несколько офицеров, сопровождавших Болдина, погибли. А утром 23 июня в штабе 10-й армии появился маршал Кулик, которого за день до того Сталин послал в Минск. Теперь он должен был вместе с Болдиным заниматься реализацией директивы № 3.

4. Попытка перехвата тактической инициативы

23 июня, согласно с директивой № 3, войска Западного фронта начали контрнаступление. Однако оно выглядело не так, как предписывала директива, и не принесло ожидаемых результатов. С самого начала события происходили не в соответствии с планом. В контрнаступлении могли участвовать далеко не все части 10-й и 4-й армий, так как многие дивизии уже понесли большие потери или были вообще разбиты в течение первого дня боев. Другие были рассеяны или отступили, а с некоторыми отсутствовала связь, поэтому они не получили приказ о наступлении. Многие части находились слишком далеко от указанных им исходных районов и не могли попасть туда до утра 23 июня. Как результат, произошли атаки в отдельных местах, не скоординированные между собой. Они производились слишком малыми силами для того, чтобы быть успешными.

Главной целью контрнаступления 10-й армии был указан район Гродно. Здесь крупные немецкие силы, прорвав оборону 3-й армии, угрожали флангу армии Голубева. Командовать операцией должен был генерал Болдин. Для наступления он назначил 6-й мехкорпус 10-й армии и 36-ю кавалерийскую дивизию. Их должен был поддержать 11-й мехкорпус 3-й армии.

Но так было только на бумаге. С 11-м корпусом Болдин не смог связаться, а офицеры, которых он послал на его поиски, погибли. В это время 11-й корпус вел тяжелые оборонительные бои севернее Волковыска и был ослаблен потерями (особенно его 29-я танковая дивизия), между тем утром 22 июня он имел только 305 танков. Если добавить, что корпус оборонялся по широкому фронту, становится понятным, почему он не мог поддержать наступление 10-й армии.

Утром 23 июня дивизии 6-го мехкорпуса начали выдвижение в район планируемого наступления. Надо было пройти около 70 километров из окрестностей Белостока в сторону Гродно. Во время перехода, несмотря на отсутствие бое-

Контратака красноармейцев

вого контакта с противником, была потеряно много танков, бронеавтомобилей и грузовиков. Потери стали результатом многочисленных аварий и нехватки топлива. К тому же, движущиеся колонны подвергались атакам с воздуха. Немецкие самолеты атаковали 6-й мехкорпус практически безнаказанно, еще более дезорганизуя и без того плохо управляемые части. Атаки авиации тоже повлекли большие потери, особенно в 7-й танковой дивизии. За 5 часов движения она потеряла 63 танка, большие потери понесли ее службы тыла. Немецкая авиация почти полностью разбила 36-ю кавалерийскую дивизию, которая должно была наступать совместно с 6-м мехкорпусом.

Отдельные части 6-го мехкорпуса и подразделения 36-й кавдивизии во второй половине дня постепенно появлялись в окрестностях Гродно, утомленные переходом и ослабленные потерями от налетов немецкой авиации. Они вступали в бой по мере приближения к Гродно. В ходе упорных боев Болдину удалось на нескольких часов задержать наступление немцев.

Вечером он получил от Павлова приказ направить свою боевую группу в район Гродно и выбить из города пехотные дивизии 8-го корпуса 9-й армии немцев. Утром 24 июня Болдин начал продвижение в указанном направлении. Так же, как и накануне, части 6-го мехкорпуса и остатки 36-й кавдивизии подверглись атакам с воздуха. Советская авиация, уничтоженная в первый день войны, не могла ни поддержать действия корпуса, ни обеспечить его защиту от вражеских самолетов. Немецкие авианалеты дезорганизовали продвижение советских частей.

Все же Болдин достиг определенных успехов. Под натиском его боевой группы немецкая 256-я пехотная дивизия отступила примерно на 20 километров на северо-запад от Гродно. Но 6-й мехкорпус не мог наступать дальше. Весь день 24 июня «штуки» целыми эскадрильями атаковали позиции 6-го корпуса и кавалеристов 36-й дивизии, причиняя значительные потери. Как и в предыдущий день, кавалерийско-механизированная группа Болдина пыталась атаковать на разных участках, при этом из-за плохо организованной связи и разведки советские командиры не ориентировались в дислокации сил противника. Так, 7-я танковая дивизия 24 июня несколько разов совершала переходы на десятки километров, но не смогла найти немцев. Во время переходов ее постоянно атаковали самолёты, в результате гибла техника, терялось драгоценное топливо.

Советский танкист сдается в плен

Южнее Гродно вел бой 11-й мехкорпус генерала Дмитрия Мостовенко (1895–1975) из состава 3-й армии, которому Кузнецов вечером 23 июня тоже приказал атаковать Гродно. Но корпус наткнулся на оборону немцев, перехвативших приказы, передаваемые по радио (в неразберихе, царившей в штабе 3-й армии, приказы никто не шифровал), и он не смог оказать значительной поддержки Болдину. Втянувшись под Гродно в трехдневные бои с немецкими войсками, 8-й корпус, подвергавшийся постоянным атакам с воздуха, терял боевую силу, и без того ограниченную некомплектом танков (300 машин). 25 июня у Мостовенко осталось только 50 танков – почти без снарядов и топлива. Пришлось начать отступление, хотя и оно к тому времени уже запоздало. Дорогу на восток замыкали танковые дивизии генерала Готта, направлявшиеся к Минску.

Боевая группа Болдина вела упорные бои с четырьмя пехотными дивизиями 9-й армии немцев. Гродно отбить не удалось. Двухдневные бои и постоянные воздушные налеты принесли «болдинцам» большие потери. К вечеру 24 июня Болдину стало ясно, что большего успеха достичь невозможно. Ситуация ухудшалась ежечасно, потери росли, кончались боеприпасы и топливо. А склады немцы

либо уничтожили, либо захватили 22 и 23 июня. Те запасы, что имелись в самом 6-м корпусе, было трудно доставить на передовую – автоколонны со снабжением немецкие самолеты уничтожали на дорогах, заполненных беженцами и солдатами из различных частей и разбитых транспортных колонн. Повсюду царил хаос.

В штабе Болдина понимали крайнюю сложность ситуации, но не имели возможности сообщить об этом командующему фронтом. Связь с Минском перервалась, как и с частями 6-го мехкорпуса. Болдин доложил обо всем Кулику, который должен был контролировать ход наступления. Кулик не мог ничем помочь – в ответ на рапорт Болдина он беспомощно кивнул и пожал плечами. Через несколько часов маршал покинул штаб вместе с выделенной ему охраной. Кулик бесследно исчез и только в июле объявился в Москве. К концу дня 6-й мехкорпус продолжал вести бой. Боеприпасы были на исходе, топливо кончилось. Много танков пришлось бросить на месте (некоторые из них подорвали, другие – нет). Но 6-й мехкорпус сражался, несмотря на то, что в одной из атак погиб его командир генерал Михаил Хацкилевич (1895–1941).

25 и 26 июня боевые действия «болдинцев» постепенно теряли организованный характер, сменяясь беспорядочными стычками отдельных частей с немцами. За три дня непрерывных боев (24–26 июня) 6-й мехкорпус фактически перестал существовать. 27 июня Болдин, собрав вокруг себя несколько сот солдат, отправился на восток, пытаясь лесами пробраться в район Минска.

Столь же безрезультатным оказалось контрнаступление войск 4-й армии генерала А. Коробкова. Получив вечером 22 июня от Павлова приказ атаковать в брестском направлении, Коробков выделил для этой цели 14-й мехкорпус и 28-й стрелковый корпус. Но 14-й мехкорпус понес большие потери в личном составе и технике утром 22 июня. Размещенный в окрестностях Бреста, он попал под сильный артиллерийский огонь и воздушные налеты, а в следующие нескольких часов его части вели бой с войсками Гудериана. 22-я танковая дивизия в тот день потеряла большую часть своих запасов топлива и боеприпасов, потери личного состава достигли 20 %. Так же выглядела ситуация в 30-й танковой дивизии – здесь, кроме прочего, был уничтожен батальон связи, большие потери понес штаб*. В 14-м мехкорпусе только 205-я механизированная дивизия понесла сравнительно неблшие потери, а ведь именно этот корпус являлся главной силой

Сбитый советский самолет

* Крикунов В.П. Куда делись танки? Военно-исторический журнал, 1988, № 11, с. 30.

наступления. Предназначенный для атаки 28-й стрелковый корпус был уже обескровлен, кроме того подразделения его 6-й и 42-й СД были отрезаны в Бресте, главным образом в крепости (большинство 6-й дивизии и два стрелковых полка из 42-й дивизии).

Генерал Гейнц Гудериан, командир 3-й танковой группы

Утром 23 июня контрнаступление все же началось. В атаку пошли 22-я и 30-я танковые дивизии из состава 14-го мехкорпуса, и отдельные части 6-й и 42-й СД из состава 28 стрелкового корпуса. А 205-я мехдивизия утром 23 июня находилась слишком далеко — в районе Берёзы-Картузской. Поэтому командир 14-го мехкорпуса генерал Оборин решил атаковать без нее, чтобы не терять времени. 205-я дивизия лишь успела прислать два механизированных батальона и танковое подразделение (40 машин).

Контрнаступление 28-го стрелкового корпуса в брестском направлении и 14-го мехкорпуса на Видомлю быстро захлебнулось. Его остановили две танковые дивизии Гудериана. Вдобавок над атакующими войсками почти все время висели немецкие самолеты. Уже через три часа после начала наступления (около 6-и часов утра), Коробков понял, что успеха не будет. Удалось продвинуться вперед всего на несколько километров. Немецкие самолеты засыпали бомбами советские войска, а контратака немцев и встречный танковый бой около 9-и часов утра заставили войска Коробкова прекратить наступление. Советские потери были велики — 30-я танковая дивизия потеряла 60 танков и отступила на рубеж Куклин — Минево. 22-я танковая дивизия, численность которой сократилась почти в 10 раз, отступала в район Кобрина (обе дивизии 14-го мехкорпуса попали под удар немецких 17-й и 18-й танковых дивизий). Во время атаки погиб командир 22-й дивизии генерал Виктор Пуганов (1900–1941), попытавшийся своим Т-34 протаранить немецкий танк.

В направления Кобрина отступали и сильно потрепанные части 28-го стрелкового корпуса, подвергшиеся атаке 3-й танковой дивизии и двух пехотных дивизий немцев. Вместе с отступлением исчез шанс на соединение корпуса с отрезанными в брестской крепости силами 6-й и 42-й дивизий.

Юго-восточнее Бреста атаку вела 15-я СД, которую поддерживали корабли Пинской флотилии. Дивизия не имела контакта с главными силами 4-й армии и после жестокого боя была вынуждена начать отступление в направлении Пинска, оказывая сопротивление идущим по пятам немцам.

Итак, контрнаступление 4-й армии завершилось в течение одного дня. К вечеру 23 июня ее дивизии отступили. Но все же армия Коробкова сохранилась как боевая единица. Только 49-я СД, которая с 22 июня вела на границе упорный бой с войсками 4-й армии немцев, была почти полностью уничтожена. В штабе Коробкова в тот день о судьбе 49-й дивизии ничего не знали. Ее остатки отсту-

пали в направлении Беловежской пущи мелкими группами вместе с солдатами 113-й СД (из этих двух дивизий состоял 2-й стрелковый корпус 4-й армии).

Утром 24 июня 14-й мехкорпус и остатки 8-го стрелкового корпуса, усиленные частями 205-й мехдивизии, попытались атаковать еще раз. Павлов направил из резерва для усиления 4-й армии 55-ю и 121-ю СД и приказал 4-й армии наступать в направлении Пружаны – Барановичи. Он также обещал поддержку войск Коробкова авиацией и дополнительно направил к Барановичам 155-ю СД из резерва фронта.

Но обещания Павлова ничем не были обеспечены. В воздухе господствовали немецкие самолеты. Как и в предыдущий день, с самого утра 24 июня они успешно дезорганизовали советское контрнаступление. В течение нескольких первых часов атакующие остатки 14-го мехкорпуса, 28-го стрелкового корпуса и 121-й СД были остановлены немецкими танками 3-й 14-й танковых дивизий. Дивизии Гудериана пошли в наступление на части 4-й армии. 24 июня ее войска, в первую очередь остатки 14-го мехкорпуса (в том числе 205-я мехдивизия), были отброшены на северо-восток. Немецкого напора не выдержали даже свежие 55-я, 121-я и 143-я СД, вступившие в бой 24 июня. Уже во второй половине дня они начали отступление в сторону Слонима.

К вечеру линия обороны 4-й армии все больше и больше прогибалась под натиском немцев. Хуже всего было то, что прервалась связь штаба армии с отдельными дивизиями. О 49-й дивизии он не имел никакой информации, то же самое было с 75-й СД, действовавшей на южном участке расположения 4-й армии.

Таким образом, контрнаступление, которое 23–24 июня проводили 4-я армия и резервные дивизии, присланные Павловым, а на севере войска 3-й и 10-й армий, не дали желаемых результатов. Механизированные корпуса этих армий

Колонна пленных красноармейцев

за два дня боев практически перестали существовать. 11-й мехкорпус, полностью разбитый, отступал, смешавшись с другими дивизиями 3-й армии, которая быстро разваливалась. Войска 4-й армии, хотя и сохраняли свою целостность, отступали к Слониму и реке Щаре. Отступление 3-й и 4-й армий сделало возможным окружение 10-й армии, еще ведущей бои в районе Белостока. Танки 3-й танковой группы генерала Готта продвигались по флангам этой армии на юго-восток, а 2-я танковая группа Гудериана, наступавшая на 4-ю армию, — на северо-восток.

25 июня отчетливо вырисовалась угроза окружения 10-й армии и полного разгрома 3-й. Два немецких танковые клина направлялись к Минску. Западный фронт не мог их остановить.

Скажем несколько слов об обороне Брестской крепости. Здесь находились части 28-го стрелкового корпуса. Когда немцы пошли в атаку, часть солдат и офицеров (с семьями) не смогла отступить. Они повели бой в нескольких отдельных цитаделях. Это были солдаты 44-го и 455-го стрелковых полков из 42-й дивизии, а также большая часть 6-й СД.

Немецкая артиллерия и авиабомбы нанесли им большие потери. Потери возросли, когда сотни солдат и штатских попытались вырваться через ворота крепости в город.

Штурм крепости вела 45-я пехотная дивизия Вермахта, состоявшая из австрийцев. Но, несмотря на использование штурмовых групп и артиллерии, стрелявшей прямой наводкой, немцам не удалось занять всю крепость, до вечера 22 июня 45-я дивизия потеряла 300 человек убитыми.

После двух дней немецкого обстрела и атак, 24 июня, полковой комиссар Фомин и капитан Зубачев сосредоточили солдат в казарменном корпусе. Они собрали боеприпасы и провиант, назначили их распределение и решили удерживать крепость до подхода помощи — про общее состояние Западного фронта в крепости ничего не знали. Осада тянулась несколько дней. Солдатам помогали семьи военнослужащих (они присматривали за ранеными, дети собирали боеприпасы, оставшиеся у раненых и убитых). Боеприпасы быстро кончились, провиант также. А самой большой проблемой был недостаток воды, что для нескольких тысяч человек, собранных в крепости, стало настоящей пыткой.

Ночами делались попытки высылать вне границы крепости посыльных с задачей пробраться в штаб 4-й армии, но все они гибли — крепость была плотно заблокирована. Ночью 26 июня 120 солдат под командованием лейтенанта Виноградова попыталась пророваться по мосту через Мухавец и открыть путь остальным защитникам, но это кончилось гибелью всей группы. Судьба женщин и детей становилась трагической, что и вынудило защитников крепости 30 июня капитулировать. Командиров обороны немцы схватили в крепости через несколько дней, Фомина как еврея расстреляли.

Однако в Восточном форте еще сражалась группа солдат над командованием майора Гаврилова, командира 44-го стрелкового полка. На этом участке бои продолжались до 23 июля, в них, кроме 45-й дивизии, были задействованы части 31-й пехотной дивизии. Атаки сопровождались бомбежками, тяжелые бомбы повредили сооружения форта настолько, что принудили штатское население по-

кинуть крепость. Вместе с ними вышли 400 защитников. Небольшие группы солдат оставались в многочисленных тоннелях и казематах до конца июля, о чем свидетельствуют надписи с датами. Сам Гаврилов, раненый, защищался до последней гранаты, пока не был схвачен.

Сражение за крепость было жестоким, общие потери убитыми и раненными в 45-й и 31-й немецких дивизиях превысили 2000 человек. Но отвлечение на Брест целой дивизии противника, а также мужество и самоотверженность солдат 28-го корпуса никак не повлияли на общее положение Западного фронта.

5. Бои за Минск

Минск был самым важным транспортным узлом в Беларуси, резиденцией высшего партийно-советского руководства, наконец – ставкой командования Западного фронта. Он стал объектом налетов Люфтваффе с первого дня войны. Бомбардировки в течение трех первых дней причинили городу большие разрушения и вызвали много пожаров. Разрушения, потери среди населения и многочисленные пожары сделали ситуацию в городе настолько драматической, что 24 июня началась эвакуация.

Люфтваффе над Минском 24 июня 1941 г.

Не только атаки немецких самолетов вызвали эвакуацию и бегство тысяч жителей Минска, заполонивших все дороги на восток от города. Уже к 24 июня, несмотря на весьма туманные сообщения о ситуации, в которой находились войска фронта, а также о результатах их контрударов, в штабе Павлова поняли, что Минск находится под угрозой, особенно с северо-запада, где немецкая 3-я танковая группа прорвала советский фронт на стыке 3-й и 10-й армий.

Пантелеймон Пономаренко, первый секретарь ЦК компартии БССР, видел хаос, нараставший в штабе фронта и в самом Минске, а также то, что Павлов не справляется с командованием фронтом. Вечером 23 июня он позвонил Сталину с просьбой дать согласие на эвакуацию Минска. Согласие он получил, и с утра 24 июня эвакуация началась. Вывозу подлежали: документы и архивы партийно-советских учреждений, органов госбезопасности и внутренних дел, деньги и драгоценности, запасы зерна, наиболее ценное оборудование заводов и фабрик, а также скотина из пригородных колхозов и совхозов.

Эвакуация проходила довольно успешно, несмотря на заторы на железной дороге, которые начинались прямо от минского вокзала. За 24–26 июня удалось вывезти большинство из того, что наметили, несмотря на трудности, вызванные авианалетами.

Хуже было с жителями Минска. 24 июня, видя поспешную погрузку заводского оборудования и зерна в пригнанные на вокзал поезда, многие из них отправились на вокзал, чтобы сесть в вагоны. Но поезда предназначались только для членов семей партноменклатуры и для грузов. Поэтому волна беженцев двинулась на восток по обычным дорогам, вместе со стадами скота. Пономаренко усердно следил за эвакуацией грузов железнодорожным транспортом. О скотине он тоже побеспокоился. Вот только горожане оказались брошенными на волю судьбы. На дорогах за городом господствовал хаос – толпы людей, пеших и на подводах, стада скота – все это сталкивалось с воинскими частями, идущими в западном направлении. Немецкие самолеты постоянно бомбили и обстреливали дороги, уничтожая транспорт, убивая солдат и штатских. В Минске немецкие налеты вызывали пожары, уничтожавшие целые улицы. Улицы города заполняли все новые толпы беженцев из районов, уже занятых немцами. Они приносили панические вести.

Советский бронеавтомобиль Ба-3
на службе в Вермахте (июль 1941 г.)

Штаб фронта, два дня находившийся в подвалах здания командования округа, 24 июня покинул Минск и был перенесен в деревню Боровая, чтобы избежать постоянных налетов. Из-за этого пострадала и без того слабая связь штаба с войсками. Курьеры, высылавшиеся различными видами транспорта, редко попадали в те части, куда направлялись, и еще реже возвращались обратно. Связь с 4-й и 3-й армией была нерегулярной, о 10-й армии генерала Голубева штаб фронта с 24 июня ничего не знал. Только с 13-й армией генерала Филатова связь через курьеров и отчасти по телефону действовала на уровне, позволявшем получать доклады и отдавать приказы.

25 июня последней волной организованной Пономаренко эвакуации из Минска выехали государственные и партийные чиновники. Но это не означало, что город собирались сдавать. Сталин приказал удерживать его – хотя бы из-за ранга столицы БССР. В этот же день самолет-разведчик 42-й авиадивизии обнаружил немецкие колонны в 25 километрах от города. Это были танки 3-й группы Готта, перед которыми почти до самого Минска не было организованной советской обороны.

Южнее Минска более или менее организованную силу представляла собой 4-я армия генерала Коробкова. Постоянно подвергаясь атакам немецкой 2-й

танковой группы Гудериана, она отступала, по мере возможности соблюдая порядок. Войска Коробкова были значительно ослаблены, но в принципе их можно было использовать для обороны Минска с юга. К тому же штаб 4-й армии имел, правда, весьма нерегулярно, связь со штабом фронта. Павлов мог передавать приказы и частично узнавать о дислокации войск 4-й армии.

25 июня 4-я армия отступала с позиций на реке Щара в направлении Слуцка. Армия состояла из остатков 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов. К ним добавились две резервные дивизии: 55-я СД, а также 47-я СД, дислоцировавшаяся в окрестностях Слуцка. Связь со своими войсками Коробков поддерживал через курьеров, так как других средств связи не было.

Штаб 4-й армии не имел сведений о своей 75-й дивизии. Немцы в это время добивали ее на участке Малорита – Пинск, как и 49-ю СД, которая была разбита на окраинах Беловежской пущи. О резервных 121-й и 143-й СД штаб 4-й армии не имел сведений, хотя и они двигались на северо-восток, прикрывая тем самым район Слонима и слуцкое направление.

Коробков хотел закрепиться в Слуцком укрепленном районе, построенном задолго до 1939 года вдоль прежней границы с Польшей. Командующий надеялся, что сооружения и артиллерия УР позволят ему создать линию обороны и собрать здесь все отступающие части своей армии.

Вечером 25 июня колонны штаба армии и отдельных частей добрались до бывшей польско-советской границы. Дождливая ночь превратила грунтовые дороги в месиво, сильно замедлявшее движение войск. Вдобавок пограничники из Брестского погранотряда по собственной инициативе устроили на дорогах заставы и контрольно-пропускные пункты, чтобы выявлять «паникеров и саботажников». Разъяренный Коробков приказал немедленно ликвидировать все эти заставы и КПП, чтобы все подразделения как можно скорее добрались до Слуцкого укрепрайона.

Солдаты и командиры сильно надеялись на слуцкие укрепления. Но напрасно. Начальник штаба 4-й армии, полковник Сандалов, приводит в своих мемуарах разговор солдат возле грузовиков на дороге:

«Ничего, скоро конец нашим невзгодам. Вот станем в укрепленный район, пусть тогда немцы потыкаются об него мордами.

– А где он, этот укрепленный район? Еще весной мы вывезли из дотов все пушки и пулеметы.

Ненадолго воцарилась угнетающая тишина /.../

– Ну что же, вывезли так вывезли... Значит, так надо было*.

Советские пулеметчики ведут огонь по противнику (июль 1941)

* Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1966, с. 142.

Когда добрались до места, тогда и Коробков узнал, что на Слуцк рассчитывать нельзя – еще весной артиллерию вывезли оттуда на запад, в Брестский УР. Там она в первые два дня войны вся и пропала. Утром 26 июня на подходах к городу появились немцы, и штаб армии вместе с командармом поспешно покинул Слуцк, приказав войскам оборонять. Части смешанного состава сражались в Слуцке и его пригородах до вечера, и только тогда танки 3-й и 4-й танковых дивизий немцев заняли Слуцк полностью. Ожесточение боев подчеркнул сам Гудериан, поздравивший солдат с «большим достижением».

4-я армия после боя за Слуцк отступала дальше на восток и 27 июня дошла до Бобруйска. Поэтому она не могла оборонять Минск с южного направления. Защитники города могли рассчитывать только на три стрелковые дивизии из резерва фронта (17-ю, 24-ю, 37-ю) и на 13-ю армию генерала Филатова. Выше уже говорилось о том, что войска этой армии, находившейся в процессе формирования, остались недоукомплектованными. Так, в 13-м мехкорпусе во всех трех дивизиях было 300 танков. Относительно лучше выглядел 44-й стрелковый корпус (три дивизии). Но этого было недостаточно, чтобы армия могла успешно выполнить поставленную ей задачу – защитить Минск от двух немецких танковых групп.

Еще 22 июня Филатов начал переход из Могилева, где дислоцировалась армия, в район Минска. Но утром 23 июня он получил от командующего фронтом приказ направиться в Молодечно, чтобы закрыть прореху, возникшую в результате отступления 3-й и 4-й армий и задержать продвижение на юго-восток танковых дивизий Готта. Части 13-й армии постепенно продвигались к Молодечно, попадая под атаки авиации. Филатов со штабом прибыл в город утром 24 июня. Он увидел здесь пожары, хаос и толпы беглецов, от которых узнал, что немцы уже рядом с Молодечно. Пришлось ему организовывать оборону. Но 13-я армия, сформированная наполовину, была недостаточно сильной, чтобы защитить город. Поэтому Филатов приказал задерживать солдат и командиров из разбитых советских войск (прежде всего 3-й армии), отступавших на восток вместе с гражданским населением. Он включал их в свои части. В тот день в Молодечно попали даже остатки 5-й танковой дивизии (15 танков) из 11-й армии Северо-Западного фронта, и Филатов принял их под свое командование. Прибывали малые группы из других дивизий и пограничных частей НКВД, отступавшие от Вильни. Задерживая их в Молодечно, Филатов срочно создавал оборону города.

Поздно вечером 24 июня в штаб Филатова прибыл курьер от Павлова. Павлов приказывал удерживать район Молодечно, а также контратаковать немцев. Филатов не имел надежной связи со всеми подразделениями своих наспех собранных войск. Связные из штаба армии, посланные ночью 24 июня, не смогли добраться до всех частей и передать туда приказ. Например, командир 21-го стрелкового корпуса нового приказа не получил. Только 50-я дивизия из этого корпуса была на связи с Филатовым.

Утром 25 июня войска 13-й армии вступили в бой с наступавшими немецкими танковыми дивизиями. Северо-восточнее Молодечно дорогу на Минск обороняла 50-я СД, а юго-западнее район между Лидой и Минском прикрывали ослабленные потерями резервные стрелковые дивизии – 17-я, 37-я, 24-я (из соста-

ва 21-го и 47-го стрелковых корпусов). Собственно Молодечно защищали остатки 5-й танковой дивизии, солдаты НКВД из Вильни и несколько других небольших частей. В барановичском направлении был послан 17-й мехкорпус, чтобы задержать дивизии Гудериана своими контратаками.

25 июня атаки 17-го мехкорпуса в районе Баранович, а также 17-й, 24-й и 37-й СД в районе Лида – Ошмяны не имели успеха, только обескровили атакующие советские части. 50-я СД не выдержала натиска танков Готта и вечером, сократившись в десять раз (в том числе в ходе уличных боев в Молодечно), отступила в восточном направлении. Филатов со своим штабом покинул Молодечно под огнем немецких танков*.

Немецкая пехота преодолевает «Линию Сталина» в районе Заславля

26 июня Филатов со штабом добрался до Минска. В горящем городе царил хаос, авианалеты продолжались почти непрерывно. Встреча Филатова с Павловым была короткой. Штаб фронта покидал Боровую, перемещаясь в Бобруйск. После того, как он добрался туда, Павлов решил эвакуировться в Могилев. Это произошло в ночь с 26 на 27 июня. В результате командование фронтом почти не функционировало, к тому же Павлов не имел связи с большинством своих войск.

А Филатов получил приказ удержать Минск, хотя эта задача превосходила его возможности. В районе города он имел 44-й стрелковый корпус, командир которого Василий Юшкевич (1897–1951) еще 24 июня получил от генерала Климовских устный приказ оборонять Минск. В 44-й корпус входили три дивизии –

* Мещанский И., Хохлов И. Катастрофа Западного фронта. М., 2003, с. 44.

64-я, 108-я и 161-я. Но даже вместе с тремя резервными дивизиями (17-й, 24-й, 37-й) и 13-й армией этого было недостаточно. С северо-запада к Минску приближалась 3-я танковая группа Готта, а с юго-запада – 2-я танковая группа Гудериана, ломавшая сопротивление советского 17-го мехкорпуса.

Немецкие солдаты перед Домом правительства в Минске (июль 1941 г.)

44-й стрелковый корпус поспешно создавал оборону в пригородах. Были устроены огневые пункты, вырыты окопы. Использовались также укрепления Минского УР («линия Сталина») и группы солдат инженерных войск, обслуживавшие этот район. Пока Филатов добрался до Минска со своими потрепанными войсками, командир 44-го корпуса разместил на северном участке обороны 100-ю СД, которую получил под свое командование.

Южнее Минска командование Западного фронта выдвигало последние резервные силы – 20-й мехкорпус, который должен был оборонять район между Минским и Слуцким УР. В корпусе было менее 8-и тысяч солдат, он имел всего 93 танка, то есть был слабее одной немецкой танковой дивизии (не считая преимущества немцев в подготовке и боевом опыте, а также их господство в воздухе), поэтому никак не мог остановить группу Гудериана.

Прибыв в полуночный Минск, Филатов немедленно стал создавать боевые группы из солдат и командиров разбитых дивизий 3-й армии, прибывавших в город (ее остатки приходили до 28 июня), и создал из них два полка неполного состава. Но это были солдаты, деморализованные поражением, уставшие, почти без боеприпасов – вряд ли они могли служить хорошим поддкреплением.

26 июня первый рубеж обороны города атаковали подразделения 7-й танковой дивизии 37-го немецкого танкового корпуса. В упорный бой с ними вступила 64-я СД. Немцы прорвали линию обороны на участке 159-го стрелкового полка 64-й дивизии и несколько раз проникали в эту прореху, но каждый раз отступали после потери нескольких танков.

Положение защитников Минска значительно ухудшилось 27 июня. 7-я и 20-я танковые дивизии группы Готта настойчиво атаковали. Немцы вытеснили совет-

ские войска из наскоро сооруженных полевых укреплений и из пригородов повели наступление на город. В этот день к сражению за Минск подключилась 17-я танковая дивизия 2-й танковой группы Гудериана, которая достигла южной окраины города.

В первой половине дня успешно действовала советская артиллерия, поэтому немцам не удалось прорвать оборону. Они потеряли несколько танков. Но снаряды кончались. Тогда командир 100-й СД, генерал Иван Руссиянов (1900–1984), приказал реквизировать бутылки на городской фабрике стеклянных изделий. На позиции привезли несколько грузовиков бутылок и наполнили их бензином, который еще оставался в дивизии.

Во второй половине дня схватки шли прямо на советских позициях. 85-й и 335-й стрелковые полки 100-й дивизии своим импровизированным оружием уничтожили до вечера 13 немецких танков из 7-й танковой дивизии. Но при этом и сами они понесли большие потери. 100-я дивизия сражалась самоотверженно. Достаточно сказать, что в бою погиб командир немецкого 25-го танкового полка из 7-й дивизии, полковник Ротенбург.

Остальные дивизии, защищавшие Минск, тоже оказывали упорное сопротивление. Вследствие недостатка боеприпасов и они вооружили своих солдат бутылками с бензином. Однако по всему периметру обороны 44-го стрелкового корпуса и других частей немецкие 7-я и 20-я танковые дивизии сильно давили на советские части. Во второй половине дня подразделения 64-й, 100-й и 161-й СД провели ряд контратак, выбивая до вечера немецкие части с окраин Минска. Однако эти полки понесли огромные потери, в том числе от действий немецкой авиации.

Поздно вечером от основных сил был отрезан 331-й стрелковый полк 100-й дивизии, весь следующий день 28 июня он сражался. Ночью солдаты, оставшиеся в живых (около 200 человек), пробились через немецкие линии и ушли на восток, чтобы присоединиться к своим (добрались они до них только 18 июля).

28 июня ситуация в Минске стала критической. В обескровленных дивизиях кончались боеприпасы. Немецкая 20-я танковая дивизия, прорвав ослабевшую советскую оборону, захватила северо-восточную часть города, а ее передовые части вышли на шоссе и железную дорогу Минск – Москва. Танки 7-й танковой дивизии во второй половине дня прорвали в ряде мест оборону 64-й и 108-й СД. 161-я стрелковая дивизия начала отступать, также как и рассеянная 100-я дивизия. В штаб Филатова приходили драматические сообщения от командиров подразделений

Немецкий солдат на памятнике Ленину в Минске (лето 1941 г.)

о неудачах обороны, израсходовании боеприпасов, огромных потерях. Около 14-и часов Филатов стал терять связь с частями, которые уже разваливались, а некоторые, например часть 64-й дивизии вместе с ее штабом, были окружены немцами.

В южных пригородах Минска на северо-восток продвигалась 17-я танковая дивизия группы Гудериана, а во второй половине дня восточнее города появилась 18-я танковая дивизия, которая, наступая в направлении Борисова, вечером дошла до минского шоссе.

Филатов послал шифрограмму Павлову, в которой просил разрешить отступление. Ответ Павлова был таков: «Минский укрепленный район должен быть удержан любой ценой, хотя бы пришлось сражаться в окружении»*. Павлов обещал помочь остатками 3-й армии (которые в это время отступали лесами западнее Минска), а также 6-м корпусом, который в тот момент сражался под Гродно.

Автоколонна РККА, уничтоженная в районе восточнее Минска (июнь 1941 г.)

Павлов обманывал не только Филатова, так как на самом деле не имел информации о тех войсах, помощь которых обещал, — обманывал он самого себя. Минск был потерян. Филатов это прекрасно понимал, он начал давать отдельным частям приказы об отступлении, а Павлову отправил шифрограмму, что Минск не удержит. Ответом командующего фронтом стало обещание прислать в штаб 13-й армии курьера с письменным приказом удержать Минск.

Вечером 28 июня штаб Филатова оказался под обстрелом. Офицеры штаба поспешно эвакуировались автомобилями, выезжая из города на северо-восток.

* Иринархов Р.С. Западный особый..., с. 361.

Это удалось буквально в последнюю минуту – почти вслед за бежавшим штабом 13-й армии шли немецкие танки. 20-я танковая дивизия группы Готта, 17-я и 18-я танковые дивизии группы Гудериана встретились восточнее города. В Минске остались отрезанными 64-я и 108-я СД и ряд других частей, которые сдались немцам 29 июня.

Минский «котел» означал не только гибель 13-й армии. Немецкие танковые группы отрезали путь к отступлению остаткам разбитой 3-й армии. 10-я армия погибала, окруженная немецкими 4-й и 9-й армиями.

Минск пал на седьмой день войны, а главные силы Западного фронта были разбиты в двух «котлах» – в районе Белостока и в районе Минска. Лишь небольшая часть 13-й армии и обескровленной 4-й армии смогли отступить на восток.

6. Последние бои и поражение

В те дни, когда дивизии Готта и Гудериана атаковали Минск, западнее города вели тяжелые бои части 10-й армии, а также остатков 3-й армии. Как уже сказано выше, 10-я армия за первые два дня боев оказалась в крайне сложном положении – вследствие отступления 4-й армии и разгрома 3-й противник зашел ей в тыл.

Дивизии 5-го стрелкового корпуса 10-й армии оборонялись, опираясь на Осовецкий укрепрайон, а после 24 июня, обессиленные, отступали к Белостоку вместе с остатками 13-го мехкорпуса, который был разбит в контратаках, которые он проводил против немецкой 4-й армии.

В районе Гродно с 24 до 27 июня вела бои упомянутая группа Болдина – почти до полного уничтожения. Основу этой группы составляли 4-я и 7-я танковые дивизии из 6-го мехкорпуса. Они потеряли почти все боевые машины (в 7-й дивизии осталось всего 3 танка).

27 июня Болдин с группой солдат и командиров 6-го мехкорпуса и кавалеристов из 36-й дивизии ушел в лес, чтобы прорваться в Минск. Группа из примерно 200 человек, с которой Болдин пробирался через леса, постепенно прирастала солдатами из разбитых частей. Болдин хотел собрать как можно больше таких рассеянных групп и организовать их. Но создать боеспособную группу было трудно – усталые, деморализованные солдаты, в своем большинстве без боеприпасов, часто дезертировали, а офицеры нередко отказывались присоединиться к его группе. Все же он собрал около пяти тысяч человек.

В первые дни июля группа Болдина внезапно атаковала немцев под Минском – только для того, чтобы прорваться дальше на восток. После этого от пяти тысяч солдат осталось чуть более тысячи. С ними Болдин добрался до своих восточнее Смоленска 11 августа, после более чем 40 дней скитаний по лесам и многочисленных стычек с немцами.

Но если не считать этой болдинской группы, то почти все силы 10-й армии Голубева после трех дней боев попали в окружение. 1-й и 5-й стрелковые корпуса (5 дивизий), измученные боями у границы, 25 и 26 июня отступали в район Белостока. Почти полностью был уничтожен во время своих контратак 13-й мехкорпус, особенно его 31-я танковая дивизия и 208-я механизированная дивизия

(в них осталось по несколько сотен человек и несколько десятков машин с минимальным запасом топлива). Части корпуса отдельными группами начали беспорядочно отступать через леса Беловежской пущи.

26 июня Голубев вместе со штабом выехал из Белостока, направляясь в Волковыск. Переезд происходил в драматических условиях – штабную колонну несколько раз атаковали с воздуха, происходили стычки с немецкими разведывательными подразделениями. Все же Голубеву удалося добраться до разбомбленного немцами Волковыска, вокруг которого собирались остатки разбитых частей.

Но 27 июня немцы приблизились к Волковыску, и Голубеву со штабом осталось только дальнейшее отступление. В тот же день последние советские части вышли из Белостока. 28 июня дивизии немецких 4-й и 9-й армий встретились в районе к северу от Слонима, замкнув главные силы 10-й армии в кольцо. Советское сопротивление прекратилось, остатки войск, как и штаб Голубева, пытались прорваться через Беловежскую пущу. Густые леса укрывали от немецкой авиации, а немецкие пехотные части не углублялись в обширные лесные массивы, но дороги и территории за пределами пущи были уже под их контролем. Деморализованные и усталые советские солдаты бросали оружие и сдавались в плен. Доходило до того, что целые батальоны и даже полки сдавались небольшим группам немцев, выдавая им политруков и комиссаров, призывавших продолжать сопротивление. Иногда солдаты сами убивали комиссаров.

В ряде мест на окраинах Беловежской пущи, где отдельные советские части попытались вырваться из окружения, происходили ожесточенные столкновения. Так, 28 и 29 июня немецким 17-й и 18-й пехотным дивизиям пришлось вести упорный бой (вплоть до рукопашного) с остатками 4-й танковой дивизии, командира которой, генерала Патотурчева, вместе со штабом и группами солдат из других частей они взяли в плен. 18-я немецкая дивизия за те два дня потеряла 250 человек убитыми и ранеными. Однако попытка прорыва красноармейцев оказалась безуспешной – немцы взяли в плен свыше 4000 солдат и командиров.

Итак, 10-я армия почти полностью была уничтожена между Белостоком и Волковыском. Кроме упомянутой группы Болдина, в конце июля к линии советской обороны с остатками своих солдат добрался генерал Петр Ахлюстин (1896–1941) – командир 13-го мехкорпуса. Генерал Голубев вместе со своей сильно поредевшей штабной колонной вышел из окружения за Смоленском.

Уничтожена была и 3-я армия, попавшая под удар 9-й армии генерала Штрауса. 56-я СД 4-го корпуса 3-й армии была уничтожена уже в первый день боев, о чем потрясенный Кузнецов еще успел сообщить командующему фронтом вечером 22 июня. Остатки частей, уничтоженных в боях, хаотично отступали на восток и юго-восток. Только 11-й мехкорпус генерала Мостовенко попытался 24 и 25 июня контратаковать восточнее Гродно. Но при этом он был почти полностью уничтожен. 28 июня в корпусе, состоявшем из трех дивизий, осталось менее 30 танков (почти без топлива и снарядов), а сам корпус насчитывал уже только 600 человек – все, что осталось после отступления вдоль Немана при постоянных авиационных налетах и преследовании 8-го корпуса немецкой 9-й армии. Последние танки мехкорпуса подорвали собственные экипажи.

Отступление остатков корпуса, как и других частей 3-й армии, было беспорядочным. Воинские части блуждали в лесах, смешавшись с гражданским населением, а немногие дороги постоянно обстреливала и бомбила немецкая авиация. Мало кому удалось добраться до окрестностей Минска. Но они не могли сражаться после того поражения, которое потерпели, тем более, что офицеры бежали первыми, бросая солдат. Один из солдат 204-й механизированной дивизии 11-го мехкорпуса позже вспоминал:

«Весь день самолёты постоянно сбрасывали бомбы на отступающих солдат /.../. Раз был отдан приказ об отступлении, толпы людей начали передвигаться в разных направлениях – хотя большинство из них шло на восток /.../ Лейтенанты, старшие лейтенанты, капитаны садились в проходящий транспорт /.../ главным образом в грузовики, ехавшие на восток. А без командиров /.../ мы в самом деле ничего не могли сделать».

Командиру 11-го мехкорпуса, генералу Мостовенко, удалось выйти из окружения лишь в середине июля с небольшой группой офицеров.

Пробиться удалось и генералу Кузнецову, который с частью своего штаба под конец июля вышел из окружения в районе восточнее Смоленска.

Во второй половине июля до советских позиций добрались только несколько тысяч солдат и часть командиров из 3-й, 10-й и 13-й армий. Подавляющее большинство войсковых частей этих армий, а также дивизий фронтового резерва были уничтожены в двух «котлах»: в районе между Белостоком и Волковыс-

Личный состав «несокрушимой» и «легендарной» сдавался в плен ротами, батальонами и даже полками

ком (его создали 4-я и 9-я немецкие армии) и в районе Минска (его закрыли 2-я танковая группа Гудериана и 3-я танковая группа Готта).

Правда, окруженные советские части во многих местах внезапно атаковали немецкие войска, стремясь вырваться из ловушки. На упорство боев в районе «котлов» обратил внимание Франц Гальдер, записавший 28 июня:

«В результате отчаянных попыток противника выйти из окружения в районе Волковыска и Новогрудка ситуация на ряде участков серьезно обострилась. Это заставило 4-ю армию направить 12-й армейский корпус на север, а 9-ю армию – бросить 5-й армейский корпус в южном направлении...

С 26 до 30 июня только один 71-й пехотный полк 29-й механизированной пехотной дивизии взял в плен 36.000 человек. Эта огромная цифра свидетельствовала о том, какими крупными силами русские пытались прорвать кольцо окружения. Штаб 4-й армии был так сильно впечатлен этим фактом, что и впредь держался своего решения о как можно более сильных линиях окружения. Потому маршал фон Клюге отменил /.../ выступление 17-й танковой дивизии в направлении Борисова».

Отчаянные советские атаки, проводимые крупными силами, были наиболее опасны для немецких колонн с обеспечением и тыловых служб, двигавшихся вслед за передовыми частями. Советская пехота успешно атаковала их, пропуская вперед немецкие боевые части. Так происходило в районе Слонима, где советские атаки на колонны с обеспечением для 29-й механизированной дивизии вызвали трехдневный кризис 26–29 июня.

На участке 29-й дивизии немецкие солдаты несколько дней отражали постоянные советские атаки. Советские солдаты, которых подгоняли командиры и комисары, волна за волной, не прячась, наступали плотными рядами на немецкие позиции. Немцы сметали их огнем автоматического оружия. Но за выбитыми шеренгами шли следующие, а среди них двигались немногие танки, которые еще оставались в механизированном корпусе. Когда и эта волна была уничтожена, за ней шли очередные, в том числе кавалерия, которую перебили пулеметами шокированные солдаты 29-й дивизии.

Аналогично выглядели советские попытки прорыва и на других участках. Но это удалось только небольшому количеству частей, в основном мелким группам. В своем большинстве окруженные бойцы или погибли, или сдались немцам. Бои понемногу затухали. Оба «котла» немцы полностью ликвидировали к 8 июля. Тем самым исключалось участие в дальнейших боевых действиях войск 3-й и 10-й, отчасти 4-й и 13-й армий, а также большинства дивизий фронтового резерва.

От разгрома удалось спасти те части 13-й армии, которые Филатов в последний момент перед окружением вывел из Минска. Они отступали в сторону Могилева, присоединяясь к линии обороны на Днепре, созданной из нескольких новых армий, переброшенных сюда с востока.

Отступала и 4-я армия генерала Коробкова. Отступление происходило под натиском немецкой 3-й танковой дивизии, вслед за которой наступали части Гудериана (4-я танковая и 10-я механизированная дивизии из 26-го танкового корпуса). Из-за этого советское отступление было поспешным, особенно в районе реки Птичь, через которую они переправлялись под огнем немецких танков. Советские солдаты не смогли уничтожить мост через реку, несмотря на такие по-

пытки (Коробков приказал сжечь мост, но пока солдаты собирались сделать это, на другом берегу появились немецкие танки и с хода ворвались на мост). Оставалось лишь отступать дальше. Во второй половине дня 27 июня штаб Коробкова и остатки его войск пришли в Бобруйск.

Силы Коробкова были слабы для того, чтобы удержать город, поэтому командование 4-й армии решило отступить на восточный берег Березины и там, на реке, организовать оборону. Офицеры штаба требовали одновременно с отступлением уничтожить мосты через реку. Но через Бобруйск еще продолжали двигаться части 4-й армии. В штабе произошла нервная дискуссия, содержание которой передал начальник штаба армии полковник Сандалов.

«С наступлением темноты командир охранного подразделения доложил, что на восточной окраине Бобруйска появились немецкие танки. Перед командованием армии возник вопрос о подрыве мостов через Березину.

– Это нужно сделать немедленно, – настаивал я, – иначе может получиться как на Птичи.

– Партийные и советские органы Бобруйска в основном эвакуировались, – добавил Шлыков (член Военного совета 4-и армии. – *Авт.*)

– Все это так, но как будут переправляться без моста части и подразделения которые остались на том берегу, – встревожился командарм.

– У нас есть паромные средства для переправы и много лодок, – ответил полковник Прошляков. – Те подразделения, которые пробираются лесами от Слуцка к Бобруйску, будут переходить Березину на переправах в Шаткове – к северу от Бобруйска, и в Стасовке – южнее города.

Немецкие солдаты на берегу Днепра

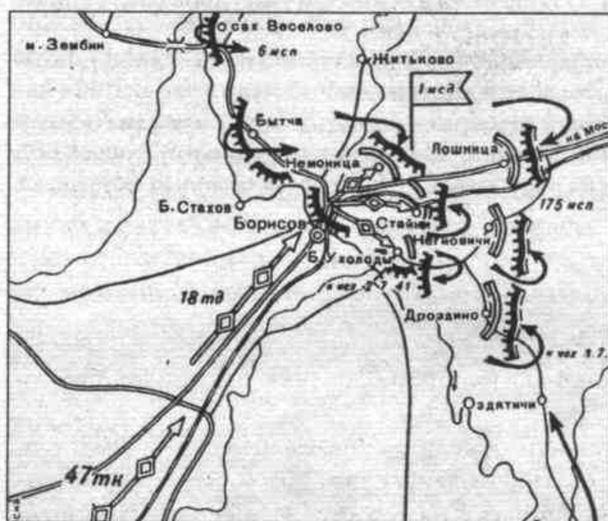
Бобруйские мосты через Березину – очень важные и дорогие сооружения. К тому же они имеют оперативное значение, – не сдавался Коробков. – Надо было бы на подрыв мостов получить санкцию командующего фронтом.

На минуту воцарилось тяжелое молчание, которое нарушил сам же Коробков.

– С учетом того, что связи со штабом фронта нет, а угроза захвата мостов противником растет, я разрешаю подрыв».

Мосты через Березину взорвали, вследствие чего часть войск осталась на западном берегу реки. Одновременно штаб пытался наладить связь с Павловым, отсутствовавшую с 25 июня. Это удалось сделать. Командующий фронтом после получения доклада о ситуации приказал держать оборону на Березине, потому что подготовка новой линии обороны на Днепре еще не завершена. Павлов приказал отвести за Днепр остатки механизированных корпусов (а также 121-ю и 143-ю СД), чтобы там привести их в порядок и пополнить личным составом. Кроме того он вызвал Коробкова на следующий день к себе в штаб фронта.

Эта новость обеспокоила и без того угнетенного поражением Коробкова. Он не мог сообщить Павлову ничего утешительного. От армии мало что осталось: разбитый 14-й механизированный корпус, остатки 55-й, 121-й, 143-й и 155-й стрелковых дивизий, а также резерва фронта, части 28-го стрелкового корпуса. 49-я и 75-я СД были уничтожены.

Оборонительные бои на Березине 1–3 июля

Утром 28 июня, заняв без особого труда Бобруйск, немцы вышли к Березине. Коробков вызвал Сандалова в связи с требованием явиться в штаб фронта. Разговор Коробкова с начальником штаба был коротким. Командарм заявил:

«Я заболел /…/ В штабе фронта вы свой человек, а значит, и доложить там сумеете лучше, чем мы».

Сандалов отправился в Могилев, но командующего фронтом он встретил по дороге. Павлов ехал в направлении Березины, осматривая оборонительные позиции вокруг Могилева. Вид Павлова потряс начальника штаба 4-й армии – оказалось, что он был растерян не меньше, чем Коробков:

«Это уже не был тот уверенный в себе человек, которым я привык его видеть. Павлов похудел, как-то сгорбился. Голос стал тихим, в глазах появился страх. Ощущалось, что и ему самому становится понятным, что командование фронтом превосходило его возможности».

Планы Павлова касались удержания обороны на Березине, освобождения Бобруйска и сбора все еще отступавших из-за Березины частей 4-й армии. Павлов и маршал Шапошников, которого еще 23 июня вместе с Куликом прислали

из Москвы в штаб Западного фронта, проинформировали Сандалова, что на Днепре из нескольких армий создается новая линия обороны. Однако она еще не вполне готова, резервные армии не успели занять ее полностью. Поэтому 4-я армия должна исполнять оборонительную функцию. Проблема заключалась в том, что Павлов не мог выделить Коробкову дополнительных сил. Единственное, что Шапошников и Павлов могли сделать для 4-й армии, – дать согласие на перенос ее штаба дальше на восток, в Рогачев.

29 июня штаб Коробкова перебрался в район Рогачева – западнее от города. Одновременно началась подготовка к наступлению под Бобруйском, где собирались захватить причалы на западном берегу Березины, чтобы облегчить переправу войскам 4-й армии. Утром 30 июня боевые группы (даже с артиллерией и танками) переправились через реку и прорвались в Бобруйск. Командование фронта направило в Бобруйск небольшие авиационные резервы, но воздушный бой был упорный, Гудериан позже вспоминал о большом воздушном сражении над Бобруйском. Бой продолжались весь день, советским солдатам удалось занять часть Бобруйской крепости. Они рассчитывали на поддержку отступавших с запада рассеянных частей, особенно остатков 20-го мехкорпуса генерала Никитина, но эти части обходили Бобруйск севернее и южнее города.

Генерал Гудериан слушает оперативный доклад (август 1941 г.)

Немцы в тот день тоже форсировали Березину и быстро двинулись к Днепру. Вечером полностью разбитые остатки частей, сражавшихся в Бобруйске, отступили на восточный берег, присоединяясь к наспех организованной Коробковым обороне в районе реки Олы (из подразделений 42-й СД).

День 1 июля для остатков 4-й армии прошел под знаком сильных атак немецкой авиации, особенно на оборонительные позиции на Оле. Во второй половине дня, под напором немецких танков, началось отступление.

Вечером того же дня Сандалову позвонил начальник штаба фронта. Им оказался генерал Герман Маландин (1894–1961), который заменил генерала Климовских. Маландин сообщил Сандалову о смене командующего фронтом. Командование фронтом должен был принять маршал Семен Тимошенко, а до его прибытия командовал генерал Андрей Еременко (1892–1970). С этого момента 4-я армия в оперативных вопросах подчинялась 21-й армии со штабом в Гомеле, которой командовал генерал Василий Герасименко (1900–1961).

Утром 2 июля Коробков со своим начальником штаба направились в Гомель, к командиру 21-й армии, которому в тот момент они подчинялись. Разговор с Герасименко был коротким. Он приказал защищать линию Днепра до тех пор, пока 21-я армия не закончит создание оборонительных позиций. Ради этого 4-я

армия должно была продолжать бои, хотя на тот момент имела только несколько тысяч людей, предельно измотанных непрерывными боями и переходами, к которым до 6 июля присоединялись остатки 121-й, 143-й и 155-й дивизий, а также 20-го мехкорпуса.

В первые дни июля 4-я армия обороняла позиции 21-й армии. 8 июля она понесла еще одну потерю – вызванный Тимошенко, Коробков направился к командующему фронтом. В свою армию он уже не вернулся, так как был арестован в связи с запланированной в Москве расправой над руководством Западного фронта, которое обвинили в поражении и потере Беларуси. Командование 4-й армией принял Сандалов. Он собирал остатки дивизий, подходивших к Днепру (сюда добрались даже несколько групп из разбитой 75-й дивизии).

Вместе с уходом остатков 4-й армии и 21-й армии за Днепр, а остатков 13-й армии в район Могилева, сражение за Беларусь фактически звершилось. Западный фронт (четыре армии бывшего ЗапОВО) был разбит. Естественно, он не перестал существовать вообще – по Днепру встали нескольких новых армий, образовавших новый Западный фронт (19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии, плюс остатки 4-й и 13-й армий, а также прибывшая из Сибири 16-я армия). Новый «старый» Западный фронт вскоре вступил в битву за Смоленск и проиграл ее.

Немцы через неделю после начала войны заняли столицу Беларуси, продвинулись на 400 километров от границы. Свыше 500 тысяч советских солдат было выведено из строя, в том числе более 300 тысяч оказалось в плену.

Это было настолько крупное поражение Красной Армии, что не удивляет мнение начальника немецкого Генштаба Ф. Гальдера, записанное им в дневнике 3 июля 1941 года:

> «Потому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна за 10 дней».

P.S. Как известно, Сталин «назначил» Павлова и еще нескольких высших командиров виновными в этом сокрушительном поражении. Признать свою собственную вину, а также вину Генштаба и Наркомата обороны он никак не мог.

Павлова арестовали 4 июля. Арестовали также начальника штаба фронта генерала Климовских, его заместителя генерала Семенова, начальника войск связи Григорьева, командующего артиллерией генерала Клича. 8 июля к ним добавился генерал Коробков.

Их попытки оправдаться ссылками на приказы наркома обороны «не паниковать», «не дать втянуть себя в кронфликт», «не отвечать на провокации» ничего не дали. Приговор был заранее запрограммирован. Его огласили 22 июля. В тот же день Павлова, Климовских, Коробкова и Григорьева расстреляли. Генерала Клича судили 27 сентября и тоже приговорили к смерти. Его расстреляли 16 октября 1941 года.

Комиссара Фомина и генерала Таюрского некоторое время держали под арестом, но ограничились понижением в званиях и должностях.

Семьи расстреляных (жены, дети, родители) были арестованы и отправлены в сибирские лагеря.

Максим Петров

Дивизия имени Кастуся Калиновского

(Несостоявшаяся «Белорусская советская армия»)

Как считают историки, трагическое лето 1942 года было страшнее лета 1941-го. Красная Армия потерпела сокрушительные поражения под Харьковом и в Крыму, на Дону и Северном Кавказе... Сталин тогда метался, словно зверь, загнанный в угол. Пытаясь добиться перелома в ходе войны, он использовал любые средства. Именно тогда появились заградительные отряды, стрелявшие в своих солдат, не устоявших под натиском немцев, именно тогда он издал неимоверно жестокий приказ № 227, получивший известность в войсках под названием «Ни шагу назад!».

Фронту катастрофически не хватало людей. В этой связи возникла идея создания в составе РККА национальных воинских формирований. И действительно, создали польские вооруженные силы. Причем дважды – сначала армию Владислава Андерса, затем армию Зигмунда Берлинга. Сформировали чехословацкий корпус генерала Людвика Свободы. Появилась на свет грузинская дивизия, французская авиационная часть «Нормандия».

Но планы в указанном направлении были гораздо шире. Историки обнаружили в архиве папку документов с интригующим названием: «Материалы по вопросу создания Белорусской Армии. Начато: август 1942. Окончено: октябрь 1942».

В проекте, подписанном Пономаренко в августе 1942 года, численность Белорусской Армии (встречаются также другие варианты названий Белорусская Национальная Армия, Белорусская Особая Армия) определялась в 169 тысяч человек. Пономаренко сообщал в своем докладе высшему руководству СССР:

> «Нет сомнения в том, что как только будут организованы эти армии, к ним устремится большое количество добровольцев-белорусов и уроженцев Белоруссии.
>
> Вопрос о младшем, среднем и старшем начсоставе и политсоставе решается хорошо. Этих кадров хватило бы и на 5 белорусских армий.
>
> В высшем командном составе РККА имеется 66 генералов-белорусов. Из них командуют армиями 6: генерал-лейтенант Лопатин, генерал-лейтенант Корзун, генерал-майор Марцинкевич, генерал-майор Гастилович, генерал-майор Свиридов, генерал-майор Юшкевич. Начальников штабов армий – 8, зам. начальника штафронта – 2, командиров корпусов и дивизий – 12»...

Как известно, Пономаренко всегда был чужд идеям беларуского национального движения. Образно выражаясь, он «не страдал» ни национал-коммунизмом, ни – тем более – национал-демократизмом. Этого уроженца Кубанской области, этнического украинца, Сталин назначил в Минск в июне 1938 года, что-

---

* Вадим Деружинский в своей книге «Тайны беларуской истории» (стр. 517–522) ошибочно относит проект создания Белорусской Армии к 1944 году.

бы «окончательно навел порядок»*. Известно его предвоенное письмо Сталину «О белорусском языке, литературе и писателях», в котором секретарь ЦК КПБ откровенно издевался над всем беларуским... Тогда же он предложил Сталину «ликвидировать» классиков беларуской литературы Янку Купалу и Якуба Коласа. Поэтому данный проект он разработал вовсе не по своей инициативе, а исключительно по приказу Сталина.

П.К. Пономаренко (фото 1939 г.)

Еще одной причиной появления проекта послужило умение большевиков перехватывать инициативу противника, копировать его приемы. Достаточно вспомнить, что в 1919 году БССР была создана именно как альтернатива «буржуазной» Беларуской Народной Республике. Не было бы БНР – не появилась бы БССР! Это сегодня признают все наши историки.

В 1942 году не только Пономаренко разрабатывал планы создания беларуских воинских формирований. На полтора месяца раньше его – 29 июня 1942 года – в оккупированном Минске руководитель курсов подготовки полиции Франц Кушель представил немцам план создания Корпуса Беларуской Самообороны в составе трех дивизий (50 тысяч человек). Штаб корпуса должен был находиться в Минске, штабы дивизий – в крупных центрах Генерального округа «Weissruthenia» (Беларусь) – в Минске, Барановичах и Вилейке.

Так что нет сомнений: команда о формировании национальной армии поступила из Кремля. Пусть беларуские товарищи «проработают вопрос», составят проект, а мы его рассмотрим. «Товарищи» поработали на славу!

Огромные усилия приложили сотрудники секретаря ЦК КП(б)Б по кадрам Николая Ефремовича Авхимовича. Уже 7-го августа 1942 года Авхимович представил Пономаренко развернутые сведения об армейских командирах-беларусах, имевших звание от майора и выше! Например, об уроженце Заславльского района майоре П.П. Внуке в перечне было сказано, что в данный момент он командует 25-й воздушно-десантной бригадой в подмосковном Внуково.

Подробно были расписаны перспективные кадры политработников – вся эвакуированная номенклатура ЦК, начиная с уровня председателей райисполкомов. Так, о секретаре Щучинского райкома С.П. Шупене сообщалось, что ныне

* Вообще, национальная принадлежность многих руководителей «белорусского отряда большевиков» говорит сама за себя. Мицкевич-Капсукас (1919) – летувис, Вацлав Богуцкий (1922–24) – поляк, Янкель Гамарник (1928–29) – еврей, Константин Гей (1930–31) – эстонец, Пантелеймон Пономаренко (1938–47) – украинец, Николай Гусаров (1947–50) и Николай Патоличев (1950–56) – русские.

он является начальником политотдела Федоровского совхоза в Каменском районе Пензенской области...

Одновременно был подготовлен доклад Совнаркома БССР «О возможностях мобилизации белорусского населения, эвакуированного в тыловые области СССР»:

«По учету значится 780 000 чел. эвакуированного населения из Белоруссии. На 127 000 имеется списочный учет. Из этого количества можно отобрать для армий 10 000 чел. белорусов и 4 000 белорусок-женщин»...

Пономаренко внимательно работал с проектом, сделанные им дополнения и исправления имеются на многих страницах черновиков этого дела. Так, он предлагал включить в Белорусскую Армию добровольческую дивизию, сформированную Новосибирским обкомом ВКП(б), в которой служило много сибирских беларусов. Он также решил «реабилитировать» военнообязанных, успевших летом 1941 года уйти из Западной Беларуси. В эвакуации беларусов-западников поначалу отправили в рабочие колонны, а не в регулярную армию, но теперь Пономаренко «вдруг» вспомнил «важные обстоятельства»:

«...в числе этих людей имеется ушедший от немцев низовой советский актив, колхозники, милиционеры и б. члены КПЗБ и КПП, из которых можно отобрать и призвать в Белорусские армии 10 000 человек, а кроме того, можно отобрать не менее 5 000 белорусов из военно-строительных организаций».

Секретарь ЦК КПБ
по кадрам Н.Е. Авхимович

Как видим, Пономаренко получил необходимые сведения в масштабе всего Союза ССР, поэтому он мог учесть, сколько беларусов на всей свободной от немцев территории служит во внутренних и пограничных войск НКВД, в милиции, сколько учится в военных училищах, сколько работает на железной дороге и в дорожно-мостовых отрядах... В результате Пономаренко «учел» всех, кроме контингента заключенных.

Рассмотрев поступившее предложение, Москва дала «добро» на подготовку проекта постановления Государственного комитета обороны «О формировании Белорусских армий». И вот какой документ лег на стол Верховного главнокомандующего Сталина:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
Постановление № ... ГОКО
О ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКИХ АРМИЙ

« » августа 1942 г. Москва, Кремль

Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

I. Сформировать 1 и 2 Белорусские армии каждую в составе:

1. Полевого Управления Армии по штату 02/158...

2. Шести стрелковых дивизий по штатам №№ 04/300–04/314 по 10.374человека каждая...

3. Пяти артиллерийских полков РГК...

5. Двух танковых бригад...

6. Части связи...

7. Инженерные части...

Общей численностью каждой армии – 84.560 человек, а всего двух армий численностью – 169.120 человек.

II. Армии дислоцировать:

1-ю Белорусскую армию на территории Московского Военного Округа.

2-ю Белорусскую армию на территории Уральского Военного Округа.

III. Формирование и укомплектование армий закончить к 10 сентября с. г. и немедленно приступить к боевой подготовке.

Срок готовности армий – к 10 ноября 1942 г.

Вопросы идеологического обеспечения в проекте не упоминались. Но в деле есть весьма любопытный документ без подписи, с грифом «Отпечатано в 1 экземпляре. Строго секретно». Он озаглавлен: «Вопросы политического воспитания и дисциплины». Фактически это манифест тотальной войны против немцев и наставление по ее ведению силами отдельно взятой нации – беларусов.

В документе содержатся высокопарные слова об исторических традициях, о том, что дивизиям, бригадам и полкам присваиваются сугубо национальные наименования. Например, вот как должны были называться 36 стрелковых полков (по три в каждой дивизии):

Приложение № 1. СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № _____

ПЕРЕЧЕНЬ

стрелковых дивизий и полков, формируемых белорусских арми[й]

Наименование стрелковых дивизий	Наименование полков	Примечани[е]
1-я Белорусская имени дважды Героя Советского Союза Николая ГРИЦЕВЦА стрелковая дивизия	Минский, Борисовский, Слуцкий	
2-я Белорусская имени Героя Советского Союза генерала Льва ДОВАТОРА стрелковая дивизия	Витебский, Полоцкий, Лепельский	
3-я Белорусская имени Героя Советского Союза Николая ГАСТЕЛЛО стрелковая дивизия	Слонимский, Новогрудский, Несвижский	
4-я Белорусская имени М.В. Фрунзе стрелковая дивизия	Гомельский, Речицкий, Ново-Белицкий	
5-я Белорусская имени Героя Советского Союза Феодосия СМОЛЯЧКОВА стрелковая дивизия	Могилевский, Бобруйский, Быховский.	
6-я Белорусская имени Героя Советского Союза партизана Тихона БУМАЖКОВА стрелковая дивизия	Полесский, Туровский, Мозырский	
7-я Белорусская имени Героя Советского Союза Михаила СИЛЬНИЦКОГО стрелковая дивизия	Суражский, Оршанский, Дубровенский	
8-я Белорусская имени Кастуся КАЛИНОВСКОГО стрелковая дивизия	Белостокский, Гродненский, [illegible]	
9-я Белорусская имени Верховного Совета [illegible] стрелковая дивизия	Кобринский, Беловежский, [illegible]	
10-я Белорусская имени Героя Советского Союза Анатолия ТАЛ[illegible]ИНА стрелковая дивизия	Березинский, Мстиславский, [illegible]	
11-я Белорусская имени Влади-мира ВАНЕЕВА стрелковая дивизия	Заславльский, Логойский, Дукорский	
12-я Белорусская имени Героя Советского Союза Викентия НАРКЕВИЧА стрелковая дивизия.	Пинский, Лунинецкий, [illegible]	

Страница из проекта постановления с исправлениями П.К. Пономаренко

Антопольский, Белостокский, Березинский, Беловежский, Борисовский, Бобруйский, Быховский, Витебский, Волковысский, Гомельский, Гродненский, Дубровенский, Дукорский, Заславльский, Кобринский, Кричевский, Лепельский, Логойский, Лунинецкий, Минский, Могилевский, Мозырский, Мстиславский, Несвижский, Ново-Белицкий, Новогрудский, Оршанский, Пинский, Полесский, Полоцкий, Пружанский, Речицкий, Слонимский, Слуцкий, Суражский, Туровский.

Дивизии предполагалось назвать в основном именами героев-беларусов. Одного «старого» (Кастуся Калиновского) и девяти «советских» – Тихона Бумажкова, Владимира Ванеева, Николая Гастелло, Николая Грицевца, Льва Доватора, Викентия Наркевича, Михаила Сильницкого,

Феодосия Смолячкова, Анатолия Талалихина. Еще для двух дивизий тоже были предусмотрены названия с национальным колоритом — имени Верховного Совета БССР и имени Фрунзе (сей молдаванин с марта по декабрь 1917 года был начальником милиции города Минска, одновременно занимал другие важные посты в новых органах власти).

Но главная «изюминка» скрывалась не в этом. Уже во втором абзаце документа дано определение: «армия мстителей-белорусов». Рекомендован своеобразный «семейный подряд» на формирование войск: «При комплектовании армии поощряется прием родственников: 2–3 брата, отец и сын, друзья с одного завода, колхоза в отделении и взводе».

И далее: «Армия воспитывается в духе абсолютного презрения к смерти...» Смысл тезиса достаточно прозрачен: «Раз уж край свой вы потеряли, братки-беларусы, так и жизнь ваша мало чего стоит...»

И еще. Вместо уставного приветствия РККА «здравия желаю» бойцы и командиры Белорусской Армии должны обращаться друг к другу следующим образом: «Приветствующий провозглашает: «Смерть фашистам!», отвечающий — «Смерть!». Вместо приветствия-вопроса (типа «как поживаешь?») предлагалось ввести фразу: «ты сколько фашистов убил?».

Используя современный жаргон, можно сказать, что партийные вожди готовились к созданию армии фанатиков. Если бы немцы овладели Сталинградом, перешли Волгу, то в заволжских и уральских степях их встретили бы национальные беларуские части. Недаром 2-ю Белорусскую армию планировали дислоцировать на Урале. Такая уж ваша судьба, бульбаши — сражаться насмерть за товарища Сталина и отступать вместе с ним хоть до Омска, хоть до Байкала.

Как видим, патриотический марш на стихи Макара Кравцова «Мы выйдзем шчыльнымі радамі» вполне мог зазвучать с обеих сторон фронта. Вот что писал об этом беларуский историк Илья Курков:

> «Нет сомнения, что если бы Белорусская армия была создана и вступила бы в 1943 году в Белоруссию, то ее личный состав начал бы стремительно увеличиваться. К августу 1944 года это могло бы быть уже несколько армий количеством до миллиона штыков. И вот представим: в мае 1945 года существует огромная Белорусская армия, которая добивает фашистов, конечно, под лозунгами «За Родину!», «За Сталина!», но при этом ясно сознает, что своим существованием она всецело обязана белорусскому ЦК. В послевоенной политической жизни такая армия — очень сильный фактор. А как на это дело посмотрели бы, допустим, братья-украинцы?»...

Итак, все было готово для создания «Белорусской армии». Оставалось получить подпись Сталина под текстом постановления Государственного комитета обороны. Но после того, как в ноябре 1942 года под Сталинградом обозначился перелом в войне, идею тихо закрыли. И тем более не вспоминали о проекте создания беларуского национального войска летом 1944 года, когда пришла пора освобождать Беларусь от нацистов.

Максим Петров

Лесные евреи

1. Судьба евреев в Беларуси

Вопрос о судьбах советских евреев в период Великой Отечественной войны был в советской историографии одним из самых сложных. Советские историки старались не выделять евреев среди других граждан СССР, ставших жертвами немецкой оккупации. Этот «заговор молчания» имел еще одну сторону: в советской историографии практически ничего не говорилось о евреях – участниках партизанского движения и подполья.

Представление о «еврейской покорности – миф»

Во время Второй мировой войны на территории БССР погибло, по разным оценкам, от 600 тысяч до 1 миллиона евреев – уроженцев и жителей республики, а также депортированных сюда из разных стран Европы. Многие из тех, кто знает об этом, наверняка задавались вопросом: почему евреи не сопротивлялись, а покорно шли на смерть? Но в советское время этот вопрос на официальном уровне не обсуждался, как и тема Холокоста.

Сейчас стало ясно, что представление о «еврейской покорности» – миф. Так, беларуские историки Вячеслав Селемнев и Инна Герасимова утверждают, что более чем в 80 гетто существовали подпольные организации, члены которых собирали оружие. В некоторых гетто подпольщики принимали решения об использовании оружия во время проведения нацистами акций уничтожения: покорной гибели они предпочитали смерть в бою.

Так произошло в гетто Глубокого, Клецка, Копыля, Лахвы и Несвижа, где узники организовали вооруженные восстания. Как только прибывали отряды немцев и полиции, окружавшие гетто, становилось ясно, что сейчас начнется уничтожение людей. Подпольщики стреляли в немцев и в общей неразберихе пытались убежать сами и вывести как можно больше людей. В Слониме в июне 1942 года около 200 узников совершили побег, в сентябре того же года из гетто Мира убежали около 100 человек. Подпольщики гетто Баранович, Куренца, других городов и местечек вывели в лес сотни обреченных на смерть людей. В Новогрудке узники гетто, где содержались специалисты-ремесленники, за несколько месяцев прокопали тоннель длиной 170 метров, через который убежали около 260 человек.

В минском гетто с помощью коммунистического подполья был организован выход в партизанские отряды большого количества узников, из числа которых впоследствии было создано несколько партизанских отрядов и бригад. Бывали случаи, когда партизаны нападали на немецкие гарнизоны и освобождали узников гетто, например в Новом Свержене, в Косове.

* Статья написана на основе материалов Василия Матоха.

В лесу люди объединялись и жили общими семейными лагерями. В некоторых лагерях молодежи удавалось вооружиться и создать боевые группы. Например, партизанский отряд № 106 под командованием Семена Зорина состоял в основном из бывших узников минского гетто. В нем было 596 человек, из них 141 – в боевой группе.

Хозяйственные группы еврейских семейных отрядов (портные, сапожники, пекари, медики, часовщики, ремонтники и другие специалисты) обслуживали многие партизанские отряды.

«Евреи сами ничего не делают»

Прежде чем попасть в партизанские отряды, беглецам из гетто приходилось пройти множество испытаний и опасностей. Леонид Окунь, в 12 лет ставший связным между партизанским отрядом имени Суворова и подпольем гетто, вспоминал:

> «Очень везло тем беглецам из гетто, кто попадал в партизанские отряды, в которых уже было немало евреев, ранее ушедших из гетто с оружием, например в отряд им. Лазо, или в отряд им. Фрунзе, или в 1-й еврейский батальон 208-го партизанского полка. Больше выживали те, кто вырвался из гетто в 1943 г., когда все было ясно, где немцы, где партизаны, где возьмут еврея в отряд, где нет, а где и убьют».

Чтобы найти партизан, евреям в большинстве случаев требовалась помощь местного населения. В Беларуси отношение населения к евреям во время войны было значительно лучше, чем, например, в Прибалтике или Украине. Командование немецких «айнзатцгрупп» в своих донесениях жаловалось руководству на слабый антисемитизм беларусов. Так, в немецких донесениях из Минска за август 1942 года сообщалось:

> «Для беларусов не существует еврейской проблемы, евреи – люди, как и все остальные. К немцам плохо относятся как к «палачам евреев», евреям сочувствуют».

Секретарю подпольного Вилейского обкома КП(б)Б Ивану Климову партизанские связные в декабре 1942 года докладывали:

> «Белорусское и польское население исключительно сочувственно относится к страданиям евреев, оказывает им всяческую помощь питанием, скрывает их у себя, несмотря на то, что по законам фашистов за это строго наказывают, вплоть до расстрела».

Но хватало и антисемитски настроенных людей, особенно в Западной Беларуси. Люди, пережившие в 1939–41 гг. массовые аресты и депортацию родных и близких в Сибирь, винили во всем евреев-коммунистов. Такие настроения в годы войны под воздействием немецкой пропаганды усилились. В июле 1941 года в местечке Едвабно Белостокской области произошел погром, во время которого поляки убили более 1,5 тысячи евреев – своих соседей, с которыми они жили рядом десятки лет. Этот случай не был единичным – еврейские погромы поляки устраивали и в других местечках Белосточины, а также в Гродно, Новогрудке, Ивье.

Руководители партизанского движения признавали антисемитские настроения населения как фактор, который необходимо учитывать при проведении

пропагандистской работы. Например, вот что писал в своем отчете в апреле 1943 года руководитель могилевского подполья Казимир Мэттэ:

«В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности.

Остальная часть населения, советски настроенная, сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, т.к. они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной, попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны.

Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места, установили круговую поруку между собой, часто позволяли себе нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея, и т.д. И вот теперь евреи тоже ждут помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают, говорили они.

Учитывая настроение населения, невозможно было в агитационной работе открыто и прямо защищать евреев, т.к. это могло вызвать отрицательное отношение к нашим листовкам даже со стороны наших, советски настроенных, людей или людей, близких нам. Приходилось затрагивать этот вопрос косвенно, указывая на зверскую ненависть фашизма к другим нациям и стремление к уничтожению этих наций, на натравливание фашистами одной нации на другую, на то, что под лозунгом борьбы с евреями и коммунистами хотят уничтожить нашу Родину и т. д.»

Некуда бежать

Побег в лес далеко не всегда означал спасение. До весны 1943 года положение самих партизан было отчаянным. Немногочисленные и плохо вооруженные отряды, не имевшие массовой поддержки местного населения, скрывались в труднодоступных лесных и заболоченных районах. Партизаны считали небоеспособных людей обузой: старики, женщины и дети не были приспособлены к кочевой жизни, затрудняли быстрое перемещение партизан при облавах, выдавали месторасположение отряда. Узник гетто в местечке Ленин (Житковичский район) Борис Гинзбург вспоминал:

«К весне 1942 г. мы уже знали, что в брестских лесах скрываются небольшие вооруженные группы из окруженцев, но знали и другое: что евреев в эти отряды не очень-то и принимают и нередко убивают, а если кого-то, по везению, окруженцы и взяли к себе, то только того, кто пришел со своим оружием».

Ряд историков считает, что отношение руководства советского партизанского движения и коммунистического подполья к евреям было обусловлено прежде всего практическими соображениями. По мнению немецкого исследователя Уве Гартеншлегера, партийное руководство Минского подполья не было заинтересовано в массовом переходе евреев из гетто в партизаны, так как евреи были важной частью городского подполья, особенно рабочие-специалисты с их пропусками на важные промышленные объекты. Узники гетто, работавшие на

городских предприятиях, по заданию подпольщиков похищали оружие, медикаменты, соль (во время войны она была на вес золота).

Свои интересы в еврейском подполье имели и партизаны. Упомянутый выше бывший узник минского гетто Леонид Окунь был проводником партизанского отряда имени Пархоменко. Он вывел в отряд около 50 человек. Все они были специалистами, в которых нуждались партизаны. Позже Окунь вспоминал:

> «Мне посчастливилось вывести из гетто к партизанам примерно 50 человек. Я выводил людей в основном согласно указаниям партизан. В записке указывалось, человек какой специальности нужен партизанам, а иногда сразу называлась фамилия. Требовали вывести врачей определенной специальности, а также людей, разбирающихся в оружии, бывших солдат РККА и т.д.
>
> Один раз я ошибся. Мне сказали вывести из гетто доктора Лившица, я и привел к партизанам доктора Лившиц, женщину-гинеколога с двумя детьми, а партизанам нужен был хирург, мужчина, доктор Лившиц. На меня наорали! И если незадолго до этого случая партизаны дали согласие на то, чтобы я вывел к ним из гетто мою мать и семью сестры, то из-за этой ошибки со мной в тот день даже не стали разговаривать о моей семье. Коротко отрезали в ответ: «Потом выведешь!» Но это «потом» не наступило...»

Всего, по разным данным, из Минского гетто было выведено в лес к партизанам от 700 до 1200 человек.

Еще примерно 2–3 тысячи узников бежали из гетто самостоятельно, но большинство из них погибло по дороге в лес. Из воспоминаний Наума Циклина, узника гетто в местечке Ленин:

> «Нас спасли партизаны. В один из дней /осени 1942 г./ был налет партизан на местечко Ленин. Партизаны убили 18 немецких жандармов и часть полицаев, но многие полицаи успели убежать и попрятаться. К дому подбежал партизан, выбил окно прикладом и крикнул нам: «Бегите к костёлу!» Мы вылезли через окно, побежали к указанному месту. Там уже партизаны были готовы к отходу из местечка. Вокруг еще была слышна стрельба. И мы вместе с партизанами двинулись в лес. Прошли километров пятнадцать, остановились

Беларуские евреи в гетто

на поляне. Нас построили. К евреям подошел партизан, видимо командир, отобрал из толпы Любу Рабинович и ее брата, художника Мишу, и сказал: «Вы, двое, пойдете с нами. Остальные расходитесь по лесам и спасайтесь, кто как сможет!» Миша Рабинович спросил, может ли он взять с собой свою старую мать, но партизан ответил отрицательно. И партизаны ушли...»

Шпиономания

Новичков, самостоятельно переходивших к партизанам, всегда встречали настороженно. Антисемитизм и подозрительность породили среди партизан бредовую теорию, согласно которой немцы специально засылали в партизанские отряды лазутчиков-евреев, поскольку на еврея уж точно никто не подумает, что он немецкий шпион.

В составленной в 1942 года начальником разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения Аргуновым «Справке о провокационных методах борьбы с партизанами» говорилось:

«Для забрасывания в партизанские отряды в качестве разведчиков немцы используют евреев, надеясь на то, что партизаны, зная, что немцы евреев жестоко преследуют, будут оказывать им больше доверия...»

Ситуацию усугубил разгром Минского коммунистического подполья в октябре 1942 года. Немцы арестовали даже секретаря подпольного горкома Ивана Ковалева (1906–1943), которого использовали в пропагандистской кампании: 23 января 1943 года газета «Minsker Zeitung» опубликовала статью о проведении Ковалевым антисоветского митинга на одном из заводов Минска (Ковалев был реабилитирован в 1990 г.)

20 ноября 1942 года начальник ЦШПД Пантелеймон Пономаренко передал по радио приказ партизанским соединениям проявлять особую бдительность ко всем, кто прибывал в отряды из Минска:

«Немецкой разведкой в Минске организован подставной центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей, провокационных директив и ликвидации партизанских отрядов... Партизанским отрядам с представителями каких бы то ни было организаций Минска в связь не вступать и сведений о дислокации, количественном составе, вооружении и деятельности отрядов не давать».

Многие историки считают, что этот приказ сыграл роковую роль в судьбах многих беглецов из минского гетто.

Чужие среди своих

Евреи, принятые в партизанские отряды, были отважными бойцами. Так, командир отряда имени Кутузова Колитвинцев в отчете о деятельности своего отряда писал:

«Лучшими боевыми партизанами, законно заслужившими любовь в отряде, являются: Халявский Абрам Борисович, в отряде с мая 1942 г., на своем счету имеет 26 боевых операций, из них 10 взрывов вражеских эшелонов. Ком. взвода Агинский Ефим Самуилович, в партизанах с апреля 1942 г., на своем счету имеет 34 боевые операции, из них 12 взрывов и обстрелов вражеских автомашин. Шульц Вильгельм Александрович, партизан с ноября 1942 г., на своем счету имеет 22 боевые операции, из них 13

взрывов вражеских эшелонов. Шнейдер Ефим Семенович, в партизанах с апреля 1942 г., на своем счету имеет 22 боевые операции, из них 11 взрывов вражеских эшелонов и две диверсии по подрыву вражеских автомашин».

Из истории партизанского отряда имени Пархоменко:

«Партизан Фига Лейб Янкелевич 16 июля 1942 г. при уничтожении полицейского участка в м. Рубежевичи первым ворвался в здание, где полицейские вели огонь из пулеметов, и подавил все огневые точки. Этим самым дал возможность отряду уничтожить весь полицейский участок».

Но в партизанской среде евреи редко становились «своими в доску». Партизан отряда «Мститель» Файва Соломянский вспоминал:

«Очень трудно было рассеять тучи подозрительности и враждебности. Опасность всегда подстерегала еврея-партизана. Он должен был быть более осторожным не только перед немцами, но и перед соратниками в своем отряде. Десятки и сотни евреев нашли свою смерть от собратьев по оружию. Воздух был отравлен ядом антисемитизма. Немало помогла и немецкая пропаганда. Она утверждала, что война началась из-за евреев».

На первом плане — Яков Менкин, руководитель оружейной мастерской отряда имени Котовского (из Пинского соединения), беглец из Слуцкага гетто

Бывший партизан Абрам Рубенчик привел в своих воспоминаниях следующий эпизод. В отряде Михаила Ледяева бригады «За Советскую Белоруссию» воевал подрывник Хаим Подберезкин. Осенью 1943 года, выпив на радостях после удачно проведенной диверсии на железной дороге, Подберезкин с товарищами возвращался на телеге в отряд. Он правил лошадью, трое других партизан сидели сзади в телеге. Один из них, Козлов, предложил «кокнуть жида». Не услышав возражений, приставил к затылку Подберезкина обрез и выстрелом снес ему полголовы.

Вмиг протрезвев, партизаны решили заявить командованию, что попали в немецкую засаду, и что Подберезкина они похоронили у дороги. Однако расследование, проведенное командованием отряда, показало, что никакой засады не было. К чести партизанского руководства, реакция на это вопиющее преступление была жесткой: командира группы подрывников за сокрытие преступления расстреляли перед строем бригады, а Козлова повесили.

Сколько их было?

Пытаясь определить численность евреев, принимавших участие в партизанском движении, исследователи сталкиваются с рядом проблем. В период войны немцы в пропагандистских целях завышали количество евреев среди партизан. Еще до войны в СССР признавалась проблема отождествления евреев с комму-

нистами. Нацистская пропаганда сделала на это основную ставку, внедряя в массовое сознание тезис о тождественности коммунизма и еврейства. В немецкой пропаганде советское правительство именовалось «жидо-большевистским» или «жидо-коммунистическим». На пропагандистских немецких плакатах коммунистов изображали с подчеркнутыми семитскими чертами лица.

По мнению историка Евгения Розенблата, советское руководство опасалось, что наличие в партизанском движении большого количества евреев (неважно, мнимое или явное) скомпрометирует советское сопротивление в глазах местного населения на оккупированной территории. Поэтому партизанское командование шло на сознательное занижение количества евреев в партизанских формированиях, чтобы не играть на руку нацистам, стремившимся опорочить партизанское движение путем отождествления партизан и евреев.

Эта практика продолжалась и после войны, но уже по причинам политического и идеологического характера. Книга «Партизанская дружба», изданная Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК) в Москве в 1948 году, содержала воспоминания командиров партизанских отрядов о вкладе евреев в борьбу с нацистами. После разгрома ЕАК в ноябре 1948 года книга была запрещена, практически весь ее тираж уничтожен.

В справочнике «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Минск, 1983 г.), при указании процентной численности партизан различных национальностей евреев не упоминали. Например, в бригаде «За Советскую Белоруссию» Барановичской области из 962 партизан числилось: беларусов – 495, русских – 237, украинцев – 30, других национальностей – 200. Итак, 30 украинцев отмечены, а 127 евреев, воевавших в этой бригаде (30 из них погибли), «зашифровали». Таких примеров в справочнике множество*.

Инна Герасимова проанализировала именные списки 281.007 партизан и партизанских связных, хранящиеся в Национальном архиве Беларуси. Евреев среди них 8465 (3 %). Но это лишь те, кто не скрывал своей национальности. По мнению ряда исследователей, в действительности евреев-партизан было примерно 15 тысяч (5,3 %).

2. Отряд братьев Бельских

Голливудский режиссер, обладатель «Оскара» Эдвард Цвик снял фильм о Второй мировой войне под названием «Defiance» («вызов, сопротивление»).

В фильме с бюджетом 50 млн. долларов задействованы такие голливудские звезды, как Дэниел Крейг (Джеймс Бонд из «Казино Рояль»), Лив Шрайбер, Джим Белл. Но особое внимание журналистов привлек сюжет фильма, повествующий о реальной истории, произошедшей в Беларуси в годы войны: трое евреев – братья Бельские – создали еврейский партизанский отряд, действовавший в Налибокской пуще в 1941–44 гг.

* Справочник приводит следующие данные о национальном составе советских партизан на территории БССР: беларусы – 71,1 %; русские – 19,29 %; украинцы – 3,89 %; другие национальности – 5,72 %. – *Прим. ред.*

По пути в лес

Семья Бельских в XIX веке поселилась в деревне Станкевичи между Лидой и Новогрудком. Бельские принадлежали к немногочисленной прослойке беларуских евреев-крестьян. Поскольку в царской России евреи не имели права владеть землей, Бельские арендовали небольшие участки у соседей, а позже построили водяную мельницу.

В 1920 году их местность отошла к Польше. Осенью 1939 года Бельские стали советскими гражданами. Мельницу советская власть, разумеется, национализировала.

Среди одиннадцати детей семьи Бельских заметно выделялся старший сын, Тувия, родившийся в 1906 году. Окончив еврейскую и польскую школы, он знал русский, беларуский, польский языки, а также идиш и иврит. Благодаря немецким солдатам во время оккупации 1915–18 гг. выучил еще и немецкий. Призванный на срочную службу в польскую армию, Тувия дослужился до унтер-офицера. В сентябре 1939 года, когда произошло присоединение Западной Беларуси к БССР, он был владельцем магазина, позже национализированного.

Партизаны из отряда братьев Бельских (присел в центре Арон Бельский)

Младшие братья Бельские – Асаел и Зусь – были призваны в Красную Армию. Когда начались массовые депортации в Сибирь «чуждых элементов» из Западной Беларуси, Тувия Бельский, опасаясь ареста, устроился работать бухгалтером в Лиде.

После оккупации Беларуси немцами Асаел и Зусь, вышедшие из окружения, скрывались у соседей и в лесу, неподалеку от хутора родителей. Двоих братьев Бельских – Якова и Абрама – немцы арестовали и расстреляли. Тувия, переодевшись крестьянином, скрывался в окрестностях Лиды: там в гетто осталась его жена Соня.

В декабре 1941 года самый младший Бельский, Арон, вернувшись из леса после встречи с братьями, увидел фургон нацистов, увозивший с хутора его родителей. Он успел предупредить старших братьев, которые с другого хутора увели в лес сестру Тайбе, ее мужа, ребенка и свекровь. 7 декабря родители Бельские, а также Сила, жена Зуси, и ее новорожденная дочь были расстреляны вместе с 4 тысячами других местных евреев.

После многомесячных блужданий старшие братья – Тувия, Асаел, Зусь – и подросток Арон собрали в лесу всех оставшихся в живых родственников. В июне 1942 года Тувия вывел из лидского гетто жену Соню и ее родных. Позже они проникли в соседние гетто и вывели более дальних родственников.

Шалом, партизаны!

Вначале в отряде Бельских было менее 20 человек. Из оружия – только один пистолет с неполной обоймой. Командиром избрали Тувию. На протяжении года, вплоть до августа 1942 года, отряд постоянной базы не имел, маневрировал по лесу с целью быть необнаруженным. Хорошее знание местности и связь с местным населением позволяли Бельским избегать столкновений с немцами. В августе 1942 года им удалось наладить связь с Новогрудским гетто и организовать переход людей из гетто в отряд, который вырос с 80 человек до 250.

Осенью 1942-го отряд Бельских начал боевую деятельность: совместно с соседними партизанскими отрядами совершил несколько нападений на автомобили, посты жандармерии и железнодорожные разъезды, сжег восемь сельскохозяйственных имений и лесопильный завод на станции Новоельня. Было захвачено много трофейного оружия, и отряд завоевал авторитет среди партизан, а Тувия зарекомендовал себя как решительный и опытный командир. В феврале 1943 года отряд Бельских был включен в состав партизанского отряда «Октябрь» Ленинской бригады.

Весной 1943 года за счет беглецов из лидского гетто отряд вырос до 750 человек и стал отдельным партизанским отрядом Кировской бригады; им по-прежнему командовал Тувия Бельский. Заместителем и командиром боевого крыла отряда стал Асаел, Зусь руководил разведкой и контрразведкой. Арон, младший брат, был связным с гетто, другими партизанскими отрядами и местным населением.

Под названием «Партизанский отряд имени Калинина» отряд Бельских базировался в Налибокской пуще до самого изгнания немцев. В январе, феврале, мае и августе 1943 года немцы предприняли несколько операций, чтобы уничтожить лагерь Тувии. Однако благодаря умелым действиям и изобретательности командира каждый раз удавалось спасти людей с минимальными потерями. В июле 1944-го братья Бельские вывели из леса более 1200 спасенных евреев. Из них 296 входили в состав боевого отряда.

Асаел Бельский вместе с боевым отрядом присоединился к Красной Армии и погиб на фронте незадолго до Победы. Тувия и Зусь с семьями переехали в Польшу, а оттуда в Израиль.

В 1949 году Тувия Бельский опубликовал в Израиле книгу воспоминаний «Лесные евреи». В поисках лучшей жизни братья в 1955 году переехали в США, где много лет спустя ими заинтересовались американские исследователи. В 1993 году профессор университета штата Коннектикут Нехама Тек опубликовала книгу «Сопротивление. Партизаны Бельские». Именно на основе этой книги написан сценарий фильма, снятого Эдвардом Цвиком.

«Спасти еврея – важнее, чем убить немца»

Отряд Бельских пополнялся исключительно за счет евреев, бежавших из гетто Лиды и Новогрудка. В отряд принимали всех – женщин, детей, стариков. Это шло вразрез с практикой советских партизанских отрядов, которые обычно принимали в свои ряды боеспособных мужчин (зачастую только при условии наличия у них оружия). Возле баз партизанских отрядов существовали так называ-

емые «семейные лагеря», где жили члены семей партизан – женщины, дети, старики. Эти лагеря сильно снижали мобильность и скрытность партизанских соединений. «Семейников» нужно было охранять, кормить, одевать, лечить. Поэтому очень часто людей, пришедших к партизанам, те отправляли назад, мотивируя это тем, что у них «боевой отряд, а не богадельня». Для евреев изгнание обычно означало смерть, ведь возвращаться им было некуда. Обращаться за помощью к местному населению было опасно: людям, укрывавшим евреев, грозила смертная казнь.

Ситуацию усугубляли антисемитские настроения среди советских партизан. В докладных записках руководителей подпольных обкомов отмечалось:

«...Партизанские отряды им /евреям/ не помогают, еврейскую молодежь принимают к себе неохотно. Были факты, когда партизаны из отряда Н. Богатырева, отняв у пришедших оружие, отправляли их назад, так как антисемитизм в партизанской среде развит довольно сильно»...

«...Некоторые партизанские отряды принимают евреев, некоторые расстреливают или только прогоняют. Итак, у Грозного евреев порядочно, довольно их и у Зотова. Зато ни Марков, ни Стрелков евреев не принимают»...

Лесной Иерусалим

В отряде Бельских вооруженные бойцы составляли менее четверти от общего количества людей. Командиры других партизанских отрядов считали, что Бельские должны избавиться от непомерно разросшегося «семейного лагеря» и активизировать диверсионную и боевую деятельность.

Кадр из американского фильма «Вызов»

Но Тувия пригласил посетить базу своего отряда секретаря Барановичского подпольного обкома партии генерал-майора Василия Чернышева. Тот увидел хорошо оборудованные и замаскированные подземные блиндажи, в которых жили люди и располагались различные мастерские: сапожные, пошивочные, оружейные, кожевенные, а также подземный госпиталь. Генералу подарили кожаное обмундирование и сапоги, изготовленные в мастерских лагеря. Он узнал, что в лагере есть 60 коров, 30 лошадей, что люди здесь не только находятся на самообеспечении, но и помогают другим. После посещения отряда Бельских Чернышев прекратил всякие разговоры о ликвидации «семейного лагеря».

Боевое крыло отряда – свыше 100 человек под командованием Зуся Бельского – совершало успешные диверсии против немецких оккупантов: подрывники отряда пускали под откос поезда, сжигали и взрывали мосты, повреждали линии связи.

«Боевое крыло» отряда братьев Бельских

В Налибокской пуще был не просто семейный отряд, это было настоящее, хоть и кочующее, селение: с хлебопекарней, со своим скотом, с мыловарней и баней, больницей и школой, здесь были кузнецы и гончары, повара и портные, были даже музыканты, игравшие по праздникам и на свадьбах. Была и синагога, где вел службы раввин Давид Брук.

В марте 1944 года обитатели семейного лагеря отряда Бельских собрали и передали в фонд обороны страны 5321 рубль, 1356 немецких марок, 45 долларов, более 250 золотых и серебряных монет, около 2 кг золота и серебра ломом.

Материальной поддержки с «Большой земли» Бельские не имели: за все время существования отряд получил всего-навсего «два автомата, 2500 патронов, 32 гранаты и 45 кг толу». Бельские ничего не требовали от советского командования и держались достаточно независимо.

Основной своей задачей Тувия считал спасение как можно большего количества евреев. Организовав побег группы узников гетто из Лиды, он обратился к ним со следующими словами:

«Друзья, это один из самых счастливых дней в моей жизни. Ради таких моментов я и живу: посмотрите, сколько людей сумело выбраться из гетто! ...Мы принимаем всех и никому не отказываем: ни старикам, ни детям, ни женщинам. Нас подстерегает множество опасностей, но, если нам суждено будет умереть, мы, по крайней мере, умрем как люди».

Будучи неплохим дипломатом, Тувия Бельский поддерживал хорошие отношения с местным населением и соседними партизанскими отрядами. К тому же, по воспоминаниям Окуня, «Бельского определенно боялись»:

«У отряда были «острые зубы» и отборные ребята-головорезы, польские евреи, не отличавшиеся излишней сентиментальностью. Подрывники Бельского вообще считались асами диверсий и пользовались большим уважением и авторитетом в партизанской среде».

Тем не менее, в упомянутом справочнике «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)», изданном в 1983 году, ничего не говорится ни о братьях Бельских, ни об их отряде. Не нашлось места даже для партизан-евреев: в справочнике они скрыты в графе «другие национальности», хотя среди этих «других» евреи составляли абсолютное большинство.

Кто позволил бы в СССР писать о героических подвигах партизан-евреев, эмигрировавших после войны в Израиль?! К тому же деятельность отряда Бельских совершенно не укладывалась в схему советского партизанского движения. Лозунг «Лучше спасти одного еврея, чем убить десять немецких солдат» радикально расходился с советскими лозунгами, призывавшими уничтожать немцев любыми способами, не считаясь с потерями.

Еврейский партизанский отряд братьев Бельских и семейный лагерь при этом отряде в годы войны не имели аналогов ни в одной из стран Европы.

Иван Данилов

Что делали чекисты в беларуских деревнях

Вот что сказал наш великий писатель Василь Быков в одной из своих книг:

«В годы войны всей партизанщиной руководила Москва. Оттуда присылали разные группы. В том числе и чекистские – под видом разведывательных. Но что было выведывать в глубоком немецком тылу? В лесах, болотах и глухих деревнях? Я все думал, что-то здесь не то.

Оказалось, и в самом деле не то. У чекистских групп было вполне определенное задание: уничтожать «классово чуждый элемент». Не добитый в предвоенные годы. Что они и делали, опираясь на местный актив. Иногда сами, иногда руками немцев – как Минское подполье. А разведка – это любимая «крыша» всех чекистов»*.

В 1943 году особый партизанский отряд НКВД расстрелял семью Саливончика, жителя соседней деревни Язвины за то, что Саливончик, бывший член КПЗБ и политический заключенный польской тюрьмы, во время немецкой оккупации работал агрономом в имении Винче и помогал своим сельчанам в трудоустройстве. Эт бессмысленное убивство не только самого Саливочника, но и его жены и двоих детей потрясло тогда все окрестные деревни. По своей жестокости оно ничем не отличалось от террора нацистов. Нацисты тоже расстреливали не только одного подозреваемого, а всю его семью.

При нашей партизанской бригаде имени Молотова, Пинского соединения, тоже был особый отряд НКВД, который размещался изолированно от других отрядов. И я не помню, чтобы он участвовал в какой-нибудь боевой операции. Бойцы этого отряда не ходили подрывать железную дорогу, не устраивали засад, не нападали на полицейские и немецкие гарнизоны. Даже когда мы вели упорные оборонительные бои вдоль Днепро-Бугского канала, когда погибло много партизан и нам пришлось отступить на вторую оборонительную линию, никто из отряда НКВД не пришел нам на помощь.

Зато они широко занимались карательными операциями по отношению к так называемым «немецким прислужникам» среди мирного населения. В число таких «прислужников» могли включить кого угодно при малейшем подозрении или доносе. Например, «ездил в город, и его видели, как он разговаривал с немцами», хотя немцы или полицейские могли просто подойти и проверить повозку крестьянина и спросить, из какой он деревни. В «прислужничестве» немцам каратели из отряда НКВД как раз и обвинили упомянутого выше Саливончика, не пощадили даже его жену и детей.

Эту семью я вспоминаю по двум причинам. Во-первых со старшей дочерью Саливончика – Марией – я учился четыре года в одном классе польской школы и хорошо знал ее родителей. Во-вторых, во время войны и после нее я наводил

Из книги И.П. Данилова «Записки западного белоруса». Минск: Логвинов, 2007, с. 217–223.

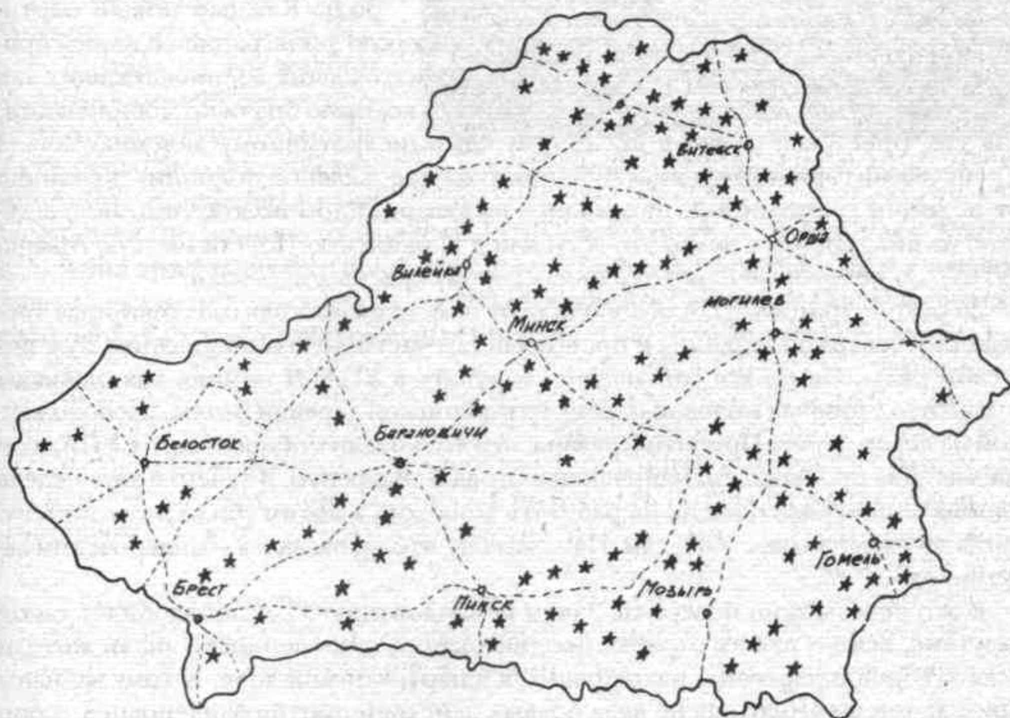
* Быкаў В. Парадоксы жыцця. Мінск: Беллітфонд, 2004, с. 284.

справки, чтобы выяснить, в чем же заключалась вина Саливончика? Я детально расспрашивал об этом своего отца, который ранее был связан с ячейкой КПЗБ в деревне Язвины, и в которой в то время состоял также и Саливончик. Так вот, Саливончик работал простым агрономом, никого из своих бывших товарищей по комячейке немцам не выдал, но отказался участвовать в подпольной работе.

Видимо, Саливончик основательно разочаровался в советской власти за период 1939 – 1941 годов, а это разочарование подкрепил так называемый «показательный колхоз», созданный в то время в деревне Язвины. Этот колхоз в действительности преподал всем наглядный урок коллективной безответственности и бесхозяйственности.

От других жителей деревни Язвины, в том числе от своего друга Саши Ордашевского, я узнал некоторые подробности о том, почему Саливончик отказался участвовать в подпольной работе вместе со своими прежними товарищами по ячейке КПЗБ. Оказывается, при досрочном освобождении из польской политической тюрьмы он поклялся на Библии, что никогда больше не будет заниматься политикой и покинет ряды КПЗБ. Эту клятву Саливончик строго соблюдал. В польской тюрьме он окончил курсы агрономов-овощеводов и стал грамотно вести свое небольшое хозяйство. Посещение его теплиц для знакомства с овощеводством входило в нашу школьную программу.

По рассказу моего отца Саливончик заявил бывшим товарищам по ячейке, что он отказывается участвовать в подпольной работе, но никогда не станет доносить на них немцам. «Я хочу быть нейтральным», сказал он. Но быть ней-

Дислокация отрядов и спецгрупп НКВД-НКГБ на территории БССР в 1941–1944 гг.

тральным ему не дали. Все жители окрестных деревень считали тогда и до сих пор считают, что убийство семьи Саливончик – это вопиющее преступление карателей из отряда НКВД.

О «боевых» похождениях этого отряда мне довелось узнать более основательно от моего дальнего родственника, служившего там рядовым. До войны он окончил три класса польской гимназии, бегло говорил по-немецки и выполнял иногда роль переводчика. А житель нашей деревни Аксентий Гутель, переселившийся еще при польской власти за Днепро-Бугский канал, выполнял в отряде роль завхоза. Он подчинялся только командиру отряда майору Бондаренко. Этот майор любил вкусно поесть, поэтому завхоз Аксентий собирал по хуторам, расположенным в партизанской зоне, яйца и масло для своего начальника.

Немецкий плакат времен войны

Со слов моего родственника я знаю, что отряд чекистов выполнял фильтрационную роль. Каждый новый партизан, перешедший к нам из полиции, проходил такую фильтрацию. В нашей бригаде было много бывших полицейских, а точнее бывших военнослужащих так называемой «зеленой» украинской полиции, в которую брали по мобилизации, так как Брестская область по новому административному делению вошла в рейхскомиссариат «Украина». Военнослужащие «зеленой полиции», в отличие от полиции гражданской, находились на казарменном положении. Большинство из них, порвав с немцами, вступали в Украинскую Повстанческую Армию (УПА), но некоторые переходили на сторону красных партизан.

За рекой Припять УПА освободила от немецких оккупантов обширные территории северной Украины и проводила там частичную мобилизацию мужчин в свои ряды. Но не все соглашались вступать в УПА. Я помню, как однажды в наш отряд прибыл молодой парень из украинской деревни Ветлы, расположенной на левом берегу Припяти и заявил, что его хотели мобилизовать в УПА, а он убежал. Для проверки его направили в отряд Бондаренко. В течение двух недель хлопца «проверяли», заставив работать конюхом, а потом убили в тот момент, когда он насыпал овес лошадям. Нам сказали, что он оказался «бандеровским лазутчиком».

В это невозможно поверить. Зачем командованию УПА понадобился такой лазутчик, если о наших отрядах, их дислокации и численности знали жители всех хуторов и деревень, находившихся в партизанской зоне. К тому же наша бригада имени Молотова не вела боевых действий против бандеровцев, а они никогда не нападали на наши заставы. Ситуация обострилась значительно поз-

же, когда Красная Армия вступила на территорию, контролируемую УПА, и Сталин приказал уничтожать отряды украинских националистов.

До сих пор я хорошо помню этого несчастного парня. И всегда сам себя спрашиваю: зачем понадобилось майору Бондаренко так поспешно и необдуманно убивать молодого человека? Ведь украинские деревни Ветлы, Мукошин и другие, расположенные севернее Припяти, находились в переходной зоне. Небольшими отрядами по 10–15 человек мы свободно заезжали в эти деревни. Можно было навести справки о любом человеке.

Ответ можно найти в книге Марка Солонина«22 июня, или когда началась Великая Отечественная война». Автор пишет, что сотрудники карательных органов принесли в партизанское движение все свои навыки, приобретенные в годы массовых репрессий. Подозрительность, выходящую за всякие разумные рамки, привычку к провокациям, жестокость по отношению к мирному гражданскому населению, полное безразличие к судьбам людей... Все это в полной мере проявилось в деятельности так называемых «чекистских отрядов», наспех слепленных из оперативных сотрудников НКВД.

Вот так чекисты расстреливали своих

После войны родственники людей, пострадавших от злодеяний майора Бонадаренко, обращались в советские и партийные органы с жалобами на неоправданный террор. В ответ на эти жалобы местные власти стали распространять слух, будто бы майор Бондаренко был «английским шпионом» и совершал свои бесчинства «по заданию из Лондона»! Понятно, что это — грубая ложь. Такого же мнения придерживался и мой дальний родственник, который считал, что его бывший начальник «растворился» где-то в огромном Советском Союзе и спокойно продолжал службу в карательных органах.

Сергей Захаревич

Мы за ценой не постоим: Об операции «Багратион»

1. Восторженная оценка

«Белорусская операция явилась выдающимся событием не только Великой Отечественной, но и всей 2-й мировой войны. В ходе ее была разгромлена одна из наиболее сильных вражеских группировок – группа армий «Центр». Большие потери понесли также группы армий «Север» и «Северная Украина». 17 дивизий и три бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий лишились более половины своего состава. Было уничтожено около 2000 самолетов противника. Гитлеровцы потеряли убитыми, раненными и пленными около полумиллиона человек. (...)

В результате Белорусской операции были созданы благоприятные условия не только для нанесения новых мощных ударов по вражеским группировкам, действовавшим в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше, но и для развертывания наступательных операций американо-английских войск, высадившихся в Нормандии.

Успехи Советской Армии в Белорусской операции свидетельствовали о высоком уровне советского военного искусства...»*

Так ли это? Действительно ли:

– Операция «Багратион» являлась *ВЫДАЮЩЕЙСЯ* стратегической операцией («самая красивая операция» – как выразился кто-то из советских историков)?

– Операция явилась *ПОЛНОЙ НЕОЖИДАННОСТЬЮ* для немецкого командования (полагавшего, что главный удар последует на Украине и державшего там в ожидании этого удара свои основные танковые войска?

– Операция свидетельствует о новом *КАЧЕСТВЕ* Красной Армии, якобы превзошедшей качество Вермахта?

Внимательный взгляд на обстоятельства операции «Багратион» позволяет уверенно заявить: эти прописанные еще в сталинские времена тезисы действительности не соответствуют. Проще говоря, они являются мифами.

2. Планы сторон

Первый «Багратион», или преамбула к лету 1944-го

Мало кто обращал внимание на тот факт, что июньский «Багратион» был ...вторым по счету. Первая попытка стратегического наступления в Беларуси имела место полугодом ранее.

Как внедрить миф в массовое сознание? Применительно к операциям Второй мировой войны советская пропаганда избрала очень простой метод – все события необходимо «систематизировать, классифицировать, пронумеровать

* «Белорусская операция 1944 г.», Советская Военная Энциклопедия, Т. 1, М., 1990, с. 361.

по порядку и датировать», после чего от одних событий внимание отвлечь на другие.

Так произошло, например, со Сталинградской операцией. Замышлявшаяся как *ВТОРАЯ* по значимости (оттого и назвали ее «Ураном»), она, благодаря достигнутому успеху, подменила собой первую по значимости операцию – «Марс» (Ржевско-Сычевскую наступательную операцию с 25 ноября по 20декабря 1942 г.), завершившуюся провалом.

Вопрос: «Основные события второй половины 1942 года на советско-германском фронте?» Ответ: «Оборонительная и наступательная операции советских войск под Сталинградом». Вопрос: «А что вы скажете об операции «Марс»?» Ответ: «А что это за операция?» Что и требовалось.

Подбитый советский танк типа «Шерман»

Та же история произошла с «Багратионом».

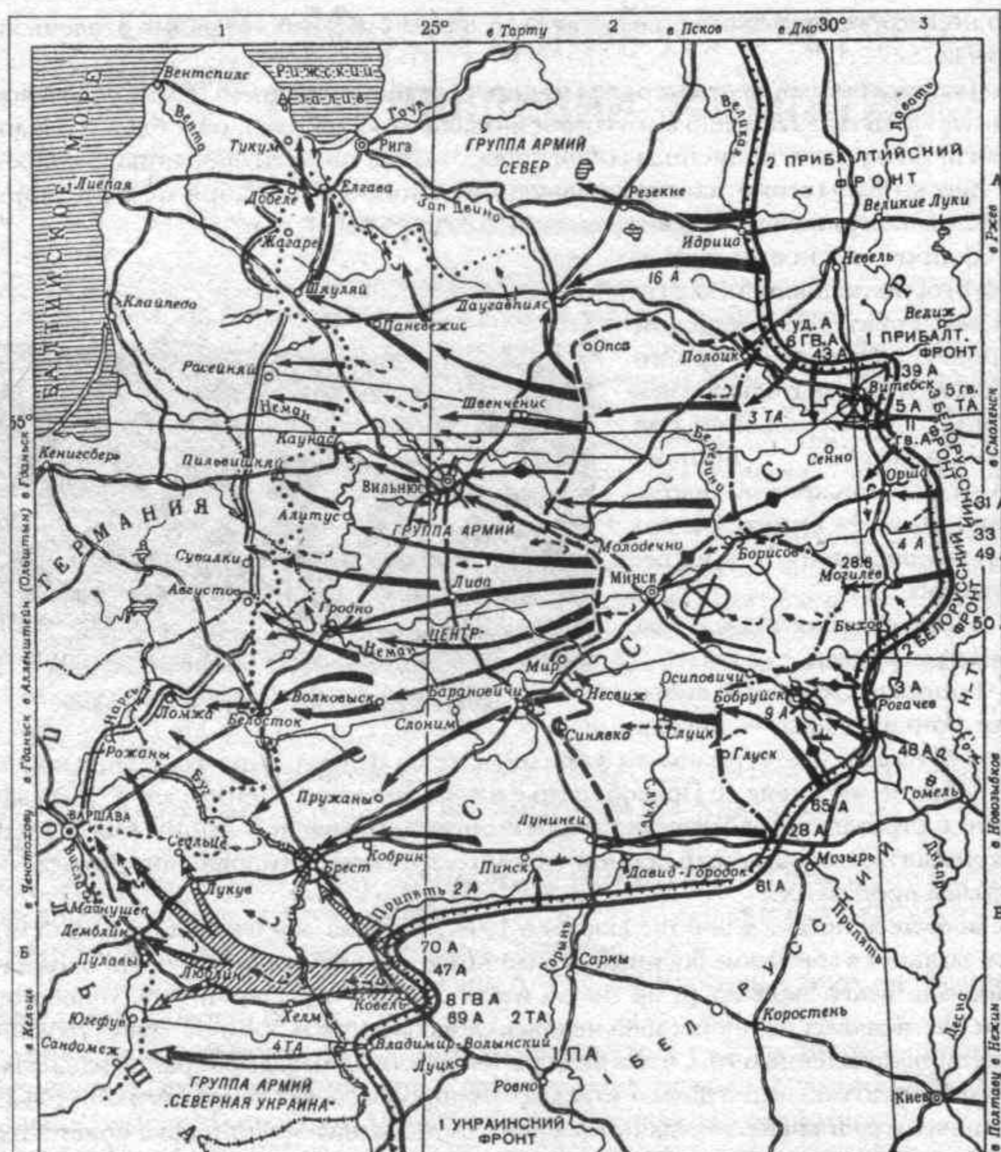
Вопрос: «Основные события конца 1943-го – начала 1944 гг. на советско-германском фронте?» Ответ: «Наступление советских войск на Украине, выход на ее Правобережье и в Закарпатье». Вопрос: «А что вы скажете о стратегической наступательной операции Красной Армии в Беларуси и Прибалтике в указанный период?» Ответ – молчание. Хорошо поработала советская пропаганда!

Боевые действия в районе Нарвы в 1944 году – из той же «оперы». Любой, кто заглянет в советские военные справочники, уверенно скажет, что продолжалась она всего неделю (с 24 по 30 июля 1944 г.) и завершилась успешно, при очень малых потерях (4685 человек безвозвратно – 3,4% от задействованных сил). Заявление о том, что в действительности Нарвская операция началась за полгода до указанной даты – в феврале, сопровождалась большими потерями и проводилась крайне неудачно (почти 200-тысячная группировка советских войск полгода не могла выдавить с нарвского плацдарма несколько сборных дивизий полевых и ваффен-СС) вызовет у многих шок.

Кстати говоря, здесь, плечом к плечу с немцами, бельгийцами и скандинавами дрались эстонцы и латыши. Неудачные 6 месяцев (получившие в западной историографии название «битва европейских СС») из советской историографии просто выбросили вместе с жертвами, оставив одну победную неделю. Вот как нужно писать историю! А теперь русские шовинисты рьяно защищают советские сказки.

Схожая история произошла и с «освобождением БССР».

Смешно думать, что Сталин, развернув наступление в Украине, после самостоятельного ухода немецких войск из-под Вязьмы и Ржева, а также вытеснения их из Смоленска и Брянска, игнорировал главное стратегическое направле-

БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 23.VI–29.VIII.1944 г.

МАСШТАБ 1:7 000 000

70 0 70 140 210 280 км

- Положение сторон к исходу 22.VI
- Положение советских войск 28.VI
- Положение советских войск 4.VII
- Положение советских войск 31.VII
- Направления главных ударов советских войск
- Положение советских войск к концу операции
- Направление наступления войск левого крыла 1-го Белорусского фронта 18.VII–31.VII
- Направление наступления войск 1-го Украинского фронта 13.VII–31.VII
- Действия подвижных групп советских войс[к]
- Действия Днепровской военной флотилии
- Разграничительные линии между фронтами
- Районы окружения и уничтожения группировок немецко-фашистских войск
- Контрудары немецко-фашистских танковых войск
- Отход немецко-фашистских войск

ние – беларуское. Он и не игнорировал – наступательные операции в Беларуси в 1943 году были проведены, и вовсе не как «вспомогательные». Но потом Украина подменила собой всю вторую половину 1943-го и начало 1944 годов – потому что боевые действия на ее территории завершились успешно. В отличие от Беларуси.

Беларуская стратегическая операция конца 1943 – начала 1944 годов была спланирована в Генеральном штабе РККА как стратегическая, но неудачный ход ее заставил советских историков забыть о ней впоследствии. «Забыли» очень просто – основной акцент сделали на Украину, а боевые действия в Беларуси разделили на шесть *частных* наступательных операций!

Однако известно, что любая частная операция фронтов обязательно прорабатывалась в Генштабе, а затем утверждалась Ставкой ВГК, т.е. лично Сталиным. Анализ сроков начала этих якобы частных операций (одновременное наступление (6–10.10.1943 г.) фронтов в районе Городка и на оршанском направлении, а затем резкий перенос главных усилий на противоположный фланг центрального сектора – в район Гомеля; одновременное наступление в январе – феврале 1944 года сразу по трем направлениям (Витебск, Мозырь, Рогачев) позволяет сделать вывод о *стратегическом* характере замысла. Суть этого замысла – концентрическое наступление в направлении Минска с северо-востока и юго-востока, с целью глубокого охвата германских войск. Численность задействованных войск тоже свидетельствует о далеко не «частном» характере операций: в октябре 1943 года было задействовано 1.270.200 человек, в начале 1944-го – 900.780 человек.

Но все эти операции завершились пшиком. В невельско-городокской операции Калининский фронт потерял 43.551 человек безвозвратно и 125.351 санитарными потерями; Западный фронт в наступлении на Оршу потерял 24.553 безвозвратно и 79.867 санитарными; в Гомельско-Речицкой операции Белорусский фронт утратил 21.650 безвозвратно и 66.556 санитарными потерями. В Калинковичско-Мозырской операции тот же фронт потерял безвозвратно 12.350 человек (плюс 43.807 санитарными), в ходе Рогачевско-Жлобинской операции 7165 безвозвратно и 24.113 санитарными. Одновременно, в ходе Витебской наступательной операции 1-й Прибалтийский и Западный фронты потеряли безвозвратно 27.639 человек и 107.373 санитарными. Итого 136.908 человек безвозвратных потерь, 422.954 человека – санитарных. В сумме – 559.862 человека. Огромная цифра!

Сама по себе операция «Багратион» не была шедевром военной мысли. Что действительно впечатляет, так это успешное материально-техническое обеспечение и снабжение продовольствием огромной массы советских войск.

Линия фронта к началу операции проходила восточнее Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска, у Жлобина она круто поворачивала на юго-запад и шла по южному берегу реки Припять до украинского Ковеля.

Согласно директиве Ставки от 31 мая, план операции предусматривал прорыв немецкой обороны на 6 участках, одновременными ударами на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях.

То есть, основная идея наступления была древней (войска князей Черкасского, Трубецкого и Долгорукого в 1654 году наступали почти так же) – удары на

Минск с северо-востока (в полосе Витебск – Орша) и с юго-востока, через Жлобин, Рогачев и Бобруйск*.

«После окружения и уничтожения витебской и бобруйской группировок противника войска 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов должны были нанести сходящиеся удары на Минск, окружить и уничтожить главные силы 4-й немецкой армии восточнее Минска и выйти на линию Молодечно – Столбцы»**.

Вот что сказано по этому поводу в «Советской исторической энциклопедии»:

«Занимая в Белоруссии фронт от озера Нещердо (западнее г. Невеля) до г. Ковеля протяжением в 1100 км, советские войска начали наступление 23 июня на фронте в 700 км от Полоцка до Мозыря силами 14 общевойсковых, 1 танковой армии, 2 конно-механизированных групп, 4 отдельных танковых корпусов и 4 воздушных армий, имея на этом участке двойное превосходство над противником в людях (свыше 1200 тыс. чел. боевого состава против 500 тыс. чел.), тройное в артиллерии (свыше 24 тыс. орудий и минометов) и четырехкратное по танкам и самолетам (свыше 4 тыс. танков и САУ, свыше 5300 самолетов)»***.

Гаубичная батарея в бою

Главная «новизна» данной операции заключалась в колоссальной численности войск. Вот почему «Багратион-2» не ограничился 2–3 отдельными ударами. Уместно образное сравнение: если представить немецкий фронт в Беларуси в качестве дощатого забора, то советские войска выстроились от одного его угла до другого и ломали *все* доски в заборе, а не две-три. Только в одном месте доску отламывал один человек, а в других (на Витебско-Оршанском и Бобруйском участках) ее ломали сразу три – четыре человека.

К этому времени советское командование отказалось от метода «глубокой операции» (после провального стратегического наступления «от моря до моря» в первой половине 1942 года) в пользу другого, который можно окрестить методом «широкого взлома». Одним из первых его применил командующий Западным фронтом Иван Конев в ходе операции «Марс». Впоследствии его стали применять повсеместно – благо состояние Вермахта тому способствовало.

Использование метода «широкого взлома» было решением логичным, применительно к реалиям Восточного фронта. Немцы, значительно уступавшие своему противнику численностью, не могли обеспечить надежность обороны на всем протяжении фронта. Еще в период проведения советскими войсками Лю-

* Читал в Интернете, что план вторжения российской армии в суверенную Беларусь, разработанный «на всякий случай» после «Оранжевой революции» на Украине, повторяет этот замысел. – *Прим. ред.*

** Советская Историческая Энциклопедия. Том 2. М., 1962, ст. 236.

*** Там же.

банской наступательной операции (январь – апрель 1942 г.) немецкие наблюдатели в полосе Волховского фронта отмечали, что 1 км германской обороны обеспечивает всего один взвод при одном пулемете – такая вот *плотность*.

То есть, прорыв первой полосы немецкой обороны был делом относительно несложным, сложности начинались позже.

Возникает вопрос: отчего при столь малой насыщенности вражеского фронта войсками советские армии не прорывали этот фронт всегда и повсеместно? Оттого, что советские войска были крайне неповоротливым механизмом – удары свои наносили преимущественно вдоль важнейших коммуникационных линий и упирались эти удары, как правило, в крупные населенные пункты. Но именно эти направления немцы прикрывали куда плотнее, нежели остальные участки фронта.

«Катюши» ведут огонь

Сознавая недостаток сил, немецкие генералы в период советского наступления в Украине стали применять метод «эластичной обороны»: в первой оборонительной полосе держали относительно немного войск, располагая основную массу в глубине, в первую очередь танковые и механизированные части. При этом главным было действовать гибко, не стремясь удерживать определенные рубежи «любой ценой», своевременно (при глубоком вклинивании противника в оборону) выводя пехоту из-под фланговых ударов и одновременно нанося сильные танковые контрудары из глубины.

Танковые подразделения в глубине обороны не могли достать ни советская артиллерия, ни «сталинские соколы», опасавшиеся летать во вражеское расположение дальше 30 км. И вот, относительно легко прорвав первую линию немецкой обороны, советские войска тут же получали по просунутым пальцам удары бронированным молотком танковых частей Вермахта, атакующих из глубины. Такую оборону РККА могла растянуть, но не могла прорвать.

С успехом опробовав подобную тактику зимой 1943–44 гг. (Коростень, Житомир, Мелень) командование группы армий «Юг» во главе с Эрихом фон Манштейном решило построить на ней стратегию борьбы с численно превосходящим противником в Украине, сделав ставку на изматывание советских войск и нанесение им максимальных потерь в живой силе. Манштейн и компания сделали правильный вывод о том, что в конце 1943 года Красная Армия стала ощущать недостаток резервов. Но черту под стратегическими выкладками своих генералов подвел лично фюрер. В ответ на предложения Манштейна он:

а) запретил впредь любой отход без его личного на то разрешения (чем подставлял под удар противника немецкие части, значительно уступавшие противнику числом людей и количеством техники);

б) приказал удерживать оборонительные рубежи до последней возможности даже в условиях обхода противником флангов (чем загонял немецкие войска в советские «котлы» и подставлял под массированный огонь артиллерии). Можно сказать, что именно на совещании в своей ставке 27 декабря 1943 года Гитлер за 6 месяцев до основных событий предопределил судьбу группы армий «Центр».

Столь длинная преамбула потребовалась для того, чтобы пояснить – прорыв первой полосы немецкой обороны в Беларуси был делом относительно несложным, благодаря колоссальному численному преимуществу советских войск, дело оставалось за *развитием* успеха. Но вот тут-то, как показали последующие события, план операции был проработан *недостаточно.*

Главная проблема метода «широкого взлома» заключалась именно в этом: распылив войска по всему фронту, трудно создать достаточные резервы для развития успеха в глубину.

Кроме того, недостаточной оказалась тактическая подготовка войск на предмет «сколачивания» подразделений и боевого взаимодействия, а такая подготовка была крайне необходима частям, переполненным новобранцами.

Немецкий ответ

Операция «Багратион» была спланирована исключительно *по карте.* И если бы командование германской группы «Центр» имело соответствующие резервы, она завершилась бы в лучшем случае на Березине, а в худшем в 50–100 км от рубежа наступления.

> «Операция «Багратион» является триумфом советской теории военного искусства благодаря хорошо скоординированному наступательному движению всех фронтов и проведённой операции по дезинформации противника о месте генерального наступления, начавшегося летом 1944 года».

Вопреки этой популярной в России басне, советское наступление в Беларуси неожиданностью для немцев не стало – неожиданностью явилось его успешное развитие.

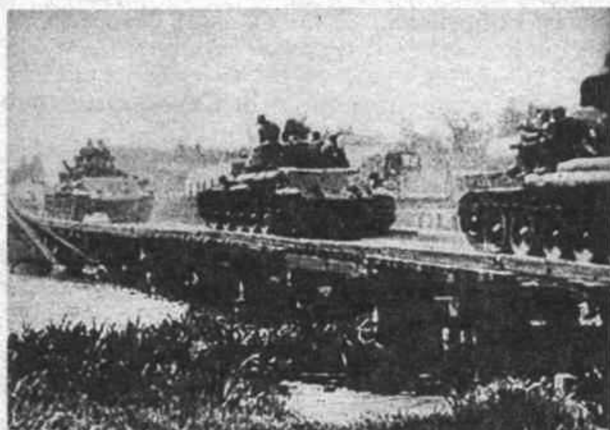
Как и все другие крупные советские наступательные операции, «Багратион» был вскрыт немцами – силами армейской, авиационной и радиоразведок – к 10 июня, за две недели до ее начала. Информация была тут же направлена в ставку Гитлера. 14 июня состоялось заседание, на котором обсуждался этот вопрос, для чего был вызван командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Эрнст Буш.

Застрявшая самоходка

Как преподносила советская пропаганда немецкий план обороны? Примерно так:

«В штабе сухопутных сил укоренилось убеждение Гитлера, что советское наступление произойдет на территории Западной Украины, в полосе группы армий «Северная Украина». Поэтому там и сосредоточили основные силы немецких танковых армий (немецкое командование планировало там нанести мощный контрудар по ожидаемому советскому наступлению). На просьбу командования группы армий «Центр» выделить ей по крайней мере более крупные резервы было заявлено, что общая обстановка на Восточном фронте не допускает иной группировки сил».

То есть, пропагандируется тезис «мы их перехитрили». Но это ерунда. Неожиданностью для немецких военных чинов и гитлеровской верхушки «Багратион» не был. Дело совсем в другом.

Советские танки на мосту

Э. Буш потребовал от Гитлера разрешения отвести войска на рубеж реки Березины, чтобы свести на нет весь замысел советского командования. Решение это было простым, логичным и эффективным.

Во-первых, тем самым немцы избегали самого сильного первого удара Красной Армии.

Во-вторых, выравнивался фронт и устранялись опасные выступы в сторону «красных».

В-третьих, полоса обороны при этом сокращалась, происходило уплотнение боевых порядков войск.

В-четвертых, почти все партизанские зоны в Восточной Беларуси оказывались перед немецким фронтом, а не позади него.

Первый удар «советов» пришелся бы по пустому месту, а беспрепятственно продвинувшись за Днепр и Друть, советские войска уперлись бы в новую линию немецкой обороны, проходящую по естественному речному рубежу. В итоге, весь «Багратион» ограничился бы несколькими более или менее глубокими вклинениями при весьма существенных потерях.

Но судьба группы армий «Центр» была решена не в Москве, а в «Волчьем логове» фюрера:

«Гитлер, как обычно, запретил отход, и несчастные соединения группы армий «Центр», оборонявшиеся на чрезвычайно растянутом фронте, оказались фактически изолированными друг от друга еще до наступления русских» (Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999, с. 412).

Тогда Э. Буш попросил выделить ему дополнительные подкрепления для обеспечения большей плотности обороны на прежних рубежах. На что снова последовал отказ – общая обстановка на фронтах не допускала подобной меры. Здесь фюрер был прав – 6 июня 1944 года западные союзники высадились в Нормандии (операция «Повелитель»). Все резервы Германии направлялись те-

перь во Францию. Так что дело было отнюдь не в пресловутых «танковых армиях» в Украине, да и не требовалось много танков в лесах и болотах Беларуси – хватило бы пехоты. Но фюрер «был уверен», что новое советское наступление можно успешно отразить наличными силами.

Своим «гениальным» решением он подставил под удар многократно превосходящих сил РККА свои не шибко многолюдные войска, вдобавок вытянутые в тонкую нить по дуге, да еще и с выступами в районах Витебска, Орши, Могилева и Бобруйска.

3. Соотношение сил

Главной причиной неудач в предыдущих наступательных операциях Красной Армии был недостаток сил. Сразу подчеркнем: недостаток по советским меркам. Среднемесячная списочная численность РККА в 3-м квартале 1943 года составляла 6.816.800 человек против 1,5 млн немцев на Восточном фронте. При подобном соотношении сил в пользу Вермахта немцы через неделю вошли бы в Москву. А вот применительно к Красной Армии, побеждавшей не умением, а исключительно числом (вопреки выдумкам на сей счет «российских» авторов) этих сил было маловато. Мясорубка Сталинграда и первой половины 1943-го обескровила РККА, к Смоленску и Днепру советские части подошли изрядно поредевшими. Несмотря на неимоверные усилия мобилизационных органов в 4-м квартале 1943 года наблюдалось резкое падение среднемесячной списочной численности войск РККА – с 6.816.800 до 6.387200, – на 429,6 тыс. человек.

Снайпер Роза Шанина (1924–1945)

И вдруг численность войск вновь стала увеличиваться. В 1-м квартале 1944 она еще ниже предыдущего периода – 6.268.600, но затем последовал неудержимый рост – 2-й квартал – 6.447.000; 3-й квартал – 6.714.300; 4-й квартал – 6.770.100. После чего непрерывный спад продолжался до самого конца войны.

Чем был обусловлен рост? Выходом Красной Армии на бывшие «временно оккупированные врагом территории». С этих территорий советские военкоматы в 1941-м году не успели призвать «мобилизационные ресурсы», зато теперь они старались вовсю: бурным потоком хлынуло «пушечное мясо» сразу 33-х призывных возрастов (1895–1927 годов рождения) в поредевшие части, в основном с Украины, Смоленщины и Брянщины. Это важное обстоятельство советские историки всегда игнорировали, а ведь именно ему обязана своим успехом операция «Багратион».

Именно беларусы и украинцы вдохнули жизнь в выдыхающееся советское наступление.

Не спешите крутить пальцем у виска: я прекрасно осведомлен о том, что Смоленщина и Брянщина – «исконно русские земли», а стало быть, русскими и населены. Однако известно мне и то, о чем всегда молчала советская пропаганда: по большевистским переписям 1920-х годов население Смоленщины «вплоть до города Клина» (в Московской области) было сплошь беларуским. Свыше 9 миллионов беларусов насчитали здесь в 20-е годы большевистские переписчики, и лишь несколько десятков тысяч – русских. Так, 9/10 населения Смоленщины составляли этнические беларусы. Очень высоким был процент беларусов и на Брянщине. Но куда испарились эти миллионы беларусов в следующие 20 лет? Никуда. Просто их объявили «русскими», и постепенно они сами стали считать себя таковыми. Сбылась давняя мечта Петра Столыпина и Лукьяна Солоневича!

Такие были дороги в Беларуси

Свежая кровь позволила сталинским военачальникам пополнить одни части, заново развернуть другие, увеличить их концентрацию на важнейших направлениях.

К операции привлекались войска 4-х фронтов (1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го Прибалтийского): 168 стрелковых и кавалерийских дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 20 бригад. Общая численность этих войск составляла, по официальным данным, около 2,4 млн. человек. Они имели 36,4 тысяч орудий и минометов калибром свыше 76 мм, около 5200 танков и САУ, более 5 тысяч боевых самолетов.

На беларуском направлении советское командование сконцентрировало *более трети* (!) всего списочного состава войск, имевшихся в стране в тот период (37 % от 6 млн 447 тыс.). А фактически – еще больше.

Приведенные официальные цифры далеко не полные. В них обычно не включают 1-ю армию Войска Польского Зигмунта Берлинга – 80 тысяч человек. Не включают и советских партизан на территории БССР (по разным оценкам от 40 до 130 тысяч человек). Но главное, в это число не входят так называемые «вороны».

«Как правило, освободив от немцев определенную территорию, советское командование собирало все военнообязанное население и, часто без оружия и военной формы, гнало его в бой. Так, например, было в харьковском наступлении мая 1942 года. Солдаты называли наспех мобилизованных «воронами» (по темной гражданской одежде). В наступлении «ворона» могла быть вооружена лопатой, штыком, в редких случаях винтовкой, из которой она не умела стрелять. Вопрос: кем считать этих ворон, попавших в плен, – солдатами, гражданскими лицами или партизанами? Немцы поступали так: если у «вороны» была наголо под машинку острижена голова или же она имела винтовку – «ворона» считалась пленным. (...)

Сами немцы были потрясены зрелищами этих «трупозаваливающих» атак. Вот свидетельство из письма домой одного немецкого солдата летом 43-го: «На вновь занимаемой территории Красная Армия призывала все население, мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники не обучены, большинство из них без оружия, а многие – без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами /как жители оккупированных территорий. – *Авт.*/ и платили буквально своими жизнями за это подозрение»*.

Итак, этих людей сразу отправляли на убой. Но выбора у них не было – в советском тылу на положении заложников оставались их семьи. Так вот, ни по каким списочным ведомостям они не проходили (в лучшем случае попадали в список взводного или ротного командира, написанный от руки, откуда потом та же рука их вычеркивала), а паспортов эти преимущественно сельские жители не имели (паспорта для селян вел только Хрущев в 1956 г.). В результате после боя командир подразделения не знал, кому и на кого писать «похоронку»: тело павшего бойца имеется, но кто он и откуда – неизвестно. Так в учетных документах появлялась графа «Задолженность по похоронным листам», то есть убито, к примеру, 50 человек, а «похоронок» отправлено 25, остальные 25 – «задолженность».

Ф. Меллентин, описывая бои в районе Коростеня (декабрь 1943 г.) отметил появление в составе войск РККА частей, сформированных из жителей Киевской области. А ведь Киев был занят (или освобожден?) всего полтора месяца назад! И вот уже гибнут под немецким огнем люди, только что набранные «в Киеве и под Киевом».

То ли вброд, то ли вплавь

В августе – сентябре 1944 года в районе Биржая (Летува) вела кровопролитные бои 357-я стрелковая дивизия 43-й армии. Основу дивизии составляли беларусы, набранные преимущественно с Витебщины, куда Красная Армия пришла всего полтора месяца назад. Какое обучение могли пройти эти новобранцы за полтора месяца, если одна только дорога с Витебщины до Биржая заняла более двух недель? Вот и писал после боя командир 1192-го стрелкового полка этой дивизии отчет о «захоронении 41 трупа», из которых «установлено по документам» только 10 человек. А в общей сводке о потерях дивизии «за период с 28.08.44 по 04.09.44 г.» отмечена все та же «задолженность по похоронным листам».

* Соколов Б. Красный колосс. Почему победила Красная Армия? М., 2007, с. 172–173.

Так что общая численность советской группировки, готовившейся к наступлению в Беларуси, была в диапазоне от 2,6 до 2,8 миллионов человек – более половины предвоенной численности РККА.

Что противопоставили этому немцы? По официальным советским данным группа армий «Центр» имела 60 дивизий общей численностью 1,2 млн. человек при 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и САУ, а также 1350 самолетов.

«Официально» РККА превосходила противника численностью войск – в 2 раза; по числу орудий и минометов – в 3,8 раза; по числу танков и САУ – в 5,7 раз; по числу боевых самолетов – в 3,7 раза*.

Советские автоматчики форсируют реку

Несложно понять, что при прежних 700 тысячах, имевшихся в войсках Белорусского фронта в конце 1943 года, столь внушительное превосходство над противником отсутствовало, следовательно – *невозможен был и успех операции.*

Но на самом деле сил у немцев было гораздо меньше. Не было у них 1350 самолетов, так как с 1942 года они постепенно перебрасывали свою авиацию с Востока на Запад для отражения налетов союзников. Группу «Центр» поддерживали около 650 машин всех типов, включая самолеты так называемых «беспокоящих» ночных отрядов, вооруженных разнообразным летающим «антиквариатом». Отсюда возникает интересный вопрос – как могли немцы в ходе «Багратиона» потерять 2000 самолетов, если их изначально было только 650?!

Не было у них ни 900 танков, ни даже 600 – в группировку входила всего одна танковая дивизия да еще 4 моторизованных (в основном в составе 3-й танковой армии на крайнем левом фланге фронта в районе Витебска – Орши), в сумме они набирали самое большое 400 машин.

Не было и 9,5 тыс. орудий и минометов – насчитывалось только 3,2 тысячи «стволов» всех калибров. Но хуже всего обстояло дело с живой силой.

В группировке было 49 дивизий, а не 60. Это немецкие 30 пехотных и 5 танково-моторизованных дивизий. Плюс к ним «винегрет»: 1 кавалерийская, 2 авиаполевых, 1 учебная, 6 охранных. Плюс венгерские дивизии: 1 пехотная, 1 кавалерийская, 2 запасные.

Численность в 1,2 млн человек советские историки взяли «с потолка». 49 дивизий не могли дать 1,2 млн человек даже по штату 1943 года (16.855 человек в пехотной дивизии), не говоря уже о штате 1944 года (12.801 человек) – 825.895 и 627.249 человек соответственно (а ведь штат личного состава в танковых, кавалерийских, охранных дивизиях был значительно меньше)**.

* Военный энциклопедический словарь. Том 1. М., 2001, с. 161.

** Кстати, даже 60 дивизий по штатам 1944 года набрали бы в сумме менее 768 тыс. чел. – *Прим. ред.*

Некоторые «расейские» авторы учли это обстоятельство и предъявили «свежую» цифру – дескать, 849 тысяч солдат и офицеров оккупационных войск топтали своими сапогами многострадальную землю Беларуси, истомившуюся в ожидании сталинских освободителей. Но и эта цифра далека от правды по той причине, что немецкие дивизии не были укомплектованы даже по штату 1944 года. Уже летом 1942 года некомплект немецких частей на Восточном фронте составил более 600 тысяч человек. В дальнейшем положение только ухудшалось. Потеряв от всех причин в июле – октябре 1943 года 654 тысячи человек, Восточный фронт пополнений за эти 4 месяца получил лишь 279 тысяч.

Красноармейцы в наступлении

Начав войну в 1941 году с 3 млн. человек, Вермахт скатился до 1,5 млн. на весь Восточный фронт. Значительную часть людских ресурсов съедала оккупированная Европа (только в Северной Франции, Бельгии и Голландии стояли 39 дивизий). Поэтому российским авторам пришлось констатировать очевидный факт и после высосанной из пальца цифры 849 тысяч штыков в скобочках пояснять: «из них на фронте – *486 тысяч*».

Итак, немцы уступали четырем советским фронтам в живой силе почти в 5 раз (2,4 млн – 0,48 млн)!

Тут возникает еще один интересный вопрос: если немцев было всего 486 тысяч, то каким таким образом группа армий «Центр» в ходе операции «Багратион» умудрилась потерять 500 тысяч человек? Выходит, что истребили всех! Кто же тогда воевал дальше?! Пришлось «уточнить» и эту цифру. Сейчас россияне сократили ее до 399 тысяч: 289 тысяч убитых и пленных, 110 тысяч раненных.

4. Ход операции

Итак, 23 июня 1944 года в наступление пошли войск 2-го и 3-го Белорусского фронтов, а также 1-го Прибалтийского против войск 3-й танковой и 4-й полевой армий Вермахта.

На третьи сутки (25 июня) 43-я и 39-я армии окружили Витебск (его обороняли две пехотные и две авиаполевые дивизии 53-го армейского корпуса). На следующий день, 26 июня этот корпус предпринял контратаку с целью прорыва, но 27 июня был практически полностью рассеян. Все же советская 4-я ударная армия так и не смогла приблизиться к Полоцку.

Попытка реализовать витебский успех провалилась – введенная в прорыв 5-я танковая армия П. Ротмистрова на подходах к Березине напоролась на прибывшие с Украины танки 5-й танковой дивизии генерал-майора Декера, и, несмотря на свое пятикратное превосходство (524 танка и САУ против 125), потерпела поражение, понеся очень большие потери (295 танков – 56 %).

2-й Белорусский фронт только через неделю – 28 июня, сумел форсировать Днепр и занять Могилев.

Таким образом, к исходу недели боев, советские войска на северном участке, несмотря на продвижение на разных участках на 50–150 км, стратегического прорыва еще не достигли.

1-й Белорусский фронт свое наступление, по просьбе его командующего Г.К. Жукова начал сутками позже, 24 июня. На шестой день, 29 июня, продвинувшись вперед на 100 км, войскам фронта удалось окружить и взять Бобруйск. Сообщения советских историков, тиражирующиеся поныне, о «полном уничтожении окруженной группировки противника» в бобруйском «котле» действительности не соответствует – большая часть немецкой группировки вырвалась из района Бобруйска. Однако именно эта операция открыла советским войскам путь к Минску.

Если после окружения части своих войск у Витебска и Могилева немцы, тем не менее, восстановили подобие фронта на тех направлениях, использовав рубеж реки Березины, то после прорыва у Бобруйска образовалось здоровенное «окно», которое не могли закрыть немецкие части, только что вырвавшиеся из-под Бобруйска и не успевшие ни оправиться, ни перегруппироваться.

С самого начала операция приняла оборот, неожиданный для фюрера и его ближайших советников Йодля и Кейтеля. Немецкие войска в Беларуси были атакованы превосходящими силами *на всем протяжении фронта*, а не отдельных его участках. На направлениях главных советских ударов фронт был прорван уже в первые дни, и сразу возникла угроза окружения группировок, оборонявших Витебск и Бобруйск. Но отойти своевременно с этих участков немецкие войска не могли ввиду «ценных» указаний фюрера о запрете на отход и об удержании флангов в условиях глубокого вклинения про-

Минометчики в бою за Гродно (июль 1944 г.)

тивника. В результате войска оказались в окружении, хотя легко могли избежать этой участи:

> «Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования, мы, откровенно говоря, удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2, М., с. 256–257).

С самого начала возникли сложности и у советских войск. Войска, окружившие немцев под Витебском и Бобруйском, не сумели осуществить перегруппировку подвижных соединений для наступления на Минск, а введенная в прорыв 5-я танковая армия прорыва не добилась. Кроме того пехота, застрявшая в первой полосе немецкой обороны на ликвидации многочисленных очагов сопротивления, отстала от танковых и механизированных частей. В районах восточнее Минска образовалось «месиво», состоявшее из: а) из разбитых и отступающих немецких войск; б) не слишком настойчиво преследующих их советских стрелковых дивизий; в) советских механизированных дивизий, оторвавшихся от своей пехоты и пытающихся реализовать возможности глубокого охвата; г) партизанских формирований.

Недостатки в планировании операции стали очевидны. Вот как скромно свидетельствует об этом советский «официоз»:

> «Одним из недостатков в боевом использовании *некоторых* танковых соединений и объединений и кавалерийских корпусов, являлось то, что они в ряде случаев втягивались в затяжные бои за крупные населенные пункты, что вело к большим потерям и снижению темпов наступления. Отрицательно сказывались также случаи потери управления подвижными войсками при развитии наступления и при преследовании; отвлечения главных сил для решения второстепенных задач.
>
> Самым сложным вопросом в ходе наступления на всех фронтах было артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине, особенно при преследовании, что объяснялось отставанием артиллерии. Основными причинами ее отставания были прежде всего низкие темпы восстановления мостов и запаздывание с подвозом горючего и боеприпасов»*.

28 июня, уточняя новую задачу фронтам, Ставка ВГК сделала «втык» командованию 5-й танковой армии:

> «Ставка недовольна медленными и нерешительными действиями 5 гв. ТА и относит это к плохому руководству ею со стороны тов. Ротмистрова. Ставка требует от 5 гв. ТА стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке».

Темп продвижения советских частей не выдерживался. Далее должны были последовать контрудары немецких резервов из глубины – и фронт застрял бы где-нибудь на линии Березины. Тем бы и завершился весь «Багратион». Не видать бы «советским» Минска. Но здесь сыграло свою роль очень простое, но чрезвычайно важное обстоятельство – *в глубине немецкой обороны было пусто.* А где же резервы?

* Советская Военная Энциклопедия, Том 1, М., 1990, с. 361.

Дело тут не в пресловутых «украинских танках» (роль бронированного молотка, действующего из глубины своей обороны, могла бы сыграть и наличная 3-я танковая армия со своими пятью дивизиями). Да вот беда – 3-ю танковую невозможно было снять из-под Витебска, ибо нечем было заменить ее в первой полосе обороны. Группа армий «Центр» вообще не имела действенных резервов!

Историки почему-то игнорируют тот факт, что все три стратегические операции Красной Армии в центральном секторе фронта (Беларуская, Висло-Одерская и Берлинская) на завершающем этапе войны разворачивались по одному и тому же сценарию – прорыв первой линии немецкой обороны и ...всё. Далее безостановочное продвижение вглубь территории при полном отсутствии контрударов ввиду отсутствия в глубине вражеской обороны каких-либо войск.

Подбитый немецкий танк

Главная причина отсутствия у немцев резервов заключалась в том, что на дворе стояли последние числа июня 1944 года. Высадившись в Нормандии, союзники в кратчайшие сроки развернули там группировку свыше 2 млн. человек. С этого момента все немецкие резервы уходили во Францию. Там оказалась даже 30-я гренадерская дивизия ваффен-СС (1-я беларуская). Набранная в Беларуси для борьбы с большевиками, она свой первый бой приняла в районе Маркольсхайма с американцами и французами.

Успех операции «Багратион» обеспечило отсутствие резервов в глубине немецкой обороны. А это, в свою очередь, стало следствием высадки в Нормандии англо-американцев, оттянувших на себя все наличные немецкие резервы. Без успеха «Повелителя» не было бы и успеха «Багратиона». То есть, объяснение прямо противоположное вымыслам советско-российских авторов: дескать, только благодаря «Багратиону» союзники добились успеха в Нормандии!

В результате с 29 июня наступление продолжалось без особых проблем, если не считать больших потерь. Но кольцо «итогового» окружения немецких войск под Минском (в районе Волмы) существовало лишь на карте. Ударные советские группировки в районе Минска действительно сомкнулись, а по флангам их постоянно текли разрозненные группы немецких войск, так как для создания плотного кольца советское командование не сумело (по причине отставания пехоты и артиллерии) сконцентрировать достаточно сил.

Да, восточнее Минска в плен попало много немецких военнослужащих. Ведь отступавших «на своих двоих» от внешнего периметра обороны германцев давно обогнали советские подвижные части, так что немцы перемещались по уже враждебной территории, постоянно, группами и поодиночке, попадая в плен. То есть, не было никакого «Минского котла», его просто нарисовали на карте.

Не было и 100 тысяч немецких пленных в этом несуществующем котле. Эту байку, живущую до сих пор, еще 40 лет назад опроверг маршал Г.К. Жуков:

«К 11 июля, несмотря на оказанное сопротивление, окруженные немецкие войска были разбиты, взяты в плен или уничтожены. В числе *57 тысяч пленных* оказалось 12 генералов, из них три командира корпуса и 9 командиров дивизий. Еще несколько дней продолжалось вылавливание отдельных групп солдат и офицеров противника, пытавшихся выйти к своим войскам. Но так как немцы быстро отступали, они никак не могли добраться до своих» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 2, М., с. 258–259).

Теперь требовалось безостановочно развивать успех в западном направлении, но сил у Красной Армии становилось все меньше и меньше, а сопротивление немцев все более упорным, поэтому на линию Барановичи – Вильнюс советские войска вышли только к концу месяца. На Белосток существенно поредевшие части наступали с 5 по 27 июля просто по инерции. Еще несколько судорожных попыток – и фронт остановился восточнее Варшавы. Без малого, на полгода. И снова свидетельствует маршал Жуков:

«Все же я должен сказать, что командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действий. В связи с тем, что сплошного фронта обороны у немцев не было *и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно* (выделение моё – *Авт.*), немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 2, М., с. 266–267).

Операция «Багратион» завершилась.

Пленные немцы

Каковы же ее итоги?

Вот что пишут об этом сейчас:

«В результате проведенной операции Красная Армия освободила территорию всей Белоруссии, большей части Литвы, заняла часть Польши, и вышла к границе Германии в Восточной Пруссии. Советские войска продвинулись на 300 – 500 километров».

Но чтобы делать выводы об итогах операции, надо сначала выяснить, каковы были ее цели. Современные российские авторы утверждают, что якобы:

1) Предполагалось занять всю территорию Беларуси и Летувы. Насчет Беларуси – понятно, а вот что касается Летувы, то Ставка могла лишь надеяться на благоприятное течение операции. После провалов полугодичной давности никто наперед не мог предположить, что «Багратион» завершится успешно.

2) Выйти на побережье Балтийского моря в районе Клайпеды (Мемеля). Ну да – аккурат там, куда вышли, ни правее, ни левее.

3) Выйти к границе Восточной Пруссии (Сувалки). Опять же поражает точность. Выйти именно сюда, ни в коем случае не пересекая границу Восточной Пруссии!

4) Выйти на территорию Польши (Люблин). И упаси боже продвинуться дальше того места, где застопорилась Красная Армия в реальности.

5) Длительность операции – 40–50 суток.

Совершенно ясно, что все это придумали гораздо позже и притянули «за уши» к реально достигнутым результатам.

Но какие подлинные цели преследовал «Багратион»? Более правдиво на сей счет сказано в «Советской военной энциклопедии»:

«Замысел операции сводился к тому, чтобы глубокими ударами четырех фронтов разгромить основные силы группы армий «Центр» в тактической и ближайшей оперативной глубине и создать предпосылки для последующего наступления советских войск в западных областях Украины, Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше.

Предусматривался одновременный прорыв обороны врага на 6 участках, окружение и уничтожение фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, разгром оршанской и могилевской группировок.

Затем планировалось сходящимися ударами трех Белорусских фронтов в общем направлении на Минск *окружить и уничтожить основные силы группы армий "Центр"*» (ст. «Белорусская операция 1944 г.», Советская Военная Энциклопедия, Т. 1, М., 1990, с. 360).

Итак, не «разгромить», а «окружить и уничтожить». Разница очевидна: Ставка ВГК не желала и дальше видеть перед собой группу армий «Центр», пусть в ослабленном состоянии. Ее следовало уничтожить в Беларуси с тем, чтобы РККА без помех наступала вглубь Европы.

А вот эта *стратегическая задача* не была решена. Из Беларуси немцев вытолкали, «предпосылки» для наступления в Прибалтике, Польше и Восточной Пруссии создали, но уничтожить группу армий «Центр» (впоследствии группу «А») не удалось. В сентябре 1944-го она по-прежнему противостояла Красной Армии в центральном секторе. А РККА в ходе наступления выдохлась настолько, что фронт под Варшавой застрял до января 1945 года – пока англо-американцы в Арденнах вновь не оттянули на себя последние немецкие резервы.

5. Соотношение потерь

В июле 1944 года «ведомство лжи» – Совинформбюро – опубликовало сводку, в которой потери немецких войск с 23 июня по 23 июля оценивались в 381.000 убитых, 158.480 пленных (всего около 540 тыс.), 2735 танков и САУ, 631 самолёт, 57.152 автомашины.

Американский исследователь Стивен Залога в 1995 году оценил потери немецких войск к моменту капитуляции 4-й армии следующим образом: 300–350 тысяч человек, в том числе до 150 тысяч пленных.

Ныне официальная российская версия такова, что Вермахт потерял в ходе операции «Багратион» убитыми и пленными 289 тысяч, ранеными 110 тысяч. Всего – 399 тысяч человек.

Потери Красной Армии за 68 суток составили: убитыми и пропавшими без вести – 178.507 человек, ранеными и больными – 587.308 человек. Всего – до 766 тысяч человек. О пленных и дезертирах советская статистика молчит. А их тоже было не менее нескольких десятков тысяч человек. Следовательно, соотношение потерь 1 : 2 в пользу немцев. Боевые потери советской стороны в технике: 2956 танков, 2447 орудий и минометов, 822 самолёта.

Эта информация не соответствует действительности.

Реальные цифры

По немецким данным потери Вермахта были очень тяжелыми, но отнюдь не такими, какими их изображали советские авторы: 26.397 убитых, 109.776 раненых, 262.929 пропавших без вести или сдавшихся в плен, всего 399.102 человек. Так что 22 попавших в плен немецких генерала и 12 погибших вовсе не доказывают колоссальные потери Вермахта по сравнению с РККА.

Вдобавок надо отметить что это потери не только группы армий «Центр» (у которой к моменту начала «Багратиона» на фронте в Беларуси имелось (по нынешним российским данным) 486 тысяч человек, но также украинских и прибалтийских группировок немцев, участвовавших в операции, в том числе после 30 августа 1944 года.

Потери же советской стороны – это, как гласит поговорка, «ложь в форме статистики». Между тем их масштаб можно вычислить, пусть приблизительно.

Цифра в 178.507 безвозвратных и 587.308 человек санитарных потерь приведена в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» (М., 2001). Но она не стыкуется с другими цифрами, содержащимися (что весьма примечательно!) в том же исследовании. Таблицы 133–134 (с. 250–253 в упомянутой справочной книге) сообщают, что потери РККА и РККФ в 3-м квартале 1944 года (период проведения «Багратиона») составили:

– безвозвратные (убитые, умершие на этапах санитарной эвакуации, умершие от ран в госпиталях, умершие от болезней, погибшие в результате происшествий, пропавшие без вести и попавшие в плен) – 510.790 человек;

– санитарные – 1.545.442 человека.

В указанный период времени проводились 5 стратегических операций (в том числе Восточно-Карпатская, которая началась в 3-м квартале, но продолжалась и в 4-м) и 10 самостоятельных фронтовых операций. Общая численность потерь

в них совершенно не совпадает с приведенными выше цифрами. Так, безвозвратных потерь насчитывается всего 387.675 человек, в том числе 178 с лишним тысяч официальных жертв «Багратиона» (вместе с Восточно-Карпатской — 414.518 человек).

Но нам важно не это, а *пропорция.* Она составляет 2,17–2,32 (разделить общее число официально павших в 3-м квартале 1944 года на 178.507 официально погибших «багратионовцев»). Если мы применим эту пропорцию к более достоверной цифре в 510.790 человек, приведенной в справочнике Генштаба, то получим количество безвозвратно потерянных людей в интервале от 215 до 235 тысяч человек, и санитарных потерь (пропорция от цифры 1.545.442) в интервале 666–712 тысяч человек.

Много пленных немцев

Но и это еще не все — известно, что официальные советские данные весьма далеки от подлинной трагической картины так называемой Великой Отечественной войны. Согласно этим данным вооруженные силы СССР за время войны потеряли 8,2 миллиона человек, тогда как в действительности — от 26,3 до 26,9 млн человек!*

Как же установить, хотя бы приблизительно, истинные советские потери в «Багратионе»? Очень просто. «Нарисованная» цифра 8,2 млн отличается от реальной (около 26,6 млн) в 3,2 раза. Умножим полученную выше численность погибших в «Багратионе», выведенную из официальных данных (215–235 тыс. безвозвратно) на 3,2 и получим 688–752 тысяч человек.

Выходит, что реальные советские потери в операции «Багратион» таковы:

– на основе официальных данных: 215–235 тысяч безвозвратно, 666–712 тысяч санитарными;

– по неофициальным оценкам: 645–705 тысяч безвозвратно, 1,1–1,5 млн санитарными.

Эти цифры не противоречат общим данным о списочной численности РККА. Так, если в 3-м и 4-м кварталах 1944 года еще наблюдался рост среднемесячной численности войск (за счет выгребания с Украины и Беларуси 33-х призывных возрастов) – 6.714.300 и 6.770.100 человек соответственно, то уже к 1-му кварталу 1945 года произошло резкое необратимое падение этой численности (вследствие огромных потерь в Беларуси и на Украине) – 6.461.100 человек в 1-м квартале, 6.135.300 человек – во 2-м.

* Напомним, что ряд российских авторов оценивает сейчас общие потери Советского Союза в людях цифрой 40–42 млн человек, из них до 27 млн в вооруженных силах и 13–15 млн гражданского населения. – *Прим. ред.*

Та же картина наблюдается при подсчете потерь боевой техники. Если совместить (включая 2447 танков и 822 самолета «Багратиона») все потери РККА в стратегических операциях за 1944 год (см. таблицу 189 в исследовании «Россия и СССР в войнах XX века»), получим 12.734 танков и САУ, 4040 самолетов. Но это никак не вяжется с итоговыми данными потерь в боевой технике за 1944 год, содержащимися в таблице 186 все того же исследования: 23,7 тысяч танков и САУ и 30,5 тыс. самолетов (из них 10,4 тыс. – боевых потерь).

Используем тот же метод и определим пропорцию: 12.734 танков делим на 2447 «багратионовских», а 4040 самолетов делим на 822. Получаем 4,3 и 4,9 соответственно. Затем применим эту пропорцию к реальному количеству потерянного «металла» – 23,7 тыс. танков, 10,4 тыс. самолетов.

Танк Т-34 перед Домом правительства в Минске

Выходит, что потери советской техники в операции «Багратион» следующие:

– танков и самоходок – 5,5 тыс. единиц;

– самолетов – 2,1 тыс. единиц (вместе с небоевыми – 6,2 тыс.).

Вот истинная цена операции. Красная Армия, как и прежде, несла потери многократно превышавшие потери противника, многократно уступавшего своими силами «советским». Такое вот «высочайшее военное искусство»!

В этой связи скажу несколько слов о двух других операциях Второй мировой войны.

Первая – штурм линии Маннергейма на Карельском перешейке в 1939–40 гг. Десятки тысяч бойцов погубило тогда командование РККА в тупых попытках прорвать эту линию долговременных укреплений, что называется, «в лоб». Ради чего? Исключительно для того, чтобы доказать: «нет таких препятствий, преодолеть которые не смогли бы большевики».

Другая – десантная операция американцев с целью захвата атолла Тарава в архипелаге Гилберта на Тихом океане (ныне республика Кирибати). Атолл, в центре которого на острове Бетио находился аэродром, защищал японский гарнизон численностью 4700 человек. Американцы захватили атолл за пять дней жестоких боев.

Японский гарнизон погиб полностью (в плен попали только 17 раненых солдат). Американцы потеряли 985 морских пехотинцев убитыми и 2193 ранеными. Общее соотношение потерь 1 : 1,5, соотношение погибших 1 : 4,8 в пользу американцев. По советским понятиям – просто великолепное соотношение. Но американское командование оценило потери как катастрофические и отка-

залось от подобной тактики. Все другие укрепленные острова они потом либо месяцами бомбили с воздуха и обстреливали с моря, перемалывая гарнизоны еще до начала высадки десанта, либо просто блокировали, обрекая японцев на смерть от голода.

Вывод очевиден. Суть «высочайшего искусства» советских полководцев в годы войны сводился к тому, чтобы сначала обеспечить себе колоссальное превосходство над противником в людях и вооружении, а потом в бесконечных лобовых атаках гробить своих бойцов до тех пор, пока у немцев не кончатся резервы и боеприпасы. Или, образно выражаясь, до того момента, «когда враг задохнется под горами трупов наших солдат». Ничего другого мы не видим ни в одной операции периода 1941–1945 гг.

Эти слова полностью применимы и к операции «Багратион» — действительно самой успешной среди всех стратегических операций Красной Армии.

6. Двух зайцев сразу...

Чем была эта операция для беларусов? Принято считать, что освобождением от режима оккупантов, непрерывно истреблявших беларусов на протяжении 36 месяцев. Но вот любопытный факт:

«В январе 1944 года к немцам перебежал командир 1346-й разведроты 253-й стрелковой дивизии капитан Игорь Капор. До этого, в декабре 1943-го, он был на переподготовке при разведотделе штаба Белорусского фронта, где и познакомился с приказом о том, какая судьба ждет население Белоруссии.

Суть этого плана и изложил в своей речи Островский (Радослав Островский — председатель Белорусской Центральной Рады): "Я приведу один тайный приказ НКВД, который говорит, что в занятых опять советскими войсками областях никто из населения не должен остаться на месте. Мужчины должны быть взяты в так называемые штрафные батальоны и брошены в бой, даже не переодетые, невооруженные и необученные (что и происходило в действительности — *Авт.*), остальное население должно быть выселено за Урал. Какой же выход, граждане? А выход один — это взяться за оружие и защищать свои деревни и города, свои поля, свои семьи и самих себя».

Смена вывески в Гродно

По утверждению капитана Капора, дети-сироты, равно как и дети арестованных и направленных в штрафные батальоны, должны были помещаться в специальные детские дома НКВД, где их предстояло перевоспитать в большевистском духе. Все население оккупированных территорий заведомо было под подозрением, так как долгое время находилось под влиянием нацистской пропаганды (точнее — вне сферы пропаганды советской — *Авт.*).

Тайный приказ, о котором рассказывал Капор, до сих пор не обнаружен. Но действия советских войск на освобождаемых территориях были именно такими. Об этом сохранились свидетельства как с нашей, так и с немецкой стороны. Они фактически ничем не отличались от атак штрафных рот и батальонов»*.

7. Ложь в форме статистики

Если сопоставить наши выкладки с выкладками Юрия Туронка, все становится ясным**. К тому гражданскому населению, что погибло в Беларуси от германского террора, советская статистика добавила еще и жертв сталинского террора периода 1937–41 гг. (не менее 200 тысяч), и примерно 300 тысяч несчастных «ворон», погибших в 1943–44 гг. (их потери составляли в первых двух боях, как правило, около 50 %).

Вычтя тех и других из официальной цифры 1,409 млн человек «беларусов, погибших от рук оккупантов за время войны», а также удалив как минимум 600 тысяч евреев, мы увидим, что собственно беларусов погибло во время войны от рук «нацистов и их пособников» менее 300 тысяч человек***. А это не каждый 4-й беларус, и даже не 10-й, а только каждый 26-й (4 %)!

Вот в чем скрыт истинный смысл советско-российских манипуляций со статистикой. Он в том, чтобы спрятать страшный вывод: советская власть (якобы «своя» и «родная») истребляла беларусов разными способами и в огромных масштабах. Но свалила все это на немцев****.

И только во вторую очередь — чтобы доказать «неоспоримое превосходство» советских маршалов и генералов над немецкими, а «выдающегося стратега» Сталина («организатора и вдохновителя всех наших побед») над Гитлером.

---

* Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939 – 1945 гг. М., 2008, с. 220–221.

** См. его статью «Каждый четвертый и Куропаты» в этом же выпуске «Дедов». — *Прим. ред.*

*** Сколько евреев погибло в БССР, никто точно не знает. Во-первых, сюда в 1939 году бежало множество евреев из Польши, которых польские власти (а также еврейские организации) считают польскими гражданами. Во-вторых, немцы привозили сюда для уничтожения множество евреев из стран Европы. В-третьих, немало евреев из центральной и восточной части республики эвакуировались и никогда больше не вернулись в БССР. Поэтому «разбежка» очень велика: от 600 тысяч до 1,1 миллиона! — *Прим. ред.*

**** Точно так же, как на немцев свалили разрушение Витебска и Полоцка, осуществленное в 1941 г. советскими саперами. — *Прим. ред.*

Часть II | ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ СО СВАСТИКОЙ

Юрий Туронок

Фабиан Акинчиц — предводитель беларуских нацистов

В конце 1933 года на западнобеларуской сцене появилась группировка, которая объявила себя национал-социалистическим активом. Ее основателем, идеологом и вождем был Фабиан Акинчиц (1886–1943), имевший опыт политической деятельности в партии российских эсеров, в БСР Громаде*, Центросоюзе и других беларуских организациях.

Под впечатлением победы национал-социалистического движения в Германии Акинчиц окончательно отказался от иллюзии демократического строя и пришел к убеждению, что национальные и социальные проблемы беларуского народа можно успешно решить через осуществление программных принципов национал-социализма, таких как укрепление национального сообщества, классовая солидарность, социальный прогресс, конфессиональная свобода и другие.

Акинчиц и его соратники считали, что воссоединение разделенных Рижским трактатом беларуских земель возможно только в результате войны. Этот их взгляд осуждался историками БССР, которые как бы «не знали» о том, что в конце 1939 года присоединение территории Западной Беларуси к Беларуси советской произошло исключительно в результате агрессии Красной Армии против Польши.

Печатным органом беларуских национал-социалистов был журнал «Новы Шлях» («Новый Путь»), который издавался с ноября 1933 до ноября 1937 года под редакцией Владислава Козловского. Журнал выходил в среднем раз в два месяца в небольшом формате, объемом 8 страниц, а его разовый тираж не превышал 500 экземпляров.

Беларуские и польские оппоненты нередко считали группировку Акинчица агентурой немецких нацистов. Возможно, это соответствовало действительности, однако скромный вид «Нового Пути» и отсутствие другой пропагандист-

Из журнала «Беларускі Гістарычны Агляд». 2003. Том 10, сшытки 1–2 (18–19). Перевод А.Е. Тараса.

* Беларуская Сялянска-Работніцкая Грамада.

ской литературы показывает, что финансовая помощь немецких идеологических союзников была чисто символической.

Прагматичные немцы не спешили тратить деньги. На то были существенные причины. Во-первых, слабый интерес беларуской интеллигенции и крестьянства к новому идеологическому направлению и, во-вторых, противодействие польских властей, запретивших в октябре 1936 года проведение съезда беларуских национал-социалистов, а осенью 1937 года – всю их деятельность в пограничной зоне 150 км, то есть на большей части западнобеларуской территории. На этом окончилась деятельность юридически неоформленной партии беларуских национал-социалистов.

Справка: Фабиан Акинчиц родился 20 января 1886 в деревне Акинчицы Минского уезда (ныне часть г. Столбцы) в зажиточной католической семье (отца звали Ян, мать – Эмилия). В 1906 поступил на юридический факультет Петербургского университета, который закончил в 1913. Работал юристом. В 1906–1917 – член российской Партии социалистов-революционеров. В 1923 вернулся домой, учительствовал в деревне Засулье на Столбцовщине.

С августа 1926 член руководства БСР Громады, переехал в Вильню. Член руководства Товарищества беларуской школы. В январе 1927 арестован польскими властями, в 1928 осужден на 8 лет, но в июле 1930 освобожден досрочно. С сентября 1930 до мая 1931 член руководства «Центросоюза», сотрудник редакций газет «Наперад» и «Беларускі звон». С января 1932 в Столбцах, вскоре возглавил Беларуское благотворительное товарищество, представлял его в Беларуском национальном комитете в Вильне. С ноября 1933 по ноябрь 1937 издавал (вместе с Козловским) журнал «Новы шлях». С июля 1939 жил в Берлине, руководил Беларуским бюро пропаганды при министерстве пропаганды Германии. С января 1941 – заведующий школой беларуских пропагандистов в пригороде Берлина.

Автор книг «Чаму гэта так сталася? (Да справы выезду за граніцу былых правадыроў Грамады)» (1931), «Правакацыя беларускага народу (Да справы б. старшыні Грамады Б. Тарашкевіча)» (1933), «Аграрна-каапэратыўная палітыка будучыні» (1936), «Як Камінтэрн арганізаваў беларускі рух» (1938).

Редакция «Новага Шляха» была перенесена в Лиду, где 25 ноября 1937 года выпустила последний номер журнала. В декабре 1936 года Акинчиц объявил себя больным, вернулся в свои Акинчицы и ждал взрыва, который должен был разрушить политическое устройство Европы, созданное в Версале и Риге.

После того, как в январе 1939 года польское правительство отвергло предложенный Гитлером проект совместного похода на Советский Союз, немецко-польская война стала неизбежной. Весной Акинчиц выехал в Германию и предложил диверсионные услуги беларуских национал-социалистов в ожидаемой войне. С этой целью в июне 1939 года в вольном городе Данциг (Гданьск) была организована встреча немецких чиновников с беларускими нацистами (1).

Независимо от принятых решений (архивные документы до сих пор не найдены), Данцигская конференция не имела практических последствий. После московского соглашения правительств СССР и Германии от 23 августа 1939 года о совместных действиях Вермахта и Красной Армии против Польши поддержка беларуских национал-социалистов немцам уже не требовалась. Более того, стараясь быть корректными в отношении нового союзника, немецкие власти за-

претили эмигрантским организациям в Германии высказывать устно или письменно враждебное отношение к Советскому Союзу (2).

Акинчиц оказался в сложном положении и ждал милости судьбы. Однако немецкие власти не спешили воспользоваться его услугами. По сведениям Станислава Гринкевича (младшего), 4 ноября 1939 года Акинчиц возглавил Беларуское представительство в Берлине – правительственное учреждение, в котором его политическая деятельность полностью контролировалась (3). Александр Винницкий утверждает, что в декабре 1939 года Акинчицу доверили выпуск первых номеров газеты «Раніца» («Утро») (4). Однако в Представительстве и редакции он работал только несколько недель, а в начале 1940 года был отправлен в Варшаву для организации Беларуского комитета самопомощи в Генерал-губернаторстве.

Фабиан Акинчиц

Новая роль вполне устраивала Акинчица, который в компании со своими единомышленниками в Генерал-губернаторстве надеялся создать общественную опору для беларуской национал-социалистической организации.

Но, когда в феврале или начале марта 1940 года он прибыл в Варшаву, здесь уже действовал комитет, основанный в конце 1939 года молодым врачом Николаем Щорсом. Началась борьба за руководство. Акинчиц, пользуясь поддержкой берлинских чиновников, в марте 1940 года исключил Щорса и его команду из комитета, что в свою очередь вызвало возмущение и противодействие активистов последнего. Понадобилось вмешательство немецкой службы безопасности, которая в середине 1940 года ликвидировала скандал – вернула Щорса на пост председателя комитета, а Акинчица – в Берлин (5).

Такого развития событий Акинчиц не ожидал. Учитывая свое сотрудничество с немецкими национал-социалистами, он надеялся на руководящую роль среди беларуских эмигрантских группировок в Германии и на оккупированных ею территориях. Однако ему по-прежнему не везло, раз за разом он был вынужден уступать руководящие должности в Берлине и Варшаве своим конкурентам. Беспокоила его и деятельность лидера пражской группировки Ивана Ермаченко, которого несколько раз приглашали для консультаций в Берлин, в министерство иностранных дел Германии.

Вскоре после возвращения в Берлин Акинчиц развернул борьбу за лидерство. На это повлияла очень важная причина: 21 июля 1940 года Гитлер приказал главному командованию Вермахта приступить к проработке плана войны с СССР. Видимо, Акинчицу стало известно об этом. Открывалась перспектива деятельности в оккупированной Беларуси, в связи с чем борьба за лидерство приобретала новое качество, несравнимое с реалиями эмиграции.

1 ноября 1940 и 10 января 1941 года Акинчиц направил в Восточное бюро нацистской партии две памятные записки с предложением услуг беларуских национал-социалистов в ожидаемых событиях. Согласно им, основанная в 1940 году в Варшаве группа его единомышленников планировала активизировать свою деятельность главным образом в следующих сферах:

– выпуск брошюр;

– организация курсов по подготовке политиков, сотрудников административных и хозяйственных служб, публицистов и журналистов, в том числе из военнопленных (Войска Польского) беларуской национальности;

– подготовка диверсионнных групп для действий на территории БССР.

Далее Акинчиц писал, что такие задачи могли выполнить только его единомышленники, в связи с чем надо предоставить им руководящую роль. Он писал:

> «Другая политическая группа настроена демократически. Ее отношение к коммунистам сомнительно, они тайно симпатизируют евреям, склонны к панславизму, относятся к Германии со скрытым недоверием. Она (группа. – *Ю.Т.*) не верит в победу Германии и, судя по ее политической позиции, стремится не скомпрометировать себя ни перед поляками, ни перед коммунистами, ибо рассчитывает на то, что после поражения Германии коммунисты, а вместе с ними поляки и евреи будут господствовать в Европе. Эта группа относится к нашей организации весьма враждебно, постоянно стремится ее уничтожить и ни в коем случае не допустить, чтобы немецкие учреждения считались с ее взглядами» (6).

Николай Щорс

Вслед за такой характеристикой независимых от Акинчица группировок шли его доносы на их руководящих деятелей – реальных и кажущихся конкурентов: Николая Щорса, Винцента Годлевского и Янку Станкевича в Варшаве, Витовта Тумаша в Лодзи, Анатолия Шкутько в Берлине. По мнению Акинчица, их надо было заменить его единомышленниками. Критиковал он и беларусов в Праге, большинство которых, по Акинчицу, было настроено демократически и «лево».

Однако и в этот раз усилия Акинчица не дали результата. В связи с запретом деятельности в Германии и на оккупированных ею территориях любых политических партий кроме NSDAP (7), не могла быть основана и партия беларуских национал-социалистов. Ее сторонники исполняли поручения немецких властей в индивидуальном порядке.

Не принимались во внимание и предложения насчет разведывательной и диверсионной службы. Главное командование Вермахта и без Акинчица знало как готовиться к войне; только с декабря 1940 по март 1941 года Абвер заслал в западные районы СССР 66 шпионско-диверсионных групп, состоявшие из беларусов, украинцев, летувисов и других (8). Кстати, некоторые из них были организованы не только посредством Акинчица, но и его оппонентов – Щорса, Годлевского, Тумаша и, возможно, других (9).

Власти не допустили Акинчица и к официальной пропагандистской деятельности. Вероятно, на это повлиял его бескомпромиссный антибольшевизм, который не соответствовал тогдашним отношениям Германии с Советским Союзом. По той же причине ему пришлось покинуть редакцию «Раніцы», а также не уча-

ствовать в пропагандистской организации «Винета». Все же в первой половине 1941 года Акинчиц выпустил в Берлине на ротаторе две брошюры (под псевдонимом Усевалад Верас) — «Як створым нашу сілу» и «Шляхам барацьбы Беларусі з Москвою», которые напоминали нелегальные публикации.

Летом 1941 года, когда Служба безопасности Рейха (SD) отправляла из Берлина, Варшава и Лодзи в оккупированную Беларусь десятки беларусов для организации местной администрации, Акинчиц по-прежнему оставался в Берлине и только следил за событиями. Вести, которые он получал, не радовали.

Особенно существенное значение имело кадровое положение в первые месяцы оккупации. Привезенные из эмиграции кадры (по разным оценкам – от 30 до 50 человек) были немногочисленны и в большинстве своем не готовы для выполнения требований оккупационных властей. Исключительно слабым было участие беларусов в организации Службы порядка (вспомогательной полиции), именно поэтому немецкие военные власти направляли в Беларусь полицейские формирования, состоявшие из летувисов, латышей и украинцев, а в ее западных округах охотно доверяли руководство местной администрацией и вспомогательной полицией более сведущим полякам.

С начала сентября 1941 года часть Беларуси с Минском была передана гражданским властям, однако патетические призывы и лозунг ее генерального комиссара Вильгельма Кубэ («Беларусь для беларусаў») пока что не меняли общего положения.

Среди беларуских деятелей, надеявшихся на поддержку немецкими властями их национально-государственных устремлений, воцарилось разочарование. Одни считали, что немцы не доверяют беларусам, предпочитая им поляков и летувисов, другие самокритично признавали свою неспособность создать национальное самоуправление даже в тех скромных рамках, которые допускали оккупационные власти. Во многих случаях ощущение своей неполноценности переплеталось с отсутствием реальных перспектив, что содействовало распространению настроений пассивности и отказа от общественной деятельности.

Самым первым разочаровался председатель группировки «Центр» доктор Николай Щорс, который в июле – августе 1941 года во главе группы эмигрантов пытался организовать в Беларуси краевое самоуправление под немецким покровительством. Однако некомпетентность военных властей и безразличие немногочисленных национальных деятелей вынудило его отказаться от этого намерения и вернуться в Варшаву. Так без каких-либо стараний Акинчица выбыл из политической игры его главный конкурент на пути к воображаемой власти в Беларуси.

Владислав Козловский, сподвижник Акинчица, редактор журнала «Новы шлях»

По другим причинам не смог закрепиться в Минске и Радослав Островский, который в октябре 1941 года выехал в Брянск и позже – в Смоленск.

Однако и теперь не сбылись надежды Акинчица на роль беларуского лидера. В сентябре 1941 года министр оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг прислал в Минск доктора Ивана Ермаченко, который возглавил Беларускую Народную Самопомощь (БНС) – пока что единственную легальную гражданскую организацию. Ермаченко пользовался доверием генерального комиссара Кубэ, они вместе осуществляли различные мероприятия, направленные на постепенную беларусизацию администрации, организацию антипартизанской Самоохраны, развитие школьного обучения и национального самосознания народа, на создание в перспективе беларуского автономного государства с Ермаченко в качестве премьера его правительства.

Такое направление действий Кубэ и Ермаченко, в принципе, не отличалось от устремлений Акинчица, за одним исключением – он сам хотел быть строителем беларуского государства. Теперь, после ухода с политической сцены Щорса и Островского, его главным противником стал Ермаченко. Однако бороться с ним Акинчицу было непросто – оба они были служащими ведомства Розенберга, потому никакие привычные действия не обещали успеха Акинчицу, надо было проявлять новые инициативы.

Плакат, призывавший вступать в Союз Беларуской Молодежи

Поскольку партийная деятельность была запрещена немецкими властями, летом 1941 года Акинчиц разработал альтернативную концепцию «движения молодых активистов», целью которого было воспитание беларуской молодежи в духе преданности оккупационному режиму. По его замыслу, молодежь должна была участвовать в борьбе с врагами нового строя, помимо прочего, создавать свои отряды СС, а в перспективе стать основой общекраевой беларуской организации, которая послужила бы надежной опорой для немецкого руководства. В частности, беларуские молодежные отряды СС позволили бы заменить летувисские, латышские и украинские полицейские батальоны и повлиять на рост национального самосознания народа.

Учитывая скептицизм Розенберга и его чиновников

в отношении беларуского вопроса, Акинчиц (вопреки надеждам своих беларуских конкурентов) заявлял, что пока не существовало возможности создания беларуского государства. Для этого не было надлежащих условий: народ находился в летаргическом сне, национальное сознание – парализовано. Потому не могли быть творцами Беларуси «бумажные генералы, профессоры и врачи», которые хотели бы возрождать ее сверху – беларуское возрождение надо начинать снизу, под немецким руководством (10).

Все же, несмотря на интерес со стороны некоторых военных комендатур, единомышленникам Акинчица не удалося основать такую организацию молодежи в краевом масштабе. Она появилась только в Глубокском округе летом 1941 года. Осенью того же года ее одобрил окружной комиссар Пауль Гахман и она действовала до июня 1943 года, когда влилась в созданный тогда Союз беларуской молодежи (СБМ) (11). Возможно, что ее основал в Глубоком соратник Акинчица Владислав Козловский.

На этот раз инициатива Акинчица не была безрезультатной. Правда, создание «движения молодых активистов» пока что не произошло, но его концепция, которая отразилась в рапортах Службы безопасности, стала известной в кругах берлинской администрации, заинтересованных в обеспечении оккупационного аппарата в Беларуси надежными кадрами. Создание таких кадров Розенберг поручил Акинчицу.

В конце лета, после получения согласия главного командования Вермахта, ведомство Розенберга разрешило Акинчицу выбрать в лагерях военнопленных определенное количество интеллигентных беларусов для работы в качестве переводчиков и пропагандистов в немецких учреждениях в Беларуси (12).

В сентябре 1941 года была создана комиссия, которая прочесывала лагеря пленных (как польских, так и советских) и оценивала квалификацию кандидатов на подготовительный курс в Вустрове, пригороде Берлина. Работой комиссии руководил Акинчиц, а ее членами были Василий Комаровский и Александр Крит. Вскоре к ним присоединился Генрик Баранович. С осени 1941 года они работали как организаторы и лекторы в Вустровской школе пропагандистов. Возможно, там работали еще и другие лица, о которых пока нет определенных сведений.

Справка: Василь Комаровский (1914–1951), уроженец Столбцовщины, участник немецко-польской войны, после освобождения в марте 1941 из лагеря военнопленных секретарь Беларуского комитета самопомощи в Берлине, с осени 1941 сотрудник Акинчица. С 1950 жил в г. Торонто (Канада), член зарубежного сектора Беларуской народнай громады, сотрудник журнала «Баявая Ускалось». Умер в Торонто.

Александр Крит (1901–1983), уроженец Столбцовщины, участник немецко-польской войны, с весны 1941 член управы Беларуского комитета самопомощи в Берлине, с сентября 1941 сотрудник Акинчица. После войны священник Беларускай автокефальной православной церкви в Англии и США (1950–1968), епископ (1968), архиепскоп (1970), митрополит (1972). Умер в г. Кливленд (США).

Генрик Баранович (1916–2002), уроженец Ошмянщины, участник немецко-польской войны, освобожден из лагеря военнопленных (1940), с осени 1941 сотрудник Вустровской школы пропагандистов, с ноября 1943 организатор и руководитель Рабочей группы СБМ в Германии, редактор журнала «Малады Змагар». После войны жил в г. Торонто (Канада).

Нет точных данных о количестве пленных красноармейцев, согласившихся с предложением комиссии «перевоспитываться» в Вустрове. Согласно Симону Шевцову, там собралось 80 беларусов (13). Иван Косяк оценивал их число в 60 человек (14). Алесь Винницкий писал, что в лагерях было набрано около сотни кандидатов, однако курс прослушали всего 20 человек (15). Все эти сообщения выглядят недостоверными в сопоставлении с информацией Алексея Соловьева, по которой только в феврале 1942 года в Минск во главе с Акинчицем прибыла группа пропагандистов в составе 70 человек (16). Возможно, что общая численность доставленных в Беларусь питомцев Акинчица превышала сотню.

Немногое известно и о персонах вустровских курсантов. Те, кому после войны удалось избежать принудительной репатриации в СССР, – как Владимир Горелик (Латушкин) и Язеп Лещенко (литературный псевдоним Михаил Ковыль), – молчали. Только Симон Шевцов из Австралии к концу жизни опубликовал короткое воспоминание о школе Акинчица и ее учащихся («Мая адысея». Вільня, 1999). Также молчали в эмиграции Баранович, Комаровский и Крит, а Винницкий в своих «Матэрыялах да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне» принципиально избегал называть фамилии курсантов. В последние годы некоторые персональные данные нашли в архивах минские исследователи СБМ Олег Гордиенко и Александр Коваленя.

Юноши из СБМ

На основе всех этих публикаций можно указать фамилии всего лишь 18 курсантов: Бедрицкий, Березовский Язеп, Бобков, Бузак Сергей, Ганько Михаил, Горбунов, Горелик Владимир, Жиркевич, Караваев, Коледа Никита, Колядко, Лещенко Язеп, Маньков Поликарп, Стельмах Дмитрий, Фролов Георгий, Цикунов Михаил, Шевцов Симон, Шпак Федор.

Все они были офицерами Красной Армии или Войска Польского и (кроме Михаила Ганько) все происходили из Восточной Беларуси, где получили образование и воспитание в духе коммунистической идеологии и советского патриотизма. Пленные офицеры были привычны к дисциплине и национальными амбициями в своем большинстве не руководствовались. Видимо, благодаря этим качествам их допустили к обучению и к службе в Беларуси.

Занятия в Вустрове с каждой группой курсантов продолжались около шести месяцев. За это время они должны были усвоить принципы деятельности немецкой гражданской администрации в Беларуси, методы борьбы с большевистской идеологией, изучали немецкий и беларуский языки, практиковались в публичных выступлениях. Особое внимание Акинчиц обращал на ознакомление слуша-

телей со своей национальной концепцией, причем прививал им презрение к тем (по его мнению) «бесхребетным шкурникам», «гнилым демократам» и прочим, кто пролез в БНС, пользуясь непоследовательностью немецкого руководства.

После окончания курса Акинчиц доставлял подготовленные группы пропагандистов в Минск и передавал их в отдел пропаганды генерального комиссариата. Там их направляли в окружные комиссариаты гражданской зоны Беларуси. В Минске работали, помимо прочих, Бузак, Ганько, Горелик, Лещенко, Стельмах и Шевцов; в Барановичах – Бедрицкий, Горбунов, Шпак; в Слуцке – Маньков; в Лиде – Бобков; в Новогрудке – Коледа. Пропагандисты исполняли приказы только немецких учреждений и не подчинялись БНС. За исключением двух – трех перебежчиков к партизанам, преимущественное их большинство оправдало доверие своего учителя.

Так сформировалась оппозиционная к руководству БНС национал-социалистическая группировка. Руководствовалась она идеями Акинчица, изложенными в Вустрове, а также в объемной статье «Мысли ко времени» («Думкі на часе»), опубликованной в «Беларуской Газэце» (1943. 28 марта – 11 апреля), которые можно резюмировать следующим образом:

– Война ведется во имя будущего всего культурного мира. От того, какая сила победит, зависит судьба всех народов. Война ведется за перестройку Европы на новых политических и хозяйственных основаниях. Нам, беларусам, не приходится жалеть довоенную Европу – ничего в ней мы не имели и иметь не могли.

– Мы не должны смотреть на эту войну только с беларуской точки зрения. Беларуское дело будет решено в нашу пользу после того, как враг будет уничтожен и в Европе будет основан новый порядок, основанный на исключении из общественной жизни большевизма и еврейства.

– В этой борьбе нет места нейтральности. Тот, кто против большевистской коммуны, может найти разнообразные возможности для помощи фронту. Надо проводить очищение края от большевиков и их агентов, разоблачать подрывные методы их деятельности, организовать хороший тыл для армии, дать хлеб.

– Настоящая народная власть должно быть создана в результате общественного перевоспитания нашего народа под определяющим влиянием ясной твердой идеологии, отвечающей условиям жизни в общеевропейском масштабе.

– Надо размежеваться с людьми, которые думают иначе и действуют в пользу сил, враждебных беларускому делу. Выбросить надо и тех, кто хотел бы занять золотую середину. В современную пору им нет места. Кто не с нами – тот против нас. Кто не хочет активно бороться с большевизмом и его наследием, кто ждет подходящей погоды, тот враг. Надо наконец навести окончательный порядок с тем большевистским охвостьем, которое осталось и которое свой большевистский рассудок застенчиво прикрывает разными фиговыми листками, как, например, славянофильством или чем-то другим, сваренным в московской кухне.

Есть у нас «политики», которые призывают «ни в коем случае не дробить наше внимание, не отвлекать его от своих беларуских дел», и напоминают, что «величие современных событий не должно затемнять «малости» нашего дела и препятствовать в строительстве нашего завтра, в собирании и укреплении наших беларуских сил».

Таким «политикам» надо напомнить, что судьба беларуского дела зависит исключительно от судьбы антибольшевистского фронта. Было бы большим несчастьем для беларусов, если бы в эту годину, когда край разрушен и выбит из колеи нормальной

жизни, к власти над ним дорвалась какая-то компания людей, которые ничего за собой не имеют, кроме болезненных амбиций и жажды власти.

По мнению Акинчица, высказанному в октябре 1942 года в Барановичах, для решения этих проблем необходимо создать соответствующую политическую организацию, реорганизовать администрацию и заменить «вражеские элементы» последовательными сторонниками национал-социалистической идеологии. На такую идеологию должны опираться все беларуские организации, полиция, школьное образование как на исходный пункт перевоспитания всего общества (17).

Однако Кубэ, который по своему разыгрывал карту беларуского национализма, игнорировал требования Акинчица и не позволял газетам печатать его критику деятельности Ермаченко и руководства БНС. Зато более благосклонно относилось к ней Главное управление государственной безопасности в Берлине и его органы в Минске. Его руководство уже давно критически воспринимало политику Кубэ в Беларуси и хотело скомпрометировать его как проводника инициатив БНС, якобы противоречащих интересам Германии.

Конфликт между оккупационноми органами власти Акинчиц воспринял как долгожданный шанс: наконец службе безопасности пригодились доказательства «преступной деятельности» его политических противников. Под конец 1942 года он пошел в атаку против руководства БНС, обвинив его в бездеятельности, неспособности, и даже в саботаже столь важного дела, как мобилизация всего общества на борьбу против партизан. Критиковались и панславистские тенденции в руководстве БНС и пропартизанские симпатии его «левого крыла», о чем якобы свидетельствовали случаи перехода к партизанам некоторых местных деятелей БНС и групп Самоохраны (18).

Немецкая служба безопасности пользовалась доносами Акинчица и его группы и не раз ссылалась на них в своих рапортах. Таким образом, они прямо повлияли на фабрикацию в декабре 1942 – январе 1943 года дела Ермаченко, который обвинялся в самом серьезном преступлении – государственной измене. Но, благодаря стараниям Кубэ, Ермаченко избежал смерти и все еще оставался в Минске. Зато в атмосфере полицейских гонений были репрессированы многие деятели БНС в Минске и провинции, в том числе ксёндз Винцент Годлевский, арестованный и убитый 24 декабря 1942 г.

Справка: Иван Ермаченко (1894–1970) – родом из деревни Капачовка Борисовского уезда. Родители-крестьяне переехали в Москву, где он окончил гимназию, потом учился на электротехническом факультете МВТУ. В 1914 окончил школу прапорщиков и отправился на фронт. Попал в плен к немцам, бежал. В Гражданскую войну офицер Белой армии. В 1920 в чине полковника был адъютантом генерала П. Врангеля. Вместе с ним эвакуировался в Стамбул. Там присоединился к беларускому движению. В 1921 эмигрантское правительство БНР назначило его своим представителем в Турции и на Балканах. Учредил консульства БНР в Болгарии и Югославии. В 1922 министр иностранных дел БНР в ковенском правительстве. В 1922–29 учился на медицинском факультете Карлова университета в Праге. Получив диплом, занимался частной врачебной практикой. В 1940 председатель комитета самопомощи в Праге. В 1940–41 работал врачом в Германии. В апреле 1941 переехал в Минск, возглавил Беларускую народную самопомощь. С 29 июня 1942 – советник В. Кубэ. 27 ап-

реля 1943 смещен со всех постов и отправлен в Прагу, с запретом заниматься политической деятельностью. В 1945 уехал в Германию. В 1948 уехал в США, где работал врачом. Активно участвовал в культурной жизни беларуской эмиграции в США.

В начале 1943 года позиции БНС сильно ослабели, и Акинчиц, который пользовался признанием Готберга, Штрауха, а также высших функционеров СС в Берлине, был уверен в скорой победе, ибо в это время руководство СС приобретало все большее влияние на деятельность Розенберга и гражданской администрации на Востоке. Однако Акинчиц все еще не знал, как будет решена судьба Ермаченко. 11 февраля 1943 года близкий сотрудник Акинчица Генрик Баранович писал Михаилу Ганько, что в самом близком времени он (Баранович) со своим шефом и очередной группой пропагандистов приедут в Минск, и настраивал Ганько против Ермаченко и его команды:

Иван Ермаченко

«О том, что касается клики Ермаченко (созданной только в Беларуси), будем с Вами говорить в Минске. Сегодня могу Вам сказать только одно: Вы многому удивитесь – есть на то основание. Все же Вы не можете представить, что люди, которые стремятся показать себя внешне надежными и лояльными к Германии и беларускому делу, которые совместно маршируют и скандируют, очень часто являются наименее полноценными, лжецами, вероломными и отвратительными субъектами, негодяями, даже свиньями. Возникает вопрос, почему и как долго такая ветошь будет замусоривать святую землю. /…/ Когда мы приедем в Минск, взорвется бомба – в этом некоторые паночки могут не сомневаться. Я абсолютно уверен, что волков в овечьей шкуре поразят предназначенные им осколки» (19).

Неизвестно, означали слова Барановича о «бомбе и осколках» планируемое группой Акинчица покушение на жизнь Ермаченко или какую-то иную акцию. Но, так или иначе, Акинчиц и его сподвижники готовили расправу с руководством БНС. Однако письмо Барановича не дошло до адресата – его перехватили службы генерального комиссариата и передали Кубэ. 23 февраля 1943 года он с возмущением писал Розенбергу о поведении Барановича и впредь защищал Ермаченко как надежного сотрудника (20).

Благодаря этой случайности планы группы Акинчица провалились. Более того, они стали известны Ермаченко, который с целью самообороны организовал уничтожение своего противника, в чем главную роль сыграл журналист «Беларускай Газэты» Алесь Матусевич. Накануне покушения Матусевич пригласил Акинчица, Козловского и Адамовича на встречу в своей квартиры, во время которой якобы откровенно обсуждал с ними политическое положение, согласовывал тематику публикаций Акинчица в «Беларускай Газэце» (21).

На следующее утро, 5 марта 1943 года, Матусевич пришел на квартиру Козловского, у которого ночевал Акинчиц, убил его выстрелом из пистолета и убежал к партизанам. Похоронили Акинчица на военном кладбище в Минске почему-то только 15 марта – на десятый день после смерти. По Адамовичу, отдел прессы генерального комиссариата запретил минским газетам печатать сообще-

ния о покушении и похоронах, по той же причине не прошел и некролог, который написал Козловский для «Беларускай Газэты». Похоже на то, что власти не хотели объяснять причину покушения, а попытка списать его на «московских агентов» показалась бы всем слишком невероятной.

В заключение процитируем две противоречивые оценки беглых сородичей, без которых политический портрет Акинчица был бы неполным и которые, возможно, помогут ответить на вопрос, кем в действительности был этот человек.

Язеп Малецкий. «Пад знакам Пагоні» (Торонто, 1976, с. 48):

«По поручению гитлеровцев Акинчиц выбирал из советских пленных беларусов в специальные лагеря переподготовки под Берлином, где готовились кадры людей, слепо покорных нацистской Германии, фюреру и нацистским интересам. /.../ Это был фанатик, который верил, что низкой услужливостью гитлеровцам добудет у них доверие и то, что за этим идет – власть в Беларуси. Он даже собирался во время войны сделать «чистку» в рядах беларуских активных деятелей, взявшихся за восстановление края в жутких военных условиях. /.../ Когда я наблюдал за деятельностью Акинчица, я не мог понять, где в нем кончается враждебный беларускому делу авантюрист, а где начинается психопат».

Симон Шевцов. «Мая адысея» (Вильня, 1999, с. 41–42):

«Помню, как он (Акинчиц) обучал нас в этом лагере: «Немцы нам не коллеги, но нам не с кем идти. Мы пошли бы с самим чертом, чтобы только добыть нашу независимость. Немцы жгут деревни с людьми, детьми, стариками. Партизаны убивают немца, подбрасывают возле деревни, а немцы жгут эту деревню как партизанскую. И немцы, и партизаны убивают нашу интеллигенцию... На вас вся надежда. Я за вас заложил свою голову. Если кто из вас убежит к партизанам, всех нас постреляют немцы. Держитесь друг за друга, чтобы вас не соблазнили, не спровоцировали. Будьте мудрые, как библейский Соломон, хитрые, как змеи...

Наша беда, что судьба Родины соединяет нас с Германией. Так уже было в 1918 году, когда под оккупацией кайзеровских войск возникла БНР. Никто нам независимость не даст, если сами ее не завоюем. У нас нет выхода. Франция, Англия и Америка в альянсе с СССР. Время покажет, с кем нам идти. А теперь надо спасать наш народ от геноцида как большевистского, так и немецкого... Вам выпал тяжелый труд. На вас будут охотиться и большевики, и немцы. Ни одним, ни другим наши идеи и цели не нравятся. Будьте осмотрительны! Так наставлял нас Фабиан Акинчиц».

Но если взгляды вроде оценки Малецкого распространены в эмигрантской литературе и частично подтверждаются документами, то высказывание Шевцова является редким, почти невероятным. Все же игнорировать его нельзя, прежде всего с учетом специфики того времени, когда официальными декларацими часто прикрывали совсем иные намерения и действия.

Почти единственным несомненным достижением Акинчица была подготовка пропагандистов, вскоре создавших и возглавивших Союз беларуской молодежи. Янка Жамойтин, который впервые встретился с ними на курсах СБМ в Минске, писал:

«Курсантами были преимущественно парни чуть старше меня из Восточной Беларуси. После оказалось, что это бывшие офицеры Красной Армии, которые попали

в плен и уже прошли какую-то подготовку. Теперь направили их организовать Союз беларуской молодежи. Кроме них, было и несколько «западников»: из Глубокого, Вилейки, Ганцевич, может из Барановичи и я – из Новогрудка. Бывшие офицеры относились к нам покровительственно, а мы к ним с недоверием, как к немецким ставленникам.

Курсы продолжались около двух недель и в конце первоначальная предвзятость уже не замечалась. Как бы те бывшие вояки не маскировались, стало ясным, что не немцам служить они приехали. Не оставалось ни малейшего сомнения, что, независимо от их взглядов, завербовала их любовь к Родине, ностальгия по культуре, в которой выросли» (22).

Девушки из СБМ

Факт, не подлежащий никакому сомнению: СБМ сумел воспитать тысячи юношей и девушек в духе национальной активности и преданности своему Отечеству. Таков был результат деятельности Акинчица и его сторонников.

ИСТОЧНИКИ

(1) Польские власти не имели точных сведений о конференции в Данциге. Опубликованная В. Склубовским в белостокской газете «Шва» (1982, 1 сентября) информация довоенного польского МВД называет ее «съездом беларуского национального движения», которое приняло постановление, что Беларусь может получить независимость только с помощью Германии. Никаких сведений об участниках этого «съезда» власти не имели. Тем не менее, польские газеты подняли шум, «додумывая» подробности, нужные для обоснования антибеларуских репрессий. Так, «Kurier Polski» (22.06.1939) назвал Данцигскую конференцию «конгрессом беларуских деятелей из Польши, Летувы, Латвии, Эстонии, Советской России и США». Эту выдумку повторил нарком госбезопасности БССР Л. Цанава, по своему «уточнив» ее. В результате из числа участников исчезли представители советских беларусов, а само событие было названо конференцией представителей капиталистических стран (с участием Язепа Воронко). Цанава пытался дискредитировать беларуское национальное движение, изображая его участников агентами нацистской Германии. См.: Цанава Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Том 2. Минск, 1951, с. 882.

(2) Косик В. Украіна и Німеччина у другій сьвітовій війні. Париж – Львів – Нью-Йорк, 1998, с. 486.

(3) Гринкевич С. Письмо в редакцию // «Беларуская Царква». Чикаго, 1965, № 28, с. 193.

(4) Вініцкі А. Материалы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гг. Мінск, 1994, с. 12.

(5) Информация бывших деятелей Беларуского комитета в Варшаве Николая Ждановича и Болеслава Манкевича от 1983 г.

(6) Архив Новых Актов в Варшаве (далее АНА), Александрийские микрофильмы, Т-81, ролик 13, EAP-250D-18 -10/4. (Материалы Oststelle NSDAP).

(7) NSDAP – Nazional-Soziailstische Deutsche Arbeiter Partei, Национал-Социалистическая Немецкая Рабочая Партия.

(8) Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1974, s. 269, 342.

(9) Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сяньня. Мінск, 1993, с. 255.

(10) Ereignismeldung UdSSR Nr 154,12.01.1941, АНА, Т-175, ролик 234/2723569.

(11) Послеэвакуационный отчет окружного комиссара из Глубокого от 16.08.1944. Там же, Т-454, ролик 102/309.

(12) Ereignismeldung UdSSR Nr 190, 8.04.1942, АНА, Т-175, ролик 234/2723569.

(13) Шаўцоў С. Мая адысея. Вільня, 1999, с. 41.

(14) Найдзюк Я., Касяк І. Цит. соч., с. 281.

(15) Вініцкі А. Цит. соч., с. 17.

(16) Соловьев А. Белорусская Центральная Рада: Создание, деятельность, крах. Минск, 1995, с. 146.

(17) Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск, 1964, с. 199.

(18) Акінчыц Ф. Не забываць пра галоўнае // «Беларуская Газэта». 1943, 4 сакавіка.

(19) Письмо Барановича к Ганько от 11.02.1943, АНА, Т-454, ролик 39/1055. (20) Письмо Кубэ к Розенбергу от 23.02.1943, АНА, Т-454, ролик 39/1053.

(21) Информация Антона Адамовича автору от 18.04.1985.

(22) Жамойцін Я. З перажытага // Лёс аднаго пакаленьня. Беласток, 1996, с. 88–89. То же в книге: Беларускія пісьменнікі Польшчы. Мінск, 2000, с. 32.

Василий Матох

Беларуские диверсанты Абвера

Примером войны беларусов против беларусов может служить история Первого Беларуского штурмового взвода (Першага Беларускага штурмовага зьвяза).

Беларуский историк Юрий Грибовский подробно изучил известные на теперешний момент документы о деятельности этого диверсионно-разведывательного подразделения. История его такова. Несмотря на то, что высшее руководство нацистской Германии и лично Адольф Гитлер отвергали идею военного сотрудничества с народами оккупированных стран, славянскими в особенности (по крайней мере – на начальном этапе Второй Мировой войны), среди руководства немецких спецслужб преобладали более прагматичные взгляды. Абвер и СД достаточно активно сотрудничали с антисоветскими эмигрантами из числа украинцев, беларусов, эстонцев, летувисов и т.д*.

После утверждения плана «Барбаросса» (план вторжения в СССР), активность Абвера на восточном направлении возросла. Весной 1941 года численность его агентуры на этом направлении увеличилась в 15–20 раз. На протяжении января – июня 1941 года было зафиксировано 152 нарушения германско-советской государственной границы с участием немецких самолетов, которые, очевидно, перебрасывали в советский тыл разведчиков и диверсантов.

Наряду с украинцами, летувисами и другими, попытки переговоров с Абвером предпринимали, с октября 1939 по июнь 1941 года и беларуские эмигранты. Сотрудники Абвера майоры Герулис и Деринг, бывший ректор Кёнигсбергского университета профессор фон Менде и его советник фон Энгельгардт встречались с беларускими представителями. К контакту с военными кругами Третьего Рейха, прежде всего – с Абвером, стремилась группа беларуской эмиграции во главе с врачом Николаем Щорсом и ксендзом Винцентом Годлевским, которые надеялись при помощи немцев создать беларуские вооруженные подразделения. В будущем эти формирования могли стать основой национальной армии суверенного беларуского государства.

Сотрудничество данной группы беларуских эмигрантов с Абвером началось еще во второй половине 1940 года, но до практической деятельности по созданию подразделений беларуских диверсантов дело дошло только в мае 1941 года.

Первым беларуским разведывательно-диверсионным подразделением стал Первый Беларуский штурмовой взвод, организованный в составе отдельного учебного полка особого назначения «Бранденбург-800»**. Характерно, что украинское и балтийское эмигрантские движения представляли значительно более

---

* Абвер (Abwehr) – разведка и контрразведка Вермахта. СД (Sicherheitsdienst) – служба разведки и контрразведки, подчиненная рейсфюреру СС. – *Прим. ред.*

** Полк «Бранденбург-800» был сформирован в октябре 1940 г. Состоял из пяти разведывательно-диверсионных батальонов: 1-го, 2-го, 3-го, «Нахтигаль» и «Роланд». Позже к ним добавились пять национальных рот. – *Прим. ред.*

крупные подразделения – украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», эстонский батальон «Эрна». Причина такой ситуации была в том, что эти движения были значительно сильнее и активнее.

Основным источником рекрутов в беларуские коммандос стали бывшие военнопленные разгромленной польской армии, проживавшие на территории Генерал-губернаторства. По данным Министерства иностранных дел Германии, в начале 1940 года в немецких лагерях военнопленных находилось около 20 тысяч беларусов и 30 тысяч украинцев. С апреля 1940 года началось постепенное освобождение военнопленных. Беларуская эмиграция проводила среди военнопленных беларусов культурно-просветительскую деятельность, распространяла беларусские газеты, стремясь объединить беларусов. Стараниями эмигрантов, в конце 1939 года было создано Беларуское представительство, где должны были регистрироваться военнопленные беларусы (к концу 1941 года их зарегистрировалось до 20 тысяч)*. А в 1940 году была создана общественная организация – Беларуский комитет самопомощи, объединивший в своих рядах около 8 тысяч человек.

«Восточные солдаты» полка «Бранденбург»

Естественно, что немцы шли на уступки беларусам с определенным целями – все общественные организации должны были агитировать беларусов сотрудничать с немецкими властями. Беларусы, вступившие в БКС, получали преимущества в социальной сфере – им выдавали карточки на еду и одежду, они могли снять квартиру. С 8 марта 1940 года беларусы, подписавшие контракт с немецким предприятием, освобождались от обязательного ношения на одежде буквы «Р» (Pole – поляк). С января 1941 года военнопленные беларусы освобождались также от уплаты 15% ежемесячного налога на восстановление польских территорий. В связи с этим были даже случаи, когда беларусами записывались пленные поляки.

Деятели Беларуского представительства с разрешения немецких властей ездили по лагерям польских военнопленных с целью выявления соотечественников и привлечения их к своей работе. Некоторые национально настроенные беларусы попадали при этом в поле зрения Абвера. В результате удалось завербо-

* В конце 1939 года в Берлине, при Министерстве внутренних дел Германии, было учреждено Беларуское представительство (БП). Оно занималось выявлением лиц беларуской национальности, проживавших в Германии и на захваченных ею территориях. Первоначально БП возглавлял Ф. Акинчиц, потом А. Шкутько. В 1940 году при БП был учрежден Беларуский комитет самопомощи (БКС), с филиалами в Варшаве, Лодзи, Праге, Вене, Мюнхене и ряде других городов.

19 июня 1941 года в Берлине на совещании сотрудников БП и БКС был создан Беларуский Национальный центр (БНЦ) во главе с Николаем Щорсом. В его состав вошли Р. Островский, Н. Шкелёнок, А. Шкутько, В. Годлевский, В. Тумаш, Ч. Хонявко. БНЦ поставил своей задачей создание беларуского национального государства под протекторатом Германии. – *Прим. ред.*

вать 52 человека, преимущественно из числа бывших польских военнопленных. Добровольцев направили в местечко Ламсдорф (ныне Ламбиновичи в Опольском воеводстве Польши), где 5 мая 1941 года была создана десантная школа.

Всех добровольцев зачислили в штат Абвера и присвоили им личные номера. Командиром взвода стал бывший хорунжий Войска Польского Владимир Качан. 12 мая на собрании курсантов школы было решено дать подразделению название «Беларускі штурмовы зьвяз». Дневник внутренних приказов взвода теперь хранится в Беларуской библиотеке им. Франциска Скорины в Лондоне, его подробно изучил Юрий Грибовский.

Курс подготовки был рассчитан на 2 месяца. Он включал в себя изучение немецкого и советского стрелкового оружия, саперное и диверсионное дело, военную топографию, строевую и медицинскую подготовку, рукопашный бой с применением ножа. Курсанты также осваивали десантирование с парашютом, плавание, немецкий язык. Внимание уделялось и национально-патриотическому воспитанию – им читали лекции по беларусоведению (история, география, литература). В подразделении существовала должность «хронікара» – летописца, которую занимал Бронислав Данилович, написавший гимн взвода «Гэта йдзе Першы зьвяз наш штурмовы». Поначалу курсанты использовали немецкие и польские строевые уставы, но с 19 мая приказом командира взвода были введены беларуские строевые команды.

8 июня 1941 года личный состав взвода присягнул на верность Беларуси. 12 июня взвод принял название «1-й Беларуский штурмовой взвод». На следующий день курс обучения был досрочно завершен и взвод перебросили из Ламсдорфа в местечко Прушков – к советской границе. К этому времени во взводе остался 41 человек.

Командование Абвера решило использовать Беларуский взвод в диверсионных акциях на советской территории. Тем, кто не хотел участвовать в этой операции, была дана возможность отказаться – по свидетельству командира взвода, отказались три человека. Оставшихся разделили на группы по трое. Каждая группа имела свое персональное задание, как правило – диверсии на советских коммуникациях. Соответственным было и снаряжение групп. Каждый диверсант был вооружен пистолетом, гранатами и ножом, кроме того на группу выдавался один пистолет-пулемет МП-38 и компас. Переброска в советский тыл осуществлялась по воздуху.

Диверсанты отрабатывают приемы рукопашного боя

В оперативном отношении Беларуский штурмовой взвод подчинялся специальному разведывательному штабу «Валли», а в тактическом – командованию полка особого назначения «Бранденбург-

800». В задачи беларуских диверсантов входили главным образом диверсии на железной дороге – подрыв мостов, рельсов, нарушение телефонно-телеграфной связи, захват и уничтожение военных складов. Они должны были также осуществлять разведку в 50–100 км полосе впереди частей Вермахта. Однако месячный курс подготовки (вместо двух месяцев по плану) был явно недостаточным, особенно с учетом того, что какой-либо диверсионно-разведывательный опыт у личного состава взвода отсутствовал.

Первая объединенная группа из 7 человек была отправлена на задание 15 июня 1941 года с целью осуществления диверсий на железной дороге Барановичи-Столбцы. Но вскоре после приземления диверсанты были выявлены советскими войскам и в результате боя несколько из них попали в плен. 20 июня 1941 года нарком госбезопасности БССР Лаврентий Цанава сообщал секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко:

«В связи с проведением подготовительных мероприятий к войне с Советским Союзом со стороны германских разведывательных органов за последние дни усилилась переброска на нашу сторону агентуры.

Задержанные 17 июня на участке 86 погранотряда нарушители границы Станкевич Ярослав Иосифович, Точеловский Болеслав Янович, Якимчиц Станислав Болеславович, Зелинский Болеслав Янович, Волосевич Станислав Казимирович (ФИО в документе приведены с ошибками – *Авт.*) показали, что с 10 мая по 13 июня обучались в г. Лямсдорф на специальных курсах агентов-диверсантов. Всего на курсах их обучалось 50 чел., которые также в ближайшие дни должны быть выброшены на территорию Советского Союза».

«Допросом диверсантов установлено, что германская разведка стремится к началу военных действий между Германией и СССР отрезать передвижение частей Красной Армии по железным дорогам, для чего произвести диверсию следующих стратегических пунктов: диверсанту Волосевичу и Зелинскому дано задание взорвать жел. дор. полотно на перегоне Столбцы – Барановичи (близ дер. Осиповщина), Станкевичу и Гальчинскому (в документе он почему-то выше не упомянут – *Авт.*) – взорвать жел. дор. полотно на перегоне Лида – Молодечно (в районе Гавье). Точиловскому – провести эти же диверсионные мероприятия в районе ст. Лунинец.

Как показывают диверсанты, срок начала военных действий определен на первые числа июля месяца, причем они получили задание, что если война не начнется до 1 августа, произвести диверсию вне зависимости от обстоятельств и возвратиться обратно в Германию.

Все диверсанты снабжены оружием, также имеют при себе необходимое количество пироксилиновых шашек».

«Усиленным нарядом пограничной охраны 18 июня на участке 87 погранотряда были задержаны Гордиевич Тадеуш Винцентьевич и Чудук Михаил Михайлович, которые также показали, что они являются агентами германской разведки из числа окончивших курсы диверсантов в Лямсдорф. Вместе с другими диверсантами в числе 40 чел. они 12 июня были доставлены в м-ко Прушкув (предместье Варшавы), затем переведены в г. Остроленка, откуда и переброшены на нашу территорию с задачей достигнуть ст. Лунинец, разыскать заведующего багажной конторой Петрашко, через него связаться с агентом германской разведки Рымша и при содействии последних осесть на постоянное жительство.

Дальше в своих показаниях диверсанты Гордиевич и Чудук указывают, что с началом военных действий между Германией и СССР они должны были взорвать желез-

нодорожное полотно с целью крушения воинских эшелонов на ст. Лунинец и создания пробки при движении поездов.

Для выполнения этих заданий диверсанты имели 2 пистолета с 28 патронами, бикфордов шнур, капсюли и необходимое количество взрывчатых веществ, также им дано на соответствующие расходы 1800 рублей советских денег.

Кроме совершения диверсионного акта Гордиевич и Чудук должны были поддерживать в период первых дней войны связь с германскими самолетами, для чего разведка их обеспечила соответствующим полотнищем.

В отношении переброски на нашу сторону диверсантов показывают, что в районе Сувалок на сторону СССР переброшено 6 диверсантов с таким же заданием».

Вторая объединенная группа беларуских диверсантов из 20 человек получила приказ на десантирование 19 июня. В ночь с 21 на 22 июня их выбросили на парашютах западнее Минска в радиусе 25–40 километров. Подгруппа из 10 человек под командованием В. Качана сумела успешно выполнить задание и отойти на запад, где встретилась с наступающими немецкими войсками.

Интересно то, что в состав Беларуского штурмового взвода сумели проникнуть агенты советской разведки и польского подполья. С поляками были связаны, по данным историков Юрия Грибовского и Юрия Туронка, несколько курсантов взвода – Бронислав Волосевич и Станислав Акинчиц. О присутствии советских агентов среди беларуских диверсантов говорит докладная записка заместителя наркома внутренних дел БССР Масленникова, направленная 20 июня 1941 г. в НКГБ СССР:

«20 июня сего года на участке 87-го пограничного отряда (г. Ломжа, БССР) задержаны еще 6 диверсантов из 32, находившихся в м. Прушкув. Один из задержанных – наш закордонный агент «Маевский», который оторвался от группы диверсантов и предупредил об их переходе на советскую территорию пограничный наряд.

При задержании три диверсанта оказали вооруженное сопротивление и в перестрелке с пограничниками оказались ранеными. Один из них умер.

У задержанных изъято: два автомата и четыре пистолета с патронами к ним, три ручные гранаты и два компаса.

При столкновении с диверсантами ранены два пограничника. Охрана границы усилена. Инстанции информированы».

Стоит отметить, что 1-й Беларуский штурмовой взвод был, вероятно, не единственным беларуским диверсионным подразделением, сфор-

«Восточные солдаты» полка «Бранденбург»

мированным немцами накануне германско-советской войны. Есть сведения, что существовал еще один отряд беларуских парашютистов-добровольцев, набранный из числа польских военнопленных. Этим отрядом из 32-х человек командовал бывший капитан Войска Польского Юрий Вежан. Диверсионную подготовку они проходили в Силезии, а в июне 1941 года десантировались на территорию БССР в районе Сувалок. Но вскоре были задержаны советскими пограничниками и очутились в тюрьме города Ломжа. При наступлении немецких войск советская охрана в панике бросила тюрьму и десантники вырвались на свободу.

После того, как немцы оккупировали всю территорию Беларуси, существование беларуского диверсионного подразделения в составе Вермахта утратило смысл. Уцелевшие курсанты Беларуского штурмового взвода вошли в состав административных и полицейских структур в оккупированной немцами Беларуси.

История деятельности 1-го Беларуского штурмового взвода была короткой. Но сам факт его существования свидетельствует о том, что в годы Второй мировой войны среди беларуских националистов существовали люди, пытавшиеся (притом успешно) создать национальные разведывательно-диверсионные подразделения. Используя политическую и военную конъюнктуру того времени, они стремились добиться от немцев разрешения на создание структур, которые в будущем могли стать стержнем беларуской национальной армии.

Руководители Абвера из практических соображений шли навстречу этим пожеланиям, но только до определенной степени. Немцы хотели использовать беларусов (впрочем, как и все остальные народы), в качестве пушечного мяса. План создания беларуской армии их не интересовал. Тем не менее, 1-й Беларуский штурмовой взвод остается первым беларуским национальным подразделением, созданным во время Второй мировой войны и первым беларуским диверсионно-разведывательным подразделением вообще.

Надо отметить в этой связи, что курсанты Беларуского штурмового взвода присягали на верность Беларуси, а не Германии или Адольфу Гитлеру. Ни один из курсантов взвода никогда не был советским гражданином, поэтому понятия «предатель советского народа» или «прислужник нацистов» к ним неприменимы (по крайней мере, в юридическом плане).

Можно, конечно, заявить, что присяга – это бумажка, и текст ее мало что значит. Но тогда надо вспомнить текст присяги беларуских советских партизан. В русскоязычном варианте он мало отличался от красноармейской присяги. Однако был еще вариант на беларуском языке, предназначенный для местных крестьян, плохо знавших русский язык.

В нем не упоминается имя Сталина, вообще не говорится прямо о верности правительству СССР или БССР. Ведь он предназначался для жителей не только восточных, но и западных районов республики, всего полтора года находившихся под советским господством. Лейтмотив этой присяги – освобождение Беларуси от фашистов. Так что и тексты присяг имели значение, они менялись в зависимости от конъюнктуры и местных особенностей, потому что человеку, давшему присягу, было важно – кому и за что служить.

Александр Гелогаев

Беларуские вооруженные формирования в Генеральном округе «Беларусь» в 1941—44 гг.

Долгое время в исторической литературе информация о деятельности беларуских националистов во время Второй мировой войны практически отсутствовала либо сводилась к проклятиям в их адрес как «предателям» и «соучастникам в преступлениях»*. Между тем против СССР на стороне Германии во время войны воевали десятки тысяч жителей Беларуси, что требует адекватного анализа и оценки этого явления. В данной работе мы рассмотрим тогдашние воинские формирования, к созданию которых в той или иной степени причастны беларуские националисты.

Уже сама возможность задавать вопросы, неприемлемые для историографии советского времени, хотя бы частичная открытость архивов и доступность все большего числа воспоминаний позволяют рассматривать историю Беларуси с новой точки зрения. Теперь уже можно ответить на следующие вопросы:

– Кто и ради чего создавал беларуские вооруженные формирования в 1941–1945 гг.

– Какие формирования, укомплектованные беларусами, действительно можно считать беларускими национальными?

– Какую роль они сыграли в Беларуси во время немецкой оккупации?

– Почему беларусы воевали против СССР?

Понятия «национальный» и «националистический» в этой работе используются как синонимы, которые определяют не только этнический состав подразделений, но прежде всего их идеологическую базу – идею защиты интересов беларуской нации. Нация здесь – сообщество (в годы Второй мировой войны – почти исключительно сообщество этнических беларусов), которая понимает необходимость сохранения своей идентичности путем создания либо защиты собственного государства.

Начало немецко-советской войны

В условиях XX века, особенно первой его половины, успех любого европейского национального движения прямо зависел от того, удавалось ли ему создать собственные вооруженные силы и тем самым обрести способность добиться своих целей посредством этих сил. Более того, наличие национальных вооруженных

Александр Гелогаев – историк. Автор книги «Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другое сусьветнае вайны» (Минск, 2002). Текст публикуется с сокращениями. Перевод А.Е. Тараса.

* Типичный образец литературы такого рода – книга доктора исторических наук Василия Романовского (1918–1992) «Саўдзельнікі ў злачынствах» (Минск, 1964 г.), лживая от первой до последней строчки. – *Прим. ред.*

женных формирований в условиях, когда поражение национального движения часто приводило к террору, этническим чисткам и окончательной ассимиляции, нередко являлось средством обеспечения даже физического выживания членов своего этноса.

Напомним исторический контекст, в котором приходилось действовать беларуским патриотам в первой половине XX века. Это гражданская война в России и последующая война между РСФСР и Польшей, коммунистические репрессии, конфликт украинских и беларуских националистов с польскими властями, конфликт между Польшей и Летувой из-за Вильни, конфликт между Польшей и Чехословакией из-за пограничных территорий (Силезии).

Накануне Второй мировой войны беларуские националисты искали в Европе таких партнеров, которые бы одновременно являлись противниками СССР и Польши и возможности которых можно было бы использовать в борьбе против обоих оккупантов беларуских земель. Чем дальше, тем больше им становилось понятным, что такие государства, как Франция и Англия, безразличны к проблемам безгосударственных народов Восточной Европы.

22 июня 1941 года немецкие войска перешли границу СССР, а берлинская радиостанция «Винета» передала обращение ксендза Винцента Годлевского к народу Беларуси с призывом восстать против большевизма. А до конца августа 1941 года войска Вермахта заняли всю территорию БССР.

Первые недели оккупации Беларусь жила под управлением немецкой военной администрации, но уже тогда были созданы органы вспомогательного местного управления и первые вооруженные отряды из числа местных жителей. В большинстве районов беларуские националисты не сумели занять должности в этой администрации: в Западной Беларуси значительную конкуренцию им составили поляки, в Восточной – местные (и не только местные) антикоммунисты, в своем большинстве без четкой национальной идентичности.

Почти единственным исключением в этом плане были город Минск и Минский округ, где беларуские националисты получили ведущие должности во вспомогательной администрации. Это давало им ресурсы для организации экономической и медицинской помощи населению, культурной и политической деятельности, а также позволяло создать какой-то «буфер» между немецкой армией и беларуским населением: часто именно обращение в местные беларуские органы становилось последним средством защиты арестованных или подозреваемых в антинемецкой деятельности людей.

В августе 1941 года на определенной части территории Беларуси начала работу немецкая гражданская администрация, которая подчинялась Министерству по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium fur die bet Ostgebiete – Ostministerium, OMi). Генеральный округ «Беларусь» (далее – ГАБ) вошел в состав рейхскоммиссариата «Остлянд», а возглавил его Вильгельм Кубэ.

Для представления интересов беларуского населения на территориях, не вошедших в состав ГАБ, возникли организации, исполнявшие функции ограниченного национального представительства. Так, в Вильне появился Беларуский национальный комитет, который участвовал в организации местного административного аппарата и полицейских отделов, а также издавал газету «Беларускі

голас». На территории Белостокской области действовало Беларуское народное объединение, которое, по сведениям советских органов госбезопасности, в конце немецкой оккупации насчитывало 7 тысяч членов только в одном из своих районов.

Немецкая оккупационная администрация была не в состоянии проводить единую политику в отношении беларуского населения. В соответствии с «Инструкцией об отдельных областях к директиве № 21» (т. е. к плану «Барбаросса») ее определяли как минимум две организации (СС и OMi), а практическое проведение данной политики зависело от конкретных исполнителей. Экономическую же политику на занятых территориях определяло третье ведомство – Министерство по четырехлетнему плану Германа Геринга, находившееся в состоянии аппаратной войны как с СС, так и с OMi.

Постамент памятника Ленину перед зданием Совнаркома БССР без скульптуры (лето 1941 г.)

Сам Кубэ даже летом 1943 года еще не знал о будущей судьбе земли, руководство которой ему было поручено:

> «Отсутствие политического решения относительно будущего Беларуси становится тормозом в плановом управлении, да и при любом управлении вообще»*.

Еще одним важным политическим фактором на территории Беларуси являлась деятельность советских диверсионных и партизанских отрядов. Ей трудно дать однозначную оценку, но очень часто эти отряды представляли собой часть системы коммунистического террора. Кроме того на территории Западной Беларуси воевала польская Армия Краёва, считавшая эти земли «неотъемлемой частью Польши». В районе Полесья действовали вооруженные отряды Организации украинских националистов (ОУН) Степана Бандеры и Тараса Боровца («Бульбы»), деятельность которых на наших землях тоже была обусловлена территориальными претензиями.

Наконец, надо упомянуть жестокие репрессии против еврейского населения, проводившиеся силами СС и полиции с момента их появления на наших землях, а также кровавые «акции умиротворения».

Такая ситуация общего разлада и непрерывной борьбы на несколько фронтов создавала в оккупированной Беларуси состояние, близкое к гражданской войне. Поэтому говорить о «всенародном отпоре оккупантам» – явное преувеличение.

Все перечисленные факторы оказывали различное, иногда противоположное влияние на настроения населения, значительная часть которого восприняла приход немецких войск только как очередную (уже вторую, третью или даже

* Из письма Кубэ к рейхскомиссару Лёзе.

четвертую за последние 20–30 лет) смену власти. Такие люди занимали выжидательную позицию, не проявляя до поры, до времени ни просоветских, ни пронемецких тенденций. В одном из отчетов отдела пропаганды Генерального комиссариата сказано:

«При безразличии народа, возможно, обусловленном войной, перспективы на ближайшее время не придают бодрости»*.

Полиция порядка и другие вооруженные подразделения в составе немецких сил безопасности

В соответствии с инструкцией OKW (Oberkommando der Wehrmacht – Главное командование вооруженных сил) от 3 апреля 1941 года на всей оккупированной территории СССР разрешалось создание вспомогательного административно-полицейского аппарата, основу которого должны были составлять местные жители. Сначала отделы полиции создавались при городских и уездных управах, затем их передали в подчинение немецкой полиции.

В ноябре 1941 года все охранные и полицейские отряды, сформированные из местного населения, были объединены в так называемую «охранную службу полиции порядка» (Shutzmannschaft der Ordnungspolizei, Schuma). Из добровольцев формировались посты местной полиции или «полиции индивидуальной службы» (Schutzmannschaft-Einzeldienst). Эта вооруженная организация стала единственным военизированным формированием, состоявшим из местных жителей, которое существовало весь период немецкой оккупации на всех землях Беларуси. Именно ее членов, обычно одетых в черную форму, традиционно имеют в виду под «полицаями» в обычных разговорах. Кроме полиции появились формирования пожарной охраны (Feuerschutzmannschaft) и вспомогательной службы охраны (Hilfsschutzmannschaft) – нечто вроде ВОХР. В начальный период оккупации основной задачей полиции являлась борьба с уголовными и административными преступлениями, но чем дальше, тем больше ее силы направлялись против партизан всех видов.

Советская пропаганда прочно связала вооруженную борьбу беларуских националистов против СССР во время войны с образом «полицая». Однако полиция напрямую подчинялась немецким органам власти и совсем не обязательно состояла из националистов (и вообще из этнических беларусов). Потому говорить о «националистическом» характере отдельных беларуских полицейских формирований можно лишь в том случае, если нам известны политические убеждения конкретных офицеров или полицейских. Так, тогдашний беларуский военный деятель Франтишек Кушель вспоминал:

«Они /немцы/ смотрели на дело так, как его объясняли им люди, под влиянием которых они находились. В Западной Беларуси они находились в большинстве под влиянием польским. Поляки работали при окружных начальниках полиции преимущественно как переводчики, но были также поляки и начальники полиции. Почти все они знали немецкий язык и благодаря этому имели большее влияние, чем белару-

* Немецкая пропаганда в Беларуси 1941–1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью. Берлин, 1997, с. 22.

сы. В восточной части Беларуси было сильное русское влияние. Так что немцы, которые пришли администрировать Беларусь, не имели никакого понятия о ней. В лучшем случае они относились к беларускому национальному вопросу безразлично».

В Национальном архиве Беларуси сохранились несколько заявлений кандидатов на службу в полицию в 1941–42 гг. Они демонстрируют мотивы, характерные для большинства тех, кто добровольно надел в то время полицейский мундир (сохранено правописание заявителей):

«Прошу начальника полиции г. Минска принять мене на работу в систему полиции так как я в настоящее время нигде не работаю»...

«По приходу германских войск большавики хотели взять на фронт, я збежал в лес низахотев такой праклятой родины защыщать»... (Заявление раскулаченного).

У БЕЛАРУСКІ ПАЛІЦЫЙНЫ АДДЗЕЛ
гор. МЕНСКУ
ПРЫЙМАЮЦЦА НА СЛУЖБУ
БЕЛАРУСЫ:

Век ад 18 да 35 гадоў. Фізычна здаровыя, рост ня меней як 170 см., адукацыя ня меней за 4 клясы пачатковай школы, не караныя за крымінальныя правіненьні.

ЗАЯВЫ ПАДАВАЦЬ на імя начальніка беларускага паліцыйнага аддзелу ў Менску (б. Плац Волі і рог б. Рэвалюцыйнай).

ДА ЗАЯВЫ ДАЛУЧЫЦЬ:

1. Жыцьцёпіс, напісаны ўласнаручна;
2. Пасьведчаньне ад старшыні воласьці або паліцыйных урадаў, што не караны за крымінальныя правіненьні;
3. Метрыку або іншы дакумэнт, які сьцьвярджае дату нараджэньня.

Заявы можна падаваць у працягу кожнага месяца. ||| Кандыдат, які падаў заяву, праходзіць мэдычны агляд.

Даведку аб стане здароўя ён прадстаўляе прыёмовай камісіі.

Прыймаць кандыдатаў будзе камісія адзін раз у месяц: жыхароў г. Менску 25-га кожнага месяца, жыхароў правінцыі — 27-га кожнага месяца.

Объявление о приеме на службу в беларускую полицию

Только одна биография из нескольких десятков, хранящихся в этом фонде, написана на правильном беларуском языке и свидетельствует о националистических убеждениях ее автора. Интересно, что это заявление юноши 1926 (!) года рождения из Западной Беларуси:

«17 верасьня (1939 г. – *Авт.*) прыйшла бальшавіцкая ўлада. Я пайшоў вучыцца ў пятую клясу 11 СШ у Шаркоўшчыну. Навука была ў рускай мове. Вясной 1941 г., калі Нямецкая армія прагнала бальшавіцкіх акупантаў, Беларусь атрымала сваю Незалежнасьць, я пайшоў йзноў вучыцца ў Шаркоўшчыну ў шостую клясу народнай школы, дзе вучуся і цяпер»...

Воспоминания минчанина Константина Гержидовича, который пришел в полицейский участок на Суражской улице вызволять из-под ареста свою жену-еврейку, дают редкий, но интересный пример службы в рядах полиции именно сознательного беларуского националиста:

«Неожиданно меня очень быстро принял какой-то начальник – из местных, моложавый. Я даю ему бумаги, начинаю горячо объяснять, что жена совсем не еврейка, а украинка. И здесь происходит нечто странное.

Как бы задумчиво он говорит: "Ну, наверное, ее избивали. Потому и призналась в том, чего нет. Сейчас проверим".

Приводят Софью.

"Вас били?" – "Били". – "Все равно не надо было наговаривать на себя. Вы свободна, идите с мужем домой"*.

* История минского бухгалтера Константина Гержидовича. // Народная газета, 1994, 9–11 июля.

После короткого разговора молодойн полицейский начальник добавил:

> «Хочу помочь возрождению Беларуси. Но мне трудно с немцами, мне с ними очень трудно».

В декабре 1941 года беларуские националисты добились от немцев разрешения открыть курсы переподготовки полиции. Обучение совмещалось с выполнением служебных обязанностей и состояло из военнной подготовки, немецкого языка, беларуского языка, истории и географии Беларуси, политического образования. Издаваемая в Минске «Беларуская газэта» открыла «Уголок беларуского полицейского», через эту же газету происходила вербовка новых кадров. В мае 1942 года начал работать инструкторский курс минской полиции, а фактически, как пишет Ф. Кушель, школа беларуских подофицеров.

Добровольные помощники немцев с жетонами на груди (весна 1942 г.)

Главным достижением этих новшеств явился не просто цикл военной подготовки для полицейских, но проведение в их среде национально-воспитательной и духовной работы, а также появление новых национально сознательных кадров с военной подготовкой. Пользуясь наличием таких кадров, беларуские националисты получили возможность во второй половине 1942 года начать кампанию по вытеснению «небеларуского элемента» с важных должностей в других округах ГАБ и беларусизации местной администрации. Эти устремления как раз совпали с политикой Кубэ, решившего в 1942 году сделать ставку на беларуских националистов.

На съезде окружных комиссаров и руководителей отделов Генерального комиссариата в Минске 8–10 апреля 1943 года руководитель СД в Минске оберштурмбанфюрер Штраух заметил:

> «Из немецких чиновников и СС здесь работают 150 немцев, в том числе радисты, телефонисты и административные сотрудники. Из числа местных жителей работают 1100, много латышей и украинцев. Таким образом, соотношение 1 к 10, поэтому работа не совсем простая».

Однако даже в 1943 году, когда присутствие беларусов в местном административном аппарате ГАБ возросло до 80 %, в рядах полиции беларусов было 60 %, а некоторые районы (прежде всего почти весь Лидский округ) остались под польским влиянием, усиленным присутствием партизанских отрядов Армии Краёвой.

В августе 1943 года Беларуская Рада Доверия при Генеральном комиссариате приняла постановление об «очистке рядов беларуской полиции от поляков. Все

без исключения лица польской национальности, которые находятся на службе в полиции, должны быть уволены». Однако, во-первых, решения Рады не имели силы для немецких органов безопасности, руководивших полицией, а во-вторых, решение не могло быть выполнено полностью просто ввиду большого количества поляков-полицейских, и такая ситуация сохранялась вплоть до конца немецкой оккупации.

Менее чем за год до конца оккупации в полиции появилась должность «главного опекуна» (Hauptbetrauber), ответственного за политическое и моральное воспитание полицейских, которую занял Ф. Кушель. При «главном опекуне» был организован штаб, а в каждый округ назначался «окружной опекун» (Gebietsbetrauber) со своими уполномоченными при каждом полицейском участке. С декабря 1943 года началось издание журнала для полиции «Беларус на варце» (до конца оккупации вышло 10 номеров).

Обложка журнала
«Беларус на страже» № 4/1944

Всего на территории ГАБ, по данным Ф. Кушеля, насчитывалось около 20.000 полицейских в составе полиции порядка. При этом он не учел местные полицейские формирования в прифронтовой зоне группы армий «Центр», в Виленском округе, Белостоке и южных районах Беларуси, но в любом случае общее число полицейских на территории предвоенной БССР не должно превышать 40–50 тысяч человек.

Именно местной полиции отводилась главная роль в системе безопасности на оккупированной немцами территории. Об этом свидетельствуют ее потери в борьбе против советских партизан, в 3–5 раз превышающие аналогичные потери немецкой полиции и жандармерии.

Так, на конференции в Минске 8 апреля 1943 года окружной комиссар Вилейки Гаазе сообщил, что потери административных и силовых структур в его округе составили:

> «7 немецких жандармов, 3 немецких ланд-зондерфюреров, 30 служащих Организации Тодт, 110 местных полицейских и 116 служащих более низких структур местной администрации... Все новые уничтожения семей полицейских вызывают тяжелые настроения среди них».

Надо отметить, что на территории Беларуси действовало значительное количество так называемых «охотничьих», или «истребительных» команд (jagdkommando, zerstorungskommando), частично либо полностью набранных из беларусов. В советских документах они иногда упоминаются как «лжепартизанские отряды». Эти хорошо вооруженные отряды численностью от отделения до взвода (10–30 человек) выявляли агентуру партизанских отрядов и дислокацию крупных партизанских соединений, уничтожали мелкие партизанские группы, захватывали партизанских связных. Так, например, летом 1943 года разведка НКГБ

СССР сообщила о «лжепартизанском отряде, состоявшем из жителей Ельска (Полесская область БССР), который охотился на партизан».

Функции «истребительных команд» не имели ничего общего с раздутым советской пропагандой мифом об «убийствах мирного населения ради компрометации партизанского движения». Немецкое «Боевое наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке» от 11 ноября 1942 года следующим образом характеризовало команды «охотников»:

> «Хорошим средствам для уничтожения партизанских отрядов являются команды истребителей, которые в борьбе с ними пользуются их же средствами, рассчитанными на использование военной хитрости. Команды истребителей могут проводить операции в гражданской одежде в качестве контротрядов /.../ Команды комплектуются из особенно боеспособных людей, сообразительных и волевых командиров. Использование местных отрядов в борьбе с партизанами, как непосредственно в войсках, так и в службе разведки и пропаганды, вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применять их же методы действий. Использование такого типа замаскированной армейской хитрости вселяет в партизан чувство неуверенности в своей борьбе и тем самым ослабляет их боевое и моральное состояние».

Ягд-команда беларуских добровольцев в ходе одной из антипартизанских операций

Формировались ягдкоманды при охранных дивизиях, а также в составе многих полицейских частей. В частности, они действовали в Слонимском, Вилейском, Новогрудском и других округах.

Беларусы в составе боевых групп, в качестве отдельных агентов и на административных должностях служили также в подразделениях Абвера и СД. Так, в 1943 году советская агентура выявила 17 «школ гестапо» со сроком обучения до полугода и общей пропускной способностью 2000 человек. Размещались эти школы и курсы в Минске, Барановичах, Белостоке, Борисове, Бобруйске, Бресте, Вилейке, Витебске, Гомеле, Горках, Кричеве, Могилёве, Мозыре, Орше, Петрикове, Полоцке, Слуцке и других городах. Часть их выпускников забрасывалась в тыл Красной Армии, а остальные (в основном, местные жители) направлялись на борьбу с партизанами.

Воевали беларусы против СССР и в составе фронтовых частей Вермахта – в качестве «хиви» (hilfswilige, hiwi – добровольные помощники в составе немецких дивизий) или в составе «осттрупен» (osttruppen – восточные части, немецкие воинские формирования, укомплектованные бывшими гражданами СССР). Количество беларусов в этой категории трудно указать даже приблизительно но очевидно, что счет шел на десятки тысяч, так как в феврале 1945 го-

да одних только «хиви» в немецких сухопутных войсках было до 600.000 человек, а к ним надо добавить примерно 55.000 в немецких воздушных силах и 15.000 на флоте. Если учесть их потери за годы войны, то станет очевидно, что за всю войну через эту систему прошло не менее миллиона «граждан СССР».

Добровольный корпус Беларуской Самоохраны

Неспособность немецкой армии собственными силами контролировать всю оккупированную территорию, случаи массового перехода советских военнослужащих на сторону германских войск (в том числе с оружием в руках), сочувствие значительной части населения, а также надежды на немцев со стороны представителей национальных движений побудили немецкие власти создавать новые военные формирования из русских, украинцев, беларусов, летувисов, эстонцев, латышей и других «народов СССР».

С другой стороны, беларуских националистов тоже не удовлетворяло отсутствие более или менее самостоятельных национальных частей, на основе которых можно было бы подготовить собственные военные кадры.

В то же время немецкая администрация не могла не заметить усиления партизанского движения в 1942 году, вызванного разочарованием населения в новых «освободителях», и тем, что карательная политика органов СС и немецкой полиции не только не приносила пользы, но и сильно вредила всей антипартизанской деятельности, увеличивая число беглецов в лес. Аналогичным образом отразилась на настроениях населения предпринятая немцами кампания принудительного набора на работу в Германию.

Учитывая все это, в июне – июле 1942 года Кубэ санкционировал создание органов ограниченного беларуского самоуправления, которые подчинялись Главной Раде (Совету) Беларуской Народной Самопомощи (БНС). Было также разрешено ограниченное использование национальной символики – бело-красно-белого флага и герба «Погоня».

А 22 июня 1942 года во время празднования «Дня освобождения Беларуси от большевиков» Кубэ сообщил о решении сформировать Добровольный корпус Беларуской Самоохраны (Weissruthenische Selbstschutzmannschaft Freikorps, БСА). Создание корпуса было поручено органам БНС.

Руководитель курсов подготовки кадров полиции Ф. Кушель разработал проект БСА и представил его командующему силами СС и полиции Карлу Ценеру. Проект предусматривал создание армейского корпуса (по немецкой классификации) в составе трех дивизий, с общей численносттью до 50.000 человек. Штаб корпуса должен был размещаться в Минске, а дивизии – в крупных центрах ГАБ. Оперативной зоной дивизии со штабом в Минске должны были стать Минский и Слуцкий округа; дивизии со штабом в Барановичах – Барановичский, Новогрудский и Слонимский округа; дивизии со штабом в Вилейке – Вилейский, Глубокский и Лидский округа.

Этот проект свидетельствует о политических целях националистов – создать из беларусов, под руководством националистов, мощное воинское соединение в тылу немецких войск. С его помощью можно было бы остановить советский и польский террор (как свидетельствует немецкая статистика, жертвами парти-

зан становилось преимущественно беларуское мирное население), отказаться от использования немецких и инонациональных антипартизанских формирований, а также выставлять немцам политические требования.

15 июля 1942 года К. Ценер издал приказ о формировании Самоохраны, но полностью изменил ее структуру. Приказ предусматривал создание сети относительно небольших антипартизанских частей, разбросанных по всему Генеральному округу «Беларусь». В каждом районе набирался отряд величиной от роты до батальона, который находился под оперативным командованием немецкой полиции. В качестве знака отличия частей Самоохраны приказ установил нарукавную повязку со свастикой. Но фотографии и тогдашняя пресса свиде-

Бойцы Беларуской Самоохраны из Могилёва (1943 г.)

тельствуют о том, что бойцы БСА обычно игнорировали этот пункт приказа и носили бело-красно-белые повязки. Приказом начальника немецкой полиции Клепша от 10 сентября 1942 года БСА была разделена на части Постоянной службы и Резервной службы (последние периодически призывались на определенное число дней в неделю или месяц).

Был организован штаб БСА, начальником которого стал Язеп Гутько. В последние месяцы 1942 года был разработан, а в начале 1943 года издан беларуский воинский устав. Всего было подготовлено около 270 офицеров БСА. Многих из них после этого назначили инструкторами подофицерских школ. По всему ГАБ были открыты курсы, на которых, по сообщениям тогдашней беларуской пресы, получили подготовку несколько тысяч подофицеров.

Советские партизаны, органы ЦК КП(б)Б и ЛКСМБ с целью срыва вербовки «самаахоўцаў» распространяли специальные листовки, в том числе с угрозами в их адрес («Хто будзе слухаць немцаў і пойдзе ў іх войска, той запляміць сябе навечна...», «Што такое «Беларуская самапомач»?», «Хто пойдзе ў нямецкія «добраахвотнікі, той загіне як здраднік народу», «Што такое «Вольны корпус Самааховы»? «Да беларускіх хлопцаў, якіх немцы завэрбавалі ў паліцыю» и т. д.). Но, несмотря на советскую пропаганду, в ряды Самоохраны вступили около 15.000 добровольцев и мобилизованных. Всего было сформировано 20 батальонов и немного меньше отделов Постоянной службы. Численный состав Резервной службы БСА не поддается оценке.

Однако БСА и в этом виде вызвала настороженность и даже враждебность СС. Немецкие полицейские органы не выдавали батальонам БСА оружия и обмундирования, требовали превращения их в полицейские батальоны, которые бы находились под командованием немецких офицеров и использовали немецкий язык в качестве командного. Было запрещено использовать в БСА названия армейских офицерских чинов – а только те, что и в полицейских батальонах, в «восточных формированиях» Вермахта. Еще в конце июля 1942 года шеф СД «Остлянд» писал:

> «В предыдущих ежедневных отчетах уже говорилось о том, что беларуские национальные круги инспирируют создание «беларуского легиона» с беларуским командованием. Руководитель местной самопомощи (БНС), от которого исходит проект формирования БСА, развивает в этом направлении активность, характерную для планов, которые беларуская интеллигенция в Минске связывает с /созданием/ Самоохраны. Принимаются меры, чтобы обеспечить будущие части лёгким пехотным и автоматическим оружием, чтобы сразу придать им регулярный армейский характер; а позже, после проведения первых операций, иметь право выставлять свои требования».

После того, как пост руководителя сил СС и полиции в Беларуси занял бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Курт фон Готберг, главный штаб Самоохраны был ликвидирован. Его функции перенял аппарат Главного референта БСА (новое название должности Франца Кушеля).

Франц Кушель
в мундире капитана
Беларуской Самоохраны

4 марта 1943 года на съезде руководства БНС и БСА была избрана комиссия для составления меморандума с требованием полной автономии Беларуси, создания беларуского правительства и беларуской армии. Планировалось провозгласить отделение Беларуси от Советского Союза и объявить последнему войну «как врагу беларуского народа, который покушается на его независимость». Кушель разослал приказ о создании постоянных призывных отделов БСА.

За эти действия руководитель БНС Иван Ермаченко был обвинен в антинемецкой деятель-

ности и государственной измене, а потом и в злоупотреблениях, после чего ему пришлось покинуть Беларусь*. Саму Беларускую Народную Самопомощь переименовали в Беларускую Самопомощь, а ее функции свели только к благотворительной деятельности. В начала мая 1943 года Беларуская Самоохрана по приказу начальника немецкой полиции Клепша была расформирована. Ее личный состав перевели в полицию порядка, охрану железной дороги и т. д. Часть солдат БСА отправили на принудительные работы в Германию. Полковник Клепш объяснил причину роспуска Самоохраны следующим образом:

«Попытка создать самоохрану из беларусов-добровольцев, чтобы они независимо от своей работы в случае необходимости несли вооруженную службу, сорвалась по нескольким причинам:

Во-первых, несмотря на многочисленные попытки, оказалось невозможным получить от Вермахта необходимое количество трофейного оружия.

Во-вторых, безоружные «самаахоўцы» и их семьи все время подвергались нападением и террору со стороны банд, как только последним стало известно о создании самоохраны.

В-третьих, эти люди, за редким исключением, оказались ненадежными, так как они легко поддавались вражеской пропаганде и симпатизировали противнику /.../ К тому же еще проведенная в соответствия с заданием Беларуской Самопомощи мобилизация людей /.../ была осуществлена не в духе, соответствующем условиям и, в конце концов, поручена жандармерии».

Но, как мы видим, подчиненный Гиммлера делал вид, будто не знал, о чем идет речь. Части Постоянной службы Самоохраны формировались не для того, чтобы они «независимо от своей работы в случае необходимости несли вооруженную службу». Такие обязанности исполнял исключительно резерв Самоохраны.

Во-вторых, Германия в 1942–43 гг. не ощущала недостатка в оружии. И если бы немецкие полицейские власти действительно хотели вооружить Самоохрану, то при необходимости сделали бы это посредством немецкого оружия, тем более что использование боеприпасов несоветских калибров помешало бы партизанам использовать это оружие в том случае, если бы оно попадало к ним.

В-третьих, довольно странно звучат обвинения в малой боеспособности Самоохраны со стороны тех, кто ее так и не вооружил. Видимо, этот вердикт был вынесен исключительно по ведомственным соображениям.

Развитие событий вокруг организации Самоохраны свидетельствует о том, что именно «несоответствующий дух» и политические устремления беларуских националистов привели идею Самоохраны в противоречие с политикой руководства карательных органов нацистов.

Судьба Самоохраны показала, насколько трудно создать вооруженные силы в условиях оккупации. Тем не менее, именно в рядах этой организациии сформировался костяк будущих вооруженных формирований беларуских националистов.

* В апреле 1943 г. он уехал в Прагу, где оставался до весны 1945. Затем перебрался в Германию, а оттуда в 1948 г. в США. Ермаченко умер в феврале 1970 г. – *Прим. ред.*

Полицейские батальоны

С августа 1942 года немецкие полицейские власти начали формирование из беларусов полицейских батальонов (Schutzmannschaft-Bataillonen), которые были значительно более зависимыми от них, чем ранее части Самоохраны. Каждый батальон состоял из 4-х рот по 124 человека (пулеметный и три пехотных взвода в роте). По штату в батальоне предусматривалось иметь 501 солдата и офицера, но часто его численность достигала 700–1000 бойцов. Все офицерские и большую часть унтер-офицерских должностей в этих батальонах должны были занимать немцы.

Первый батальон получил номер 49. Однако незнание немецкими офицерами беларуского языка, облавы на призывников и игнорирование местных реалий способствовали дезертирству и распаду батальону. Замена немецких офицеров на эстонских, владевших русским языком, не улучшила ситуацию. В конце концов немцам пришлось пригласить в батальон офицеров с офицерских курсов Самоохраны на должности командиров ртов. Только после этого 49-й батальон стал боеспособным.

Учитывая этот опыт, немецкие власти предложили БНС и БСА сформировать из добровольцев отдельный батальон при СД, который не входил в зачет беларуских «шуцманшафт» и в пропагандистских целях часто назывался «беларуским батальоном СС». Он возник в феврале 1943 года. Солдаты были вооружены немецким оружием и носили во время обучения серую форму СС, но без эсэсовской символики, с шевроном национальных цветов на рукаве. Как свиде-

Бойцы одного из беларуских полицейских батальонов

тельствуют фотографии, позже они получили полевую форму войск СС, но сохранили беларускую символику. Новобранцы проходили боевую подготовку около трех месяцев. В боевых действиях батальон стал участвовать с мая 1943 года.

В том же 1943 году батальон был переведен в Вилейку, где количественно вырос – к нему с целью переобучения временно присоединялись другие местные полицейские подразделения при СД. Так, в него вошли рота при Вилейском СД (под командованием Аркадия Качана), рота из Глубокского округа. Постепенно численность батальона достигла 1000 человек. В то же самое время батальон получил номер 13.

После совместного обучения отдельные взводы и роты снова направлялись в разные округа ГАБ, но основная часть батальона дислоцировалась в Вилейке, откуда выезжала на антипартизанские операции.

Именно в этот период к батальону было временно присоединено полицейское формирование под командованием лейтенанта Бобка из Баранович, которое вместе с немецкими и польскими полицейскими участвовало в охране печально известного Колдычевского лагеря и обвиняется в убийствах гражданского населения.

Близкий к подпольной антинацистской Партии беларуских националистов беларус-католик Язеп Малецкий, который в то время был одним из руководителей местной администрации в Вилейке, приводит краткий рассказ Бобка о своей жизни:

> «Когда немцы ломанули на восток, я вернулся домой. Но дома никого не нашел: не было отца, матери, сестры и двух младших братьев. Большевики их арестовали и в морозный день в феврале 1941 года вывезли в Сибирь, где всякий их след пропал. А за что? Только за то, что молодой Бобок, не имея никакого выхода, служил в польской армии!.. /…/ Думал я, что сойду с ума. /…/. Немцы, когда я откликнулся, приняли меня в СД в чине старшего подофицера. С нашими беларускими хлопцами я быстро очистил Барановичский повет от большевистской нечисти. И вот СД Баранович послала теперь меня на курсы в Вилейскую СД, где я получил чин лейтенанта».

Во второй половине 1942 года был создан беларуский батальон охраны железных дорог. Решение об его формировании приняли в сентябре, а к январю 1943 года, после соответствующей подготовки, первая рота уже приступила к охране железной дороги в районе Минска.

Вторая волна формирования полицейских батальонов началась в сентябре – октябре 1943 года. Была объявлена частичная мобилизация в Барановичском (60-й батальон), Слонимском (48-й батальон) и Слуцком (36-й полицейский полк) округах. Эти подразделения находились в подчинении немецкого полицейского командования, значительная часть их офицерского и подофицерского состава была немецкой.

В декабре 1943 году Готберг приказал, чтобы в каждом беларуском полицейском батальоне 8 офицерских, 58 подофицерских и 8 других должностей занимали немцы. Но, по другим сведениям, в каждом батальоне были только немецкий командир, адъютант и еще 31 немец. Такая разница в цифрах (более чем вдвое) свидетельствует о том, что немецкий командный склад в батальонах редко когда достигал численности, установленной высшим командованием.

Сформированный летом 1943 года 36-й полицейский полк состоял в 1944 году из трех батальонов, в каждом из которых было по одной роте немцев. Батальоны полка поочередно выезжали на фронт и на антипартизанские операции.

Третья волна формирования беларуских батальонов «шуцманшафт» прошла в начале 1944 года. В результате общее число таких батальонов достигло 12 (номера 45–47, 48 полевой и 48 запасной, 49, 60, 64–68).

Наибольшую известность среди них получил 68-й полевой батальон под командованием Бориса Рогули, костяк которого – из учащихся Новогрудской учительской семинарии – выделялся высоким беларуским сознанием и общим уровнем образования. Как свидетельствуют фотодокументы, батальон был хорошо вооружен. Его бойцы носили серо-голубую форму немецкой полиции с беларускими бело-красно-белыми петлицами на воротниках. Мемуаристы отрицают наличие в нем небеларуских офицеров или подофицеров.

Советская агентура сообщала, что набор в упомянутые беларуские батальоны даже в последние полгода оккупации происходил довольно успешно. Так, описывая формирование 67-го полицейского батальона в Вилейке, разведка докладывала командованию 1-го Прибалтийского фронта Красной Армии:

> «По сведениям т. Монахова от 10.01. противник успешно проводит мобилизацию по Вилейской области мужского пола в армии и полицию. Их обмундировывают, вооружают и отправляют в Вильно».

Конные беларуские полицейские

Влияние идеологии беларуского национализма в батальонах полиции, как можно предполагать в связи с наличием беларуских офицеров и участием беларуских гражданских организаций в наборе рекрутов, был в среднем более сильным, чем в полиции порядка. Так, Ф. Кушель отмечает факт «решительных просьб» солдат 60-го батальона разрешить нашить на левый рукав немецкой формы флажок национальных цветов.

Но прямая подчиненность этих подразделений немецкому камандованию вряд ли позволяет без натяжки считать их беларускими национальными. Как и в полиции порядка, чтобы делать вывод о «националистическом» характере той или другой части, надо рассматривать каждую из них отдельно и в конкретный период времени.

Националисты и партизаны

Противоречия между лозунгами о «совместной борьбе против большевизма» и практикой крупных карательных операций были признаны еще в апреле 1943 года на съезде руководства Генерального комиссариата в Минске. Начальник СС и полиции Готберг заявил тогда:

Бойцы Беларуской Самоохраны (зима 1942/43 гг.)

«Опыт борьбы с партизанами учит, что этот (беларуский. – *Авт.*) народ имеет врожденное чувство справедливости, и что меры насилия, полного уничтожения и т. д. совершенно ошибочные. Репрессии налагаются не только на тех, на кого их надо налагать, но и на невиновное население /.../ Все (немецкие подразделения. – *Авт.*) ведут активную борьбу с бандами, а находят стариков, женщин и детей. Убивают их, поджигают деревню, тогда население говорит, что немцы – бешеные собаки, хуже большевиков, и женщины убегают в женские батальоны бандитов /.../. Кажется, что абсолютный успех в борьбе с бандами гарантирован только тогда, когда я смогу получить помощь от населения /.../. Мы хотим добиться того, чтобы крестьянское население само защищалось от нападений бандитов, поэтому мы должны помочь крестьянскому населению /.../. Попытки подтверждаются опытом. В Слониме защищалась одна волость, и, если я не ошибаюсь, из 40 бойцов было убито 5, а на другой стороне было убито 120 партизан. Это только пример, но это симптоматично для общего развития».

На том же съезде подчиненный Готберга, начальник СД Штраух так очертил политику немецких карательных органов:

«Правильно, теперь партизаны стали сильнее, и они причиняют вред, но все же нельзя делать политических выводов и принимать решения, которые исходят из данного /момента/ времени, чтобы позже не каяться».

Особое значение эти слова получают, если учесть, что именно тогда СД принудила руководителя БНС (Ермаченко) покинуть Беларусь и готовилась к расформированию БСА.

Таким образом, вопрос о карательных операциях и безопасности мирного населения был вопросом сотрудничества с немцами, а вопрос о сотрудничестве с немцами так или иначе упирался в проблему определения вектора всей политики Германии и будущего Беларуси в случая длительного сохранения немецкого контроля над ее территорией.

На совещании с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цейтлером в Бергхофе 8 июня 1943 года Гитлер достаточно четко сформулировал мысли об опасности националистических движений Восточной Европы для Германии. В частности, обсуждался вопрос о втягивании антисоветских кругов в борьбу с Советским Союзом, и Гитлер в данной связи заявил:

«В этом смысле мы уже имели трагический урок в (Первую. – *Авт.*) мировую войну применительно к Польше – я недавно уже указывал на это (когда имели место аналогичные обстоятельства) – обходной маневр польских легионеров, появившихся на сцене, имея вначале совсем безобидный характер /.../ На фоне событий они (националисты народов СССР. – *Авт.*) видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели /.../ Ведь каждый народ думает о себе и ни о ком другом. Все эти эмигранты и советчики только и хотят, что подготовить себе позиции на будущее время /.../. Никаких отдаленных целей в смысле создания независимых или автономных государств я намечать не могу. Ведь начинается с так называемого включенного государства вроде Польши, а заканчивается независимым государством»*.

Характерно, что трактовка Гитлером действий националистов Восточной Европы полностью противоречит тезису советской и современной российской историографии о «фашистских лакеях» и «гитлеровских марионетках». Как видим, фюрер не видел в националистах своих марионеток и откровенно говорил о собственных опасениях перед их усилением.

Бойцы Беларуской Самоохраны отправляются на патрулирование окрестностей населенного пункта

27 июня 1943 года при Генеральном комиссариате был сформирован совещательный орган – Беларуская Рада Доверия. Рада формально не являлась отдельным беларуским учреждением. Не имея программы и устава, она никак не могла превысить своих полномочий и при том, прямо подчиняясь Кубэ, была определенным образом защищена от нападок со стороны ведомства Гиммлера. Наиболее значительным событием в ее деятельности стало совместное заседание с немецкими гражданскими и полицейскими властями 23 августа 1943 года.

* РГАСПИ. Фонд 625, опись 1, дело 48, листы 84–92.

Доклад о методах борьбы с партизанами зачитал бургомистр Баранович А. Русак. В первую очередь он остановился на доказательстве того, почему партизан нельзя считать беларуским народным движением, хотя среди них есть много беларусов. Затем докладчик рассмотрел проблему неэффективности и вредности массовых карательных акций:

«Немцам очень трудно установить /реальное/ отношение отдельных людей к бандитам и отличить их. В результате этого относительно мирного населения появилось единое правило, что за поступок одного должно нести кару все население. Это наказание часто несут невиновные. Нам известен факт, когда в одной подозрительной деревне был сожжен дом отца двух сыновей, один из которых служил в полиции, а второй в батальоне СС /.../. Населению не остается ничего другого, кроме того, чтобы прятаться в леса. Такие случаи не вредят партизанам, а наоборот. На сокращение бандитизма все это никак не повлияло».

Русак объяснял это тем, что гражданское население очень мало связано с партизанскими отрядами:

«Только в тех случаях, если бы население на самом деле принимало значительное участие в бандитизме, эти мероприятия могли бы иметь влияние на население».

Из этого он сделал следующие выводы:

«Бандитизм должен быть уничтожен. Но без хорошо организованного участия беларуских крестьян невозможно успешно уничтожить бандитизм. Мы, как Беларуская Рада Доверия при Генеральном комиссариате Беларуси, позволяем себе предложить для уничтожения бандитов следующее:

– Создание общего беларуско-немецкого органа для борьбы с партизанами, в котором были бы представители от Генерального комиссариата, от СД и СС, и от беларуской общественности. Его целью была бы разработка соответствующих мероприятий и постоянное наблюдение за проведением их в борьбе с партизанами.

– Не использовать более методы запугивания беларуского населения в форме сожжения деревень и т. п.

– Дальнейшее развитие беларуских отделов при СД для каждого округа и повета по примеру созданного в Минске и, кроме того, охрана в каждой деревне.

– Создание беларуской тайной полиции для борьбы с бандитизмом в необходимой форме там, где этой полиции еще нет.

– Реорганизация беларуской полиции путем создания полицейского корпуса, который бы подчинялся беларускому инспектору полиции.

– Оживление пропаганды путям распространения беларуской прессы»*.

Меморандум, фактически предлагавший немцам передать националистам часть власти над всеми силами безопасности в Беларуси, причем как беларускими, так и небеларускими, а также провести масштабную реорганизацию оккупационного силового аппарата, вызвал удивление и раздражение представителей СС и СД. Но некоторые его положения немцы учли. Так, с осени 1943 года, когда после убийства Кубэ Готберг перенял гражданскую власть в ГАБ, политика относительно местного населения смягчилась. Например, во время антипартизанских операций отныне запрещалось расстреливать пленных без проведения следствия, разлучать детей с родителями и т. д.

* РГАСПИ. Фонд 625, опись 1, дело 49, листы 284–286.

Беларуская Центральная Рада и Беларуская Краевая Оборона

6 декабря 1943 года руководитель Беларуской Рады Доверия Вацлав Ивановский был убит. После его смерти БРД была преобразована в Беларускую Центральную Раду под руководством Р. Островского, который ранее зарекомендовал себя как способный организатор местных антипартизанских формирований на Смоленщине в сотрудничестве с Михаилом Витушко и Дмитрием Космовичем.

Одной из первых акций БЦР стало участие в пропагандистской поддержке кампании по созданию «оборонительных деревень» – постоянных местных очагов антипартизанской деятельности. Этот проект Готберг начал в октябре 1943 года. Предполагалось, что всю территорию ГАБ покроет сеть созданных на базе деревень опорных пунктов, население которых получит стрелковое оружие. Тогда селяне смогут сами отражать партизанские набеги, а кроме того будут сообщать точную информацию о событиях, происходящих на местах.

Президент БЦР Радослав Островский

Но многие националисты заметили и отрицательные стороны проекта. Некоторые деревни, которые планировалось сделать оборонительными, были просто не в состоянии оказать сопротивление в случае более или менее сильной атаки партизан, имевших иногда на вооружении даже артиллерию. Между тем «вооружение» деревни обычно состояло из нескольких винтовок и гранат. Это только провоцировало атаки партизан и обрекало население на гибель.

Вот что сообщал Островский Готбергу в меморандуме от 25 мая 1944 года:

> «Будучи в Слуцке, я узнал, что тамошние «Вооруженные деревни» не могут выполнить своей задачи, так как их вооружение, несколько винтовок, не позволяет дать отпор хорошо вооруженным партизанским советским отрядам, которыми руководят командиры-специалисты, сброшенные на парашютах. В результате гибнут не только добровольцы, которые пытаются сопротивляться, но и их семьи. Потому любезно прошу Вас, г-н Генерал, остановить акцию оборонных деревень»...

Однако были и обратные примеры. Тогдашний заместитель БЦР в Вилейском округе Я. Малецкий описал деревню, где он побывал тоже в мае 1944 года:

> «Посредине был устроено огромное крытое убежище для скотины, куда на ночь загоняли коров – около 150 голов, – чтобы банды не могли их схватить. В бункерах была постоянная охранная служба, на ночь усиленная. Кроме того, днем патрули самоохраны контролировала пространство вокруг деревни радиусом в три километра.
>
> Боевая сила деревни выстроилась рядами для нашего приветствия. Было около 85 человек. /.../ Дух у людей был бодрый, но они просили прислать больше полиции и солдат, а также оружие, амуницию и другое оснащение, и особенно тяжелое оружие, так как партизаны такое имеют, – пулеметы, минометы /.../. Молодежь была организована в СБМ и презентовалась очень хорошо»...*

* Малецкі Я. Пад знакам Пагоні, с. 164.

Трудно оценить реальный эффект этой инициативы, но очевидно, что впервые после создания Самоохраны оружие раздавалось людям, которые практически находились вне немецкого контроля.

Следующим шагом в антипартизанской кампании БЦР стало создание действительно национальных беларуских вооруженных подразделений, подчиненных общему руководящему беларускому органу, – батальонов Беларуской Краевой Обороны (БКА, по-немецки Weissruthenische Heimatwehr). При БЦР было учреждено ее Главное командование, которое возглавил майор Франтишек Кушель. 25 февраля 1944 года были назначены окружные коменданты БЦР в округах: капитан Михаил Филинов (Минский округ), лейтенант Григорий Зыбайло (Глубокский округ), лейтенант Борис Рогуля (Новогрудский округ), младший лейтенант Степан Шнек (Слуцкий округ), лейтенант Владимир Русак (Барановичский округ), лейтенант Язэп Дакиневич (Слонимский округ), лейтенант Якуб Бабич (Вилейский округ).

Коменданты должны были организовать работу призывных комиссий. Лидский и Ганцевичский округа были освобождены от мобилизации ввиду большой концентрации там отрядов польской Армии Краёвой...

Приказ о создании БКА был издан Островским 6 марта 1944 года. Мобилизация проводилась в два потока. 7 марта началась мобилизация офицеров (до 57 лет включительно) и младшего командного состава (до 55 лет включительно). Тем самым формировался костяк будущих батальонов, готовый к приему солдатской массы. На 10 марта назначалась мобилизация рядового состава. Призыву подлежали мужчины 1908–1924 гг. рождения. Каждый призывник проходил медицинский осмотр. Уклонение от призыва каралось смертью.

Как отмечал Кушель, вследствие помех со стороны партизан и немецких властей, а также непрофессионализма призывных комиссий мобилизация затянулась. Призыв 40 тысяч человек мог сорвать работу многих предприятий, и немцы разрешили в случае хозяйственной необходимости освобождать людей от призыва. В результате отсеялась почти половина призванных. Таким образом, мобилизация не была всеобщей, и медкомиссии, как свидетельствуют документы, достаточно жестко отбирали призывников. Так, во время мобилизации в Руденском повете:

> «прошел комиссию 1461 призывник, признан годным к службе 671 призывник, из числа годных к службе 332 были прызваны в БКА и 5 – в полицию, из числа годных освобождены от службы 354 призывника.
>
> Из числа последних 62 призывника были уволены временно, 191 освобожден ввиду работы в других учреждениях, 77 – по семейным обстоятельствам, 2 были захвачены партизанами, 1 был арестован, а 1 оказался старше призывного возраста»*.

Советские партизаны многое сделали для того, чтобы сорвать мобилизацию в БКА. Они перекрывали дороги к местам сбора призывников, нападали на призывные комиссии, уничтожали документацию, внедряли в среду призывников агитаторов для склонения их к переходу на советскую сторону.

Но эти усилия, несмотря на относительный успех в ряде случаев, в целом не дали плодов. Более того, в Национальном архиве Республики Беларусь можно

* НАРБ, фонд 382, опись 1, дело 3, лист 191.

встретить документы, свидетельствующие о том, что в БКА добровольно вступали люди из тех районов, где мобилизация не проводилась. Даже через несколько месяцев после окончания мобилизации, уже летом, в батальоны приходили люди, которые раньше не могли этого сделать из-за угрозы репрессий партизан. Появлялись и перебежчики из партизанских отрядов.

Во время весеннего сева довольно много солдат, семьи которых не могли сами обработать свою землю, просили временного увольнения либо самовольно уходили на несколько дней. Так, в 10-м батальоне БКА, согласно рапорту от 8 апреля 1944 года, имел место случай, когда рядовой ушел домой, чтобы помочь жене сеять, так как у них не было лошади. При этом новобранец подделал бланк отпуска, а через 10 дней вернулся в свою часть. В самовольной отлучке во время полевых работ на учете состояли 10–30 человек из каждого батальона (в среднем 3–5 % личного состава), но почти все эти люди возвращались после работ на своих полях.

Лейтенант БКА
Анатоль Плескачевский,
адъютант Р. Островского

Такие «приключения» и лояльность офицеров к ним объяснялись не в последнюю очередь тем, что немецкие власти, как и в случае с Самоохраной, долгое время медлили с поставками оружия и амуниции для БКА, что мешало проводить с солдатами нормальные занятия.

Рапорты о личном составе батальонов БКА Минского округа, которые находятся в Национальном архиве Республики Беларусь, опровергают заявления советских историков о якобы необычно высоком уровне дезертирства солдат БКА к партизанам. Дезертирство действительно имело место, и некоторые переходили на сторону партизан. Но обычно из сотен солдат дезертировали единицы*.

Некоторые батальоны вступили в бой сразу после мобилизации, так как на почти безоружных призывников напали советские партизаны. Тем не менее, за месяц таких трагических, почти односторонних «боев» БКА понесла большие потери только в двух батальонах в Глубокском округе, которые Кушель назвал «разбитыми совсем». Другие батальоны начали боевой путь с небольших стычек с партизанами, грабившими околицы. Так, 6 мая 1944 года из 33-го батальона было доложено в Минск:

> «Довожу до сведения, что в ночь на 28 апреля 1944 года определенные в караул по охране города Логойска солдаты имели стычку с бандитами, которые хотели ограбить жителей окраины города, но были отражены и /у них/ отобраны две коровы и одна лошадь, благодаря мужеству и отваге солдат, которых бандиты обстреливали и бросали гранаты»**.

---

* НАРБ, фонд 382, опись 1, дело 3, листы 128–129, 146.

** НАРБ, фонд 382, опись 1, дело 3, лист 165.

Комендант БКА по Минскому округу капитан Филинов приказал выдать солдатам, отличившимся в этом бою, в качестве награды 750 немецких марок и объявить благодарность.

С течением времени отсутствие оружия в батальонах принудило националистов к решительным действиям. В конце апреля съезд окружных заместителей БЦР в Минске предложил распустить призывников по домам. Это произвело впечатление на Готберга, и в мае оружие начало поступать – то самое трофейное оружие, на «отсутствие» которого в 1943 году немцы ссылались как на одну из причин расформирования Самоохраны.

Командир Койдановского батальона БКО (№ 17) Барановский сообщал 10 мая 1944 года:

> «Всего по списку считается: офицеров 23; подофицеров 41; стрельцов 442; всего 506. Из этого числа в самовольной отлучке считаются 27 человек.
>
> Вооружение: 100 винтовок итальянских, 50 русских. Состояние удовлетворительное, но нет оружейных инструментов и смазки для оружия.
>
> Завтрак: обед готовится на кухне, на вечер получается горячий кофе и сухой паёк.
>
> ...50 % солдат живет в кошарах, остальные на частных квартирах.
>
> ...Важнейшим нарушением дисциплины являются самовольные уходы из батальона, за что налагались аресты.
>
> ...Учениками Койдановской школы был устроен концерт для стрельцов батальона. По ротам организуются группы самодеятельности.
>
> ...Большинство стрельцов высказывает свое недовольство тем, что батальон еще не вооружен и что еще нет возможности начать активную борьбу с лесными грабителями. Каждый день получаем заявления от стрельцов о том, что бандиты грабят их семьи...
>
> Также получены заявления о том, что в деревнях Тюхаи, Ковалёвцы и других, которые относятся к Западной Беларуси, польские легионеры грабят семьи призванных в наш батальон.
>
> 30 апреля этого года 47 стрельцов, офицеров и подофицеров батальона совместно с местной полицией выходили в д. Целяшевичи Старинковской волости за трупами двух девушек, замученных бандитами. Во время марша были три стычки с бандитами. Стрельцы показали себя отважными и умелыми солдатами...*

Солдаты Беларуской Краевой Обороны дали присягу на верность Беларуси 26 марта 1944 года. В тот же день в Минске присягали курсанты первой офицерской школы БКА под руководством Виктора Чеботаревича.

31 марта 1944 года была установлена нумерация батальонов БКА. На тот момент БКА насчитывала 21.629 человек в составе 34 батальонов. Всего же были сформированы 39 пехотных и 6 саперных батальонов БКА:

1. Барановичи; 8. Новая Мышь; 15. Городище; 22. Несвиж; 27. Клецк; 31. Ляховичи; 34. Столбцы; 36. Мир.

2. Глубокое; 9. Плиса – Лужки; 16. Шарковщина; 23. Докшицы; 28. Миоры; 32. Воропаево; 35. Поставы; 37. Дисна.

3. Новогрудок; 14. Любча; 21. Кореличи.

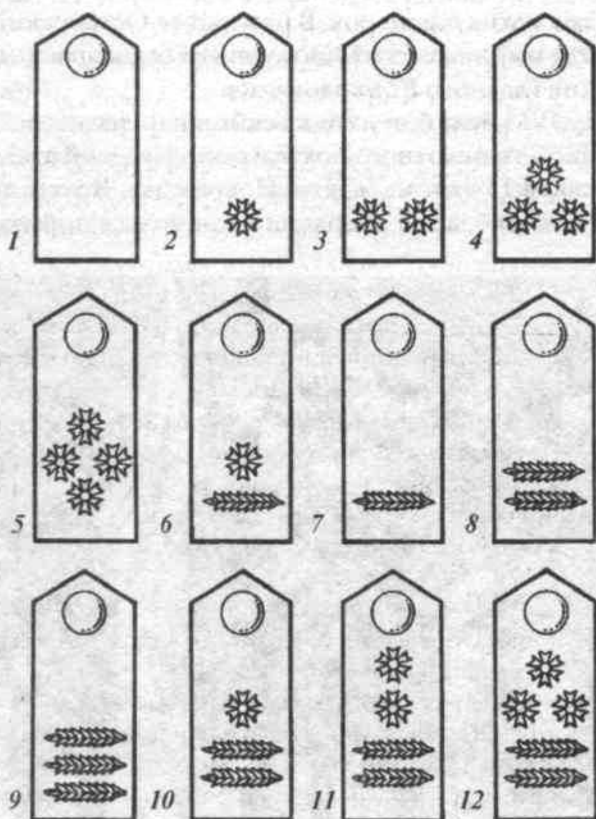
4. Минск; 10. Заславль; 17. Койданово; 24. Руденск; 29. Смолевичи; 33. Логойск.

---

* НАРБ, фонд 382, опись 1, дело 3, лист 229–230.

5. Слуцк; 11. Греск; 18. Копыль; 25. Семежево; 38. Старобин.
6. Вилейка; 12. Молодечно; 19. Илья; 26. Радошковичи; 39. Кривичи.
7. Слоним; 13. Ивацевичи; 20. Бытень; 30. Деречин.

Для БКА была разработана серо-коричневая униформа и знаки отличия. Приветствием служили слова «Жыве Беларусь!», на которые отвечали: «Жыве!» или «Слава Бацькаўшчыне!». Но обмундирования катастрофически не хватало, и солдаты часто ходили в штатском. В качества временной меры батальоны получали черную форму местной полиции, и именно их под национальными знаменами чаще всего показывают в пропагандистских фильмах по Беларускому телевидению. Часть солдат успела получить в качестве знаков различия красные петлицы с шестиконечным белым крестом и кокарды с «Погоней».

Погоны Белорусской краевой обороны (БКА), введенные во второй половине апреля 1944 г.: 1 — стрелец; 2— старший стрелец; 3 — дружиновый; 4 — звязовый; 5 — старшина; 6 — стяжный; 7 — лейтенант; 8 — старший лейтенант; 9 — капитан; 10 — майор; 11 — подполковник; 12 — полковник

Отдельные батальоны БКА принимали участие в крупных антипартизанских операциях с конца мая 1944 года. Командиры батальонов, согласно приказу Главного командования БКА от 27 мая 1944 года, должны были согласовывать свои действия с немецкими властями на местах.

В то же время немецкие власти, если и могли поставить батальону БКА задачу в районе его формирования, практически не имели возможности без согласования с ГК БКА использовать батальон в другом регионе. Обе такие попытки закончились тем, что немцам пришлось обратиться к командованию БКА за помощью.

Так, во второй половине мая 1944 года немцы попытались без ведома беларуского штаба перебросить с постоянного места дислокации в деревне Свободная Городищенского района 15-й батальон БКА. Когда приказ дошел до местного коменданта немецкой полиции, он, взвесив риск, обратился к заместителю БЦР по Барановичскому округу Станиславу Станкевичу, гостем которого в то время

был Франц Кушель. Кушель лично поехал в батальон и принял участие в организации переброски, в результате чего батальон сохранил боеспособность и успешно действовал против советских партизан в районе Борисова и Лепеля. Исполняющий обязанности командира батальона Всеволод Родько получил за это Железный крест, а многие подофицеры и стрельцы – другие награды.

Аналогичная попытка обойти беларуский штаб БКА в июне закончилась ничем – солдаты 34-го батальона «имени президента БЦР» не подчинились приказам чужих офицеров. В результате Островский заявил представителю Готберга, что ни одна часть БКА не может быть использована без предыдущего уведомления Главного Командования.

БКА вела бои и с польскими партизанами. Так, в апреле 1944 года 8-й батальон 77-го пехотного полка Армии Краёвой атаковал гарнизон БКА в местече Вселюб в 15 километрах от Новогрудка. В ходе тяжелого боя командир батальона АК погиб, а вся операция закончилась поражением поляков*.

Солдаты 4-го батальона БКА на параде в Минске 22.06.1944, в День освобождения Беларуси от большевизма

Подразделения БКА были очень разными по своим боевым возможностям, вооружению и качествам командования. Не все бои были успешными для них, но очевидно, что при всей слабости вооружения и подготовки, они могли вести бои с партизанами на равных.

История отпустила БКА очень мало времени. 23 июня 1944 года началось наступление советских войск на центральном участке советско-германского фрон-

* Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. Мінск. 1994, с. 178.

та – операция «Багратион». БКА, не имея средств связи, тяжелого оружия и транспорта, не могла ни помочь немецким войскам удержать фронт, ни сохранить большинство своих подразделений в хаосе немецкого отступления. Под вечер 27 июня штаб немецкой полиции приказал ГК БКА направить силы своего формирования на шоссе Борисов – Минск, чтобы остановить движение отступавших с фронта масс немецких солдат. Приказ невозможно было выполнить, так как батальоны, которые находились вблизи этого района, не имели надлежащего вооружения.

Формирования БКА были либо распущены своими командирами, либо отступили вместе с Вермахтом на запад.

Националисты, хотя и не достигли своей основной цели – создания беларуских вооруженных сил, но сумели собрать и переподготовить несколько сотен офицеров, провести большую мобилизационную кампанию, а также оказали пропагандистское влияние на население.

Выводы

В межвоенные годы Беларусь оказалась в чрезвычайно сложном положении. Рижский договор 1921 года между Польшей и СССР, при согласии на него западных государств, привел к разделу страны, абсолютно неприемлемому для большинства беларусов. Поэтому перед беларускими националистами встала задача способствовать изменению статус-кво в межвоенной Европе и использовать эти изменения на пользу беларускому народу, который только недавно начал путь к пробуждению национального сознания.

Отсутствие беларуского независимого государства привело к тому, что беларуские патриоты были вынуждены бороться на два фронта – против СССР и против Польши. В конечном итоге они использовали советско-немецко-польский конфликт в собственных целях, первой среди которых была подготовка к созданию беларуского государства. Задачей номер один для этого было воспитание своих военных кадров.

> «Никто из них не считал это коллаборанством, а только вынужденной необходимостью, поводом для создания начал своего воинства. Проще говоря, это была та бритва, за которую хватается тот, кто тонет. Главное было – получить в руки оружие, которое направится уже туда, где будут требовать этого интересы беларуского народа»*.

По мнению автора, следует согласиться с этой оценкой. Коллаборант – тот, кто изменяет своему государству через сотрудничество с враждебным ему государством. Но, в отличие от десятков тысяч норвежцев, голландцев, французов, поляков и других европейцев, которые пошли на сотрудничество с Германией, беларусы в 1939–45 гг. не имели своего государства. Беларусь не объявляла войну Германии, а она не объявляла войну Беларуси. Потому действия наших националистов мало чем отличаются от действий, например, Юзефа Пилсудского во время Первой мировой войны. Тогда этот деятель (кстати, бывший подданный России) создавал польские военные формирования, воевавшие на стороне Ав-

* Кушель Ф., с. 37–38.

стро-Венгрии и Германии, – с тем, чтобы позже использовать польскую военную силу для завоевания и защиты независимости Польши. Кажется, в Польше никто не называет Пилсудского за это «коллаборантом». В данной связи удивляет желание некоторых «несоветских» беларуских историков навешивать ярлыки «изменников» на беларуских националистов 1940-*х* годов.

Чтобы установить хотя бы примерную численность беларусов, взявшихся за оружие, чтобы воевать против коммунистического режима, мы можем добавить к 20.000 солдат и офицеров БКА еще 20.000 полицейских полиции порядка (правда, около 30–40 % из них были поляки), беларуские полицейские батальоны (около 4000 человек), батальон охраны железной дороги (около 1000), батальон при СД (около 1000). По самым общим оценкам получим до 40.000 человек. Добавим, что здесь не учтены беларусы, служившие в Самоохране, в гарнизонах оборонительных деревень, в полиции Восточной Беларуси, отделах безопасности на Белосточчине и Гродненщине, Полесье и на востоке Беларуси.

Мы не имеем даже примерных сведений о количестве беларусов в административных органах, среди агентуры немецкой разведки и контрразведки. Много беларусов служило также в частях Вермахта, в том числе на Восточном фронте. Как уже отмечалось, число беларусов только среди «добровольных помощников» («хиви») в регулярных частях Вермахта должно идти на десятки тысяч человек.

Учитывая это, а также неизбежные потери за три года войны на фронте и в тылу, можно полагать, что с 1941 по 1944 год как минимум 100.000 беларусов взяли в руки оружие, чтобы воевать против СССР. И это несмотря на то, что немецкие силовые органы, преимущественно по политическим мотивам, постоянно препятствовали созданию национальных формирований и принесли этому процессу не меньше вреда, чем открытый террор со стороны советских или польских партизан.

Именно это противодействие немцев представляется одним из главных аргументов в пользу восприятия деятельности беларуских националистов во время войны именно как движения национального, имевшего целью создание независимого беларуского государства.

Надо также отметить, что намерения немецких властей и тон немецкой пропаганды менялись в зависимости от ситуации на фронте, от того, насколько шатким становилось стратегическое положение Германии. Сильно влияло на немецких оккупантов и партизанское движение. Будущее Беларуси в случае победы Третьего рейха так и не было окончательно очерчено вплоть до 1945 года, но кризис на Восточном фронте и в тылу немецких войск принудил немецкие оккупационные власти уже в 1942 году осторожно пойти на постепенные уступки беларускому национальному движению.

Военная деятельность беларуских националистов, разумеется, не была свободна от свойственной тому времени жестокости – особенно в условиях многосторонней войны, часто имевшей черты гражданской и даже межэтнической борьбы.

Так, когда в 1941 – 1944 годы в Беларуси проводился ужасающий геноцид евреев и цыган, отделы местной полиции иногда привлекались немцами для унич-

тожения еврейского и цыганского населения. В этих преступлениях участвовали и некоторые беларуские националисты из подразделений полиции.

Беларусы-коммунисты убивали беларусов-антикоммунистов, и, наоборот, все вместе воевали против польской Армии Краёвой, которая в Беларуси в значительной степени состояла из местного населения. Жестокость порождала жестокость:

«Мне и другому полицейскому приказали охранять дом в деревне Лядки, чтобы никто оттуда не вышел. Зачем это надо, нам не сказали, но я знал, что эта деревня – партизанская. Это было вечером 12 января 1943 года. Было темно, и мы просидели там всю ночь. /.../ Я увидел, как из дома выходила карательная группа – когда стрельба закончилась, они пошли в следующий дом. /.../ Мы услышали стрельбу из того дома, куда они зашли. Те люди, о которых я сказал выше и которые расстреливали людей в домах, были офицерами и рядовыми полиции, семьи которых были убиты партизанами»*.

В то же время чрезвычайные условия в тылу советско-германского фронта приводили и к относительно легкой «смене мундиров» участниками конфликта, а также к достижению в отдельных районах соглашений о ненападении между группами различной политической направленности.

Одним из наиболее ярких свидетельств столь сложной ситуации являются сведения ЦШПД о потерях советских партизанских отрядов в Беларуси с 25 июня 1942 до 15 февраля 1944 года. Партизанские командные органы насчитали тогда 8297 человек безвозвратных потерь в Беларуси, причем из них 15,2 % (1484 человек, каждый седьмой) приходятся на «дезертиров, перешедших на сторону врага и расстрелянных за измену». А еще 483 человека считаются «пропавшими без вести».

Сельские жители видели в бойцах Краевой Обороны своих защитников от грабежей партизан

Тот же штаб подсчитал, что с июня 1941 до начала 1944 года в советском партизанском движении на территории БССР принимали участие 145.038 человек. При этом из 80.170 партизан, на которых сохранились сведения относительно национальности, беларусами были 51.158 (63,8 %)**.

Эти цифры далеко не неполные, но вместе с данными о количестве беларусов в полиции и национальных формированиях они позволяют отбросить любимый тезис советской и просоветской историографии о «всенародном партизанском движении» в Беларуси.

* Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. СПб, 2008, с. 163–164.

** Князьков А. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. // «Военно-исторический архив», 1999, № 5, с. 123-129.

По мнению националистов, основную угрозу беларускому населению во время войны представлял жестокий террор. С одной стороны – немецких и инонациональных карательных формирований; с другой – советских и польских партизан. Поэтому они создавали беларуские вооруженные формирования для действий в тылу советско-германского фронта. Заменив собой немецкие карательные органы и разбив партизан, националисты надеялись не только гарантировать спокойствие мирному населению, но и создать почву для построения беларуского государства. Как мы видели раньше, чины СД и СС прекрасно сознавали эти цели националистов, в результате чего беларуская военная акция во время войны не смогла развернуться полностью.

Но и в этом случае создание беларуских воинских частей, даже таких, которые полностью зависели от немецких властей, а также военизированной молодежной организации в виде СБМ, стало мощной национально-воспитательной акцией, – возможно, не менее значительной, чем собственно военные действия этих частей. Формирование боевых подразделений, целью которых являлась служба на пользу Беларуси и ее народу, послужило причиной для подъема беларуского национального сознания даже в последний год войны.

Период немецкой оккупации предоставил националистам фактически единственную возможность вести легальную деятельность и готовить основу для создания независимого государства в виде административных и военных органов, а также широко пропагандировать национальные ценности. Позже именно эти люди сохранили идею независимости Беларуси в эмиграции, когда в БССР беларуские националисты были практически полностью истреблены физически.

Нет ничего странного или ужасного в том, что внимание каждого нового поколения беларуских патриотов снова и снова притягивают слова «Беларуская Краевая Оборона» или «Беларуская Самоохрана». Надо объективно говорить о людях, которые служили в национальных формированиях, называя их победы – победами, поражения – поражениями, преступления – преступлениями, а героизм – героизмом. И не скрывать того, что целью националистов было создание беларуской армии для восстановления независимого беларуского государства.

Иван Ковтун

Беларусы на службе в «СС»

Вначале была полиция...

Территорию БССР Вермахт полностью оккупировал к концу лета 1941 года. Первое время порядок в захваченных областях поддерживали немецкие военные органы. Однако германское военно-политическое руководство планировало использовать местных жителей в установлении «нового порядка», поэтому сразу же была начата их вербовка в полицию.

Согласно административному распоряжению № 1 от 7.07.1941 командующего частями тыла группы армий «Центр» генерала пехоты Шенкендорфа, для проведения полицейских мероприятий вновь назначенным бургомистрам поручалось привлечь в полицию надежных «фольскдойче»* и беларусов, а если таковых нет, то поляков, и использовать их по согласованию с начальниками команд полиции безопасности.

В деле установления «нового порядка» на восточных территориях ведущая роль отводилась ведомству рейхсфюрера Генриха Гиммлера – СС. Особые команды айнзатц-группы «Б», под эгидой которых должна была действовать беларуская полиция, являлись представителями органов СС.

1 сентября 1941 года Вермахт передал рейхскомиссариату «Остланд» районы вокруг Минска, хотя раздел территории БССР завершился только к середине октября. Параллельно с этим с июля велась вербовка в полицию. Причем создание полиции тыловыми органами Вермахта происходило в тот момент, когда оперативные команды СД уже организовали при своих штабах первые группы полицейских-помощников.

25 июля 1941 года рейхсфюрер СС подписал приказ «О задачах полиции на оккупированных территориях». В этом приказе он подчеркнул:

> «...необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей, как это уже частично произошло с оперативными группами полиции безопасности. Эти охранные формирования в первую очередь должны быть созданы из украинцев, жителей прибалтийских стран и беларусов».

Тем самым СС изначально и независимо от Вермахта пытались обеспечить себя полицейским контингентом. При этом никто не возражал, если полицейские, служившие при армейских тыловых органах, – это была «служба порядка»

Статья И. Ковтуна перепечатана из военно-исторического журнала «Эхо войны» за 2008 год, № 2, с. 39–48. Общая позиция российского автора существенно отличается от точки зрения А. Гелогаева. Но по ряду вопросов Ковтун приводит интересную дополнительную информацию, в чем и заключается смысл ее перепечатки в альманахе. В статье было 100 ссылок на источники. При редактировании я их устранил, т.к. они не влияют на понимание авторского текста. – *Редактор.*

* Фольскдойче – граждане СССР и других стран немецкого происхождения.

(Ordnungsdienst) – перейдут, после передачи территорий гражданской администрации, под контроль СС и полиции.

Следующие документы, подписанные Гиммлером, логически продолжили его приказ «О задачах полиции». Так, в приказе «О создании охранных формирований» (от 31.07.1941) речь шла о привлечении жителей оккупированных областей в подразделения полиции. 6 ноября 1941 года шеф СС подписал указ, которым все охранные и полицейские части, сформированные из местного населения на Востоке, объединялись во «вспомогательную службу полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei; Schuma – «шума»). С 19.11.1941 года статус подразделений вспомогательной полиции был окончательно закреплен в совместном приказе Гиммлера и Розенберга (министра оккупированных восточных областей) о «Подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях».

Указом от 6 ноября 1941 года местная полиция определялась как вспомогательный орган немецкой полиции порядка. Как известно, полиция порядка (Ordnungspolizei; ORPO – ОРПО) подчинялась СС, и возглавлял ее с 26.06.1936 года оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции Курт Далюге. Под его началом ОРПО во время войны стала надежной опорой СД и гестапо. Практически все мероприятия, связанные с карательной деятельностью, проводились во взаимодействии с СД, что нашло свое отражение в приказе (от 14.06.1941) «О военной организации и применении сил полиции порядка и полиции безопасности (СД), деятельность которых предусмотрена в тыловых армейских и войсковых районах».

Эти данные свидетельствуют, что та часть местной беларуской полиции, которая оказалась под контролем ОРПО, с осени 1941 года фактически находилась на службе в СС. Как и в случае с оперативными командами СД, деятельность при ОРПО свидетельствовала о принятии местной полиции на службу в «охранные отряды» (СС), хотя формально это было зафиксировано только 1 сентября 1942 года, когда Далюге подписал указ о подчинении личного состава вспомогательной полиции судебной системе СС.

Трудно определить, сколько беларусов служило в полицейских органах, подчинявшихся СС. Некоторым ориентиром служит отчет штандартенфюрера СС и полковника полиции порядка генерального комиссариата «Белоруссия» Клепша, зачитанный им 10 апреля 1943 года на совещании у Генерального комиссара Вильгельма Кубэ. По состоянию на 1 декабря 1941 года, при германской полиции было зарегистрировано 3682 местных полицейских. По введенной с 1 сентября 1942 года классификации они относились либо к индивидуальной службе (Schutzmannschaft-Einzeldienst), где выполняли функции охранной полиции (Schutzpolizei), поддерживавшей порядок в городах, либо к жандармерии (Gendarmerie), делавшей то же самое в сельской местности.

Как видим, число местных граждан, помогавших немцам, было незначительно. Полиция постоянно нуждалась в личном составе. Однако эта проблема так и не была решена, поэтому процент местных полицейских оставалося сравнительно небольшим. По данным канадского исследователя Эрика Хаберера, стационарные полицейские структуры генерального комиссариата «Белоруссия» (Weissruthenien) насчитывали всего 1394 сотрудников немецкой ОРПО

и 8374 сотрудников вспомогательной полиции (по другим источникам еще меньше – 6850).

Некоторые документы позволяют узнать, сколько местных полицейских было в округах ГАБ. Так, в округе «Барановичи» в ноябре 1942 года за порядок отвечали 100 немцев – 27 шуц-полицаев и 73 жандарма. Вместе с ними несли службу 1116 беларусов: 300 помогали охранной полиции, 816 – жандармерии. Соотношение между германскими и беларускими полицейскими в округе составляло 1 к 15. Это один из самых высоких показателей (кроме полиции Минска, где соотношение было 1 к 20). Самое низкое соотношение зафиксировано в округе «Лида» – 1 к 5.

Этих сил было явно недостаточно. ГАБ занимал территорию 60 тыс. кв. км, с населением около 3 млн. человек. Имевшиеся здесь опорные пункты охраны (посты) с задачей поддержания порядка не справлялись: функционировали только 127 пунктов (55 жандармских и 72 вспомогательных сил) – в среднем, один пункт на 23600 жителей.

В тыловых районах, подконтрольных Вермахту, должны были действовать, кроме оперативных команд полиции безопасности и СД, подразделения высшего фюрера СС и полиции «Россия-Центр». До июня 1944 года эту должность занимал группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции Эрих фон дем Бах-Зелевский (1899–1972). Но в его распоряжении находились не такие уж крупные силы, чтобы успешно проводить мероприятия по ликвидации зарождавшихся партизанских отрядов. Бах-Зелевскому подчинялся полицейский полк «Центр» (307-й, 316-й, 322-й батальоны), а также 6 отдельных частей ОРПО (32-й, 131-й, 308-й, 316-й, 317-й, 323-й батальоны). Этих сил хватало только на отдельные карательные операции.

Эрих фон дем Бах-Зелевский

В июле 1941 года Бах-Зелевский получил в свое распоряжение 1-ю кавалерийскую бригаду СС для проведения «специальной» операции в районе Пинских болот и реки Припять. Однако в начале 1942 года бригаду отправили на фронт для отражения зимнего контрнаступления Красной Армии в районе Ржева.

Кроме этих частей, Бах-Зелевский получил помощь в лице коллаборационистов из Летувы; они, действуя совместно с 11-м резервным батальоном ОРПО, «усмиряли» еврейское население Минска, Смолевич, Койданово и Слуцка. Но беларуская полиция в этих акциях не участвовала. На этом этапе еще не существовало ни одного беларуского батальона полиции, и в военной зоне оккупации чаще всего действовали части летувисов и латышей.

В дальнейшем, в связи с активизацией партизанского движения, Бах-Зелевский, назначенный к тому времени уполномоченным рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом (т. е. с партизанщиной), получил дополнительные полицейские силы (не менее 5 полков и 15 батальонов ОРПО), а также вспомогательные

подразделения. Но беларусов в них служило меньше чем украинцев, из которых в Минске и Могилеве за период с 1941 по 1944 год сформировали 13 батальонов (41-й, 42-й, с 50-го по 57-й, с 61-го по 63-й).

Летом 1942 года, кроме полка «Центр», Бах-Зелевскому подчинялись 51-й, 52-й и 201-й батальоны «шума», сформированные из украинцев. Эти части в одиночку не могли бороться с партизанами, численность которых постепенно увеличивалась. Поэтому Бах-Зелевский 23 июля 1942 года обратился к генералу Шенкендорфу с просьбой о выделении ему до 1000 человек из числа военнопленных. Эта просьба была удовлетворена, и осенью в Могилеве началось формирование 53-го, 54-го, 55-го и 56-го украинских «шума»-батальонов.

В целом в оккупационной зоне, где полнота власти принадлежала Вермахту, вопрос об использовании беларуской полиции органами СС стоял достаточно остро. Люди Гиммлера могли здесь надеяться только на помощь «службы порядка», организованной комендатурами. Например, по данным группы управления 581-й полевой комендатуры (Бобруйск), в середине марта 1942 года местная полиция насчитывала 1185 человек. Эти люди поддерживали порядок и охраняли военные объекты в 11 районах (Бобруйск, Глуск, Жлобин, Киров, Кличев, Любань, Марьина Горка, Осиповичи, Паричи, Старые Дороги, Стрешин). При этом «служба порядка» зимой 1941–42 гг. понесла в боях с партизанами существенные потери, и немцам пришлось вновь пополнять ряды своих помощников.

Несколько иначе ситуация складывалась в зоне гражданской администрации ГАБ, где руководство СС имело больше возможностей для создания необходимых частей, хотя быстрой организации мобильных полицейских формирований в определенной степени мешали политические взгляды нацистских властей, не желавших поначалу вооружать беларуских коллаборационистов.

Кроме того, первое время германские полицейские органы, оценивая положение в комиссариате, считали вполне достаточным, если территориальные структуры охраны будут представлены отрядами местной «самоохраны». Однако от этой идеи пришлось отказаться, поскольку с осени 1942 года партизанская проблема стала понемногу выходить из-под контроля. Тогда для укрепления территориальных органов правопорядка руководство немецкой полиции в ГАБ решило создать подвижные полицейские батальоны. В задачу этих военизированных частей входило участие в операциях по очищению районов от партизан.

В августе 1942 года немцы приступили к формированию полицейских батальонов, состоящих из беларусов. Первый из них (№ 49) сформировали в Острошицком Городке (Минский район). Основная же часть батальонов была сформирована в период с сентября 1943 по март 1944 года. И если сначала ставка делалась на части охранного типа (Schutzmannschaft-Wacht-Bataillone), то затем, в виду угрожающего положения на ТВД, на батальоны фронтовой категории (Schutzmannschaft-Front-Batailione). В итоге были созданы 5 охранных (№№ 45, 46, 47, 49, 67) и 6 фронтовых батальонов (№ 48, Слоним), № 60 (Снов и Барановичи), № 64 (Глубокое), № 65 (Новогрудок), № 66 (Слуцк), № 67 (Лида), а также отдельный артиллерийский дивизион (№ 56) и кавалерийский эскадрон (№ 68). В этих 11 батальонах служили свыше 3000 человек.

По штатному расписанию каждый полицейский батальон включал в себя штаб (4 человека) и 4 роты (по 124 человека в каждой). В роте полагалось иметь три стрелковых взвода и один пулеметный. В батальоне, таким образом, должно было быть 500 человек, но на практике численность была и выше, и ниже указанной, в зависимости от того, насколько успешно прошло укомплектование части личным составом, обеспечение оружием, униформой, другими видами довольствия. Формально, срок службы в батальоне составлял 6 месяцев, однако в ситуации острой нехватки людей контракт стабильно продлевали.

Таким образом, в гражданской зоне оккупации руководство СС сумело найти источник пополнения своих полицейских структур, начиная от стационарных пунктов охраны ОРПО и заканчивая мобильными частями полиции, привлекавшимися для выполнения задач войскового оперативного характера. Однако результаты, достигнутые в деле набора и мобилизации беларусов исключительно в полицейские органы СС, оказались достаточно скромными, причиной чему явились непростые отношения руководства СС с гражданской администрацией Генерального комиссариата и с беларускими националистами.

«Под защитой немецкого меча»

Оккупацию Беларуси Вермахтом местные патриотические силы встретили в основном положительно. Многие из них, веря в грядущую независимость своей родины, активно включились в процесс помощи немецким войскам. Например, в начале августа 1941 года при гарнизонной комендатуре (№ 812) города Минска был создан отряд вспомогательной полиции в количестве 100 человек, куда завербовали националистов. Похожая картина наблюдалась и в других городах Беларуси.

О том, что беларусы могут не опасаться за свое будущее, шла речь в сентябрьском воззвании (1941 г.) Генерального комиссара Кубэ. В документе, в частности, говорилось:

> «Беларусы! Первый раз в вашей истории победа Германии даст возможность обеспечить вашему народу свободное развитие и светлое будущее без российско-азиатского угнетения и чуждого национального господства.... Если беларусы хотят плодотворного созидания, то такое может быть только под защитой немецкого меча».

Надо отметить, что точка зрения Кубэ на «восточную политику» рейха отличалась от позиции СС. Генеральный комиссар был за то, чтобы беларуские националисты приняли участие в укреплении оккупационного режима, взяли на себя вопросы формирования его положительного имиджа, стали верными проводниками воли немецких властей.

22 октября 1941 года Кубэ издал указ о создании так называемой Беларуской народной самопомощи (БНС), органа, призванного возрождать Беларусь в культурном, национальном и экономическом отношении. БНС включилась в работу и, чувствуя поддержку комиссара, осмелилась предложить несколько условий. В одном из них говорилось о создании при БНС вооруженных формирований. Кубэ одобрил это предложение, так как хотел иметь свой собственный инструмент для борьбы с партизанами. 29 июня 1942 года он подписал проект об организации Корпуса беларуской самоохраны (КБС). Формировать КБС по-

ручили органам местного самоуправления. Предполагалось, что корпус будет состоять из трех дивизий.

Однако проект создания КБС следовало согласовать с СС, и скоро он попал в штаб-квартиру фюрера СС и полиции Генерального комиссариата «Белоруссия» бригадефюрера СС Карла Ценера. Ценер полностью изменил структуру этого объединения, утвердив план по организации целой сети антипартизанских подразделений (от роты до батальона), находящихся в подчинении у немецкой полиции порядка.

Такое решение во многом было связано с тем, что СС беспокоила деятельность Кубэ. Подчиненные Гиммлера считали, что Кубе являлся проводником идей, противоречащих политике Рейха. Силы коллаборационистов, которые руководство СС намеревалось использовать по своему усмотрению, уходили от него, поэтому Ценер решил, что формирования из местных жителей должны замыкаться на СС.

Вильгельм Кубэ

Центральный совет БНС согласился с проектом Ценера, и 16 июля был издан приказ о формировании корпуса. Удалось сформировать 20 батальонов (15.000 человек), которые в основном находились при германской полиции в окружных комиссариатах.

Хотя формально части КБС подчинялись ОРПО, на все высшие командные должности в корпусе немцы назначили беларусов, чтобы не было подозрений, что КБС командуют оккупационные власти. Этот шаг, с одной стороны, позволил привлечь в ряды корпуса многих людей, а с другой – оставил беларусам некоторую независимость. Как оказалось, ее было вполне достаточно, чтобы СС не имело полного контроля над корпусом.

Некоторые батальоны КБС не подчинялись командованию ОРПО в округах; в отдельных частях корпуса был низкий уровень дисциплины, не хватало унтер-офицеров, личный состав отличался ненадежностью. Все эти проблемы, в том числе с вооружением, можно было решить, по мнению начальников СС и полиции, только в том случае, если батальоны КБС будут полностью контролироваться полицейскими органами ГАБ. В мае 1943 года начальник ОРПО «Вайсрутении» Клепш издал приказ о ликвидации КБС и переходе всех его подразделений в состав полиции, но эта мера не везде встретила понимание. Например, в Слониме члены КБС отказались вступить в полицию.

Добившись расформирования КБС, руководители СС в Беларуси не чувствовали себя победителями. Проблема безопасности (точнее, ее нерешенность) заставляла их мириться с существованием беларуской «самоохраны», которая с лета 1943 года была задействована в охране так называемых «оборонных деревень». Это был проект Министра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга, ставший в определенном смысле компромиссом между граждан-

скими и полицейскими органами власти. У СС, особенно у фюрера СС и полиции «Вайсрутении» группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Курта фон Готтберга, идея Розенберга особого энтузиазма не вызвала. «Оборонные деревни» не улучшили ситуацию на фронте борьбы с партизанами. Кроме того, личный состав «оборонных деревень» не подлежал мобилизации в Белорусскую краевую оборону (БКО), – военно-полицейские формирования, созданные по указанию Готтберга (приказ от 23.02.1944 г.) для решения охранных и оперативных задач.

Фактически, БКО создавалась для укрепления органов СС и полиции, хотя беларусы получили возможность говорить о том, что эти части во многом национальны и отвечают интересам народа.

В марте 1944 года БКО насчитывала в своем составе 21.629 человек, которые служили в 34 батальонах. Всего было создано 39 стрелковых и 6 саперных батальонов, каждый численностью от 600 до 800 бойцов. При этом все саперные батальоны подчинялись Вермахту, а не СС. Кроме того, в БКО вошли некоторые батальоны «шума». Это стало возможно потому, что СС в лице Готтберга, назначенного Генеральным комиссаром после убийства Кубэ (оно произошло 22 сентября 1943 г.), контролировало почти все беларуские формирования.

Беларусы, находившиеся в составе БКО, помогали полиции и СС бороться с партизанами. В частности, батальоны БКО участвовали в карательной операции «Весенний праздник» (апрель – май 1944 г.), а также в других акциях. Некоторые части БКО были разгромлены в ходе операции «Багратион». Другие были распущены по приказу своих командиров. Наиболее боеспособные части БКО сумели отступить в Польшу.

На вопрос о том, можно ли считать службу в БКО службой в СС, однозначного ответа нет, хотя все мероприятия, связанные с организацией БКО, проходили под контролем СС.

Батальон СД

Среди беларуских частей, сформированных при органах СС и полиции, особое место занимает 13-й отдельный полицейский батальон СД (Weissruthenische-Polizei (SD)-Bataillon № 13). Создание этой части было санкционировано полицией безопасности и СД Генерального комиссариата «Белоруссия», в частности оберштурмбанфюрером СС Эдуардом Штраухом, который обратился к представителям БНС с этим предложением. Руководство БНС дало свое согласие, однако потребовало соблюсти немецкой стороной определенные условия.

В первую очередь, поскольку батальон предполагалось использовать только для борьбы с советскими партизанами, бэнэсовцы требовали, чтобы на всех должностях, от командиров отделений до командиров рот, находились беларусы (командиром батальона был немец).

Служебным языком в батальоне должен был быть беларуский; отбор на командирские должности обязан был проводить главный военный референт БНС. Также на ответственного сотрудника БНС возлагались задачи по поддержанию среди личного состава батальона надлежащего морально-психологического состояния и информационно-пропагандистского обеспечения его меро-

приятий. Вопросы обеспечения бойцов вооружением, вещевым имуществом и продовольствием оставались в ведении оккупационных властей. Знаки различия на мундирах солдат и офицеров части должны были быть беларускими (кокарда «Погоня» и бело-красно-белый щиток на левом рукаве кителя). Наконец, последние условие заключалось в том, что батальон воюет только против советских партизан и только на территории Беларуси.

Причины, побудившие Э. Штрауха создать из беларусов отдельный батальон СД, называют разные. Вероятнее всего, формирование его было обусловлено тем, что стационарные органы полиции безопасности и СД нуждались в дополнительных силах для проведения специальных мероприятий против партизан и других «нежелательных элементов», в том числе для «решения еврейского вопроса», которым Штраух занимался в Беларуси.

Беларуский батальон СД, созданный в январе 1943 года, неоднократно привлекался к операциям против партизан весной – летом 1943 года. Затем его подразделения на какое-то время распределили по окружным отделениям СД, где они выполняли охранные функции.

В частности, одно из подразделений батальона занималось охраной трудового лагеря в Колдычево (в 20 км от города Барановичи). Лагерь был создан на территории бывшего поместья польского дворянина Салевича. Для содержания заключенных здесь использовались конюшни, гумна и сараи.

Унтершарфюрер 13-го беларуского батальона СД (слева) и вице-капрал вспомогательной полиции

Комендантом лагеря был обер-шарфюрер СС Франц Ерн. Ему подчинялись беларуские сотрудники СД.

Ротой охраны (100 человек) командовал Н.А. Калько (сын царского жандарма). Вместе с ним уничтожали евреев, коммунистов и партизан унтер-офицеры Л.А. Сенкевич, М.М. Кухта, А.И. Королевич, а также рядовые сотрудники СД – Ворончак, Дыра, Ждан, Прончак, Гутырчикидр и другие.

В качестве отличительного знака персонал лагеря носил на пилотках и фуражках эмблему мертвой головы.

За «успехи», проявленные в ходе ликвидации «врагов Рейха», главный военный референт БНС майор Франц Кушель вручил Калько награду – Муаровую ленту.

За время существования лагеря сотрудники беларуского СД и их немецкие коллеги казнили в Колдычево и в его окрестностях (деревня Арабовщина, урочище Лозы, хутор Нечехи) около 22 тысяч человек.

Беларусы, находившиеся на службе в СД, участвовали в уничтожении евреев из гетто Минска, где они действовали совместно со стрелковой командой (15 человек) из 26-го полка полиции порядка. Этим и ограничивается карательная деятельность беларусов, служивших в отделениях СД и оказавшихся в 13-м батальоне. Сам батальон в расстрелах не участвовал, а привлекался только к антипартизанским операциям.

Отделение бойцов 13-го батальона вспомогательной полиции СД

В преступлениях, совершенных в Беларуси нацистами и их пособниками против гражданского населения, беларусы участвовали редко. Историк А.Т. Лейзеров пишет:

> «...немцы избегали привлечения к массовым акциям, в том числе погромам, полиции из местных жителей. В связи с этим они вынуждены были привлекать привезенные в Белоруссию украинские и литовские полицейские батальоны».

13-й беларуский батальон СД считался в некотором смысле «элитарной» частью. Здесь служили добровольцы, личный состав был хорошо вооружен и обеспечен всем видами довольствия. С бойцами и командирами постоянно велись интенсивные занятия по боевой подготовке. В батальоне была налажена культурно-массовая работа (концерты, театральные вечера, просмотры кинофильмов и т.д.). В целом это было одно из лучших беларуских формирований.

В начале 1944 года в батальоне насчитывалось около 1000 человек. После того, как в БССР вступили части РККА, батальон с боями отступил на территорию Польши, откуда его отправили в Италию, где он воевал против 2-го польского корпуса под Монте-Кассино. Оттуда часть беларусов, наиболее верная немцам, была переброшена в Германию.

30-я дивизия

В июле 1944 года, когда советское командование проводило операцию «Багратион», в тылу группы армий «Центр» стали спешно создавать специальные формирования из бывших советских граждан. В их задачу входило, во-первых, удержание районов, определенных германским военным командованием, и, во-вторых, оказание помощи Вермахту, пока он не восстановит линию фронта.

Приказ о создании этих формирований отдал в конце июня 1944 года Курт фон Готберг. Понимая безнадежность ситуации, он, тем не менее, старался сделать все возможное, чтобы силы, находившиеся в его распоряжении, были использованы для отражения советского наступления. Для этого все части вспомогательной полиции, которым удалось не потерять боеспособность, были выведены с территории Беларуси и стянуты в район Лангры (Польша). Здесь из них в ускоренном темпе сформировали полицейскую бригаду, выполнявшую заградительные функции.

Во главе соединения был поставлен бывший командир 57-го полицейского полка оберштурмбанфюрер СС и подполковник охранной полиции Ганс Зиглинг. Боевого опыта у него было мало, зато хватало храбрости.

Бригада состояла из 4-х полков:

1-й полк: 57-й, 60-й и 61-й охранные батальоны из округа «Минск».

2-й полк: 62-й, 63-й и 64-й охранные батальоны из округов «Глубокое» и «Лида».

3-й полк: 65-й полицейский батальон, охранные части округов «Слуцк», «Барановичи» и «Вилейка».

4-й полк: 101-й батальон вспомогательной полиции, охранные части округов «Слоним» и «Припять».

Эмблемой 30-й дивизии войск СС был избран двойной, т.н. «Ярыловский крест»*. Именно этот символ носили на петлицах солдаты и офицеры этой дивизии.

Кроме них, такой крест носили бойцы беларуского батальона железнодорожной охраны (около 1000 человек), подчинявшегося органам полиции порядка Генерального комиссариата, а также личный состав беларуских батальонов «самоохраны».

В бригаде также создали артиллерийский (из 56-го охранного батальона) и кавалерийский (из 68-го кавалерийского дивизиона) дивизионы. Численность соединения была около 2 тысяч человек, состояло оно в основном из беларусов (60-й, 64-й и 65-й полицейские батальоны) и украинцев (61-й, 62-й, 63-й, 101-й «шума»-батальоны), хотя служило также немало русских.

Бригада Зиглинга воевала против советских войск и польских партизан, причем в борьбе с партизанами личный состав соединения продемонстрировал не-

---

* Употребление такого креста отмечается с V века 1-го тысячелетия н. э. Именно он изображен на печати наместника византийского императора в городе Корсунь. На православном Востоке этот крест называли «патриаршим», так как его носили восточные патриархи (Константинопольский, Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский). На Руси его носили монахи. На Западе шестиконечный крест известен под названием «лотарингского». Появление шестиконечного креста в Беларуси связано с распространением православия.

плохие боевые качества. Успехи соединения произвели впечатление на Гиммлера, и он распорядился, чтобы бригаду перевели в состав войск СС.

В начале августа 1944 года под Варшавой бригада прошла реорганизацию, и к концу месяца было сформировано новое соединение, получившее официальное наименование – 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская) – (30. Waffen-Grenadler-Dlvision der SS (russische Nr. 2).

Естественно, акцент на том, что это еще одна «русская» дивизия СС возмутил беларуских националистов. Им не нравились порядки, установленные Зиглингом, а также то, что он находится под сильным влиянием русских офицеров, в первую очередь своего знакомого по 57-му полицейскому полку Вячеслава Муравьева. Однако недовольство, возникшее в среде беларусов, вряд ли можно считать оправданным. Соединение не было мононациональным, все командные должности в нем занимали немцы либо «фольксдойче», тогда как русские, беларусы и украинцы были при них заместителями или командирами более низшего звена. В августе 1944 года структура дивизии выглядела следующим образом:

Штаб дивизии (Stab der Division);

1-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regimentder SS № 1

2-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regimentder SS № 2);

3-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regimentder SS № 3);

4-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regimentder SS № 4);

30-й артиллерийский дивизион войск СС (Waffen-Artillerie-Abteilung № 30);

Кавалерийский эскадрон (Reiter-Schwadron);

Учебный батальон (Feldersatz-Bataiilon).

В последующем структура соединения менялась.

В середине августа 1944 года дивизию перебросили на Западный фронт, где она провела операцию против сил французского сопротивления в районе Бельфор – Мюльхаузен. На этот шаг, по мнению историков, германское командование пошло, чтобы соединение набралось боевого опыта. Еще одной причиной, побудившей немцев отправить дивизию во Францию, явилось дезертирство среди личного состава.

Но изжить дезертирство не удалось. Случаи бегства участились после того, как соединение увязло в кровопролитных боях с партизанами. Засады и нападения, организованные французами, истощали моральные и физические силы эсэсовцев. Уже 27 августа на сторону «маки» пе-

Солдат-беларус из 30-й дивизии войск СС (реконструкция)

решли в полном составе 61-й и 62-й батальоны (украинцы). Как отмечает историк С. Дробязко, среди тех, кто перебежал к партизанам и потом воевал вместе с ними против немцев, «оказались участники массовых расстрелов в Бабьем Яру под Киевом и уничтожения Хатыни».

Впрочем, дезертирами были не только украинцы, но и беларусы. Они тоже переходили на сторону противника, и служили после этого в рядах 2-го польского корпуса генерала Владислава Андерса.

Однако, несмотря на дезертирство и неудачи, в дивизии осталось немало людей, решивших идти с немцами до конца.

В середине сентября 1944 года, чтобы не попасть в окружение, соединение Зиглинга отступило в район между Рейном и Вогезами. Дивизия получила приказ: поддерживать отступавшие из Франции немецкие войска. Она приложила огромные усилия, чтобы выполнить это задание, и понесла большие потери.

В конце октября 1944 года дивизия получила приказ удерживать мосты через Рейн, пока не переправятся части потрепанной 19-й немецкой армии. После этого мосты надо было взорвать, чтобы их не захватили союзники. С этой ответственной задачей дивизия справилась. В упорных арьергардных боях она не дала американцам и французам быстро преодолеть Рейн. Мосты были взорваны, союзники на какое-то время задержаны, но дальнейшие бои, в которых участвовала дивизия, обескровили ее. Попытки компенсировать нехватку личного состава путем доукомплектования основных частей соединения (75-го и 76-го гренадерских полков) за счет других ни к чему не привели. Сил больше не было, и в декабре 1944 года немецкое командование отправило остатки дивизии в тыл.

В результате тяжелых потерь и дезертирства в это время в дивизии осталось 4400 человек (в сентябре численность была 11600 солдат и офицеров). 11 января 1945 года Главное управление СС приняло решение расформировать соединение. Офицерский состав передали в 38-ю моторизованную дивизию СС «Нибелунги» и в 25-ю гренадерскую дивизию СС (1-ю венгерскую). Часть личного состава, в основном русских, перевели в 600-ю дивизию Вермахта (1-я дивизия РОА), а оставшуюся часть (беларусов) направили в формирующуюся гренадерскую бригаду войск СС (1-ю беларускую).

Создание 1-й беларуской бригады СС проходило в обстановке надвигавшейся катастрофы Третьего Рейха, поэтому Главное управление СС, в компетенцию которого с декабря 1944 года входили вопросы формирования добровольческих частей, приняло все условия беларуских националистов. В ходе переговоров начальник Главного управления СС обергруппенфюрер СС Готтлоб Бергер и представители БЦР достигли соглашения о формировании новой дивизии СС исключительно из беларусов. Основой для дивизии послужила 1-я гренадерская бригада войск СС. 9 марта 1945 года соединение получило дивизионный статус, став 30-й гренадерской дивизией войск СС (1-й беларуской).

Вербовку добровольцев руководство СС доверило военному отделу БЦР, разрешив набирать людей даже из беларуских «остарбайтеров» – граждан, вывезенных в Германию на работы. Правда, результаты вербовочной компании оказались весьма незначительными: согласились служить всего несколько сот человек. В соединении остро ощущалась нехватка квалифицированного командного состава, не было необходимого количества оружия. В итоге удалось сформиро-

вать только один полк из трех батальонов. 1-м батальоном командовал ваффен-штурмбаннфюрер Антон Сокол-Кутыловский (1892–1983), 2-м – ваффен-гауптштурмфюрер Дмитрий Чайковский, 3-м – ваффен-гауптштурмфюрер Тамила. Командовал полком штурмбанфюрер Франц Геннигфельд.

В марте 1945 года стало очевидно, что сформировать полноценную дивизию из беларусов не представляется возможным. Ситуация для Рейха была критической, все оставшиеся силы немедленно перебрасывали на фронт. Полк Геннингфельда получил приказ передислоцироваться в южную Германию, где военно-политическое руководство Рейха планировало организовать «Альпийский редут» – сеть укрепрайонов, которые должны были остановить продвижение союзных войск и создать условия для перехода Вермахта в контрнаступление. Но этим планам не суждено было сбыться.

Оценив обстановку, командование полка в лице Франца Кушеля (Ф. Геннингфельд бросил часть и бесследно исчез) решило использовать любую возможность, чтобы сдаться в плен американским войскам, а не Красной Армии. В местечке Айзенштайндорф (Чехия), куда полк прибыл 25 апреля 1945 года, Кушель узнал, что неподалеку находится штаб ВВС РОА генерал-майора Виктора Мальцева. После переговоров, длившихся четыре дня, Кушель и Мальцев договорились о совместном переходе через линию фронта. 30 апреля 1945 года 1-й беларуский полк СС, вошедший в состав группы Мальцева, выступил в направлении Баварии, где в районе города Цвизель сложил оружие. В американский плен сдалось около 5100 человек: 4000 русских и 1100 беларуских военнослужащих. Таким был конец 30-й дивизии войск СС.

Батальон Дирлевангера

Еще одним формированием СС, где служили беларусы (а вместе с ними русские и украинцы), было специальное подразделение войск СС Оскара Дирлевангера. Личный состав этой части принимал участие в карательных операциях и заработал самую скверную репутацию.

Не в последнюю очередь это связано тем, что многие военнослужащие этого подразделения, созданного на базе 5-го полка частей СС «Мертвая голова» в Ораниенбурге, имели уголовное прошлое (некоторые отбывали наказание за браконьерство), а офицерский состав набирался из тех, кому суд чести за разные провинности запретил до конца службы носить знаки различия.

Под стать своим подчиненным был сам Дирлевангер, имевший за плечами весьма бурное прошлое. Ветеран 1-й мировой войны (лейтенант запаса), командир бронепоезда добровольческого корпуса из Вюртемберга, доктор экономических наук, но при этом – замеченный в сексуальных связях с несовершеннолетними девушками (в 1934 году исключен из рядов СА и отбывал двухлетний срок в тюрьме), злостный хулиган. Если бы не заступничество его однополчанина – Готтлоба Бергера, занимавшего пост начальника Главного управления охранных отрядов, то Дирлевангер, скорее всего, закончил бы свою жизнь в концентрационном лагере. Однако уголовнику с докторским дипломом повезло. «Искупив вину» перед нацией участием в гражданской войне в Испании в составе легиона «Кондор», он реабилитировался, пока вновь не попал в историю.

6 Зак.2268

Уже являясь командиром специальной команды СС, поступившей 1 сентября 1940 года под начало фюрера СС и полиции округа «Люблин» – бригаденфюрера СС Одило Глобочника, Дирлевангер был обвинен в коррупции, вымогательстве денег и в сексуальной связи с 17-летней еврейкой. Суд СС в Кракове начал дознание против него, но благодаря Бергеру, вмешавшемуся в процесс, дело оказалось на рассмотрении в Главном управлении СС, где, по инициативе Гиммлера, его отложили до лучших времен.

Самого Дирлевангера решили отправить от греха подальше на Восточный фронт, и 22 января 1942 года он, получив предписание, убыл с командой на оккупированную территорию БССР.

Подразделение Дирлевангера (тогда еще особая команда СС – SS-Sonderkommando Dirlewanger) прибыло в Могилёв в начале февраля 1942 года. Сразу возник вопрос, кому непосредственно будет подчиняться часть. На совещании у Гиммлера (27.02.1942 г.) Бергер добился того, чтобы люди Дирлевангера подчинялись высшему руководителю СС и полиции «Россия-Центр» – Эриху фон дем Бах-Зелевскому.

К практическим действиям подразделение приступило в марте 1942 года. С этого же времени при команде находилось добровольные помощники. Когда именно их привлекли к акциям, сказать сложно. По мнению некоторых историков, «боевое крещение» коллаборационистов (сохранились их имена: Тупига, Мироненко, Зайвый, Радковский, Сахно, Ялынский) произошло 16 июня 1942 года, когда дотла была сожжена деревня Борки, где, как утверждал Дирлевангер, скрывались «бандиты», устроившие «теракты» недалеко от шоссе Могилев – Бобруйск. Затем русские, украинские и беларуские помощники участвовали в уничтожении деревень Кобылянка, Хоново, Немки и еще 16-и населенных пунктов, после чего закрепились в карательном подразделении.

Оскар Дирлевангер

Осенью 1942 года команда Дирлевангера представляла собой отдельный батальон из 4-х рот: 2-х немецких и 2-х вспомогательных (русской и украинской), всего примерно 700 человек. В украинской роте, по документам, состояло около 50 бойцов, командовал ими Иван Мельниченко. В русской роте было около 230 человек: бывшие военнопленные, набранные в шталаге № 352, а также местные полицейские, русские и беларусы.

Некоторые исследователи под влиянием сумбурной повести Алеся Адамовича «Каратели» (1980 г.) до определенного времени полагали, что беларусы в батальоне Дирлевангера не служили (там якобы были только латыши, летувисы, эстонцы, украинцы и венгры). Однако факты свидетельствуют, что в русской роте беларусы все-таки служили. Под руководством «фольскдойче» Августа Барчке они участвовали в карательных мероприятиях против гражданского населения.

Активное привлечение специального батальона СС к антипартизанским операциям произошло осенью 1942 года. По приказу командного штаба рейхсфюрера СС, часть Дирлевангера временно подчинили командиру 1-й моторизованной бригады СС, с которой она участвовала в операции «Карлсбад», проводившейся с 10 по 23 октября в Круглянском, Толочинском, Оршанском и Шкловском районах. В ходе операции партизаны понесли существенные потери (в том числе погибла группа командиров бригады «Чекист»), а население деревень Падар, Валковщина, Задний Бор, Казел подверглось «спецобработке»; деревни Гоенка и Полежаевка были сожжены дотла.

С 4 по 10 ноября батальон Дирлевангера участвовал в операции «Фрида». Вновь уничтожались мирные жители, кроме того, эсэсовцы убили свыше 130 партизан. 11 ноября часть вывели из подчинения 1-й моторизованной бригады СС, после чего она вернулась в Могилев, попутно очистив от «бандитов» несколько сел и деревень в районе Червеня.

В конце декабря Дирлевангер за успехи в борьбе с «бандами» получил отпуск (с 28 декабря 1942 по 20 февраля 1943 гг.). Временно его заменил штурмбанфюрер Франц Маггиль – сотрудник командного штаба рейхсфюрера СС. Маггиль был опытным офицером. До направления в командныйу штаб рейхсфюрера СС он командовал 2-м кавалерийским полком 1-й кавалерийской бригады СС. Его полк «прославился» тем, что безжалостно убивал мирное население (в основном евреев) во время карательной операции в районе Припятских болот (конец июля – начало сентября 1941 года). Как минимум, полк Маггиля уничтожил тогда 6526 евреев. И вот теперь в его подчинении была одна из самых жестоких частей СС.

Батальон был задействован в серии специальных операций («Франц», «Праздник урожая» и «Хорнунг») в начале 1943 года. Маггиль не делал различий между иностранными помощниками и немецким составом. Каждому подразделению батальона он поставил конкретную задачу, состоявшую в том, чтобы превратить свой район действий в нейтральную полосу: «все местные жители расстреливаются без исключения». В ходе трех операций было убито 18.975 гражданских лиц, в том числе 3300 евреев; около 2400 человек было вывезено из зоны боевых действий и отправлено на принудительные работы. Однако люди Маггиля расстреляли только четвертую часть мирных жителей, остальные жертвы – на совести других военных и полицейских формирований.

Действия специального батальона СС вызвали неоднозначную реакцию у Бах-Зелевского. Он высказал мнение, что ликвидация партизан вовсе не является поводом, чтобы убивать мирное население. Пора, говорил Бах-Зелевский, «заняться делом» – сбором сельскохозяйственной продукции, комплектованием команд из местных жителей для отправки на работу в Германию. Дирлевангер, вернувшийся в часть в конце февраля 1943 года, никак не отреагировал на эти слова. Он по-прежнему считал, что борьба с партизанами не только предполагает нейтрализацию гражданского населения, но и является ее основой, так как партизаны получают из деревень помощь.

Позже, в июле 1943 года, у Дирлевангера произошел конфликт с группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции Герретом Корземаном (заместителем Бах-Зелевского; с 24 марта по 5 июля 1943 года он исполнял обязанности свое-

го шефа), который запретил уничтожать мирных жителей. Хотя Дирлевангер не изменил своим принципам, его людям все-таки пришлось заняться хозяйственными вопросами. Как отмечает исследователь А. Бочкарев, батальон не только собирал сельхозпродукцию, но и контролировал то, как крестьяне восстанавливают сельское хозяйство. Доходило даже до того, что личный состав батальона распределял между селами сельхозтехнику и выдавал семена для проведения посевных кампаний.

22 марта 1943 года солдаты Дирлевангера приняли участие в сожжении Хатыни, причем в проведении этой акции они не играли ведущей роли. События развивались так. Ранним утром в 118-й полицейский батальон поступило сообщение, что на участке между Плещеницами и Логойском повреждена телефонная связь. На восстановление связи была выслана строительная часть из Плещениц, а также два взвода 1-й роты 118-го батальона во главе с капитаном охранной полиции Веллькe. В тот момент, когда шли восстановительные работы, неожиданно с расстояния 30 метров по полицейским был открыт огонь. Погибли капитан Веллькe и трое украинских полицейских, двое шуцманов получили ранения.

Управление боем взял на себя командир взвода Василий Мелешко. В результате перестрелки партизаны стали отступать в восточном направлении на Хатынь. Полицейские пытались их преследовать, но сил для ликвидации «бандитов» не хватало. Мелешко, получивший легкое ранение, немедленно отправил просьбу о помощи. Пока полиция ожидала поддержки, ей удалось задержать рабочую команду (40–50 человек) из населенного пункта Козыри. Команда рубила лес и расчищала обочины возле дороги Плещеницы – Логойск. Заподозрив рабочих в связях с партизанами, полицейские арестовали всю команду, и 15 стражей порядка повели ее в Плещеницы. По дороге в Плещеницы произошел инцидент: рабочие, подумав, что их ведут на расстрел, запаниковали и бросились бежать – это случилось на опушке леса, за населенным пунктом Губа. Полицейские открыли огонь на поражение, при этом было убито от 20 до 25 человек, остальных беглецов схватила полевая жандармерия из Плещениц и допросила.

Тем временем тревожный сигнал достиг расположения батальона Дирлевангера. В помощь полицейским была направлена две моторизованные роты СС (личный состав – немцы). Прибыв на место, эсэсовцы совместно со полицейскими повели наступление на партизан, занявших оборону в самой Хатыни и на ее окраинах. Блокировав деревню, каратели подтянули минометы и противотанковые пушки и приступили к «зачистке». Партизаны оказали ожесточенное сопротивление, в течение часа они отстреливались из деревенских домов, превращенных в огневые точки. Эсэсовцам ничего не оставалось, как подавить противника минометным и орудийным огнем. К 16.30, когда партизанское сопротивление было сломлено, а каратели вошли в деревню, Хатынь уже превратилась в развалины, поэтому сжигать там было практически нечего. Во время боя погибли 34 «бандита», в том числе одна еврейка. Так как жители деревни укрывали у себя партизан, а их дома служили огневыми точками, было решено сжечь все население.

Инициаторами сожжения выступили украинские полицейские, посчитавшие, что местные жители являются фанатичными сторонниками советской вла-

сти, презирают христианскую веру (один из полицаев, загоняя людей в амбар, говорил: «вы растоптали иконы и за это сгорите, сейчас мы сожжем вас»), всячески помогают партизанам. В итоге в амбаре (размеры 6 на 12 м) каратели сожгли 152 человек, среди которых были дети, женщины и старики, выжить удалось только четверым.

В апреле 1943 года, накануне визита в Минск Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фридриха Заукеля, начальник СС и полиции комиссариата «Белоруссия» Курт фон Готтберг распорядился провести в городе тотальную проверку, очистив его от партизан, подпольщиков и других «бандитских элементов». С этой целью с 17 по 22 апреля в Минске была проведена операция под кодовым названием «Волшебная флейта». Для ее проведения в город стянули части полиции и войск СС, в том числе батальон Дирлевангера. В задачу батальона входила охрана Минского гетто. Тем не менее, по некоторым данным, его подразделения участвовали в облавах, обысках и массовых арестах городского населения, в чем им активно помогали полицейские-летувисы из 12-го «шума»-батальона. В ходе операции было проверено 76 тысяч человек, тогда как в Минске на тот момент проживало 130 тысяч. За «противоправные» действия и связь с «бандитами» десятки людей были повешены (этим занимались полицейские из Летувы под командованием Антанаса Импулявичюса). 23 апреля, после окончания операции, в Минске в 11 часов дня состоялся парад ее участников, парад принимал высший фюрер СС и полиции «Россия-Центр» Бах-Зелевский.

В начале мая батальон Дирлевангера занимался очисткой Манильского и Рудненского лесов от партизан, затем его привлекли к крупномасштабной операции «Коттбус» (с 20 мая по 21 июня 1943 года). Эту операцию органы полиции и СС готовили давно. По данным разведки, в районе Хрост – Плещеницы – Докшицы – Лепель дислоцировались крупные «банды», имевшие хорошо оборудованные полевые укрепления и прикрытые минными полями. Главная цель операции заключалась в том, чтобы восстановить дорогу Минск – Витебск и очистить от партизан территорию, находившуюся у них под контролем: треугольник Плещеницы – Докшицы – Лепель.

Помимо батальона Дирлевангера, в операции «Коттбус» приняли участие 2-й полицейский полк СС, 15-й, 102-й, 118-й и 237-й батальоны вспомогательной полиции, 600-й «казачий» батальон, 633-й «восточный» батальон, 1-я и 12-я полицейские танковые роты, один батальон 331-го гренадерского полка, четыре роты 392-й главной военной комендатуры с батареей, взводом противотанковых орудий и взводом тяжелых минометов, усиленная рота 286-й охранной дивизии, 2-й дивизион 213-го артиллерийского полка, три моторизованных взвода полевой жандармерии, специальные команды СД, самолеты 4-й группы эскадрильи бомбардировочной авиации и 7-й эскадрильи особого назначения. Руководство операцией осуществлял штаб во главе с группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции фон Готтбергом.

Советские и западные историки по-разному оценивали результаты акции «Коттбус». Первые утверждали, что партизаны нанесли противнику большие потери, не дали себя уничтожить и, таким образом, сорвали планы немцев. Партизанам якобы удалось разгромить 600-й «казачий» батальон, почти полностью ис-

требить около двух батальонов 2-го полицейского полка СС. Но из-за численного превосходства врага партизанам пришлось покинуть свои базы, прорываться из окружения и уходить от преследования. Именно такая картина изображена в партизанских документах, где ко всему прочему фигурируют заниженные данные о потерях (не более 500 бойцов).

В немецких документах все выглядит иначе. В донесении от 28.7.1943 года о результатах операции «Коттбус», составленном Готтбергом, сказано следующее:

> «Потери противника: убито в боях 6087 человек, расстреляно – 3709, захвачено в плен – 599. Захвачено рабочей силы – 4997 человек, женщин –1056. Собственные потери: немцы – убито 5 офицеров, в том числе командир батальона, 83 унтер-офицеров и рядовых. Ранено 11 офицеров, в том числе два командира полка, 374 унтер-офицера и рядовых, трое пропали. Трофеи: 20 орудий калибра 76,2 мм, 9 противотанковых пушек, 1 зенитное орудие, 18 минометов, 30 станковых пулеметов, 31 ручной пулемет. Один самолет (уничтожен), 50 планеров (уничтожены), 16 противотанковых ружей, 903 винтовки...».

Курт фон Готтберг

Готтберг был в принципе доволен тем, как прошла акция. Из 8 тысяч партизан, находившихся в этом районе, свыше 6000 было ликвидировано, почти 600 попало в плен. Некоторые ученые оспаривают эти цифры, утверждая, что немцы не могли убить столько партизан. В основном, заявляют историки, речь идет о гражданских лицах, которых убили каратели, в частности люди Дирлевангера. Однако, несмотря на факты жестоких расправ, имевших место в ходе операции «Коттбус», в целом нет оснований, чтобы сомневаться в донесении Готтберга. Тем более, что жертвы этой операции среди гражданского населения вынесены в отдельную графу. Учитывая немецкий педантизм в составлении документов подобного рода, вряд ли Готтберг пытался вводить в заблуждение высшее руководство СС.

Затем часть Дирлевангера участвовала в акции «Герман» (с 3 июля по 30 августа 1943 года). Операция проводилась против партизан, действовавших в Барановичском округе, в районе Налибокской пущи, по линии Воложин – Столбцы. В ней участвовали 1-я моторизованная бригада СС, 2-й полк СС, 30-й полицейский полк, три отдельных батальона СС (группа Кернера), 15-й, 115-й, 57-й и 118-й охранные батальоны, жандармская группа Крайкомбома в составе трех команд. Общая численность карательных частей доходила до 52 тысяч человек.

Батальон Дирлевангера с первых дней операции увяз в боях с партизанами, но несколько его подразделений занимались уничтожением гражданского населения. Понеся незначительные потери, он вышел из боев и был отправлен на переформирование. Дело в том, что к концу лета 1943 года в подчинении у Дир-

левангера находилось свыше тысячи солдат и офицеров, поэтому в сентябре 1943 года батальон развернули в полк – SS-Regiment Dirlewanger.

Отметим, что руководство партизанских бригад, выдержав удары немцев в ходе операции «Герман», отправило в ЦШПД победное сообщение о борьбе с карательной экспедицией. Секретарь Барановичского подпольного обкома ВКП(б) Василий Чернышев (1908–1969), взявший на себя общее руководство действиями партизан, докладывал:

> «...в первые дни боев... партизанами был убит известный населению Белоруссии с начала войны палач, подполковник войск СС Дирлевангер и захвачен весь план операции».

Чернышев также заявил, что партизаны убили и ранили свыше 3-х тысяч немцев, уничтожили много техники врага и захватили немало трофеев.

Однако немецкие документы опровергают эти выдумки. Во-первых, общие потери немцев и их союзников составили 205 убитых, раненых и пропавших без вести (т.е. меньше в 15 раз); во-вторых, Дирлевангер не был убит партизанами, так как в сентябре он стал командиром полка.

По немецким документам, с марта 1942 года по август 1943 года солдаты Дирлевагера ликвидировали 15.000 «бандитов» (гражданских лиц и партизан), тогда как собственные потери части составили 92 человека убитыми, 218 ранеными и 8 пропавшими без вести. Советские исследователи утверждали, что за два года своей «деятельности» эсэсовцы Дирлевангера уничтожили более 100 населенных пунктов на территории Минской, Могилевской, Витебской областей, а также расстреляли и сожгли заживо около 20 тысяч человек.

В дальнейшем полк Дирлевангера по-прежнему привлекался к карательным операциям, последней из которых стала акция «Весенний праздник». Затем полк был выведен в польское Генерал-губернаторство, где в августе 1944 года он участвовал в подавлении восстания в Варшаве, за что Дирлевангера наградили Рыцарским крестом.

В результате расформирования 29-й гренадерской дивизии СС (21-й русской), в октябре 1944 года Дирлевангеру передали 72-й и 73-й гренадерские полки СС, где служили в основном русские и беларуские добровольцы. 19 декабря полк был развернут в штурмовую бригаду СС, а в феврале 1945 года – в дивизию, получившую в реестре Главного управления СС № 36 (36. Waffen-Grenadier-Divisionder SS).

В апреле 1945 года 36-я дивизия СС воевала на западном фронте, в районе Альтхаузена – Вюртемберга, где и сдалась в плен французам. Личный состав соединения был распределен по лагерям военнопленных. Оскар Дирлевангер, попавший в плен вместе со своими людьми, тоже находился в лагере. 8 июля 1945 года он умер при невыясненных обстоятельствах. (Его забили до смерти французские охранники – *Прим. ред.*).

Анализируя службу беларусов в различных структурах СС, отметим следующее. Сотрудничество с СС националисты завязали еще в предвоенный период, но открыто оно проявилось во время войны. Вряд ли можно назвать это сотрудничество «тесным», так как беларусы больше тяготели к гражданским органам оккупации, чем к полицейским.

Взаимодействию беларусов с СС мешали политические планы нацистов, борьба за власть между полицейской и гражданской администрацией. В то же время сами беларусы, жаждавшие независимости, не торопились контактировать с органами Гиммлера, а если это и происходило, то исключительно по соображениям выгоды.

Начальники СС давали расплывчатые обещания относительно будущего Беларуси, препятствовали (до определенного времени) созданию полноценных добровольческих частей из местного населения, отрицательно относились к попыткам органов местного самоуправления получить больше свободы для своей деятельности. Все эти действия можно объяснить тем, что руководители СС старались подчинить себе все антибольшевистские силы в Беларуси. Отчасти им это удалось, как позже и беларуским националистам удалось сформировать исключительно национальную дивизию (полк) СС. Однако своих целей обе стороны начали добиваться только под конец оккупации и самой войны, когда их судьба была уже предрешена.

Беларусы с первых дней оккупации служили во вспомогательной полиции и в отрядах СД, затем многие из них воевали в составе полицейских батальонов и дивизий войск СС. В общей сложности в рядах полиции и СС (без учета БКА) служило до 30 тысяч граждан беларуской национальности.

Говоря об участии беларусов в преступлениях против мирного населения, следует иметь в виду, что основную роль в уничтожении гражданских лиц в Беларуси сыграли украинские, прибалтийские и русские добровольцы. Совершали преступления лишь те беларусы, которые находились на службе в СД, а также в составе специального подразделения СС Дирлевангера.

Приложение

Донесение фюрера СС
и полиции округа «Борисов»
об уничтожении деревни Хатынь
Батальон вспомогательной полиции порядка № 118
12 апреля 1943 г.
Фюрер СС и полиции округа «Борисов» в Плещеницах

В приложении к донесению комиссара округа «Борисов» докладываю следующее:

22.3.1943 г. между Плещеницами и Логойском бандитами была повреждена телефонная связь. К охране восстановительных работ и проведению блокирования в 9.30 был направлен усиленный 2-й взвод 1-й роты 118-го батальона вспомогательной полиции порядка капитана охранной полиции Велльке.

В 600 метрах позади населенного пункта Губа были обнаружены рабочие, занимавшиеся вырубкой леса. На вопросы, заданные им, они отвечали, что никто из них не имеет отношения к бандитам. Когда же выяснилось, откуда они, с восточного направления, с расстояния 30 метров, был открыт сильный пулеметный и винтовочный огонь. Завязался бой, во время которого капитан Велльке и 3 украинских полицейских погибли, 2 полицейских получили ранения. Но в ходе сильного огневого контакта противник был разбит и унес своих убитых и раненых в восточном направлении на Хатынь.

После этого командир украинского взвода взял на себя командование, однако у него не было необходимых сил для продолжения акции. Полицейские укрепились в своих подозрениях относительно рабочих, валивших лес, а также в том, что противник считал это место подходящим для нападения. Севернее населенного пункта Губа часть бандитов пыталась спастись бегством, старалась выйти из-под огня, при этом 23 из них было убито, остальные натолкнулись на жандармерию из Плещениц и были захвачены с целью проведения допроса. Бандиты утверждали, что их вина не доказана и требовали, чтобы их освободили.

К преследованию отступающего противника были привлечены крупные силы, в том числе часть батальона СС Дирлевангера. Между тем противник имел в деревне Хатынь дружественное бандитам население. Деревня была блокирована со всех сторон и обстреляна. Противник вел огонь из деревенских домов и оказывал упорное сопротивление, и чтобы подавить его, войскам пришлось применить противотанковые орудия и гранатометы. В ходе боевых действий было убито около 34 бандитов, часть жителей была сожжена.

Источник: Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941 – 1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995, s. 263.

Часть III | ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ…

Юрий Туронок

«Каждый четвертый» и Куропаты

В декабре 1943 года исполняющий обязанности генерального комиссара Беларуси группенфюрер СС Курт фон Готберг провозгласил создание Беларуской Центральной Рады.

Вскоре в Минске появилась партизанская листовка под заголовком «О сборище предателей и о том, что наврал Готберг». Листовку получил и сам Готберг, который приказал перевести ее на немецкий язык и отослать в Берлин*.

Интерес Готберга к листовке вызвало упоминание в ней о том, что оккупанты «убили, повесили и сожгли живыми» свыше 2-х миллионов жителей Беларуси. Необычность этой информации обусловил не сам факт нацистского геноцида (о котором Готберг как один из его режиссеров знал не хуже партизан), но впервые указанная численность уничтоженного населения. Поскольку в условиях подполья партизаны не могли заниматься статистикой, эта информация рассматривалась немцами как средство партизанской пропаганды и изучалась для выработки соответствующих методов пропагандистского противодействия.

Однако приведенная в листовке цифра использовались не только для нужд военной пропаганды, она сыграла значительную роль и после войны. Но от времени издания листовки до конца оккупации прошло около 6 месяцев, поэтому вскоре после войны численность жертв нацистского геноцида в Беларуси была увеличена еще на 10% – до 2,2 миллионов. Именно такую цифру назвали в ходе судебного процесса над гитлеровскими преступниками, происходившем в Минске в январе 1946 года. Так было официально заявлено, что оккупанты уничтожили 24 % довоенного населения БССР (9,2 млн в ее современных границах), иначе говоря, жертвой нацистского геноцида стал почти каждый четвертый житель Беларуси.

С течением времени вопросом о числе погибших заинтересовались исследователи, однако их оценки не подтверждали достоверность данных Центрального штаба партизанского движения. Готовя в конце 40-х годов материалы для «Большой Советской Энциклопедии», они писали о больших потерях населения Беларуси, однако не указывали их число, хотя данные о 2,2 миллионах погибших давно были опубликованы (см.: БСЭ. Том 4, с. 476 и 491). Не согласился с партизанскими данными и профессор Яков Раков, который в 1953 году сказал о чис-

* Сегодня она хранится в фондах так называемых Александрийских микрофильмов (АНА). Шифр Т-454, ролик 93.

ле уничтоженных нацистами жителей БСССР «сотни тысяч» (См.: Белорусская ССР. Очерки экономической географии. Минск, 1953, с. 89).

Интересно заметить, что даже председатель Совета Министров БССР Кирилл Мазуров считал партизанскую оценку значительно преувеличенной (1). Выступая в феврале 1955 года на сессии Верховного Совета СССР, он оценил численность уничтоженного оккупантами населения Беларуси как «примерно 1,5 миллиона» («Известия», 1955, 10 ноября). Наконец дело запуталось до такой степени, что авторы изданной в 1958 году «Гісторыі Беларускай ССР» посчитали за лучшее обойти молчанием этот вопрос.

Как видим, в течение ряда послевоенных лет попытки переоценить официальные данные и назвать более реальные не дали результата. Игнорировалась даже оценка Мазурова, который вскоре после своего выступления в Москве стал первым секретарем ЦК КПБ. Понятие о «каждом четвертом» продолжало функционировать в официальных выступлениях, художественной литературе и публицистике, на нем воспитывали школьников и студентов. Более того, этот пропагандистский тезис со всей серьёзностью повторяли радио «Свобода», нью-йоркская газета «Беларус» и другие беларуские издания на Западе. А некоторые публицисты без особых раздумий увеличивали масштабы геноцида до «каждого третьего» (например, польская газета «Критика», 1988, № 27).

Однако успехи официальной пропаганды не успокоили исследователей и не ликвидировали разнобоя. Надо было что-то придумать, чтобы вопрос нацистского геноцида на Беларуси выглядел однозначно и больше не вызывал сомнений. Видимо, в кабинетах беларуской столицы долго думали об этом. Наконец в 1964 году, то есть через 20 лет после войны, нашли удачное решение. Его презентацию поручили Василию Романовскому, попытавшемуся примирить догматиков с учеными*.

Ссылаясь на архивные материалы (не указанные конкретно), Романовский впервые разделил жертв геноцида на две категории: мирных жителей Беларуси – 1.409.225 человек, и советских военнопленных – 810.091 человек (в своей книге «Соучастники в преступлениях». Минск, 1964, с. 181). Уточнение приведенных Романовским данных о военнопленных невозможно, поскольку погибшие военнопленные, как правило, не были жителями Беларуси и, хотя погибли на территории Беларуси, их смерть никак не влияла на ее демографические потери. С другой стороны, военнопленных-беларусов летом и осенью 1941 года немцы отпускали домой. Весной 1942 года немцы опять позвали их в лагеря, но, зная об ужасной судьбе своих товарищей, они этому приказу не подчинились и ушли в леса, стали партизанами. Правда, потом погибали и они, но гибли уже с оружием в руках, а не как мирные жители.

Не трогая «неопровержимую» цифру 2,2 миллиона, Романовский удовлетворил требования заинтересованных партийно-советских органов. Однако, разделив жертв на две категории, он разрушил другую важную догму: 1,4 миллиона

* В.Ф. Романовский (1918–1992) – бывший партизан и партийный работник. С 1951 по 1970 год работал в Институте истории АН БССР. Автор либо соавтор многочисленных книг и статей «о преступлениях немецко-фашистских оккупантов на территории БССР», «о соучастниках» этих преступлений и о «героях-партизанах». – *Прим. ред.*

уничтоженного гражданского населения это уже не 24% его довоенной численности, а только 15%. Тем самым он обосновал фальшивость понятия «каждый четвертый». Можно предположить, что пойти на это пришлось ради достоверности потерь гражданского населения в годы немецкой оккупации и ликвидации спекуляций вокруг данного вопроса. В любом случае впечатляет необычно точный подсчет уничтоженного населения (до одного человека) во всех областях Беларуси. Таким достижением статистики не может похвастать ни одно европейское государство.

Но, в отличие от военнопленных, можно проверить достоверность данных Романовского о численности уничтоженного нацистами гражданского населения Беларуси. В первую очередь ответим на вопрос, насколько уменьшилось за три года оккупации все ее население. Так вот, по данным на конец 1944 года оно составляло 6 млн 265 тыс., тогда как накануне войны (июнь 1941 г.) – 9 млн 200 тыс. (БЕЛСЭ. Том XII, с. 57). Таким образом за это время население сократилось на 2 млн 935 тыс. Притом надо учесть и то обстоятельство, что во втором полугодии 1944 года, уже при советской власти, но еще в условиях военных действий, миграция гражданского населения в Беларусь и из Беларуси была невелика и скорее всего уравновешивалась.

Теперь рассмотрим судьбы тех 2,935 млн жителей, которых не стало в Беларуси за период от июня 1941 до июля 1944 года, опираясь на советскую документацию:

Эвакуированных летом 1941 г. в советский тыл – около 1 млн 500 тыс.
Мобилизованных в Красную Армию летом 1941 г. – более 500 тыс.
Выведенных через «Витебские ворота» в советский тыл летом 1942 г. – 35 тыс.
Жертв нацистского геноцида – 1 млн 409 тыс.
Вывезенных в Германию – 378 тыс.
Мобилизованных в Красную Армию в 1944 г. – свыше 600 тыс.
Всего – 4 млн 422 тыс.

Эти данные не охватывают всех потерь населения Беларуси. Надо также учесть заключенных, убитых советскими охранниками в тюрьмах и во время эвакуации летом 1941 года, жертв советских и польских партизан, тысячи юношей и девушек, уехавших весной 1944 года на вспомогательную военную службу в Германию, более 80 тысяч людей, которые во время наступления Красной Армии летом 1944 года эвакуировались на Запад. Следует учесть и те неумышленные потери, которые понесло население в ходе боевых действий немецких и советских войск летом 1941 и 1944 гг., и, наконец, отсутствие естественного прироста населения за время оккупации. К сожалению, доступные источники не выделяют этих категорий потерь.

Нетрудно понять, что сумма всех отдельных категорий потерь населения должна соответствовать его общему уничтожению. Но, как показывают только что приведенные цифры, число жителей Беларуси, эвакуированных в советский тыл, мобилизованных в РККА, вывезенных в Германию, и жертв нацистского геноцида составляет вместе более 4,4 миллионов, превышая на 50% общее сокращение населения (2,9 млн). В результате получается весьма значительное несоответствие, что и заставило исследователей искать фальшивые элементы этой «статистики».

Поскольку данные об эвакуированных в советский тыл, вывезенных в Германию и мобилизованных в Красную Армию опирались на более достоверные документальные источники, таким фальшивым элементом оказалась численность жертв нацистского геноцида. Поэтому не случайно советские специалисты дали новую оценку численности его жертв — «свыше 750 тысяч», о чем сообщила газета «Голас Радзімы» (1986, 27 ноября). Можно думать, что эта оценка, уменьшенная почти вдвое по сравнению с данными Романовского, ближе к действительности, хотя все еще преувеличена.

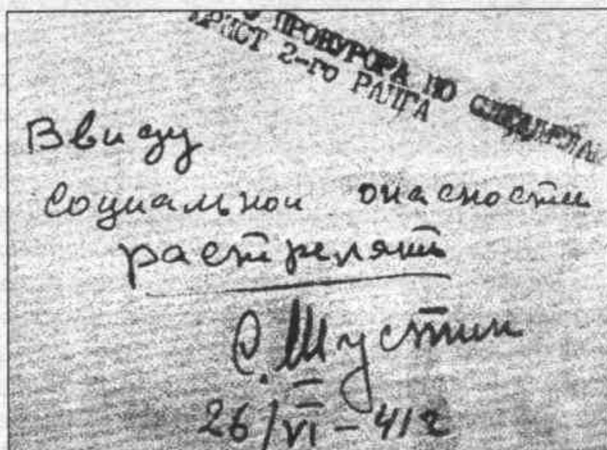
Пересмотр количества уничтоженных нацистами гражданских жителей Беларуси (с 2,2 миллиона до 750 тысяч) не меняет преступного характера гитлеризма, поскольку в моральном плане не имеет значения, были ли жертвами одна тысяча или сотни тысяч беззащитных людей. Какова же в таком случае причина преувеличения советскими властями числа этих жертв, причина фикции, поддерживавшейся более 40 лет? Сегодня, когда мы знаем об ужасах сталинского геноцида, ответить на это вопрос нетрудно. Все же попытаемся его обосновать:

Во-первых, упомянутая партизанская листовка свидетельствует, что численность уничтоженного нацистами населения была указана еще в условиях оккупации, а это значит, что она появилась не в результате подсчетов Чрезвычайной комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний (8), а на основе тех указаний, которые партизанские штабисты получили от своих властей, скорее всего от органов НКВД.

Расстрел советских заключенных

Во-вторых, эти указания относились и к Чрезвычайной комиссии, о чем свидетельствует тот факт, что в 1946 году она могла только «уточнить» ранее уже запланированную цифру до 2,2 миллионов, искусственно увеличив уже несомненно известное фактическое количество жертв нацистского геноцида в Беларуси примерно в три раза.

ПРОКУРОРА ПО СПЕЦДЕЛ...
...РИСТ 2-ГО РАНГА

Ввиду
социальной опасности
расстрелять
О. Шустин
26/VI-41 г

Какой-нибудь лейтенант НКВД одним росчерком пера отбирал жизнь у ни в чем не повинного человека

В-третьих, установленная таким образом цифра должно была охватить жертвы не только гитлеровского, но и сталинского геноцида, что свидетельствует о стремлении

советских властей переложить ответственность за свои преступления на немецких оккупантов.

Символом сталинского геноцида стало урочище Куропаты в окрестностях Минска, где в 1937–1941 годах погибло от пуль палачей НКВД до 100 тысяч человек. Об этом мир узнал только в 1988 году, однако в Беларуси, где таких Куропат было немало, знали о них давно и по возможности стремились разоблачить преступления. Такая возможность впервые появилась во время немецкой оккупации. Именно тогда были даны первые оценки численности жертв сталинизма, которые в общих чертах соответствовали позднейшему увеличению советскими властями размеров нацистских преступлений. Например, Евгений Колубович, выступая 27 июня 1944 года на 2-м Всебеларуском конгрессе в Минске, число жертв сталинизма в Беларуси оценил в 1,8 миллиона (см.: Другі Ўсебеларускі Кангрэс. Мюнхен, 1954, с. 64).

Но тогда для западного мира это была только «фашистская пропаганда» и «антисоветчина», направленная против военного союзника. Сегодня же эта оценка подтверждается минскими авторами, причем некоторые считают ее даже слишком терпимой. Например, писатель Василь Быков говорил о «миллионах безымянных людей Беларуси... уничтоженных в годы сталинщины – без вины, без права, без следа в народной памяти» («Літаратура і мастацтва», 1988, 28 октября). По нашему мнению, оценка Быкова преувеличена, а сведения, приведенные Колубовичем, ближе к реальности.

Однако суть дела не в статистической точности и даже не в том, что на счету сталинизма больше уничтоженных жителей Беларуси, чем на счету нацистов. Рассматривая этот вопрос, А. Варава высказал мнение, что «геноцид против собственного народа и гитлеровский фашизм – явления почти одного порядка» («Літаратура і мастацтва», 1988, 10 июня). И все же такое утверждение не исчерпывает дела. Валентина Ковтун задает риторический вопрос (9):

> «Что такое физическое уничтожение человека в сравнении с духовным? – Детские игры... Вот когда в народе, панове, уничтожается дух свободы, тяга к просвещению, когда хитро и настойчиво подтачиваются корни Отечества... Вот тогда, панове, действительно смерть!» (Коўтун В. Крыж міласэрнасці. Мінск, 1988, с. 95).

В этом отношении не было аналогии в действиях обоих тоталитаризмов на Беларуси. Правда, нацисты уничтожили сотни тысяч людей, но одновременно немецкая гражданская администрация многое сделала для развития национального сознания беларусов. Беларуский язык снова занял принадлежащее ему место в администрации и других сферах гражданской жизни. Школы, культурная и издательская деятельность имели исключительно беларуский характер, уважалась национальная символика, а молодое поколение в рядах Союза беларуской молодежи воспитывалось в духа уважения и любви к родной стране, родному языку и культуре.

С другой стороны, сталинизм делал все возможное для духовной кастрации беларуского народа и его русификации. Беларуский язык был загнан на периферию общественного употребления, последовательно и настойчиво прививалось презрение к нему, убивалась историческая память народа и его национальное сознание. Все это получило условное название лингвоцида (языкоубийства), до-

полнявшего физическое уничтожение (геноцид). Таким образом, полное сравнение нацизма и сталинизма невозможно в одной только категории геноцида, без учета сферы национальной культуры и сознания. Символическим показателем в этой сфере может служить тот факт, что в «подневольной» столице Беларуси все школы были беларускими, а в «освобожденной» — русскими.

Обнаружение массовых захоронений в Куропатах вызвало в Беларуси значительный общественный резонанс. 19 июня 1988 года в Куропатах состоялся многотысячный митинг, в сентябре был создан Комитет «58» (10), а 19 октября того же года республиканское историко-просветительское общество «Мартиролог Беларуси» (11).

Основные задачи этого общественного движения — установление количества и поименно всех погибших во времена массовых убийств и террора на территории БССР, Виленщины, Смоленщины и Белосточчины, выявление их организаторов и исполнителей, мест убийств и захоронения жертв, а также создание мемориала памяти и памятников невинно убитым людям.

Одновременно активизировались и охранники тайны массовых преступлений. Уже в июне 1988 года, вскоре после открытия куропатских могил, были сделаны попытки дискредитировать общественное движение, успокоить реакцию общества, преуменьшить значение преступлений сталинизма. Несмотря на эти старания, печальная слава Куропат разошлась по Беларуси, Советскому Союзу и миру.

Исполнитель СМЕРШа убивает очередных «изменников Родины»

На фоне этих событий создание Комитета «58» и общества «Мартиролог Беларуси» вызвало в бюрократическом аппарате республики истерические попытки противодействия. С 22 октября в БССР началась кампания давления, выдержанная в «лучших традициях» 30-х годов. Деятельность Комитета «58» была названа провокационной, самозванной, недемократической и вообще ненужной. Было высказано суждение, что созданная властями республики Государственная комиссия (12), сама, без участия общественности, разберется «как надо» в трагическом прошлом.

Такая позиция консервативных сил имела свои специфические причины. Последовательное выявление преступлений способствовало бы укреплению и распространению представлений о том, что сталинский геноцид принципиально не отличался от нацистского, а в количественном измерении значительно его превышал. В таком случае пришлось бы создать величественный мемори-

альный комплекс в Куропатах, аналогичный Хатыни. А еще пришлось бы отвечать на вопрос, который постоянно задавали миллионы людей: почему не судили энкаведистов, если судили гестаповцев? Неужели одна пуля справедливее другой?

Далеко не случайно те силы общества, которые осуждают физическое уничтожение народа, одновременно выступают и против его духовной смерти. Отсюда понятно, почему кампания защитников сталинизма против Комитета «58» сочеталась с нападками на активистов БНФ, деятелей неформальных общин и организаторов «Дедов» – исконного Дня памяти, празднование которого 30 октября 1988 года в Минске разгоняла милиция.

Однако полицейские дубинки и водометы – оружие малонадежное и бесперспективное. Поэтому была запущена в массы новая порция старой политграмоты. 22 октября 1988 года и в последующие дни все республиканские и областные газеты напечатали статью «Эволюция политического невежества», в которой вдохновители кампании и подписавшиеся лица стремились убедить читателей в том, что беларуское возрождение идейно связано с немецкой оккупацией. А это, по их мнению, якобы компрометирует современных «возрожденцев». Опять начали появляться в газетах статьи о немецких оккупантах и беларуских «соучастниках в преступлениях» – своеобразная композиция правды и лжи. Дескать, смотрите, «экстремисты», какие у вас корни, на какой почве вы выросли...

Кресты в Куропатах (современное фото)

Что ж, можно поздравить инициаторов этой кампании с высоким политическим «вежеством», и одновременно выразить сомнение, могла ли ссылка на немецкую национальную политику в Беларуси дать желаемую реакцию. Слишком хорошо известна всем ситуация с родным языком и беларуской школой в «подневольной» и в «освобожденной» столице...

Политическим спекулянтам на жертвах нацистских преступлений следовало бы, помня о Куропатах, задуматься над библейской мудростью: «Прежде чем достать щепку из глаза ближнего, вынь бревно из своего глаза».

(1989 г.)

ИСТОЧНИКИ

(1) Мазуров Кирилл (1914–1989) – советский партийный деятель, в 1953–56 гг. председатель Совета Министров БССР, в 1956–65 гг. первый секретарь ЦК КПБ.

(2) Беларуская Советская Энциклопедия. Том XII, с. 163.

(3) Там же, с. 160.

(4) Романовский В. Соучастники в преступлениях. Минск, 1964, с. 181.

(5) Там же.

(6) Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов. Том 3. Минск, 1985, с. 479.

(7) Партизанская борьба белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959, с. 310.

(8) «Чрезвычайная комиссия по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их соучастников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» во главе с Николаем Шверником действовала с ноября 1942 года. Беларуская республиканская комиссия содействия Чрезвычайной комиссии во главе с первым секретарем ЦК КПБ П.К. Пономаренко работала с начала 1944 года.

(9) Ковтун (Коўтун) Валентина (1946 г.р.) – беларуская писательница.

(10) «Комитет 58» – оргтруппа по созданию Общества Памяти Жертв Сталинизма, учрежденная представителями беларуской демократической интеллигенции в июле 1988 г. Название взято как «напоминание о соответствующей статье Уголовного кодекса РСФСР, по которому были несправедливо осуждены миллионы людей во всех республиках СССР». «Комитет 58» подготовил проекты устава и декларации Республиканского историко-просветительского общества «Мартиролог Беларуси». После создания упомянутого общества прекратил свою деятельность.

(11) Республиканское историко-просветительское общество «Мартиролог Беларуси» – добровольная общественная организация памяти жертв сталинизма, созданная 19 октября 1988 г. в Минске. Основные ее цели – разоблачение массовых репрессий в 1920–1953 гг., выяснение личностей тех, кто погиб в Беларуси, в местах ссылки и заключения, увековечивание их памяти.

(12) Правительственная комиссия БССР по расследованию куропатского дела была создана в июне 1988 г.

Максим Петров

Польский центр перевоспитания туземцев

В 1934 году в беларуском местечке Берёза-Картузская польские власти создали один из самых жутких концлагерей XX века. Даже то, что мы знаем теперь о гитлеровских лагерях смерти, о сталинском ГУЛАГе, не может заслонить собой правду о Берёзе-Картузской.

Здесь не травили людей газом, не сжигали в печах, не расстреливали из пулеметов, не топили в шахтных забоях. Поэтому современные польские деятели призывают мировую общественность не сравнивать Берёзу-Картузскую ни с гитлеровскими лагерями смерти, ни со сталинскими лагерями дармового труда. Мол, то было место не уничтожения, а «перевоспитания».

Но с чем сравнить лишь одно из многих изуверских изобретений польских палачей – так называемую «красную дорожку»?! Это дорога из осколков кирпичей, вмурованных в землю остриями вверх, по которой узников заставляли ползать на коленях, чтобы мясо сдиралось до костей...

1. Оздоровление по-польски

С приходом к власти в Польше в результате государственного переворота 1926 года маршала Юзефа Пилсудского здесь установился авторитарный режим, известный как «санационный» (sanacja – «оздоровление»). Пилсудчики «оздоровляли» общественную жизнь своего государства путём жестоких преследований политической оппозиции и национальных движений.

В отношении многочисленных национальных меньшинств санационный режим проводил политику «культурного подавления», которая осенью 1930 года переросла в массовые репрессии против украинского населения Галиции и Волыни, лицемерно названные «пацификацией» (умиротворением). Поводом для «пацификации» послужили антипольские акции ОУН (Организация украинских националистов), особенно поджоги усадеб «осадников» – польских колонистов, поселявшихся на исконных украинских землях. В ходе «пацификации» широко применялся принцип коллективной ответственности. Подразделения польской полиции и армии вошли в более чем 800 сёл, арестовали свыше 2 тысяч человек, сожгли около 500 домов. Составной частью «пацификации» стали украинские погромы, устроенные польскими шовинистическими группировками.

В отместку за «пацификацию» боевик ОУН Григорий Мацейко 15 июня 1934 года убил в центре Варшавы министра внутренних дел Бронислава Перацкого, известного своей ненавистью к украинцам, и Тадеуша Голувку – заместителя руководителя Блока сотрудничества с правительством (организации польских шовинистов, тесно связанной с Пилсудским).

Многие эксперты уже в то время считали, что за убийством Перацкого на самом деле стояли польские спецслужбы. Этот теракт они сравнивали с поджогом рейхстага в 1933 году, после которого в нацистской Германии начались репрессии против политических противников. Действительно, польские власти отреагировали с подозрительной оперативностью. Уже через два дня, 17 июня, президент республики Игнацы Мосьцицкий подписал распоряжение «по вопросу о лицах, угрожающих безопасности, миру и общественному порядку». Кроме него документ заверили еще 11 министров польского правительства. Первая статья этого распоряжения гласила:

> «Лица, деятельность либо намерения которых дают основание допускать, что с их стороны грозит нарушение безопасности, мира либо общественного порядка, могут подлежать задержанию и принудительному помещению в место изоляции, не предназначенное для лиц, подозреваемых либо арестованных в связи с преступлениями».

Указанный документ давал право органам полиции и воеводам отправлять в «место изоляции» сроком на три месяца любого гражданина Польши — без какого-либо расследования и судебного разбирательства. Понятно, что такой принцип создавал широкие возможности для произвола. Более того, администрация «места изоляции» могла по собственной инициативе добавлять срок — оставлять заключенного еще на три месяца, и делала это достаточно часто. Вместо трех — шести месяцев некоторых узников «перевоспитывали» по году и больше! Досрочное освобождение «светило» заключённому только в том случае, если он подписывал обязательство об отказе от «антигосударственной деятельности».

Эпизод «пацификации» (1934 г.)

Быстро выяснилось, что «лагерь изоляции» (по-польски «obóz odosobnienia») предназначен в основном для активистов организаций этнических меньшинств польского государства — украинцев, беларусов, евреев и немцев. Они составляли свыше 80 % заключенных.

Решения воевод, полицейских органов и лагерного начальства нельзя было обжаловать! Польские власти и судебные инстанции отвергали любые заявления и ходатайства по этому поводу. Еще бы, ведь речь шла о «перевоспитании туземцев», то есть, граждан второго или даже третьего сорта!

Лагерь устроили в местечке Берёза-Картузская Полесского воеводства (ныне город Берёза Брестской области). Берёза находится на реке Ясельда, в 100 км к северо-востоку от Бреста, в 6 км от станции Берёза-Картузская на линии Брест — Барановичи. Определение «картузская» местечко получило от монастыря католического ордена картезианцев, основанного здесь в 1648 году. В 1867 го-

ду царские власти снесли монастырь вместе с костёлом, а из кирпичей разобранных зданий построили военные казармы. В этих казармах и разместился концлагерь (или – на польский манер – лагерь интернирования).

Он был точной копией первого нацистского концлагеря Ораниенбург: пять рядов высокой (около 7 метров) ограды из колючей проволоки, широкий ров с водой. По противоположным углам проволочной изгороди стояли деревянные сторожевые вышки с пулеметами; охранники ходили вокруг лагеря с овчарками.

Вацлав Костэк-Бернацкий — мерзавец с благообразной физиономией

«Работу» лагерных держиморд направлял и контролировал воевода Полесья полковник Вацлав Костэк-Бернацкий (1884–1957), известный садистскими наклонностями. Он зарекомендовал себя «тюремщиком по призванию» еще в 1930 году, будучи комендантом Брестской крепости, где содержались политические заключенные. Словом, когда Польше понадобился собственный концлагерь, необходимые кадры нашлись мгновенно.

Из воспоминаний бывшего узника Леонида Лыщинского-Троекурова:

«Эта знаменитая тюрьма, где нам было суждено очутиться, была построена по инструкциям и планам Полесского воеводы Вацлава Костэка-Бернацкого (Kostek-Biernacki). Он же установил детальные правила поведения охранников в отношении узников. Его доверенным и главным помощником при введении этого режима был начальник отдела безопасности Полесского воеводства Ролевич (Rolewicz). /.../ Дьявольскую систему обращения с заключенными непосредственно проводили в жизнь охранники, унтер-офицеры и несколько специально отобранных уголовных преступников, осужденных на многие годы тюремного заключения.

Сам концлагерь состоял из двух казарменных зданий, перед которыми находились четыре площадки, огороженные колючей проволокой. За проволокой стояли вышки, где дежурили охранники с пулемётами».

2. Количество заключенных

Число заключённых в Берёзе-Картузской колебалось от 200 человек (осень 1934 г.) до 900 (лето 1938 г.). Польский историк В. Слешиньский утверждает, что за время существования лагеря в Берёзе с июня 1934 по сентябрь 1939 года через него прошло примерно 3 тысячи заключенных. Правда, Слешиньский признает, что полные списки не сохранились.

Каждый узник имел свой порядковый номер. Один из самых последних (3091) был присвоен Тадеушу Бешчыньскому, который прибыл в лагерь 29 августа 1939 года. Это приблизительно сходится с данными Государственного архива Брестской области, где хранятся 2986 личных дел заключенных Берёзы-Картузской.

Но перед самым нападением Германии на Польшу (с 30 августа 1939 г.) польские власти начали массовую изоляцию «неблагонадёжных» польских граждан – немцев, членов украинских и беларуских национальных организаций, бывших членов компартий Западной Беларуси и Западной Украины. За две с половиной недели в лагерь было доставлено не менее 2-х тысяч немцев (в том числе около 500 женщин), до 5 тысяч украинцев, свыше 2-х тысяч беларусов, до тысячи евреев. В этот период (30 августа – 18 сентября) документация не велась или была уничтожена. В.П. Гуль, находившийся в лагере в сентябре 1939 г., вспоминал:

«Когда вводили новую партию заключенных, всех нас, около 10 тысяч человек, клали на землю и запрещали оглядываться, а их пропускали между двух шеренг полицейских и уголовников и били прикладами винтовок и дубинками».

Сколько было заключенных-беларусов? По подсчетам Слешиньского, среди официально зарегистрированных трех тысяч узников поляки составляли 43 %, евреи – 33 %, украинцы – 17 %, беларусы – 6 %, немцы – 1 %. По его мнению, такое соотношение совпадает с национальным составом Польши по переписи 1931 г. Но следует учесть, что в польских переписях большинство беларусов фигурировало под видом «поляков», ибо они положительно отвечали на вопрос, пользуются ли в быту польским языком (а кто же им не пользовался в межвоенной Польше?!). Кроме того, часть населения «крэсов» поляки специально называли «полешуками», чтобы искусственно уменьшить численность беларусов. А в сентябре 1939 года в лагерь попали сразу несколько тысяч (!) жителей Западной Беларуси.

Поэтому согласиться с цифрой 6 % никак нельзя. С учетом всех обстоятельств можно утверждать, что беларусы составили не менее 30 % от общего числа узников.

3. Польские палачи

Первые полгода (до 1 декабря 1934 г.) комендантом лагеря был Болеслав Греффнер из полиции Познани, его заместителем – В. Скрентовский, начальником охранной роты – некто Грабовский. Затем до момента ликвидации лагеря (18 сентября 1939 г.) комендантом был капитан Юзеф Камаля-Курганский из полиции Львова, его заместителем – Станислав Януш, начальником охранной роты – Петр Яжецкий (с 1938 г. – Здислав Фаличевский).

В 1934 году Камаля-Курганский сжигал украинские деревни в ходе пресловутой «пацификации». Это был изощренный садист. Именно ему принадлежит идея использовать уголовников, чтобы терроризировать политических заключенных.

В 1935 году в лагере служили 64 полицейских, в начале 1939 года – уже 132. Сохранились фамилии некоторых из них: Бернацкий, Гославский, Ковальский, Корчинский, Ленчковский, Малецкий, Марцинкевич, Надольский, Птрухневич, Пытель, Сверковский, Сольский, Томак.

Комментируя решение о создании концлагеря, премьер-министр Польши Леон Козловский в интервью агентству «Искра» признал:

«Места изоляции будут иметь очень тяжелый, суровый режим и не будут ничем иным, как только орудием суровой и карающей руки государства».

В самом деле, нацистские концлагеря являлись «машинами» массового уничтожения людей. ГУЛАГ создавался не только для длительной изоляции инакомыслящих, но и с целью решения производственных задач. Иное дело Берёза-Картузская. Здесь все служило совсем другой цели: в кратчайшие сроки сломать человека физически и психологически, напугать так, чтобы он навсегда отказался даже от самой мысли о политическом протесте.

«Персонал» Берёзы-Картузской отличался от нацистов и коммунистов своей страстной ненавистью к заключенным. Ненависть – очень сильное чувство, требующее больших затрат душевной энергии. Служащие гитлеровских и сталинских лагерей не позволяли себе подобных «трат». Когда узников миллионы, отношение к ним только как к материалу. Разве забойщик скота на конвейере мясокомбината всякий раз наливается злобой, когда лишает жизни животное?..

Где источник этой ненависти? Он кроется в присущей полякам уверенности в своем превосходстве над всеми другими нациями. А уж беларусов и украинцев, коренных жителей Западной Украины и Западной Беларуси, захваченных поляками в 1919–20 гг., они во все времена считали примитивными туземцами, в отличие от них самих – «истинных европейцев». Упиваясь чувством своего иллюзорного «превосходства», они были убеждены, что могут поступать с «туземцами» как угодно. Не хотят туземцы беспрекословно подчиняться «высшей нации»? Значит, надо любыми средствами согнуть их в бараний рог. Такова психологическая подоплека деятельности этих ублюдков.

4. Система издевательств

Сразу по прибытии в Берёзу-Картузскую узники оказывались в условиях, рассчитанных на то, чтобы подавить их физически и сломать психологически. Крайне жестокое обращение было санкционировано властями. Полицейские были вооружены огнестрельным оружием и резиновыми палками, которые пускали в ход по любому поводу. Зверские побои узников были в лагере обыденным явлением, нормой.

Новоприбывших заключенных стригли наголо и облачали в специальную форму с нашитыми на ней лагерными номерами. Арестанты (за исключением тех, кого взяли в сентябре 1939 г.) носили полотняную одежду с круглой полотняной шапочкой, на ногах – деревянные башмаки.

Согласно правилам поведения заключенных, они были обязаны беспрекословно и немедленно выполнять любые приказания полицейских, какими бы нелепыми или жестокими они не были. В случае задержки, а тем более непослушания тут же применялись жестокие побои, за которыми часто следовало помещение в карцер.

В первый день пребывания узников помещали в специальное помещение для новичков – «карантин». Там не было никакой мебели, цементный пол часто поливался водой. Зимой температура была ниже нуля. Узники днем стояли лицом к стене, а по ночам укладывались спать на бетонном полу. Еду в первый день заключенные не получали. Пребывание в этой камере могло длиться даже две или

три недели, в зависимости от того, когда прибывали новые партии узников. На работы из «карантина» не водили, но заставляли заключенных часами делать одни и те же изматывающие физические упражнения. Из воспоминаний Л.Т. Волосюка (находился в концлагере в 1936 г.):

«Через лагерь нас выгнали в оплетенный шестью рядами проволоки двор с казармой, которая именовалась арестантским блоком. Здесь нас пропустили через шпалер полицейских с дубинками и втолкнули нас по отдельности в маленькие каморки, где палач Пытель, он же комендант блока, поддавал нас особой ревизии – обработке по голому телу. Пытель же сам и приводил в чувство с помощью ведра воды. Затем Пытель же выдавал арестантское облачение... Я получил номер 633. До полуночи двое полицейских обучали нас, как мы должны справляться и вести себя, сопровождая «науку» дубинками. После полуночи ворвались к нам четыре полицейских во главе с майором. Я изложил рапорт, как меня учили. Майор лениво выслушал меня и полицейским сказал продолжать учебу. Один полицейский схватил меня за одну руку, а другой за другую, двое же других полицейских начали лупить меня по плечам и груди... Очнулся я весь облитый водой, в тяжелой лихорадке».

Такому обхождению подвергались и женщины, помещенные в лагерь в сентябре 1939 года. Вот что вспоминала В.Г. Искрик:

«В нашей партии было всего 90 женщин, в основном комсомольского возраста. Перед воротами концлагеря всех нас выстроили по двое в ряд и пропустили за воротами до большого трехэтажного здания сквозь двойной строй полицейских с дубинками. Несколько странный вид избиения был для нас неожиданным и ужасным. Каждый полицейский старался обязательно ударить проходящую жертву дубинкой по голове или по спине. Особенно сильным истязаниям подвергались упавшие. То же самое происходило и на лестницах здания до третьего этажа».

После «карантина» узников размещали в камерах арестантского блока, от 20 до 40 человек в каждой. Посреди камеры стояли сбитые из досок нары, между ними и стенами оставалось пространство 1 метр, окна были забиты досками. В камере № 15 содержались самые стойкие политические заключенные, которые подвергались наибольшим издевательствам полицейских.

Автором распорядка дня в лагере был некто Шульц, референт польского МВД. Но свою руку к его составлению приложил и Костэк-Бернацкий.

4.00 – подъем; 4.00–5.00 – уборка, мытье, оправка; 5.00–5.30 – завтрак, мытье посуды; 5.30–6.30 – перекличка, рапорт, контроль камер; 6.30–11.30 – работа, упражнения; 11.30–13.00 – обед, мытье посуды, отдых; 13.00–17.00 – работа, упражнения; 17.00–18.00 – возвращение на территорию лагеря, перекличка; 18.00–19.00 – ужин, мытье посуды; 19.00–19.15 – приготовление ко сну; 19.15 – ночная тишина.

Категорически запрещалось курить, что для завзятых курильщиков было очень большим мучением.

Режим соблюдался весьма своеобразно. По многочисленным свидетельствам узников, и прием пищи, и отправление естественных надобностей производились по свистку на счет «раз, два, три, три с половиной, четыре», то есть на все уделялись буквально секунды.

Ночью узников будили проверками. С 1938 года регулярные ночные побудки стали завершаться часовыми упражнениями. Из воспоминаний А.Л. Кухарчука:

«В палате был порядок таков: в каждый час 40 минут должны отстоять, а 20 минут можно на цементе посидеть. Смотреть должен только вдоль своей постели и никуда в сторону. Смотреть в глаза другому – ни в коем случае. За слово, обращенное к кому-либо из заключенных, избивали палками до бессознательного состояния».

Воскресенья, государственные и католические праздники первоначально были для заключенных днями отдыха: можно было сидеть на полу возле нар. Но в 1938 году после инспекционного визита Костки-Бернацкого был придуман новый изуверский род пытки: в эти дни все узники должны были стоять лицом к стене. Из воспоминаний И.Г. Колесникова:

«Во время вечерней проверки нам прочитали приказ, что в воскресенья и в праздничные дни никому из узников не разрешается ни на одну минуту лечь или сесть на цементный пол. Все должны стоять в углу камеры как на поверке перед сном или рано после подъема... Скоро мы убедились, что этот приказ не был временным, а стал частью лагерного распорядка. С этого времени ни в воскресенье, ни в праздничные дни, а также все время свободное от работы и занятий уже не отдыхали как раньше около нар или под нарами, а весь длинный праздничный день и все свободное время стояли в двух шеренгах. Это было действительно мучение... Не каждый мог выдержать эту боль, некоторые теряли сознание».

Во время завтрака, обеда и ужина узник должен был в течение двух минут, вбежав в зал, взять свою порцию и съесть ее. Кто вбегал последним, уже не имел времени на еду. Из воспоминаний бывшего узника И.Г. Живлюка:

«Кормили очень плохо, на обед отводилось несколько минут... Постоянно хотелось есть, а за обедом иногда не успевали. Кто заходил последним, только успевал взять тарелку, как раздавалась команда «Бегом марш!».

Рацион заключенных был скудным и не соответствовал физическим нагрузкам. Сохранился документ от 20 января 1939 года с раскладкой продуктов на питание одного узника. Завтрак: кофе (25 г), сахар (25 г), хлеб (700 г), творог (50 г). Обед: затирка (мука 120 г, картофель 500 г, солонина 40 г, соль 30 г, лук 10 г). Ужин: крупник (картофель 1 кг, солонина 15 г, ячневая крупа 100 г). Но, во-первых, такая норма отпуска продуктов существовала только на бумаге, лагерная администрация всегда обкрадывала узников; во-вторых, заключенные успевали съесть – в лучшем случае – половину своего скудного пайка, так как им отпускалось на это всего... 2 минуты!

Тех, кто находился в «карантине» или карцере, вообще лишали пищи. Получать продуктовые посылки узникам запрещалось.

Издевательства польских палачей над заключенными имели одну особенность, отраженную в воспоминаниях многих узников. Они делали акцент на человеческих экскрементах в качестве средства «усмирения». Читаем в документе:

«Обычным развлечением охранников была команда совершить дефекацию на счет вслух до четырех. Если за эти секунды узник не успевал оправиться и подняться с корточек, то его били по голове и человек падал в кал. Причем хуже всех бывало арестованным евреям-биржевикам – людям как правило немолодым. По причине возрас-

та они обычно страдали хроническими запорами, и лишение оправки приводило у них к серьезным поражениям внутренних органов».

Невозможно представить себе лощеного эсэсовца или комиссара НКВД в шевиотовой гимнастерке, самозабвенно пачкавшихся в зековском дерьме. Тогда почему поляки делали это? Чем объяснить? Видимо, национальной психологий – больше нечем.

Итак, отправление естественных надобностей было превращено для узников в еще одну физическую и психологическую пытку. В первые годы уборная находилась на первом этаже арестантского блока. Это была комнатка площадью 12 кв. м. Здесь находился умывальник и три дырки в полу. Во время оправки сюда загоняли узников целой камеры, то есть 20–30 человек. Журналист С. Цат-Мацкевич, тоже побывавший заключенным, вспоминал:

«По команде «раз, два, три, три с половиной, четыре» каждый из них обязан был расстегнуться, оправиться и застегнуться, что было абсолютно недостаточным временем, тем более что произнесение команды не было вообще продолжительным, но выражения «раз, два и т.д.» произносились в таком темпе, что вся команда не могла длиться больше чем полторы секунды».

Многие оправлялись прямо на пол, дежурные из числа заключенных должны были затем убирать это голыми руками, так как не имели никаких инструментов.

Когда число заключенных в лагере стало увеличиваться, особенно к 1939 году, была сооружена уборная на улице. Сделана она была с таким расчетом, чтобы еще больше издеваться над людьми. Из воспоминаний Емельяна Кунцевича (узник в сентябре 1939 года):

«Как выглядел туалет? Это был выкопанный в земле ров, сверху которого лежали довольно узкие доски, на которые узники вынуждены были всходить. Молодежи было легче, потому что она умела держать равновесие, а пожилым людям было труднее, и они могли упасть в ров, который был 2 метра глубиной».

Карикатура из беларуской газеты 1930-х гг.

Из воспоминаний А.Г. Никипоровича:

«После муштры началась подготовка к вечерней поверке, опять излюбленный метод пересчета палками. Полицейские, идя один за другим, проверяли правильность подсчитанного количества узников ударами палки. Затем начинают между собой спорить: «Пан неправильно подсчитал быдло». Опять повторяется процедура пересчета ударами палки, и продолжалась она, пока отпадала у полицейских охота. После проверки подана команда «Подготовиться к оправке», несмотря на то, что мы были голодные.

Уборная была сделана в метрах пятидесяти от площади, на которой производилась муштра. Это была вырытая траншея метров десять длиной. Положена вдоль траншеи перекладина, на которой садились. Траншея была открыта. Вот устройство

туалета, как они называли – «устэмп для быдла». После команды «Подготовиться к оправке» сразу подавался свисток. Подгоняя палками узников, команда «До с... бегом марш!». Не успели последние добежать, как уже подавалась команда «От с... бегом марш!». Многие из нас со слабыми желудками не могли удержаться, в особенности пожилые...

Направление в камеры было подано палкой, между двух рядов выстроившихся полицейских, вооруженных палками во дворе и внутри здания, по коридору и лестнице, до самой камеры. Подгоняя палками, чтоб быстрее бежали, приговаривали: «Прэндзэй, прэндзэй, с курвы сыны, хамы, быдло!».

Баня для заключенных была по субботам. На дворе человек оставлял одежду, затем подбегал один вслед за другим под струю воды и намыливал тело, после чего подбегал под душ, чтобы смыть мыло. Движение регулировалось полицейскими с резиновыми палками, которые с удовольствием избивали узников, так как удары хорошо ложились на мокрые намыленные тела. Дезинфекция одежды была еще одним способом издевательства над людьми: комплект одежды на каждого был один, поэтому узникам приходилось ждать на дворе голыми вне зависимости от погоды.

Более легкую работу получали узники, подписавшие декларацию об отказе от политической деятельности, или доносчики. Их направляли на уборку полицейского блока. Остальные пахали и бороновали землю, работали в мастерской по изготовлению бетонной плитки, мостили дороги, выбирали компост из старых выгребных ям. Некоторые работы носили откровенно издевательский характер: например, копали рвы, а потом засыпали их обратно. Все это сопровождалось побоями. Из воспоминаний И.Г. Живлюка:

«Работы были тяжелые. Качали приводом воду, били камень. От молотка ладони растирались в кровь. Запрягали людей в борону, пахали вместо коней землю. На борону клали камни, чтобы она глубже врезалась в землю. Меня впрягали вместе с И. Липшицем в телегу вывозить нечистоты из уборной. В ответ полицейскому Липшиц бросил фразу, что эту бочку мы можем отвезти в Лигу Наций, за что его и меня бросили в карцер...».

Из воспоминаний Л.Т. Волосюка:

«Как труд, так и муштра сопровождались всякого рода издевательствами и избиениями. За лето заключенные раскопали и разобрали все фундаменты от всех зданий сожженного военного городка. Кирпич, камни и груз – все вытаскивалось наверх и носилками относилось в бурты. Тяжелые камни до полтонны весом откатывались, а малые до центнера относились носилками. Часто носилки ломались от тяжести, и за это «вредительство» полицаи секли дубинками. С пустыми носилками должны были возвращаться бегом.

Но самым тяжелым и гнусным издевательством была заделка компоста. Глубокие ямы, залитые фекалиями, засыпались соломой из матрасов, листьями и всякого рода мусором. В эти ямы вгоняли человек двадцать месить и накладывать на ноши компост. При такой работе все мы вымазывались фекалиями до чела. С помощью лопаты никак нельзя было справляться с этой работой, а надо было на лопату подваливать рукой. Такое издевательство тешило наших палачей и злило без границ, что не было слабеньких, чтобы изъявить согласие работать с полицией. Издевательства укрепляли дух узников в надежде на лучшее будущее».

Полицейские практиковали и такого рода издевательства: после особо грязных работ, связанных с уборкой туалета или заделкой компоста, заключенным перед едой возбранялось мыть руки.

Карцер был очень тяжелым наказанием. Здесь заключенному в течение семи дней не давали ни еды, ни отдыха. Не было даже нар, только ледяной бетонный пол, который, к тому же, регулярно поливался водой. Спать узник тоже не мог, поскольку каждые два часа обязан был отвечать на запрос дежурного полицейского. Из воспоминаний И.Г. Колесникова:

> «Карцер – это самое тяжелое наказание. Это бывшие пороховые склады. Подвальное сырое помещение находилось в земле, воздуха не хватало. Совершенно темное – ничего не видно. размером некоторая камера была около трех метров длиной и шириной. Маленькое окошко иногда выходило на двор или в коридор, так называемый "волчок".
>
> Семь суток карцера человек был оторван от воздуха, от солнца, от людей, от товарищей, от корпусного матраса, хотя он был совсем плохим – вместо соломы побитая потеруха – но и он казался в то время большой роскошью. Когда направляли в карцер, всё тщательно просматривали: теплое белье, шерстяные носки, ремни, шнурки с ботинок отбирали. А пол в карцере был сырой, холодный, иногда полицейские специально напускали воду, чтобы было еще сырей и холодней. Пальто арестантское или куртку давали только на ночь. Каждые два часа часовые полицейские менялись.
>
> Кормили в карцере первые сутки 350 грамм хлеба, крышку от котелка сырой воды и больше ничего. На вторые сутки давали, кроме 350 грамм хлеба, половину пайки супа и кофе. Голод в карцере чувствовался каждый день. Просидев семь суток в карцере, человек выходил совершенно неузнаваемый: бледный, истощенный. Товарищи помогали тем, кто вернулся из карцера, выделяли со своего пайка хлеб, суп и картошку».

Еще одной изощренной пыткой была так называемая «гимнастика», или «муштра». По нескольку часов в день узники на плацу занимались бессмысленными физическими упражнениями, направленными на то, чтобы довести человека до полного истощения. «Муштрою» руководили не только полицейские, но и «инструкторы», набранные из числа уголовников. Из воспоминаний А.Л. Кухарчука:

> «Муштры применялись на плацу за колючей проволокой с самого утра и до вечера: ходить гусиным шагом в полуприсевшем положении, или падать плашмя всем туловищем, или, стать в полуприсед, вытянув руки вперед, и стой до тех пор, пока не скажут: «Повстань!». Месяц времени меня муштровали с группой обыкновенных, после чего вызывают до рапорту и зачитывают 5 дней тяжелых физических зарядок, с особой группой провинившихся за то, что я разговаривал в подвале... Специально загоняли в лужу, чтобы выкачать налево и направо в одежде, так ложиться приходилось и в постель-нары».

Именно уголовникам-полякам принадлежала идея соорудить упомянутую выше «красную дорожку», засыпанную острыми кирпичными обломками. По ней узников заставляли ползти на локтях и коленях, которые обдирались в кровь. Из воспоминаний И.Г. Колесникова:

«В марте 1938 года была организована из уголовников-поножовщиков группа инструкторов... Особенно издевались инструкторы Душчанко с Люблинщины и Алехно с Сувалок. Они перещеголяли наихудших полицейских. На занятиях люди теряли сознание от бессилия и нервного напряжения. Но Душчанко не удовлетворяла существующая система издевательств и избиения узников... По его инициативе в концлагере была сделана прославленная своей жестокостью «красная дорожка». Около новой учебной площадки была сделана дорожка длиной около 30 метров, шириной немного больше метра. Ее выложили битым кирпичом.

Эта дорожка действительно была красной как от кирпича, так и от крови, которая текла по ней. «Виновный в невыполнении приказа» должен был ползать по ней в одну и другую сторону на коленях, с поднятыми вверх руками. После такого мучительного занятия человек возвращался в строй облитый потом и с окровавленными ногами. Отправляемым в карцер узникам тоже приказывали на коленях пройтись по «красной дорожке».

5. По делам судите их...

Система издевательств, непрерывной бессмысленной муштры ставила своей целью сломать волю заключенных, довести их до морального и физического истощения. Непосредственно в лагере погибли десятки заключенных, общее число погибших превысило сто человек. Но администрация лагеря обычно доставляла умиравшего человека в гражданскую больницу Кобрина, чтобы его смерть не «портила статистику». В настоящее время польские официальные лица, а также историки лицемерно отрицают такую практику.

Так, по заявлению Слешиньского, за 5 лет существования лагеря в нем погибли от жестокого обращения ... всего-навсего 13 заключенных. Вот список жертв, который приводит польский историк:

13 мая 1936 г. – Абрам Германский (лагерный номер 624);
23 мая 1936 г. – Ян (в действительности Александр) Мозырко (№ 511);
9 мая 1937 г. – Моисей Мализман (№ 780);
18 января 1938 г. – Пыжаковский (№ 1678);
22 марта 1938 г. – Рыневич (№ 1610);
1 апреля 1938 г. – Юзеф Недельский (№ 1725);
15 июня 1938 г.– Михаил Кривонос (№ 2069);
16 июня 1938 г. – Пидсачук (№ 1826);
5 февраля 1939 г. – Федорович (№ 2601);
9 февраля 1939 г. – Оскар Кретшмер (№ 2693);
30 марта 1939 г. – Кароль Кравчик (2600);
13 июля 1939 г. – Альберт Вальдман (№ 3000).

Кроме того, 5 февраля 1939 года в туалете арестантского блока, не выдержав издевательств, покончил жизнь самоубийством Давид Цимерман, перерезав себе горло ножом.

Александр Антонович Мозырко, как сказано в «ордере на изоляцию», с 1930 года был активистом КПЗБ в Бельском повете (ныне территория Подляского воеводства Польши). 23 июля 1932 года был арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Освободился в сентябре 1935 года. Создал комитет КПЗБ в Пру-

жанском повете. 21 апреля 1936 года Мозырко был отправлен в лагерь в Берёзу-Картузскую, где его зверски убили полицейские.

Студент Абрам Германский (он же Германисский и Германицкий) был еврей, член КПЗБ из Свенцян. В Берёзу он попал 4 мая 1936 года. Уже через четыре дня Германского посадили на неделю в карцер «за симуляцию болезни». А 12 мая его доставили в Кобринскую больницу, где на следующий день он скончался.

В книге «Память» Березовского района уточнена фамилия другой жертвы лагеря: Пидсадюк Яць Иванович, 1904 года рождения, член компартии Западной Украины. Попал в Берёзу 21 марта 1938 года, и тоже умер в Кобринской больнице.

Польские полицейские

Михаил Вольфович Кривонос, 1893 года рождения, был заключен в лагерь 4 апреля 1938 г. Он попал в Кобринскую больницу 11 апреля, где скончался 15 апреля (а не июня) от опухоли легких и воспаления почек.

Польский историк, мягко говоря, лукавит, а грубо говоря – врет. Все польские авторы врут, стараясь изобразить своих соотечественников «просвещенными европейцами». Количество погибших и замученных узников концлагеря в Берёзе-Картузской многократно превышает число 13. В воспоминаниях только одного узника – Н.С. Ганецкого (находился в лагере с мая по сентябрь 1939 года) говорится о массовой гибели заключенных. В частности, Ганецкий участвовал в захоронении сразу четырех человек, чьи тела были черными от побоев. А сколько жертв упомянуто в воспоминаниях других узников? А сколько бывших заключенных не написало ни строчки о том, что они видели и пережили?!

6. Три с половиной года в концлагере
(*Исаак Липшиц*)*

В изоляционном лагере должна соблюдаться абсолютная тишина. Это значит, – поясняет комендант блока Пытель, – что вам, сукиным детям, нельзя и слова промолвить. Достаточно наговорились на свободе. Вы можете только отвечать на вопросы господ комендантов. Любой приказ коменданта выполняется беспрекословно и быстро. Это значит, что вы, ослы, должны все делать бегом. Мы вам покажем в Березе американские темпы. – Размахивая резиновой палкой перед нашими лицами, Пытель продолжает:

*И. Липшиц (1916 г.р.), член компартии Польши, с января 1936 г. исполнял обязанности секретаря горкома партии в Радоме. В апреле был схвачен польской полицией и отправлен в Берёзу-Картузскую, где находился по сентябрь 1939 г.

— Болваны, вам ничего нельзя делать по собственной инициативе и даже думать... Запомните, как следует обращаться к полицейскому: «Господин комендант, арестованный 403 покорно просит разрешить плюнуть, пройти мимо, вытереть нос и т.д.»

Пытель уходит. Полицейские Савицкий и Вечорек продолжают с нами «заниматься».

— Остальная часть устава для вас не важна — говорит один из них — перейдем к тренировкам...

Так начался режим издевательств и полного бесправия. Он был рассчитан на то, чтобы заключенные днем и ночью, во время изнурительной работы и редких минут отдыха находились в постоянной тревоге...

День за днем

Лагерь просыпался в 4 часа утра. По сигналу дежурного охранника заключенные поднимались и в белье подбегали босиком по цементному полу к полкам, где находилась их одежда, выстраивались, рассчитывались по порядку номеров и молча ждали дежурного.

Иногда заключенные путались в счете. Это вызывало ярость и ругань дежурных охранников. Выражения «сукин сын» и «бандитская морда» считались у них самыми деликатными. Обычно звучали более грязные ругательства. Запутавшихся в счете заключенных полицейский беспощадно избивал дубинкой, приказывал им ползать под нарами в белье.

Только в 4 часа 45 минут разрешалось надеть тюремные лохмотья. При этом заставляли одеваться быстро, стоя на одном месте и не прикасаясь к стене. В случае малейшего нарушения этого порядка узники подвергались жестокому избиению, а иногда и немедленному заключению в карцер на семь суток.

Вновь свисток. Это сигнал к умыванию. Мылись заплесневелой водой, застоявшейся в бочках. Ни мыла, ни полотенец у нас не было. Тех, кто не успел умыться и вытереть лицо подвергали наказаниям. «Виновным» подавались команды: «падай!», «садись!», «встань!» и опять «падай!» Эти «гимнастические упражнения» происходили на грязной, болотистой земле.

Мокрые, измазанные после такого умывания узники взбегали по полутемной лестнице на второй этаж и замирали у своих нар в ожидании команды на уборку. С интервалом в несколько секунд раздавались два свистка. По первому из них нужно было мгновенно бросить на нары матрац, по второму — накрыть его рваной тряпкой, именуемой одеялом.

После того, как оседала пыль, поднятая во время заправки постелей, подавалась команда: «К завтраку готовься!» Все собирались в коридоре возле полок, на которых стояли наши котелки. На полках лежал толстый слой пыли, а котелки редко мылись и были покрыты ржавчиной. На это охранники не обращали внимания. Разобрав котелки, мы направлялись по порядку камер в столовую, размещавшуюся на первом этаже рядом с кухней.

Получив мутную водичку («кофе») или кислую похлебку и порцию хлеба, заключенные по сигналу садились за стол и вынимали складные ложки. Полицейские обычно подгоняли палками опоздавших сесть за стол, поэтому часть заключенных, во избежание экзекуции, садились на пол и принимались за пищу.

На завтрак отводилось только три минуты, но и это время часто сокращалось ввиду того, что узники обязаны были вставать при появлении начальства.

По истечении трех минут снова раздавался свисток. Заключенные выстраивались в шеренги. По команде: «По порядку камер мыть посуду во дворе!» – они забирали недоеденный хлеб и недопитую похлебку и бежали во двор, продолжая по пути жевать, а потом полоскали котелки. Через несколько минут раздавалась команда: «По своим камерам, бегом марш!» Заключенные бежали в камеры, становились возле нар и ожидали свистка.

В половине шестого после свистка звучала команда: «По порядку камер на двор, бегом марш!» Арестованные выбегали во двор и выстраивались в две шеренги на специальной площадке. Старые узники использовали это время для того, чтобы шепнуть несколько ободряющих слов новичкам, обменяться новостями. По команде «равняйсь» наиболее выносливые и мужественные товарищи старались стать в первую шеренгу, чтобы прикрыть собой тех, кто был физически слабее.

Проверив наличие заключенных, дежурный арестантского блока рапортовал коменданту лагеря Камаля-Курганскому, что все арестованные на месте, а также о том, какие были нарушения режима. Например, он докладывал, что заключенные под номерами 404, 406, 438 и 1021 разговаривали в шеренгах, улыбались во время работы, не выполняли вовремя штрафных процедур, меняли свои места в камерах, ели на ходу и т.д. После рапорта комендант приказывал наказать виновных дисциплинарными упражнениями, палками, карцером и т.д.

Затем начинался «наряд». Людей направляли на уборку полицейского блока, на шоссе, в бетонную мастерскую, в кузницу, на огороды, в прачечные и столярные мастерские. Кроме того, комендант назначал группы людей, которые должны были произвести уборку в квартирах начальников, в комендатуре, у сапожников, портных, а также на чистку канализации, на кухню, на рубку дров, на подвоз воды и другие работы. После распределения заключенных выстраивали по группам. Являлся вооруженный полицейский конвой. Старший полицейский отмечал в журнале коменданта количество узников, назначенных на ту или иную работу, и забирал их под расписку. Вскоре раздавалась команда: «По направлению к рабочим местам, бегом марш!»

В половине первого по сигнальному свистку мы в сопровождении эскорта полицейских бегом возвращались на территорию арестантского блока, где нас сдавали под расписку старшему полицейскому блока. Закончив перекличку, он подавал команду: «Бегом к своим камерам, марш!»

Обед протекал так же, как и завтрак. В два часа заключенные снова отправлялись на работы, продолжавшиеся до 6 часов вечера, после чего нас снова загоняли в арестантский блок, где мы получали так называемый «ужин».

Мучительной и издевательской была процедура подготовки ко сну. В осенние и зимние вечера нас подолгу держали босиком в одном белье на холодном цементном полу. Через раскрытые настежь двери и разбитые окна дул холодный ветер. Полицейские придумывали разные предлоги, чтобы подольше держать нас в таких условиях.

Продрогшие от холода, мы по команде забирались на нары и укутывались в тряпье, надеясь хоть немного согреться и отдохнуть до четырех часов утра.

Ночные «операции»

Накануне праздников Камаля-Курганский и его подручные проводили ночные обыски. Полицейские вообще систематически нарушали сон узников, но в канун праздников (особенно революционных) ночь превращалась в какой-то кошмар.

Это произошло в ночь на Первое мая в 1936 году. Как всегда, вечером, после проверки раздалась команда: «Спать». В один миг узники легли свои матрацы. У каждого из груди вырвался вздох облегчения. Теплилась надежда, что сегодня, после утомительного рабочего дня, нас не потревожат до утра. Но не успели мы сомкнуть глаз, как с шумом открылась дверь и к нам ворвались полицейские с криком: «Встать, раздеться догола, заложить руки за шею и бегом марш вниз, в столовую».

Сбросив с себя нательные рубахи, голые, заложив руки за шею, мы выбегали в коридор. Здесь выстроились в ряд полицейские. Они били нас ногами. Один из них по кличке «Горбатый», кричал визгливым голосом: «Настала последняя минута вашей жизни!»

На ступеньках полицейские подставляли нам ноги, мы падали и в момент падения на нас сыпались еще удары. Вбежали в столовую. Раздалась команда: «Лицом к стене! Не оглядываться!» Триста голых тел стояли вплотную друг возле друга. До нашего слуха доходили зловещий шепот и звуки, похожие на лязг затворов.

Через минуту вызвали Эдмунда Цедлера, Романа Михенко и еще несколько человек. Прросвучала команда: «Все вызванные – кругом! Наверх, бегом марш!» Через пару минут сверху донеслись звуки, похожие на выстрелы. После этого вызывали новую группу заключенных.

Несколько часов мы стояли в ожидании смерти. Неожиданно раздались свистки, и нам приказали бежать каждому в свою камеру – снова через строй избивающих нас полицейских. В камере все разбросано. Был обыск. Мы узнали от ранее вызванных товарищей, что Пытель и Вечорек издевались над ними. А еще они нарочно ударяли скамейками о цементный пол, чтобы у нас, находившихся внизу, вызвать впечатление револьверных выстрелов.

В дальнейшем такие предпраздничные операции начинались не с вечера, а в полночь и тянулись до рассвета. Свистками и дубинками полицейские поднимали нас, заставляли раздеваться догола и выстраивали в коридоре лицом к стене. Затем они вызывали тех, кто, по мнению охранников, был недостаточно бит. Этих людей прогоняли сквозь строй полицейских, избивавших их дубинками. Тем временем другая группа полицейских производила обыск в камерах. При этом матрацы, одеяла, обежду и обвувь они выбрасывали в коридор.

После долгого стояния нам приказывали на четвереньках ползти к своим камерам, где за пять минут надо было извлечь из общей кучи свои постельные принадлежности и уложить их на нары, собрать одежду и обвувь, произвести тщательную уборку. В большинстве случаев мы не укладывались в пять минут. Тогда наши вещи снова разбрасывались. Это издевательство продолжалось до сигнала на завтрак.

Стойкость

В обширной системе провокаций, издевательств и пыток, которым мы ежедневно и ежечасно подвергались в лагере, наиболее гнусным было принуждение узников доносить на товарищей, избивать, издеваться друг над другом.

Гнусным издевательствам «персонала» мы противопоставляли стойкость и взаимовыручку. Однажды, например, полицейский Ковальский приказал заключенному Шиманскому избить поступившего в лагерь украинского крестьянина.

– Покорно докладываю, что бить не буду, – ответил Шиманский.

– Что, подлец, отказываешься выполнять мой приказ, – зарычал Ковальский.

Тотчас же несколько полицейских повалили Шиманского на пол и стали топтать ногами. Он был так избит, что лежал в лагерной больнице более пяти месяцев. Но не стал соучастником преступлений польских полицейских.

И все же недостатка в добровольных помощниках администрация не ощущала. Она вербовала их из среды уголовников-рецидивистов.

Однажды такой уголовник – Мечислав Кохан – обратил внимание на меня:

– Арестованный Липшиц, встань и бегом ко мне! Закатай рукава! Марш к стене и ползи по камням!

Во всю длину казармы тянулась дорожка, выложенная острыми камнями. Голыми локтями и коленями ползали по ней узники, оставляя за собой кровавые следы.

Кохан ни минуты не давал нам передышки: – Быстрее! Быстрее! – подгонял он. А Прухневич в это время орудовал резиновой палкой. Наше ползание происходило под общий смех полицейских...

Животное наслаждение получали полицейские Пытель, Гославский и Сверковский от издевательств над больными и инвалидами. Помню, как Сверковский вывел на плац двух хромых узников на «занятия по бегу». Они едва могли ходить и стоило им немного ускорить шаг, как тут же падали. Сверковский шел рядом, ударами сапог поднимал их и под улюлюканье и смех других полицейских продолжал издеваться, все время выкрикивая: «Мы вас научим бегать».

Однажды начальник арестантского блока Пытель обратил внимание на заключенного Маркуса, отбывшего 9-летнее тюремное заключение. УМаркуса был туберкулез костей, и поэтому не мог бегать. Пытель спросил его:

– Почему не бежишь?

– Господин комендант, покорно докладываю, что болен туберкулезом.

– Я тебя вылечу! Снимай ботинки! – приказал полицейский.

Маркус получил от Пытеля несколько десятков ударов палкой по пяткам. После этого он не мог не только бегать, но и ходить, и пролежал в больнице шесть недель.

Над туберкулезным больным Крупкой, отсидевшим уже пять лет в польских тюрьмах, Сверковский издевался до тех пор, пока тот не потерял сознанипе. Тогда полицейский схватил его за волосы и стал бить головой о цементный пол:

– Так вас, сукиных сынов, буду приводить в чувство, если будете терять сознание, – приговаривал Сверковский.

7 Зак.2268

В группе арестованных, привезенных из Варшавы, находился член правления профсоюза работников торговли. В тюрьме он ослеп. По прибытии в лагерь ему приказали пробежать сквозь строй полицейских. Так как он ничего не видел, товарищи держали его под руки, за что каждого из них избивали. Тогда он попытался бежать сам с вытянутыми вперед руками. В этот момерт полицейские подставляли ему ноги, и он падал. При попытке встать его опять опрокидывали на землю. Со словами «проклятый дед, ты чего лезешь на меня», Сверковский набрасывался на него и наносил удары.

Потом на слепого узника обратил внимание Гославский и взялся преподавать ему «урок докладывания».

– Ты должен стоять лицом ко мне на расстоянии трех шагов. Кукареку, где я: – крикнул Гославский.

Узник повернулся на его голос, чтобы доложить. Но Гославский быстро зашел сзади, ударил его резиновой дубинкой и закричал:

– Так ты, оказывается, не только слепой, но и глухой!..

Тюремное здание в бывшем концлагере

Во второй половине мая 1936 года Камаля-Курганский изменил порядок работ, установленный для больных и инвалидов. Он решил, что кроме чистки уборных и мытья полов их надо заставить еще толочь кирпич. Так и было сделано. Весь рабочий день больные, сидя на корточках, дробили кирпичи молотками. Многие при этом падали, теряя сознание. Тогда полицейский Корчинский ударами приводил их в чувство...

Издевательства над заключенными были не только главным элементом лагерного режима. Они еще служили полицейским, проживавшим непосредственно на территории лагеря, средством развлечения в свободное время. Так, Бернацкий и Вильчинский однажды вызвали одного украинца и приказали ему плясать «казачок». Узник стоял в оружении полицейских и не шевелился. Тогда Бернацкий стал бить его дубинкой по коленям, а Вильчинский насвистывал в такт ударам какой-то танцевальный молтив.

Упомянутый выше Сверковский заставлял узников целовать выкопанную из земли человеческую кость.

– Целуй, – приговаривал он, – это кости тех, кого мы здесь доконали. И от тебя скоро только это останется...

По декрету о «центрах изоляции» арестованные подлежали освобождению после трех месяцев. Но по воле лагерной администрации этот срок мог быть продлен еще на три месяца. Поэтому последние дни перед окончанием срока были для каждого узника особенно трудными и напряженными.

Пытель, зная о нашем состоянии, время от времени, после ужина, когда происходило освобождение, вызывал человек пятнадцать и приказывал им ожи-

дать возле канцелярии. Это ожидание являлось тяжелейшей моральной пыткой. Подсматривая из окна канцелярии, он выбирал момент высшего нервного напряжения людей, а затем появлялся перед ними с издевательской улыбкой и приказывал, например, отнести скамейки в полицейский клуб.

Мне довелось испытать эту пытку больше, чем другим. Ведь я провел в Березе 41 месяц! Меня 11 раз вызывали в канцелярию, но каждый раз я слышал, что «заключенный Липшиц является неисправимым элементом, представляющим опасность для польского общества и государства, и в целях пресечения его деятельности на свободе он оставляется в лагере еще на три месяца».

Свобода пришла только 18 сентября 1939 года.

7. Из Вильни в Берёзу и обратно
(*Влад Иницкий*)

Арест, август 1939 г.

С каждым днем неуклонно приближалась война Германии с Польшей. А 30 августа расклеенными ночью плакатами была объявлена всеобщая мобилизация.

Всколыхнулась столица давнего Беларуско-Литовского государства. Началось неудержимое движение вырвавшейся из прочных тисков пружины, которая бешено крутилась в неизвестном направлении, гремела непонятными звуками, а эхо их отражалось в сознании людей многобуквенным словом – мобилизация. И, видимо, никто из людей не был таким чутким к нему, как беларусы.

В самый день мобилизации в Вильне были арестованы: директор Беларуской гимназии Н. Анцукевич, редактор журнала «Калоссе» Я. Шутович, редактор журнала «Шлях моладзі» Я. Найдюк и работник Беларуской типографии имени Ф. Скорины А. Шутович. Весть об их аресте молнией разнеслась среди виленских беларусов, затмив собой все другие вести, порожденные мобилизацией. В общем хаосе эта весть вырастала в какой-то кошмар и давила на сознание каждого сознательного беларуса, который своей интуицией ощущал начало еще худшего положения и преследования беларуского народного дела по сравнению с тем, что уже до сих пор происходило.

– Что будет? – оглядываясь по сторонам, спрашивали друг друга беларусы. – Что нас ждет?

– Скверно будет, – отвечали друг другу беларусы, пожимая плечами, ибо на второй вопрос никто не хотел отвечать, чтобы не огорчать своего брата из великого Беларуского Отечества.

А 1-го сентября была объявлена война... В городе толпы людей, беготня, подводы, автомобили, солдаты и... рыдания. Плакали матери, жёны, сестры, дети. Они провожали своих кормильцев и опекунов «на путь могущества наияснейшей республики», как говорили пилсудчики, заржавевшие на неприкосновен-

* Николай Анцукевич (1892–1971) педагог и филолог, собиратель беларуского фольклора. В 1936–39 гг. директор Виленской беларуской гимназии.

Язеп Найдюк (1909–1984), журналист и историк, автор книги «Беларусь учора і сёння» (1944 г.).

Янка Шутович (1904–1973), редактор ряда беларуских журналов, один из руководителей БХД, в 1944–1956 гг. узник ГУЛАГа. Автор многих статей. – *Прим. ред.*

ных местах государственной машины... Под вечер этого дня – над Парубунком – немецкий самолет, стрельба по нему... Действительно, война!

А к вечеру и вечером того же 1-го сентября опять отчаянный плач, но уже в беларуских, украинских, литовских, немецких и еврейских квартирах и домах. По всей Польше происходили массовые аресты «инородцев», за счет которых и трудом которых польские паны создавали благополучие себе, своим «родаком и пшыяцёлом».

Меня арестовали сыщик с полицейским, сделав поверхностный обыск моих книг. При обыске только забрали собиравшиеся мной долгое время карты, с помощью которых я намеревался составить альбом исторических изменений на территории этнографической Беларуси, забрали рукопись «Хронологии Беларуси», несколько книжек и украинских газет, а также рукопись Беларуского крестьянского календаря на 1940 год. Забирая меня, полицейский и сыщик не говорили ничего ни о причине, ни о цели ареста, а только подгоняли скорей собираться. Думая, что берут на короткое время, я наскоро собрался – на босые ноги обул гамаши, на рубашку одел летний халатик и взял курить едва на день. Мельком простившись с заплаканной женой, вышел из дома. Меня посадили в ожидавшую нас пролетку извозчика и повезли на Святоянскую улицу, в Следственный отдел полиции.

Справка: Влад Иницкий – это Владислав Павлюковский (Паўлюкоўскі; 13 мая 1895 – 8 сентября 1955) – беларуский поэт и прозаик, этнограф и краевед, художник.

Окончил городскую школу в Новогрудке. Учился в Харьковском художественном училище. Во время мировой войны служил в российской армии, прапорщик. Участник Гражданской войны в России. В 1920 вернулся в родную деревню Иница Новогрудского повета. В середине 1920-х переехал в Вильню. Принимал участие в деятельности БСРГ.

Начал печататься с 1926 года в журналах «Маланка», «Шлях моладзі», «Авадзень». Его графика украшала художественные книги, календари, учебники. В 1928–29 издал три книги своих произведений. Переводил русских писателей (Льва Толстого, Михаила Зощенко).

Псевдонимы: У-Ініцкі; Улад. Іміцкі; У.І. Ніцкі; Унучак.

В 1926 году арестован польскими властями, помещен в Лукишки. Освобожден по решению аппеляционного суда в 1927 году. Снова арестован в сентябре 1939 и помещен в Березу-Картузскую, но после нападения СССР на Польшу освободился.

С 1940 года сотрудник Беларуского музея имени Ивана Луцкевича в Вильне. С 1945 по 1948 год – директор Литературного музея А.С. Пушкина в Вильне. 29 августа 1948 арестован органами МГБ и осужден на 10 лет лагерей. Освобожден в 1953 по болезни. Вернулся в Вильню парализованным.

Здесь в отдельной комнате мои провожатые писали протокол обыска, а я наблюдал, как в соседнюю комнату приводили и выводили разных людей – и мужчин, и женщин. Были всякие между ними – пановитые и попроще, с котомками и пустыми руками, легко одетые, как я, и в плащах или пальто. Смотрел я на них и все тревожнее на душе делалось, – а в голове так и крутились тяжелые мысли: «хоть бы не били, хоть бы не били». О том, что пишут протокол не на месте обыска и без свидетелей, ничего не думал. Когда я подписал прочитанный протокол, меня сейчас же перевели в ту соседнюю комнату, которая уже казалась мне страшной. Здесь за большим столом сидел какой-то пожилой пан, одетый в во-

енное, перебиравший кучу бумаг. К каждой бумаге была приколота красная карточка. С места, где меня поставили в этой комнате, я глянул через его плечо и сумел прочесть заголовок одной красной карточки: «Розпорзадзене інтэрнованю» (Распоряжение об интернировании)...

Так и взорвалась, обжигая внутренности, тяжкая мысль: «Неужели это меня?.. Неужели не вернусь домой?» Повел я туманными глазами по собранным людям — никого знакомого не увидел. Еще не отошел от добившей меня тяжелой мысли, как за дверьми услышал грозное слово: «эскорт!» Появился полицейский и повел меня... повел в «Централку», на Игнатовской улице. Было уже за полночь.

В Берёзе

Поезд... чах-чах-чах... с каждой минутой приближался к Берёзе.

9 сентября, около 10 часов утра, нас привезли на станцию Берёза-Картузская. Высадив из вагонов, пересчитали и четверками повели в лагерь. До лагеря было километров 6, в левую сторону от пути, по которому мы приехали. Слабым, и у кого было много вещей, полиция разрешила нанять подводу; заплатили за нее 6 злотых на всех; деньги собрали в складчину от тех, кто воспользовался. На половине дороги сделали отдых. При дороге крестьяне копали бульбу. Полицейские приказали им принести несколько ведер воды, за которую арестованным было предложено заплатить «по совести». Мы еще отдыхали и ненасытно пили воду, когда мимо нас в противоположную сторону прошла большая группа людей, более 100. Шли они четвёрками, и, хотя были окружены полицией, но не в таком счете, как мы. Между ними преобладали женщины, даже с детьми, малыми и большими. Ясно было, что это — выселенцы, а может отпущенные из лагеря. Вид у них был жалкий, лица исхудавшие, одежда — лохмотья, многие — босые... По всему было видно, что испытали они много горя, может такого, какое и нас ждало...

— «Машыраваць!» — послышалась команда, и мы пошли. Перед самым лагерем слева от дороги виднелись остатки какого-то здания... Вспомнил, что это руины прежнего монастыря, основанного здесь иезуитами-картузами, от которых сама местность назвалась Берёзой-Картузской. Смотрел я на те руины и думал о чудесах времени... Ведь отсюда когда-то исходил свет Христовой науки, пронизанной любовью к людям, а теперь рядом с ним стало место, куда христиане христиан же ведут на погибель, неизвестно за что.

Повернув вправо и пройдя кусок пыльной дороги вдоль плотного дощатого забора, мы обошли его и вышли на Кобринское шоссе — широкое, с посадками и цветами по обеим сторонам. При виде головок миленьких астр и гвоздик меня охватила тихое умиление, но ненадолго, ибо как раз мимо нас двое полицейских провели группу берёзовских арестантов. Одежда на них была из серого посконного полотна, на головах посконные пилотки, как у польских солдат-обозников. На плечах же, во всю ширину их и высоту лопаток, каждый имел большие, черные цифры своего номера. Я старался рассмотреть их и номера меньше тысячи не заметил. У некоторых рубахи были запачканы кровью...

Только прошли эти нумерованные люди, как мы остановились перед воротами своего места назначения, которое простиралось с обеих сторон шоссе. С од-

ной стороны над воротами виднелась надпись: «Мейсцэ одособненя в Бэрэзе Картускей», а с другой стороны шоссе, напротив, виделись вторые ворота в такой же дощатой и плотной ограде. Над ними была надпись: «Комэндант место одособненя в Бэрэзе Картускей»...

Из первых ворот вышли другие полицейские, с резиновыми дубинками, поговорили с нашими и эти отошли в сторону. Берёзовские полицейские сразу показались более грубыми и злыми. Послышались их команды. Женщинам приказали стать отдельно и пересчитали их. Из других ворот вышли женщины-полицейские, тоже с резиновыми дубинками, и повели женщин за те ворота. Пересчитали и нас, словно какие-то мертвые вещи без названий, ибо даже не сверяли со списком. Приказали двигаться в первые ворота, скомандовав: «Бегом!»

Только я вбежал за ворота, как над головой услышал новый крик «бегом» и вместе с ним удар по плечам. Не смотрел я, кто и чем ударил, а побежал... Бегу... между полицейскими стоявшими в два ряда и бивших тех, что бежали передо мною. Полицейские кричали «бегом» и били... а мы, как кто мог бежали,.. бежали в тесноте от одного ряда полицейских к другому, перегоняя друг друга, толкая переднего, чтобы дать себе дорогу, – каждый, как мог, как умел, так спасался от битья, не смотрел на своего товарища... Не было здесь сострадания и гуманности между людьми, которых встретила одинаковая недоля...

А полицейские только кричали «бегом!» и били... Били резиновыми дубинками, прикладами ружей, кольями, палками... Били от всего сердца и души, до того охваченные жестокой злобой, что у некоторых ломались в руках палки. Страшно было бежать от одного удара под второй, но поворота не было... И мы бежали, стонали, кричали, рыдали... Бежали и падали, кувыркались друг через друга, друг друга топтали и так может какие-то 100 метров, вдоль трехэтажного здания... Вбежали на какую-то дорожку вдоль проволочной ограды, потом между проволокой на какую-то площадь, окруженную колючей проволокой. Теперь нас бил каждый встречный полицейский, который шел по этой дороге... Задохнулись, осипли, растеряли свои котомки, шапки, рассыпали пайки хлеба из «Централки», порвали одежду о проволоку, перегоняя и толкая друг друга... Это было нечто жуткое, не битье, а пытка. Пытали в Лукишках в 1926 и в 1927 гг. такие же озверевшие люди, но та пытка не сравнялась бы и на треть с теперешней.

На площади, где мы остановились, к нам подошел полицейский сержант и, называя нас интернированными, объявил режим. Вот некоторые его пункты:

1. Беспрекословное послушание и внимание как к полицейским, так и к «инструкторам» назначаемым среди нас;

2. Отправка и получение писем запрещены;

3. Никакие посылки, ни продуктовые, ни с одеждой, к интернированным не допускаются;

4. Покупка еды – запрещена;

5. Курить строжайше запрещено;

6. Ближайшим начальником является «инструктор» – только он может докладывать коменданту группы о любых просьбах интернированного;

7. Одежда и белье интернированным не выдаются и кто в чем приехал, в том и будет до конца интернирования...

Многие из нас при этом позавидовали тем, кто приехал в более теплой одежде и в лучшей обуви. Беда и горе ждали босых и легко одетых – их много было! А осень уже ощущалась в воздухе, особенно по утрам.

Далее сержант приказал сдать в депозит деньги, документы и вообще ценные вещи, а всякую мелочь, как расчески, кошельки, портсигары, записные книжки и прочее выбросить вон.

После этого из нашей группы вызвали врачей. Из беларусов отозвался только Арсений Павлюкевич*. Врачи осмотрели прибывших, отделили от нас калек, слабых и стариков и отвели их куда-то в другую группу...

Во время осмотра у многих на плечах и на руках были видны желтые полосы – следы избиения, ударов дубинок и палок. Кому попало крепче, у тех полоски были не желтые, а красные, с подтёками крови. У меня были желтые полоски на обеих руках, выше локтей.

Пока все это происходило, я старался рассмотреть, что нас окружает... Увидел только пролеты с колючей проволокой, а за ними люди и люди, – тысячи стояли в рядах, как мы. Гордо и важно между теми понурыми людьми ходили полицейские... Они кричали, ругались, махали палками и били...

К проволоке, отделявшей нашу площадку от соседней, с той стороны подбегали люди и просили хлеба...

– Хоть кусочек... Восьмой день здесь, – говорили они.

– А откуда? – тихонько спрашиваем.

– С Галичины, – говорят, – есть с Волыни, с Лемковщины...

– А беларусы есть?

– Ой, много: с Гродно, Вилейки, Молодечно, со Слонимщины, Ошмянщины, Трок, с Чареи, с Полесья... отовсюду, – говорили они.

Вскоре к нашему ряду подошел другой полицейский, стал кричать и ругать нас за то, что мы – предатели, не уважали приказы Пилсудского, а слушали Гитлера, что все честные теперь на фронте, а мы – шкурники и даром хотим есть польский хлеб и всё в том же духе. Каждое предложение он начинал и кончал польской бранью «блядский сын». Во время своей «науки» у одного спросил, что он говорил, и попал на молодого украинца, который не понимал польского языка.

– Что я сказал? – спрашивает озверевший полицейский. Украинец молчит.

– Ах ты, блядский сын, не хочешь говорить со мною! – крикнул полицейский, – Нагнись! Украинец нагнулся и полицейский приложил несколько ударов дубинкой, аж бедный украинец скрутился и завыл нечеловеческим голосом.

Снова послышались из ряда голоса, что есть один со сломанной ногой (сломали ему во время того битья – «принятия»), так тот полицейский, расхаживая перед нашей шеренгой и размахивая дубинкой или кого ударяя ею, говорит:

– Я вижу его, но стонов не слышу, – но всё таки разрешил отнести его на руках к докторам, которые были на другом конце нашей площади.

---

* Арсений Павлюкевич (1889–после 1939), врач, один из руководителей Слуцкого восстания 1920 г. В 1928 году был осужден польским судом на 10 лет каторжных работ по обвинению в шпионаже в пользу СССР. – *Прим. ред.*

Один интернированный на груди имел орденские планки, так этот полицейский сорвал их, бросил на землю и топча ногами крикнул:

– Такие, как мы на фронте защищают честь наияснейшей Речи Посполитой... Здесь только предатели, шпионы, блядские дети, – и с этими словами ахнул дубинкой по его плечам.

Долго «учил» нас этот полицейский, даже ноги заболели стоять, и только слышно было между нами: – Вот попали! Конец нам будет!

Когда он наконец закончил, дали нам воды, после чего бегом погнали в помещение, где некоторые получили резиновыми дубинками за то, что вбежали в шапках.

Всех охватил страх. Думали, что так будет ежедневно. Оказалось же, что так нас только встречали, ибо назавтра то самое повторилось с новыми двумя группами, привезенными в Берёзу.

В одной группе были, между прочим, трое ксендзов и одного из них так били, что тот падал под ударами, а как подымался и, шатаясь, пробегал несколько шагов, его догоняли и ударами палок опять валили с ног. Бедный клирик! Через всю жизнь свою он будет ясно представлять, как Иисус падал под крестом... Двое других клириков удачно убегали, приподняв свои сутаны, но и им досталось палок. В другой группе так же ловко убегали два молодых православных священника, которых так же безжалостно били, как и клириков.

С 1 сентября до 10-го в Берёзу были согнаны тысячи людей. Не было в Польше такого повета, чтобы здесь не оказалось его представителей. Но больше всего было украинцев и беларусов. Позже мы узнали, что всех интернированных в Берёзе было до 10.000 человек. Были всякие: молодые и старые, здоровые и больные, даже калеки – хромые, горбатые, полуслепые, заики... больные падучей (эпилептики), а в нашей камере был даже один сумасшедший, и все были «зачислены» в категорию «предателей!»...

Погибель

«Место одособнення» в Берёзе Картузской занимало всю территорию прежних кавалерийских казарм. Оно было велико и вокруг окружено плотной дощатой оградой, по верху которой шла колючая проволока. В северной части этого пространства стояли два больших трехэтажных здания – одно вдоль Кобринского шоссе, а второе – к первому поперек. Окна у этого второго здания были с решетками, в нем была кухня и продуктовые склады. Поодаль и по бокам стояли меньшие здания – госпиталь и здания хозяйственные.

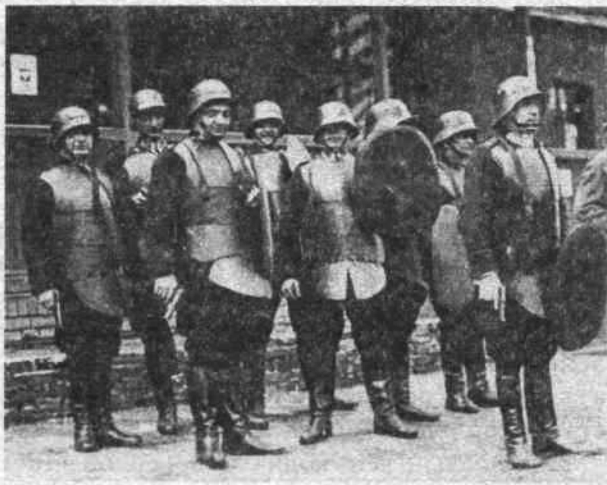
Между всеми этими зданиями была площадь муштры, обведенная колючей проволокой так густо переплетенной, как проволочное заграждение перед окопами. Площадь имела только один вход, густо оплетенный проволокой сбоку и сверху. В середине высокими пролетами из колючей проволоки он разделялся на четыре квартала. На них были направлены два пулемета – стояли они на специальных вышках, где постоянно дежурили полицейские. Остальное пространство занимал огород, в южной части которого виднелись какие-то небольшие здания и строились новые. Кроме того, на огороде, поближе к площади, было несколько полуземлянок – бараков.

Наша Виленская группа с присоединенной Келецкой группой помещалась в здании без решеток, что у шоссе и занимала камеру № 14.

Она имела метров 10 длины, метров 7 ширины и метров 5 высоты. Стены были побеленные и имели 3 окна, из которых виделась вся площадь. Через всю комнату, отступив на метр от стен, стояли двухсторонние двухэтажные нары из голых досок. Всех нас в этой комнате помещалось 140 человек (на 70 кв. м. – *Ред.*), причем третья часть спала под нарами, на полу. Ни одеял, ни подушек, ни простыней не было. На ночь приносили парашу, поэтому в комнате стояла вонь куда хуже, чем в 12-й камере виленской «Централки».

Будили нас в 6 часов утра и немедленно бегом выгоняли на площадь, за ограду кварталов, откуда тоже бегом пригоняли в 16 часов.

На площади мы становились в два ряда, из каждой камеры порознь, и, независимо от погоды, стояли до 4-х часов вечера. Здесь нас подвергали армейской муштре, которую вел инструктор группы – такой же интернированный, но побывавший в армии. Инструктором виленской группы был зубной врач Нойфельд, немец. Муштра состояла из гимнастики, поворотов, обучения ходьбе и бегу. Кроме того учили «рапортовать» разным старшим и в разных возможных случаях. Неповоротливым, неловким или отстающим инструктор «помогал» битьем или бегом под команду: «Падай – вставай!» Иной раз их бил полицейский своей резиновой дубинкой – если делал проверку, как идет муштра.

Польская полиция во всеоружии (1938 г.)

На одном квартале площади производилась карательная муштра. Она складывались из передвижения на четвереньках (жабка), или по-утиному (жабка с поднятыми руками), падания и вставания всей группой и ползания на манер как ползают ужи. Карательную муштру вели те же инструкторы, но в присутствии полицейского, который наблюдал за их ходом и ударами дубинки исправлял всякие недостатки. Нашей группе тоже досталась карательная муштра.

В течение всего дня из рядов не позволялось выходить ни по какой причине. Бывало, что над площадью пролетали немецкие самолеты – тогда мы падали и неподвижно лежали, укрыв голову руками... Ах, как хорошо это было! Как было хорошо измученным муштрой и стоянием!

На плацу нам давали горячую пищу – «завтрак» и «обед», а иной раз что-то одно, ибо кормили нерегулярно. Но был то «завтрак» или «обед», кормили один раз или два раза в день, все равно это был литр на двух человек – крупник или пшенное варево, сдобренное ржаной мукой. Однажды, зачерпнув с самого дна миски, я посчитал крупинки в ложке – и насчитал 10 крупинок. Блюдо было

один раз посолено, хотя слабо, а другой раз совсем без соли. Столов не было, ели мы с колен, ради чего садились «по-татарски» на том самом месте, где стояли.

Хлеба давали всего по 100 граммов на человека, буханку на 20 человек. Хлеб был то недопечен, то перепечен, так что корка была горькая, но ее никто не бросал. Те, кто еще сохранили пайки из «Централки», или запас еды из дома, держались хорошо. А у кого этого не было, то уже к концу первой недели пребывания в Берёзе ощущалось недоедание. У меня, например, кружилась голова и темнело в глазах — с этими проявлениями я был знаком еще с Лукишек, но здесь они наступили гораздо быстрее.

Вода была дорогим дополнением. Пробыли мы в Берёзе 8 дней и никто ни разу не умылся. Не только мыться, но мыть миски и ложки не было чем. Миски и ложки переходили из группы в группу — индивидуальных никто не имел. Миску чистили песком, перед этим наплевав в нее, а потом шапкой или полой вытирали, ложки тоже чистили песком. Песок брали прямо из-под ног, где кто стоял, не разбирая, был ли он заплеван или захаркан. Воды для питья давали ведро на комнату, при разделе приходилось примерно 3/4 стакана на трех человек. Воду давали перед сном.

На муштру и с муштры нас гоняли бегом. Гоняли бегом, а некоторым «наказанным» приказывали ползти и туда, куда даже царь ходит пешком. Было это место в конце одного квартала и являлось длинной ямой, метра два вглубь, открытой со всех сторон. Над ямой были прикреплены две доски, с которых при малейшей неосторожности легко было упасть. Времени давалась одна минута, а если кто-то не успевал, то приставленный уголовник сгонял его с занятого места палкой или ремнем.

Официально день кончался поверкой в 18–19 часов, во время которой интернированные выбегали в коридор и строились, отдельно из каждой камеры.

Пробыв несколько дней и ежедневно видя беготню людей, я пришел к выводу, что беганье здесь введено умышленно, как способ подавления человека. Ведь бегали мы не только порознь, но и целыми группами. Не раз можно было видеть, как полицейский ехал на велосипеде, а за ним или перед ним бежали люди... видимо на работы. Даже те, что возили воду бочками, и то иногда тянули бочки бегом!

Среди интернированных слышалось, что редко кто выдерживает такую жизнь. По питанию тот, кто более крепок телом, еще мог дождаться освобождения, но по гигиеническим условиям и одежде — надежды не было.

Уже несколько лет существует эта Берёза со своей особой системой подавления человека. Много кто в ней побывал, но не было слышно, как там жилось. А все потому, что от выпускаемого из Берёзы человека полиция брала подписку — никому и никогда не говорить о том, что видел и что пережил в ней.

Свобода

Виленская группа была интернирована на срок 3 месяца, а все другие группы из других частей Польши — только на месяц. Поэтому мы надеялись, что и нашей группе сократят срок пребывания в Берёзе, уравняв его со сроком других интернированных групп. Это была маленькая надежда на перемену положения, тогда как большая надежда связывалась с войной. Ведь хоть мы и были отделены от

мира, сдавлены жестоким режимом, все же до нас доходили кое-какие вести о ней. Может быть, они не соответствовали действительности, но поддерживали наш дух и укрепляли выносливость.

Около 15 сентября Я. Найдюк, пойдя на перевязку своего пальца, узнал от доктора А. Павлюкевича, что немцы заняли Брест и Белосток. С 15 сентября замечалась нерегулярность в выдаче пищи... К тому же, когда некоторые из нашей группы обратились к сержанту по вопросу «одволаня» (освобождения), то он с любезностью в голосе (!) посоветовал подождать пару дней – тогда, дескать, выяснится положение всех интернированных.

С 16 на 17 сентября всю ночь около казарм ездили подводы, а в дальних хозяйственных зданиях горел свет и орали свиньи, чего предыдущими ночами не было. Догадывались мы, что полиция что-то вывозит. А когда 17-го сентября тот же Найдюк пошел на перевязку, то принес весть, что немцы заняли Кобрин, а большевики – Барановичи.

Эта весть была столь неожиданной, что взбудоражила всех. Пошли догадки, толки и споры о том, как с нами поступят поляки, которые, как нам казалось, в скором времени оставят Берёзу. Одни говорили, что всех нас перебьют или отравят газами, другие – что нас отпустят на свободу, а третьи – что нас сдадут новой власти, организованной из местных жителей. Все были в напряженном состоянии. Усилием воли мы старались скрыть это как от самих себя, так и от полиции, когда она выгоняла на площадь. Надо заметить, что в тот день муштры не было, а на площади только дали обед.

До позднего вечера мы слышали непрерывные раскаты и видели вспышки. Это была, как позже мы узнали, битва немцев с поляками за Кобрин. А извне казармы были слышны звуки какой-то езды, беготни, беспокойных разговоров и возгласов. Когда все это закончилось, никто из нас не заметил. Но 18-го рано утром, когда еще было темно, под окнами нашей казармы послышались голоса:

– Товарищи, вы свободны!

Все вскочили и бросились к окнам. В полумраке холодного рассвета мы заметили несколько мужчин, которые ходили перед казармой от окна к окну и говорили:

– Никого нет – свободны!

– А полиция? – слышится вопрос изнутри казарм.

– Убежала! В Кобрине – немцы, в Барановичах – большевики, поляки – на Полесье, – отвечают мужчины.

Это ошеломило всех. Быстро стали одеваться и собирать свои вещи, а тем временем возник разговор, как нам быть. Разговор быстро перешел в нервный гул, из которого изредка вырывались вскрики: «ждать рассвета», «провокация», «больше спокойствия!».

Но где там... Жажда свободы, стремление вырваться из ненавистного места так толкали каждого, что исчезали малейшие проявления осторожности... В коридоре неслось эхо стуков и треска... Это наиболее смелые вырывали окна, снимали с завес двери, а то и выбивали их... В сделанные проходы бросались люди со своими котомками и стремглав летели... на двор, где группировались, волновалась и галдели...

8. Сегодня...

Создание Берёза-Картузского концлагеря стало закономерным следствием внутренней политики польского государства по отношению к коренным жителямй Западной Украины и Западной Беларуси, оккупированных в 1919–1920 годах. В 1939 году польские власти планировали создать еще один такой же лагерь (на 1500 заключенных) в Келецком воеводстве, но этот план сорвала война.

Именно концлагерь в Берёзе, своей системой издевательств и унижений превосходивший нацистские концлагеря, ясно демонстрирует истинное отношение поляков к беларусам не только до 1939 года, но и сейчас, в XXI веке. Они категорически не желают видеть нас в качестве суверенной свободной нации. Для них мы навсегда остались жителями «крэсов» (окраин), туземцами, которых непременно надо привести в истинную веру (католическую), научить языку «культурной нации» (польскому) и заставить работать на «просвещенных европейцев» (поляков). А для всех несогласных – сколько бы их не было – они готовы в любой момент создать пять, пятьдесят или триста новых «центров перевоспитания».

Кто-то скажет, что я чрезмерно сгущаю краски. Но вот неопровержимый факт: За 20 лет, прошедших с момента обретения Беларусью независимости, польские власти не принесли нам официальных извинений за те дикие издевательства, что творились в Берёзе над беларусами, посмевшими отстаивать свои национальные интересы. Не попросили они прощения и за тысячи убийств беларусов боевиками Армии Краёвой. Следовательно, они по-прежнему считают правильной политику не только национального унижения, но и физического истребления беларусов. Об этом должен помнить каждый сознательный гражданин нашего государства.

В 1990-е годы в польском сейме звучали предложения извиниться перед беларуским народом за издевательства и убийства, что вытворяли в Берёзе польские садисты на государственной службе. Но в 1994 году президентом стал Лукашенко, и депутаты поспешили поставить знак равенства между ним и беларуским народом. Дескать, перед кем извиняться?!

Юрий Туронок

Кто убил Франтишека Олехновича?

Во время немецкой оккупации от рук тайных убийц погибло много беларуских политических, культурных и религиозных деятелей. Среди них – Франтишек Олехнович, Вацлав Ивановский, Владислав Козловский, Юлиан Сакович, ксендзы Станислав Гляковский, Винцент Годлевский, Антон Неманцевич, православные священники Александр Ковш, Иван Олехнович и другие*.

Если раньше, при советской власти, все жертвы репрессий можно записать на счет НКВД, то в условиях немецкой оккупации в этом плане ситуация была далеко не однозначной. Беларуские национальные деятели были солью в глазах не только советского и польского подполья, стремившихся возродить свою власть в Беларуси. Они погибали также в застенках СД и немецких концлагерях, между прочим, в результате провокационных доносов советских, польских и даже беларуских деятелей, которые стремились руками немцев избавиться от идейных конкурентов.

Выявление вдохновителей и исполнителей тайных убийств – дело очень сложное, в некоторых случаях – безнадежное. Например – обстоятельства убийства Ивановского, произошедшего 6 декабря 1943 года в Минске. Собранный автором большой материал (пресса, воспоминания, показания свидетелей) долгое время не позволял сделать однозначный вывод. Поэтому трудно было оспорить версию Ивана Новикова, высказанную в его документальной повести «Дарогі скрыжаваліся ў Мінску» (1964 г.) о том, что инициатором и исполнителем убийства явился партизан Александр Каминский. И только неожиданная архивная находка позволила установить, что уже 22 ноября 1943 года (то есть за две недели до убийства) начальник СС и полиции Беларуси Курт фон Готберг знал о готовящемся покушении, которое, по его словам, исполнят «сами беларусы». А это доказывает, что упомянутый «герой подполья» был агентом минской полиции и выполнял ее приказы.

Обстоятельства тайных убийств во времена оккупации требуют серьезных исследований, свободных от политической предвзятости. К сожалению, до недавнего времени наши историки руководствовались другим принципом, а именно – стремлением к умножению любыми способами рядов «героев подполья» и их «подвигов» на ниве уничтожения беларуских национальных деятелей. Например, кроме Ивановского, на счет «народных мстителей» записывали Годлевского и Саковича, хотя первого убили гестаповцы, а второго – поляки на Лидчине.

Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Козловский В. (1896–1943) – публицист и поэт, один из организаторов и секретарь Беларуской национал-социалистической партии, редактор ее журнала «Новы шлях» (1933–37).

Сакович Ю. (1906–1943) – беларуский национальный деятель, подвергался репрессиям польских властей, во время войны был начальником отдела Беларуской народной самопомощи.

Ковш А. (1890–1943) – православный священник и общественный деятель.

В последнее время /статья Ю. Туронка была написана в 1990 г. – *Ред.*/ в печати появились несколько статей о выдающемся беларуском драматурге Франтишке Олехновиче, его жизни, творчестве и перезахоронении на виленских Росах*. Конечно, затрагивались и обстоятельства смерти Олехновича. Но если Виктор Сенкевич в американском «Беларускім Сьвеце» (1988, № 20) и Федор Нюнько в минской «Чырвонай Змене» (1989, 16 августа) писали, что его убил советский подпольщик, то Леон Крыницкий заявил в белостокской «Ніве» (1990, 14 и 21 января), что Олехнович погиб «от руки неизвестного террориста при невыясненных обстоятельствах»**.

Помня дело Ивановского, нельзя игнорировать эти расхождения. Тем более, что Нюнько, повторив прежнюю версию, не представил доказательств в ее пользу и даже не сослался на таковые. Из его публикации можно сделать вывод, что дело давно окончательно выяснено, в пересмотр не нуждается. Однако высказывание Крыницкого побуждает проверить достоверность традиционной версии убийства Олехновича.

Франтишек Олехнович – выдающийся беларуский драматург, автор сенсационной книги «В когтях ГПУ» (Вильня, 1937), редактор «Беларуского Голоса» в оккупированной немцами Вильне, был убит вечером 3 марта 1944 года у себя дома несколькими выстрелами из пистолета в голову***. Об этом убийстве немедленно сообщили виленские, а за ними минские газеты и берлинская «Раніца» («Утро»). В сообщениях подчеркивалось:

Ф. Олехнович в 1943 году – за год до гибели

«Это новое подлое убийство красной Москвы еще раз свидетельствует о том, что большевизм стремится физически истребить лучших борцов за независимость Беларуси».

Беларуское общество, хорошо знавшее о террористических действиях советских партизан, в том числе о сожженных ими школах, убитых учителях, старостах и крестьянах, имело все основания верить сообщению контролируемой немцами прессы об убийстве Олехновича московскими агентами. Это казалось столь же несомненным, как наступление дня после ночи.

И все же эти сообщения, распространенные сразу после убийства, без какого-либо расследования, не удовлетворяли деятелей Беларуского Национального Комитета в Вильне. Зная о сложном положении в городе и окрестностях, они стремились получить от немецких властей более конкретные сведения о совершенном

* Росы – католическое кладбище в северо-восточной части Вильни. Там похоронены многие известные беларуские деятели.

** Сенкевич Виктор (1926 г.р.) – беларуский историк, журналист, деятель беларуской диаспоры в Канаде и США. Нюнько Федор (1928 г.р.) – общественно-культурный деятель, с 1989 года – председатель Общества беларуской культуры в Литовской ССР.

*** Газета «Belaruski holas» издавалась с 1942 по 1944 год. Всего вышли 122 номера.

преступлении. Спустя какое-то время такая информация действительно была получена. Об этом сообщил тогдашний председатель Беларуского Национального Комитета доктор Болеслав Грабинский:

> «Позже немцы из Гебитскомиссариата сказали нам, что убийца был пойман и ликвидирован. Будто бы им был коммунист с типичной летувисской фамилией, присланный из Налибокской пущи по приказу Москвы. Действительно ли советский агент был пойман, или немцы придумали эту версию, мы не были уверены». («Беларус», 1984, март)*.

Вильня — родной город Олехновича

Один аспект информации Гебитскомиссариата заслуживает внимания. Немецкая полиция в Вильне не скрывала фамилий приговоренных к расстрелу уголовных преступников и врагов оккупационного режима, но фамилия убийцы Олехновича, который якобы был пойман, никогда не называлась. Просто невероятно, чтобы немцы сознательно отказались от использования этого факта в антисоветской пропаганде, который мог подкрепить изложенную в газетах версию. Таким образом, сомнения деятелей БНК в том, что агент был арестован, опознан и казнен, можно считать обоснованными. На это же указывает отсутствие соответствующей документации в архивных фондах виленской полиции и гражданских оккупационных властей.

---

* Газету «Беларус» с 1950 года издает в Нью-Йорке Беларуско-американское объединение.

После войны беларуские советские историки и писатели не уделяли внимания убийству Олехновича. А эмигрантские публицисты, как правило, повторяли немецкую версию и даже дополняли ее «новыми подробностями». Так, Роман Шарупич «установил» причину убийства. Ею стала правда о советском концлагере, поведанная Олехновичем в книге «В когтях ГПУ» (см. «Беларус», 1973, декабрь). Такое же мнение высказал Виктор Сенкевич в «Беларуском Сьвеце». «Уточнялись» сведения и о «московском агенте». Польский писатель Юзеф Мацкевич заявил, что убийца говорил на «чистом беларуском языке», и это слышала жена Олехновича (Mackiewicz J. Nie trzeba glosno mowic. London, 1985, s. 273)*.

Все эти сообщения повлияли на формирование мнения не только в эмиграции, но и в Беларуси. Однако более внимательный анализ позволяет усомниться в их правдивости. Олехнович действительно опасался мести НКВД за свою книгу, поэтому в июне 1940 года, накануне оккупации Летувы Красной Армией, попытался перейти на оккупированную немцами территорию, однако без необходимых документов не был пропущен немецкими пограничниками (Малецкі Я. «Пад знакам Пагоні». Торонто, 1976, с. 33). В результате он вернулся назад и целый год жил в советской Летуве, однако репрессирован не был. Правда, чуть позже, уже во время немецкой оккупации, он писал, что весь год скрывался, и это спасло его от ареста**. Все же трудно поверить, что целый год НКВД не могло найти нужного ему человека в сравнительно небольшом городе. А это позволяет считать, что тогда Олехновичем особо не интересовались.

Невероятно и высказывание Мацкевича о языке убийцы, на что обратила внимание Раиса Голяк («Беларуская Думка», 1984, № 29, с. 37) ***. Вот соответствующее свидетельство жены Олехновича, опубликованное Грабинским в цитированном номере «Беларуса»:

> «В пятницу, поздно вечером, я открыла входные двери на звонок и вошел человек лет тридцати, в короткой куртке. Я думала, что кто-то из беларусов, ведь я знала лишь немногих. Странно только показалось мне, что *он не сказал ни слова* (выделено мной — *Авт.*), чтобы поздороваться. От дверей можно было видеть Франтишека за бюро в маленькой комнате. Человек, которого я впустила, быстро подошел к бюро, выстрелил несколько раз и быстро вышел. Все это заняло несколько минут».

В свете этого свидетельства заявление Мацкевича о «чистом беларуском языке» убийцы можно было бы считать литературным вымыслом, если бы не одно обстоятельство. В 1970 году в эмигрантском журнале «Веча» (№ 9, с. 6) Янка Станкевич, выступая под псевдонимом Игорь Давидович, высказал мнение, что Олехновича убил не «московский агент», а боевик польского подполья (Армии Краёвой) за то, что редактируемый им «Belaruski Golas» печатал списки беларусов, убитых аковцами на Лидчине. Иными словами, Мацкевич сознательно занимался дезинформацией.

---

* Мацкевич Юзеф (1902–1985) — польский писатель и публицист. В 1939–40 гг. в Вильне издавал «Gazeta Codzienna», где пропагандировал краёвую идею. После войны эмигрировал на Запад.

** Олехнович описал свои скитания во время советской оккупации Виленщины в 1940–41 гг. в незаконченных мемуарах «Страшный год». Они были опубликованы в 1944 г. в журнале «Новы шлях».

*** «Беларуская думка» — общественно-политический и литературно-художественный журнал, который издает с 1960 г. в Саут Ривер (пригород Нью-Йорка) Беларуское издательское общество.

Следует заметить, что предложенная Станкевичем версия убийства не обсуждалась в эмиграционной печати, ни беларуской, ни польской. Видимо потому, что не вписывалась в желаемую схему. А она заслуживает доверия. Ведь Янка Станкевич как член БНК в Вильне, председатель подпольного Беларуского Национально-Демократического Объединения и участник переговоров с Главным Командованием АК хорошо ориентировался в тогдашних событиях на Виленщине*. Кроме того, именно он готовил списки жертв аковского террора на Лидчине, которые печатал Олехнович в своей газете. (См. Галяк Л. Успаміны. США, 1982. Ч. 1, с. 176). То есть, он имел прямое отношение к рассматриваемому делу.

Разоблачение преступлений Армии Краёвой в отношении беларуского населения противоречило интересам польского подполья, и это можно считать мотивом убийства. Вероятность версии Станкевича подкрепляет еще и тот факт, что в разоблачении преступлений участников польского Сопротивления не были заинтересованы и немцы, которые поставляли оружие некоторым формированиям АК на Лидчине для борьбы с советскими партизанами.

Ф. Олехнович в молодые годы

Так что не случайно чиновники виленского Гебитскоммиссариата пускали дым в глаза деятелям БНК и направляли их внимание на воображаемого большевистского агента, что им в основном удалось.

Весной 1944 года немцы стремились наладить политическое сотрудничество с поляками в Вильне, чтобы привлечь формирования АК к совместной защите города от Красной Армии. Эти предпосылки влияли на их пропаганду: распространяться о преступлениях АК стало невыгодно. «Беларускому Голосу» вскоре тоже пришлось прекратить публикацию списков беларусов, убитых поляками на Лидчине. По той же причине не была напечатана статья Янки Станкевича о положении в Лидском округе, в которой автор писал о тысячах (!) жертв польского террора. Но сама статья сохранилась, в 1985 году, через 9 лет после смерти Я. Станкевича, ее напечатал «Летапіс беларускай эміграцыі» (1985, № 28. Жнівень).

Версию Станкевича подтверждает еще одно обстоятельство. Если бы убийство Олехновича осуществило советское подполье, можно было бы найти соответствующие документы. Но, как установил Василь Быков, в архивах «компетентных» органов БССР отсутствовали сообщения о судьбе Олехновича («Літаратура і Мастацтва». 1988, 7 кастрычніка).

* Беларускае нацыянальна-дэмакратычнае аб'яднанне – нелегальная беларуская национальная организация, созданная летом 1943 года в результате объединения Партыі беларускіх нацыяналістаў (под руководством Я. Станкевича), Беларускага народнага аб'яднання (бывшей ХДП) и нескольких других, более мелких групп. Ориентировалась на сотрудничество с польским подпольем. Широкой деятельности развернуть не смогла.

Несколько слов о Фр. Олехновиче

Анатоль Тарас

Франтишек Олехнович (Францішак Аляхновіч) родился 9 марта 1883 года в Вильне, в семье скрипача из театрального оркестра. С пяти лет отец начал брать его на спектакли. Так еще в детстве он отдал свою душу театру.

Из Виленской гимназии его исключили за «неуспешность в обучении». Учебу в Виленской химико-технологической школе и в Краковском университете он бросил сам. Наконец, в 1904 году поступил в Варшавскую драматическую школу и через три года окончил ее. Год работал актером в странствующей труппе.

В 1908 году Франтишек вернулся в Вильню, где стал издавать на польском языке юмористический журнал «Perkunas» (Перун). В феврале 1910 года вместе Александром Бурбисом и Игнатом Буйницким устроил первый в Вильне вечер беларуского искусства и культуры. Но дальнейшим шагам в этом направлении помещал инцидент с царскими властями. За критическую статью они закрыли журнал, а редактора привлекли к суду. Спасаясь от судебного преследования, Франтишек уехал в Краков, где работал актером в польских театрах.

В 1913 году он вернулся в Вильню, надеясь, что страсти улеглись. Увы! Его тут же арестовали и на год заключили в тюрьму «Лукишки». Там он написал свою первую пьесу «На Антокалі». После освобождения работал маляром, корректором, пожарником, электромонтером и даже воспитателем в детском приюте! Несмотря на нужду, Олехнович продолжал сочинять пьесы и предпринимал попытки создать постоянную беларускую театральную труппу.

В период с апреля 1918 по июль 1920 года он дважды по одному году жил в Минске, где руководил беларуским театром и активно ставил собственные пьесы, вытеснив из репертуара произведения других драматургов.

К Олехновичу быстро пришла слава национального драматурга. Уже в 1920 году Максим Горецкий посвятил ему целый параграф (6 страниц) в своей «Гісторыі беларускае літаратуры». Воодушевленный признанием, Франтишек решился на необычный эксперимент. Он написал третий акт к знаменитой комедии Янки Купалы «Паўлінка». Автор, прочитав текст, остался доволен им.

В 1924 году Олехнович издал в Вильне книгу «Беларускі тэатр». В ней он впервые систематизировал и проанализировал историю национального сценического искусства от истоков до начала XX века. По мнению специалистов, научная концепция этого исследования до сих пор не утратила своей ценности.

В 1925 году Олехнович завершил свою 17-ю пьесу! Следующую ему довелось написать очень нескоро.

Осенью 1926 года он приехал в Минск на Академическую конференцию по реформе беларуского правописания. Назад его уже не выпустили. В 1927 году он стал первым человеком, осужденным в БССР по статье 98-й Уголовного кодекса – «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной организации».

За свое доверие к советской власти Франтишек Олехнович, гражданин Польской республики, арестованный и осужденный в нарушение всех норм международного права, должен был расплатиться десятью годами на Соловках.

Но «всего через шесть с лишним лет» ему неожиданно повезло. В сентябре 1933 года большевики обменяли его на Бронислава Тарашкевича – беларуского политика, просветителя и языковеда в одном лице, отбывавшего с ноября 1932 года 8-летний срок заключения в польской каторжной тюрьме. Впрочем, последний скоро сам оказался в советских застенках. Тарашкевича арестовали 6 мая 1937 года, а 29 ноября 1938 расстреляли как «польского шпиона». Олехновичу же судьба подарила еще девять с половиной лет жизни на свободе.

Его книга «У капцюрах ГПУ» (1937 г.) была переведена на семь языков. Выходит, что именно беларусы – Францишек Олехнович и Иван Солоневич – за 30 лет до солженицынского «Архипелага ГУЛага» первыми рассказали миру правду об империи советских лагерей*.

Обложка книги «В когтях ГПУ»

Весьма символично то, что последняя пьеса Францишека (1943 г.) называется «Круцi не кручi – трэба памерцi». Его жизнь оборвалась за неделю до 61-го дня рождения.

Убийцы из польской Армии Краёвой в безумном стремлении навсегда сохранить свое господство на наших землях, а всех здешних жителей превратить в поляков, убили много тысяч беларусов. И все же, пролив реки крови невинных жертв, они проиграли. Возродилось из пепла беларуское государство. Мы видим становление современной беларуской нации. Развивается национальная беларуская культура, вобравшая в себя достижения предыдущих столетий. Вот и пьесы Олехновича с успехом идут в наших театрах.

Недавно была снова поставлена его комедия «Пан мiнiстр», написанная в 1922 году, одновременно с легендарными «Тутэйшымi» Янки Купалы. Эти произведения как бы перекликаются между собой. «Пан мiнiстр» не уступает «Тутэйшым» своей остротой. В центре внимания автора – национальное возрождение, борьба «тутэйшых» с национально «сьвядомымi». Она разворачивается на фоне комических любовных интриг в духе Жана-Батиста Мольера.

Олехнович приурочил создание пьесы к выборам депутатов в польский Сейм (напомним, что в 1919–39 гг. Западная Беларусь входила в состав Польши тремя воеводствами – Виленским, Новогрудским, Полесским, а также большей частью Белостокского). Автор хотел высмеять тех «деятелей», которые, стремясь к власти, выдавали себя за «шчырых» беларусов, хотя в действительности придерживались совсем иных взглядов. Как это похоже на то, что мы видим сегодня!

И еще одно замечание: талантливые произведения искусства понятны и интересны во все времена. Если вы до сих пор не знаете пьес Олехновича, постарайтесь как можно скорее устранить эту прореху в своем культурном багаже.

* Книга И.Л. Солоневича «Россия в концлагере» сначала была опубликована (в 1935–36 гг.) в эмигрантской газете «Последние новости» (Париж) в виде цикла очерков. В 1936 году она вышла в Болгарии отдельным изданием. С русского ее перевели еще на 17 языков!

Максим Петров

Герои или убийцы?

Террор Армии Краёвой против беларусов

«Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершала что-либо, имеющее историческое значение».

Фридрих Энгельс: *«О политике Польши»*

Цитата, приведенная в качестве эпиграфа, адекватно характеризует деятельность польского вооруженного сопротивления на территории Западной Беларуси и Западной Украины начиная с лета 1944 года. Да, поляки вели здесь партизанско-повстанческую войну против СССР. Да, они пролили здесь много крови – своей и чужой. Но эта война изначально была лишена каких-либо шансов на успех. Великие державы в 1943 году на конференции в Тегеране твердо решили, что западная граница СССР пройдет после войны по линии Керзона, предложенной еще в 1919 году. И это решение было абсолютно справедливым, так как линия лорда Керзона разделяла этнические польские и этнические беларуские земли. Поэтому всё то, что поляки продолжают считать по сей день героической борьбой за восточные окраины Польши («крэсы») в действительности было всего лишь «храброй драчливой глупостью».

Террор против беларуского населения вооруженные отряды польского Сопротивления развернули еще во время германской оккупации. В первую очередь их жертвами становились учителя беларуских школ, православные священники, активисты беларуского национального движения. Вот несколько примеров их зверств.

Подлинная трагедия произошла в приходе Турейск Щучинского района. Здесь польская банда в 1942 году замучила священника Ивана Олехновича вместе с матушкой. «Поляки отрезали им уши, носы, выкололи глаза, матушке отрезали груди, жгли огнём раны и так далее, издевались над жервами до тех пор, пока те не скончались от мучений. В этот приход был назначен другой священник, отец Василь, но польская банда замучила и его на третий день после приезда в приход».

В 1943 году аковцы хотели убить учительницу Анастасию Макаревич из деревни Новосады (Лидский район). Не застав ее дома, польские палачи убили троих малолетних детей учительницы, причем одного – в колыбели.

В мае 1944 года аковцы расстреляли в деревне Белица учителя-пенсионера вместе с его детьми.

В Креве Сморгонского района протоирей, настоятель прихода Михаил Леванчук в годы окупации основал беларускую школу. Учителями в ней работали его дочь Лариса и племянница Валентина. Всех троих в марте 1944 года расстреляли польские бандиты.

В Щучинском районе от рук аковцев погибли директор школы Язеп Клишевич, школьный инспектор Алексей Станкевич, учителя Георгий Клишевич и Пётр Рандоревич.

В январе 1944 года аковцы убили Николая Чернецкого. Польские власти преследовали его и в довоенный период за участие в беларуском движении. Он работал учителем беларуского языка в Клецкой беларуской гимназии, издавал в Вильне вместе с А. Анисько журнал «Золак». С 1939 года Н. Чернецкий возглавлял беларускую среднюю школу в Крынках (Подляское воеводство).

От рук польских убийц погибали не только школьные работники. Они убили руководителя хора Минского городского беларуского театра органиста Тризну во время гастролей в Сморгони.

Варварские акции аковцев отмечали оккупационные власти. Вот, например, что писал в отчете за май 1943 года референт Барановичского гебиткомиссариата:

> «Бандиты грабят и убивают только беларусов, но не поляков. Ни один ксёндз не пострадал, тогда как за это время много православных священников-беларусов было зверски убито с семьями или покалечено и ограблено».

О бесчеловечном отношении польских боевиков к беларуским православным священникам и интеллигентам писал после войны польский исследователь Юзеф Мацевич. В 1985 году он издал в Лондоне на польском языке книгу «Не надо говорить громко», в которой привел такие факты:

> «Духовный Константин Маевский (...) в Троках Ошмянского повета, православный духовный Анатоль Кирик (...) Протоирей Михаил Леванчук в Креве (...) Дочь его, Лариса, учительница беларуской начальной школы в Креве... Замучены, замучены, замучены (...) Иеромонаха Лукаша из Жировицкого монастыря, который в 1941 году вернул церковь, отобранную под католический костёл в 1920 году, польские партизаны закопали живым в землю до головы; а вокруг выступающей из земли головы Лукаша поляки развели костер и жгли ее до тех пор, пока священник не умер от страшных ожогов».

К середине 1944 года на территории БССР (в границах 1939 года, т.е. включая Белостокскую область) действовали 14 «обводов» (региональных формирований) Армии Крайовой. В каждом из них – от 1000 до 2000 бойцов. Кроме того, существовала хорошо организованная и законспирированная подпольная сеть.

Первые акции АК против «Советов» в этот период были связаны со всеобщей мобилизацией в Красную Армию в освобожденных от немцев районах, которую аковцы стремились сорвать. Как поляки, так и беларусы, подлежавшие призыву, подвергались угрозам. Начались нападения на советский актив, мобилизационные команды. Соответственно, власти СССР развернули мероприятия с целью ликвидации польского националистического подполья и вооруженных от-

рядов. Если в июле 1944 года на освобожденных землях формированиям АК, ОУН-УПА и бандам уголовников противостояли в основном силы милиции и госбезопасности, то с начала августа стали широко использоваться регулярные воинские части. Наиболее крупные «чекистско-войсковые» операции были проведены в Гродненской, Молодечненской и Барановичской областях. За месяц чекисты и военные полностью или частично ликвидировали 10 отрядов, при этом 268 человек были убиты, 57 взяты в плен.

Отряд АК в лесу на привале (осень 1944 г.)

Особым ожесточением отличались бои с отрядами АК майора Ч. Денбицкого («Яремы»), капитана Б. Василевского («Бустромяка») и майора М. Каленкевича («Котвича»). В ходе боя с последним был разгромлен штаб Новогрудского округа АК. Операции по ликвидации воссозданного руководящего центра этого округа проводились и позже. Всего в ходе них было убито 295 человек, в том числе командующий округом майор М. Каленкевич («Котвич»), 25 других офицеров, эмиссар польского эмигрантского правительства Я. Скороховский («Острога»). Арестованы 75 аковцев, изъяты две радиостанции.

В сентябре – октябре 1944 года была проведена крупная операция против формирований АК Барановичской и Вилейской областей, во время которой разгромлены 54 вооруженные группы, убиты 89, взяты в плен 419 человек. Одновременно проводились облавы, прочесывались крупные лесные массивы. В результате были задержаны для проверки 20.774 человека, а еще 50 убиты при задержании.

Оказавшись после провала операции «Буря» перед лицом тяжелых поражений на Украине и в Беларуси, руководство АК приняло решение свести до минимума вооруженные действия в этих регионах, законспирировать подпольную сеть, создать тайные склады оружия, перенести основной упор на пропаганду и «защиту населения». Стремясь сохранить силы, лондонское командование АК издало 5 сентября 1944 года приказ № 571, предписывавший до особого приказа вообще прекратить вооруженную борьбу:

> «Категорически запрещаю вести борьбу против Советов. Распустить партизанские отряды, людей, подвергающихся наибольшей угрозе, отослать в центр страны. Вы остаетесь в подполье. Исполнение сообщить».

Приказ был продублирован на местах. Но далеко не все полевые командиры подчинились ему. Кровавое противостояние продолжалось. Его остроту и драматизм подтверждают, например, документы о действиях на территории Гродненской и Барановичской областей подразделений АК, которыми командовал поручик «Рагнер» (Чеслав Зайончковский).

Наднеманское соединение батальонов Армии Крайовой.

Командиру гарнизона оккупационных советских войск г. Лида.

Начальнику НКВД г. Лида.

Председателю горисполкома г. Лида.

В ответ на непрерывные аресты беззащитного гражданского населения и зверское убийство солдат Армии Крайовой ставлю вас в известность, что части Армии Крайовой противопоставят силу. (...) Если оккупационные советские власти будут в дальнейшем продолжать террор над беззащитным населением, части Армии Крайовой приступят к ответным действиям и каждый советский работник и солдат будет считаться бандитом.

Командир Наднеманских соединенных батальонов «Рагнер».

«Акт
1944 года декабря 3 дня

Мы, нижеподписавшиеся, начальник Лидского ГО НКГБ майор госбезопасности Батурин, заместитель начальника Лидского ГО НКГБ майор госбезопасности Лысков и старший следователь Лидского ГО НКГБ лейтенант госбезопасности Невзоров составили настоящий акт в нижеследующем:

сего числа во время чекистско-войсковой операции по ликвидации в районе хуторов Еремичи Лидского района Гродненской области штаба антисоветской польской повстанческой организации, именуемой Армией Крайовой, был убит руководитель одного из соединений «Юг» вышеименованной организации Заянчковский Чеслав, отчество не установлено, по кличке «Рагнер»....

При убитом «Рагнере» был обнаружен список лиц, казненных его бойцами. Вот фрагмент из этого списка.

«2) за варварское преследование польских граждан приговорен 20.09.1944 г. к расстрелу Миклуха Константин Лукашевич, 1927 года рождения /17 лет! – *Ред.*/, родился в России, гражданин СССР, проживающий в Огородниках Жолудокской волости. Приговор приведен в исполнение 25.10.1944 г.

3) за предательство солдата Армии Крайовой приговорен к расстрелу Столярчик Иосиф Антонович, белорус, православный, проживающий в Огородниках Жолудокской волости. Приговор приведен в исполнение 25.11.1944 г.

4) за то, что выдавал молодежь в руки НКВД приговорен к расстрелу Мацкевич Витольд Петрович, белорус, православный, проживающий в деревне Огородники Жолудокской волости. Приговор приведен в исполнение 25.11.44 г.

5) за преследование жителей – польских граждан и выдачу молодежи приговорен к расстрелу председатель сельсовета Тоболы, житель деревни Тоболы Лукашевич Алексей Борисович. Приговор приведен в исполнение 6.11.1944 г.».

В декабре 1944 года в результате ряда боевых операций, проведенных на протяжении нескольких месяцев, возглавлявшееся «Рагнером» соединение «Юг» было уничтожено. В ходе его ликвидации потери аковцев составили более 300 человек убитыми и 30 пленными, было захвачено много оружия, боеприпасов, документов.

Такая же участь постигла соединение «Восток», которое тоже входило в состав Новогрудского округа АК. Во главе его стоял польский офицер Гулецкий («Вятр») погибший в бою, в котором был разгромлен штаб соединения. В результате проведенных операций были убиты 43 и арестованы 57 аковцев, находившихся под командой «Вятра».

Варшавское восстание закончилось тяжелейшим поражением. 2 октября 1944 года был подписан акт о капитуляции. Сегодня нет сомнений в том, что оно явилось авантюрой лондонского правительства Польши. Итог известен: Варшаву залила кровь 200.000 погибших поляков.

В октябре 1944 года провалом закончились переговоры польского премьер-министра С. Миколайчика со Сталиным. Камнем преткновения стал вопрос о советско-польской границе. Но позиция СССР осталась неизменной, так же как и отношение к этой проблеме США и Англии. Еще в октябре 1939 года в Лондоне во время переговоров министра иностранных дел эмигрантского правительства А. Залесского с английским премьером Невиллом Чемберленом первому было ясно сказано, что Великобритания не поддержит польские требования о возвращении Советским Союзом Западной Украины и Западной Беларуси.

Уже тогда англичане категорично заявили, что будут настаивать на предложенной ими еще в 1919 году линии Керзона с небольшими коррективами в пользу Польши. А к концу 1944 года вопрос о восточной границе Польши был решен союзниками окончательно и бесповоротно, хотя до Потсдамской конференции, подведшей под него юридическую базу, оставалось еще более полугода. Соответственно, ничего не могли изменить письма протеста, например, письмо «жителей Виленщины и Новогрудчины» премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю от 31 ноября 1944 года.

19 января 1945 года Армия Краёва была официально распущена. Ее структуры использовались при создании новой организации – «Не» («Независимость»), но руководство последней вместе с генералом Л. Окулицким было вскоре арестовано, когда прибыло в Москву для переговоров.

Как уже сказано, многие полевые командиры не подчинились приказу о роспуске АК. Например, комендант Белостокского округа «Мечислав» в феврале 1945 года создал свою организацию – Гражданскую Армию Краёву (Обывательска Армия Краёва – ОАК). В апреле 1945 года к «Мечиславу» присоединил свои силы ротмистр З. Шендзеляж («Лупашко»), действовавший на Новогрудчине и Виленщине. Исключительно высокую активность на территории Белостокского воеводства проявлял НЗВ (Народовы звёнзек войсковы). Этот регион стал самой «горячей точкой» послевоенной Польши. В ноябре 1945 года на Белосточчине действовали 36 крупных отрядов численностью более 2000 человек.

Хотя Армия Краёва была официально распущена, однако большинство подпольных организаций и вооруженных групп связывали свою деятельность с ее названием. Что же касается террора, то полевые командиры по-прежнему считали его важнейшим средством борьбы против «Советов».

Спецслужбы Управления пограничных войск Белорусского округа с 1 января по 1 июля 1945 года выявили 17 «вооруженных банд АК», но смогли ликвидировать только 8 из них. Некоторые мелкие группы переходили границу с польской стороны и нападали на пограничников, совершали налеты на советские учреждения, грабили местных жителей.

В Белостокском воеводстве беларусы активно поддерживали новую власть. Соответственно, именно беларуские села больше всего пострадали от террора.

Так, 22 мая 1945 года отряд «Лупашко» сжег беларуский поселок Тополяны, расположенный недалеко от Белостока. Польский историк Т. Валихновский пишет:

«29 января и 2 февраля 1946 г. отряды НЗВ «Бурого» сожгли два беларуских села. После поджога построек бандиты стреляли по убегавшим жителям. Таким образом они убили или сожгли живьем 46 человек, среди них приблизительно 15 детей в возрасте до 10 лет. Несколько десятков человек были ранены и получили ожоги. Жители сожженных деревень потеряли все свое имущество. Без средств к существованию осталось 104 семьи – 459 человек».

Анализ мартиролога жертв АК и других организаций, возникших на ее основе, показывает, что только около 50 % из них – сотрудники госбезопасности и милиции, органов советской власти, партийные активисты. Остальные – рядовые крестьяне, не имевшие никакого отношения ни к политике, ни к перипетиям советско-польских отношений. Об этом говорят документы.

«Протокол допроса Станкевича Чеслава Антоновича
1 июня 1945 г.

Вопрос: Прежде чем показать о своем участии в Армии Крайовой, уточните, когда вы определились на военную службу?

Ответ: На протяжении 11 лет, с 1928 г., я служил в польской армии, из которой вышел подпоручиком. Кроме того, с 1942 г. по день ареста я состоял в Армии Крайовой, занимая в ней командные должности.

Вопрос: Когда и кем вы были вовлечены в Армию Крайову?

Ответ: В Армию Крайову я вступил добровольно в ноябре 1942 г. Узнав, что в местечке Гравжишки Виленского уезда формируется 8-я бригада Армии Крайовой, я обратился к ее организатору, капитану польской армии по кличке «Тур» и был зачислен в названную выше бригаду командиром взвода. В 8-й бригаде Армии Крайовой я состоял вплоть до занятия Красной Армией Литвы.

Вопрос: Однако, ваша связь с Армией Крайовой не прекращалась и после изгнания немцев из Литвы. Не так ли?

Ответ: Совершенно верно. Когда в июле 1944 г. советские военные власти предложили нам не вести борьбу против Красной Армии и разоружиться, я этому приказу не подчинился. Под моим влиянием 25 участников Армии Крайовой, подчиненных мне, также не сложили оружия, а решили перейти на нелегальное положение и ожидать дальнейших указаний главного командования Армии Крайовой. Эту группу я отвел в деревню Волкорабишки Виленского уезда и на время распустил ее по домам.

Вопрос: Что было дальше?

Ответ: В конце июля 1944 года бывший комендант бригады Армии Крайовой, майор по кличке «Крысь» (его фамилии я не знаю), вызвал меня в хутор Варсока Виленского уезда и отдал приказ – организовать и возглавить новый вооруженный отряд Армии Крайовой*.

На мой вопрос, чьими указаниями он руководствуется, возобновляя деятельность Армии Крайовой, майор «Крысь» ответил, что он связан со штабом Виленского округа Армии Крайовой и находящимся в эмиграции польским правительством и от них получил приказ – немедленно приступить к созданию подпольных вооруженных отрядов Армии Крайовой, которые будут вести вооруженную борьбу против Красной Армии с целью воссоздания Польши в границах 1939 года.

* Майор «Крысь – это Ян Борисевич, командир 2-го батальона 77-го пехотного полка АК. Погиб в бою 21 января 1945 г. – *Прим. ред.*

Получив мое согласие, майор «Крысь» заявил, что организованный мною отряд будет входить в возглавляемую им северную группу отрядов Армии Крайовой.

После этого мы условились, что в дальнейшем я буду действовать под кличкой «Комар». Здесь же «Крысь» передал в мое распоряжение 12 бывших участников АК, с которыми я ушел в хутор Пошулени Виленского уезда и там приступил к организации отряда.

Вопрос: Вы организовали вооруженный отряд?

Ответ: Да. В период с августа по декабрь 1944 г. я вовлек в отряд около 100 человек бывших участников Армии Крайовой, проживавших в волостях Ошмянской, Дивеньской, Малые Солешники и других Виленского уезда, и собрал хранившееся у них оружие: 15 пулеметов, 20 автоматов, 8 чешских полуавтоматов, 35 карабинов, 25 револьверов, а также большое количество боеприпасов.

Свой отряд я разбил на три плютона (взвода), руководство которыми поручил сержанту «Мысливый», старшему сержанту «Земство» и капралу «Рысь». Мой отряд в дальнейшем непосредственно подчинялся майору «Крысь».

Вопрос: 2 января 1945 года вам было предъявлено обвинение в том, что вы, будучи командиром вооруженного отряда Армии Крайовой, проводили в тылу Красной Армии подрывную работу. В этом вы признаете себя виновным?

Ответ: Признаю себя виновным в том, что я, вопреки указаниям советских военных властей о прекращении подпольной деятельности Армии Крайовой, организовал и вооружил отряд АК и, руководя этим отрядом, проводил подрывную работу в тылу Красной Армии.

Майор АК «Крысь»
(Ян Борисевич)

Вопрос: Какую подрывную работу вы проводили в тылу Красной Армии?

Ответ: Действуя со своим отрядом в тылу Красной Армии, я нападал на группы советских военнослужащих, истреблял их в открытом бою, забирая при этом их одежду и оружие. Кроме того, мой отряд совершал террористические акты против представителей советской власти на местах.

Вопрос: Эти действия вы производили самочинно, по собственной инициативе?

Ответ: Нет, это не так, мы – не бандиты. Мы действовали как вооруженная воинская часть и только по приказам штаба Виленского округа Армии Крайовой. Эти приказы обязывали нас, командиров отрядов, захватывать и расстреливать представителей советской власти на местах, а при встречах с мелкими подразделениями Красной Армии вести бои по их уничтожению.

Вопрос: Кто вам приказал совершать террористические акты против советских военнослужащих?

Ответ: Приказы о расстрелах представителей советской власти, бойцов и офицеров Красной Армии я получал в письменном виде от начальника северной группы отрядов Армии Крайовой майора «Крысь», который, в свою очередь, руководствовался указаниями штаба Виленского округа АК.

Другие получаемые от «Крыся» приказы штаба Виленского округа АК обязывали нас пополнять отряды новыми людьми и оружием, повседневно обучаться военному делу, уметь ориентироваться на местности и готовиться к массовым выступлениям против частей Красной Армии. Об этом также говорилось и в нелегально издава-

емой в Вильно газете «Неподлеглость», которую мне передавал майор «Крысь» для распространения среди участников отряда и местных жителей.

Вопрос: Переходите к показаниям о вашей практической подрывной работе, проводившейся в тылу Красной Армии.

Ответ: ...Вечером 15 августа 1944 г., когда мой отряд расположился в Рудницкой пуще, что в Виленском уезде, ко мне прискакал верховой посыльный от майора «Крысь», находившегося в то время на одном из хуторов Эйшишской волости, и передал приказ «Крыся» о немедленном расстреле председателя Мало-Солешникского сельсовета Василевского и его жены Василевской.

В приказе, заверенном польской гербовой печатью и подписанном майором «Крысь», говорилось, что Василевский с 1939 года состоит на советской службе и хорошо выполняет возложенные на него обязанности. Поэтому, приказывал «Крысь», Василевский и его жена подлежат расстрелу.

Вопрос: Вы выполнили этот приказ?

Ответ: Для совершения террористического акта против Василевских я дважды в Малые Солешники направлял вооруженные группы, в первом случае – из 10, а во втором случае – из 15 человек во главе с командиром плютона (взвода) по кличке «Мысливый». Однако, как они ни старались разыскать и убить Василевских, им это не удавалось. Приказ о расстреле Василевских пролежал у меня месяц, и не выполнить его я не мог, так как был строго предупрежден об этом майором «Крысь».

Вопрос: Как же вы поступили?

Ответ: 15 сентября 1944 года я вновь направил в село Малые Солешники вооруженную группу из 12 человек во главе с другим командиром плютона по кличке «Рысь». На этот раз «Рысь» и вверенные ему участники отряда застали дома председателя Мало-Солешниковского сельского совета Василевского, его жену Василевскую и их 17-летнюю дочь и всех их расстреляли из автоматов. Как доложил мне потом «Рысь», расстрел производили: он – «Рысь» и участники приданной ему группы по кличкам: «Качур», «Волк» и «Заяц». Расстреляли семью Василевских из четырех автоматов.

Вопрос: При каких обстоятельствах была убита 17-летняя дочь Василевских?

Ответ: Дочь Василевских пыталась своим телом защитить от пуль отца и встала впереди его, после чего «Рысем» была убита вместе с отцом одной автоматной очередью.

Сообщая мне подробности совершения этого террористического акта против Василевских, «Рысь» заявил, что председатель с первого раза убит не был и его пришлось добивать.

О выполнении приказа о расстреле семьи Василевских я незамедлительно донес рапортом начальнику северной группы отрядов Армии Крайовой, майору «Крысь», так как эти сведения он у меня требовал для отчета перед штабом Виленского округа АК...

Второй групповой террористический акт был совершен участниками моего отряда против председателя Больше-Солешниковского сельского совета Виленского уезда Новака и секретаря того же сельского совета Лойко.

Вопрос: По чьим указаниям, когда и где был осуществлен второй террористический акт?

Ответ: 9 ноября 1944 года майор «Крысь» прислал мне с нарочным в деревню Давтюны Эйшишской волости второй приказ о расстреле председателя Больше-Солешниковского сельского совета Новака и секретаря сельского совета Лойко. Этот приказ по своей формулировке ничем не отличался от предыдущего. В нем также гово-

рилось, что Новак и Лойко подлежат расстрелу за службу советской власти; во втором, как и в первом приказе, была проставлена польская гербовая печать и подпись майора «Крысь».

По получении нового приказа, я вызвал к себе командира того же взвода по кличке «Рысь» и поручил ему осуществить террористический акт против названных мною представителей советской власти. При этом я зачитал «Рысю» упомянутый выше приказ и предложил об исполнении доложить мне рапортом.

С целью осуществить убийство Новака и Лойко «Рысь» в течение нескольких дней ходил из деревни в деревню, однако встретиться с этими представителями советской власти ему не удавалось. Тогда, 23 ноября 1944 года, «Рысь», оставив одно отделение своего взвода на хуторе Стасивы, со вторым отделением отправился в деревню Заламанка – отбирать у населения продукты для отряда и, прибыв на место, установил, что в деревню Заламанка приехал по служебным делам председатель Больше-Солешнинского сельского совета Новак и секретарь сельсовета Лойко.

Вопрос: Что же предпринял «Рысь»?

Ответ: «Рысь» и его подчиненные схватили Новака и Лойко в одном из крестьянских домов и доставили в хутор Стасивы, где поместили их в темный, сырой погреб, предназначенный для хранения картофеля. В этом погребе Новак и Лойко содержались в течение 7 суток, а затем их вывели в лес и расстреляли, а тела бросили на произвол.

Вопрос: Какую роль преследовал «Рысь», заключив Новака и Лойко в погреб?

Ответ: В рапорте, представленном мне «Рысем», указывалось, что Новак и Лойко длительное время содержались в погребе в связи с тем, что он ожидал моего приезда на место казни.

Вопрос: Где находится рапорт, переданный вам «Рысем»?

Ответ: 26 ноября 1944 года я отдал рапорт командиру северной группы Армии Крайовой майору «Крысь» для пересылки рапорта в штаб Виленского округа АК.

Вопрос: Показывайте о других действиях вашего отряда.

Ответ: 14 февраля 1945 года в деревне Жлоубты Больше-Солешненской волости мой отряд соединился с другим отрядом Армии Крайовой, который насчитывал 40 человек и находился под командованием капрала польской армии Микуть по кличке «Ерема».

На другой день после соединения наших отрядов, т. е. 15 февраля 1945 года, в деревню Жлоубты ко мне и Микутю, как к командирам отрядов, явился местный поляк, сочувствующий Армии Крайовой и донес нам о появлении в соседней деревне Лесная семи бойцов советского истребительного батальона. Руководствуясь указаниями штаба Виленского округа АК, переданным мне через «Крыся», дающими нам право нападать, захватывать и истреблять мелкие группы красноармейцев, я и Микуть поставили перед своими отрядами задачу – ворваться в деревню Лесная, захватить там советских военнослужащих и уничтожить...

Должен добавить, что в то время, когда производился расстрел бойцов истребительного отряда, в хуторе Жлоубты в одном из погребов у нас содержался председатель Подваранского сельского совета Тургельской волости и еще один работник того же сельсовета (их фамилии не знаю). Эти советские люди накануне соединения наших отрядов были захвачены отрядом Микутя и переданы мне.

Вопрос: Что вы сделали с этими советскими гражданами?

Ответ: Вечером того же дня, 15 февраля 1945 года, по моему приказу оба они были расстреляны в лесу, прилегающем к хутору Жлоубты.

Так как мы спешили до наступления сумерек попасть в деревню Пилоканьцы Рудоминской волости Виленского уезда, то захваченных двух советских граждан расстреляли в пути следования, не учинив над ними предварительного допроса.

Об осуществлении этих террористических актов через посыльного по кличке «Цваня» я донес рапортом майору «Крысь», находившемуся в то время на хуторе Васиньча Дивеньского уезда.

Вопрос: Что вам сообщил «Крысь» по поводу вашего рапорта?

Ответ: Как я позднее узнал, о совершении нашими отрядами террористических актов «Крысь» также донес в штаб Виленского округа АК. Однако этим не ограничилась наша террористическая деятельность. (...)

25 февраля 1945 года в хуторе Калитаньцы Эйшишской волости Виленского уезда участники моего отряда из взвода, командир которого имел кличку «Земство», захватили и расстреляли за службу советской власти секретаря Калитаньского сельского совета Эйшишской волости (фамилию не знаю).

Группа бойцов АК идет на задание

Вопрос: По чьему приказу действовал командир взвода «Земство»?

Ответ: Приказ о расстреле секретаря Калитаньского сельского совета отдал я, но сам на месте казни не присутствовал, и сказать, как она происходила, не могу.

Вопрос: Вы также признали себя виновным в том, что, руководя отрядом Армии Крайовой, участвовали в боях против подразделений Красной Армии, в которых также убивали советских бойцов и офицеров.

Покажите, когда и где происходили бои с советскими воинскими частями?

Ответ: 6 января 1945 г. мой отряд столкнулся в Рудницкой пуще с советской воинской частью и завязал с ней бой, который длился 5 часов. Во время боя нами было убито около 60 советских бойцов и офицеров (точное число убитых мы не установили). Мы также понесли потери.

В другой раз в конце февраля 1945 года руководимый мною отряд АК вступил в перестрелку с советской воинской частью вблизи деревни Невоняньцы Эйшишской волости и истребил своим огнем восемь советских бойцов. Обо всех этих боях и количестве убитых нами советских бойцов и офицеров, как и о своих потерях, я рапортами докладывал начальнику северной группы Армии Крайовой капитану по кличке «Мазепа», который заменил убитого майора «Крысь».

Из протокола судебного заседания в г. Лида 4 ноября 1945 г.
Показания подсудимого Козловского.

«1 июня 1945 года с вечера пришел ко мне Тыркин, командир пляцувки, дал мне оружие и повел к себе домой, где находились Шешко, Бурак Станислав, Цидик Иван. После маленького совещания повел нас в деревню Дайнова к дому где жили две женщины-восточницы /т.е. из центральной или восточной части БССР/, сам он пошел в хату, а нас оставил на улице охранять. Через некоторое время Тыркин вывел этих

женщин, и мы повели их в лес, где он их расстрелял, а мы, 4 человека, стояли на охране...

В июле 1945 года мы сидели в засаде... на дороге между деревнями Банцевичи и Рыловцы, но не вооруженные. В это время шли две женщины, с ними мальчик и девочка, всех их Цидик задержал и оставил с нами, а сам пошел к Тыркину, который выдал Цидику винтовку и приказал расстрелять их. Цидик приказание Тыркина выполнил...

В июле 1945 года я, Бурак Станислав, Цидик, Шешко и Тыркин поехали ночью в деревню Дайнова, где Тыркин задержал мальчика лет 10 или 12, отвез в лес и убил.

В июле месяце 1945 года в деревне Бельские Тыркин также задержал на улице мальчика лет 13 или 15, которого отвез в лес и расстрелял, после этого мы отправились в деревню Кульбаки за самогоном. В деревне мы встретили женщину, которую также расстреляли. Она была восточница.

В июле 1945 года Тыркин выдал оружие мне и другим и поехали в деревню Карелы, где Тыркин взял хозяйку одного дома, отвез ее в лес и расстрелял. Это было ночью. После чего возвратился и все хозяйство ее забрал на подводу: убитую свинью, 7 овец, корову, лошадь»...

Показания подсудимого Шешко

«Весной 1944 года я вступил в пляцувку, которую возглавлял «Кудош»... Принял присягу и для конспирации мне дали кличку «Лис». С приходом частей Красной Армии я ушел в подполье... Однажды я встретил Тыркина, и он предложил вступить в его пляцувку. Я стал отказываться, но под угрозами дал согласие.

В июле 1945 года Тыркин выдал мне оружие и повел вместе с другими в деревню Заполье к дому Ишкаса, где Тыркин распределил между нами обязанности охраны, а сам зашел в дом Ишкаса. Перед рассветом Тыркин расстрелял всю семью, т.е. 6 человек, после чего Цидик взял в деревне 3 подводы, на которых мы поехали по деревне, а Тыркин поджег дом, где находились расстрелянные»...

Несмотря на жесткие репрессивные меры против аковцев, и успех первого оперативного удара по польскому подполью, в 1945–46 гг. были восстановлены штабы ряда обводов. На территории БССР действовали такие организации, как «Польске незалежны силы збройне», «Легион млодых», «Стрельцы», «Резервисты», «Млада Польска» и другие.

Многие вооруженные формирования были многочисленны, но объединяли отчаявшихся людей, политические цели которых отходили на второй план перед стремлением выжить или умереть. Постепенно единственным способом их существования стал примитивный бандитизм, густо окрашенный ненавистью к «Советам». Большинство этих групп и отрядов действовали на ограниченной территории, но при этом отличались высокой степенью стабильности. Они удачно использовали хуторскую систему расселения и крупные лесные массивы. Это крайне затрудняло проведение операций по их ликвидации.

В процессе ликвидации подполья брались за оружие многие подчиненные тому или иному законспирированному центру группы. Однако большинство зафиксированных «бандитских проявлений» относится к деятельности «диких» отрядов. Они испытывали трудности не только с вооружением, продовольствием, но и кадровый голод. Это побуждало их руководство прибегать к таким не-

надежным методам комплектования, как насильственная вербовка, которая часто становилась причиной провалов...

Убийства, грабежи, насилие продолжали оставаться обычной практикой «польских патриотов» на протяжении 1945, 1946, 1947, 1948 годов...

Из докладной записки в Главное управление НКВД СССР
по борьбе с бандитизмом:

«...24 августа 1945 года в селе Мостище Юратишского района заместитель председателя сельсовета Русакевич, следуя в сельсовет, в 300 метрах от своего дома был схвачен вооруженной бандой до 35 человек и расстрелян. В это время его жена – Русакевич Елена находилась на хуторе Якуньки в доме гражданина Боровик Терентия, где также была схвачена этой же бандой, выведена на улицу и расстреляна. Ей было нанесено 18 пулевых ран в область живота и груди. После убийства бандиты ограбили квартиру Русакевич, и подожгли дом, амбар и сарай. Убили двух овец и скрылись, забрав с собой лошадь, принадлежавшую Русакевич.

Эта же бандгруппа, узнав, что дочь Русакевич – Русакевич Зина 11 лет, находится в деревне Тахор Ростенского сельсовета Братишского района, в ночь на 26 августа ворвалась в дом, схватили девочку, вытащили на улицу и убили.

Из бандитов, принимавших участие в совершении террористического акта над семьей Русакевич, установлены:

Котовский Владимир
Заболотский Станислав
Вуйницкий Витольд
Казицкий Роман
Казицкий Владимир...

На установление места базирования и передвижения бандгруппы направлена маршрутная агентура. Для разработки плана и проведения операции по ликвидации банды от НКВД выехал капитан Фурсов»...

Бойцы одного из польских отрядов

Через несколько дней в Москву ушла докладная записка, подписанная наркомом госбезопасности БССР Л. Цанавой, в которой сообщалось о ликвидации террористической группы АК, зверски расправившейся с семьей Русакевич.

Из показаний членов АК на судебном процессе
27 апреля 1948 г. в г. Вилейка.

Зайко А.П.:

«В ночь с 15 на 16 мая 1945 года по приказанию Коляда Александра я в числе всех членов организации участвовал в ограблении сельпо, находившегося в местечке Делятичи, но, зная о том, что в помещении сельского совета проживают участковый уполномоченный и председатель сельсовета, было решено убить их и тем самым обеспечить себе успех в ограблении магазина. Когда мы подошли к зданию сельсовета, то Хруль Болеслав и Высоцкий Александр бросили через окно по одной гранате, но гранаты не разорвались, и после этого был проведен обстрел здания сельского совета ружейно-пулеметным огнем... После этого мы направились к магазину, который ограбили...».

Чапровский Казимир:

«Весной 1948 года мы поехали в деревню Козевичи с целью ограбить там продуктовый склад. Поехали туда на подводах, но на складе хлеба не оказалось, и мы стали собирать его у населения... В январе 1948 года мы в количестве 10 человек ходили в деревню Делятичское Загорье с целью достать продуктов. Заходили там ночью в сараи, из винтовок убили трех свиней. У кого конкретно из жителей забрали мы этих свиней, не помню. Заходили мы также в дома, просили для «польских партизан» хлеба, жители давали».

«В ночь с 22 на 23 сентября 1946 года бандой «Дуриса» уведены в лес:

Председатель Цверменского сельсовета Ковальчук Василий Федорович, 1890 года рождения, уроженец деревни Ямонты Лидского района, по национальности белорус.

Его жена Ковальчук Анна Андреевна в возрасте 50 лет, белоруска.

Беременная дочь – Свиридова Анна Васильевна, 1924 года рождения, белоруска.

Сын Ковальчук Виктор Васильевич, 1932 года рождения.

Второй сын – Ковальчук Иван Васильевич, 1932 года рождения.

6. Уполномоченный деревни Бриндзиняты Бей Станислав Станиславович, 1912 года рождения, поляк.

7. Уполномоченный деревни Плясковичи Стрибуть Болеслав Иванович, 1903 года рождения.

Принятыми мерами розыска в полукилометре от деревни Кадельбы в двух ямах обнаружены трупы уведенных, которые зверски задушены путем закручивания палкой проволоки на шее. На шее каждого трупа обнаружена проволока, закрученная палкой»...

«26 марта 1948 года на хуторе Домейки Лидского района в доме местного жителя Шишко Константина была обнаружена тербандгруппа Букатко в полном составе, которая по случаю праздника пасхи пьянствовала. На предложение сдаться бандиты из окон дома и чердака открыли ружейно-пулеметный огонь, в ответ на это войсковой группой также был открыт огонь по дому, где находились бандиты, и в окна дома брошены гранаты, от взрыва которых загорелся дом...

Букатко в тербандгруппу вступил в 1946 году, а в 1947 году после ликвидации руководителя банды «Дуриса» возглавил ее. За время существования указанной банды, Букатко и ее участниками в течение 1946 –1948 гг. совершено 20 террористических актов над советским активом и местным населением, в результате которых убито 4 председателя сельсовета, сожжено два сельсовета и ограблено два магазина сельпо».

Информация «Об убийстве бандой Цеславского и Каранцевича членов групп содействия Зельвенского РО МГБ братьев Якимовичей и Шпак»

«6 апреля 1947 года, примерно в два часа дня в имении Микелевщизна Зельвенского района Гродненской области появилась вооруженная бандгруппа Цеславского и Каранцевича в составе 16 человек.

Данная бандгруппа была вооружена автоматами, винтовками и гранатами и ручным пулеметом, которая вышла из леса, расположенного возле деревни Войневичи Зельвенского района и двигалась боевым порядком в имение Микелевщизна.

Впереди шли 10 вооруженных бандитов, за ними, на некотором расстоянии, три группы по два человека. Одеты были в разной смешанной военной форме и гражданской одежде, из числа бандитов двое в форме советских офицеров...

Во время подхода к имению Микелевщизна в начале бандиты окружили имеющиеся там три дома, а затем из них 7 человек направились к дому депутата деревни Шпак Эдварда Васильевича. Группа бандитов направилась к дому Якимовичей... Войдя в дом, неизвестные поздоровались, попросили воды, делали вид, будто они сотрудники МВД и члены группы содействия. Попив воды, затем бандиты набросились сразу на всех трех братьев Якимовичей – Александра, Сергея и Семена. Связали им руки, избили, порезали в нескольких местах каждому лицо, забрали висевшие на стене две винтовки, автомат, сняли с них костюмы, две пары хромовых сапог, одни ботинки. Кроме того, в квартире забрали все домашние носильные вещи, затем босых и раздетых вывели на улицу и увели в лес, где в 700–800 метрах от их дома расстреляли вместе с депутатом деревни Шпак».

Воинские части, силы милиции, госбезопасности, истребительные батальоны провели сотни операций, сопровождавшихся облавами, массовыми задержаниями, арестами, вооруженными столкновениями. Кроме лиц, захваченных с оружием в руках, арестовывались и связные, хозяева конспиративных квартир, местные жители, оказывавшие содействие АК.

В 1947–48 гг. на территории Волковысского, Зельвенского, Мостовского районов Гродненской области был ликвидирован вновь сформированный 9-й Волковысский обвод, арестованы возглавлявшие его Хведук и ксёндз Кременецкого костёла (Зельвенский район) А. Баньковский. Однако остатки подпольной сети сумел объединить некий Копач, схваченный в марте 1953 г. Всего по этому делу в 1947–53 гг. было арестовано свыше 190 человек.

Надо отметить, что за связь с подпольем были арестованы многие католические священники. Так, еще в 1944 году Управление МГБ по Молодечненской области арестовало 17 аковцев во главе с ксендзом Я. Ромейко. В феврале 1944 года в ряды АК вступил ксёндз В. Нурковский из местечка Заболоть Радуньского района Гродненской области. Он исполнял обязанности капеллана, принимая присягу на верность Лондону, а летом того же года выступил в качестве судьи 14 захваченных аковцами советских активистов. Всех их ксёндз приговорил к расстрелу.

Борьба с польским подпольем и его военизированными структурами в ряде мест затянулась на многие годы. Только в 1952 году был полностью уничтожен Гродненский обвод и входившие в его состав вооруженные группы, убиты комендант обвода «Морский», командиры «Фаля», «Семп», «Броварский», «Сенк» и др. За 4 года (с 1948 г.) в вооруженных столкновениях погибли или были арестованы 250 человек, включая участников подполья, связных этого обвода.

На Гродненщине в ходе ликвидации штаба объединенных 49-го и 76-го обводов и руководимых ими групп было убито 17 и арестовано 20 вооруженных участников, на протяжении 1947–49 гг. аресту подверглись 279 человек, обвиненных в терроре, грабежах и пособничестве бандитам.

В декабре 1948 – январе 1949 года усилиями внутренних войск была уничтожена банда Жемойтеля (убиты 3, арестованы 15 человек), промышлявших грабежами и убийствами на территории Гродненской и Молодечненской областей. Состояла она из бывших бойцов АК.

В вооруженных столкновениях с 8-й бригадой АК (командир «Тур»), насчитывавшей 150 человек и терроризировавшей население трех областей, были убиты 89 и захвачены 54 человека.

В Воложинском и Ивенецком районах с 1946 года активно действовала банда Радюка. В 1949 году Радюк погиб, и командиром стал Шидловский. В 1950 году банда объединилась с действовавшей в Радошковичском районе группой братьев Метлицких. При ликвидации этого формирования были изъяты пулеметы, автоматы, винтовки.

В Брестской области был уничтожен отряд под командованием бывшего офицера польской армии Рутковского. В боях с ним убиты 45 человек, арестованы 214 участников подполья, захвачено большое количество оружия и боеприпасов.

В Ивановском районе Пинской области была пресечена деятельность группы Варанца, насчитывавшей 64 человека.

По данным МГБ, только в 1948 году был окончательно ликвидирован Полесский округ АК, который возглавлял И. Миронюк («Мститель»). Организационные структуры округа имелись в Бресте, Кобрине, Жабинке, Каменце. После серии арестов к ответственности было привлечено свыше 100 человек.

Одной из самых активных была банда, включавшая аковцев из бывшего Браславского обвода. Она хозяйничала в Видзовском и Браславском районах Полоцкой области в 1947–51 гг. В результате действий органов МГБ были арестованы 14 и убиты 20 бандитов. В числе последних – возглавлявшие банду Стабулянец, Белусь и Вишневский.

В 1946–50 гг. в Молодечненской области была ликвидирована банда Спургяша – Юргеля. Ниже приводится документ, характеризующий ее деятельность:

Из протокола судебного заседания 25 января 1950 года в Вилейке

Подсудимый Усс Болеслав Юстинович:

«8 декабря 1948 года я в составе банды, руководимой Юргелем Болеславом, участвовал в ограблении магазина в деревне Уртишки Ивьевского района Молодечненской области, во время ограбления нами были убиты начальник отдела личного страхования жизни Малиновский, налоговый агент Дробышанского сельсовета Брагин, страховой инспектор Турбаев, председатель Дробышанского сельсовета Андрюшевский и другие граждане, всего 5 человек».

Из протокола допроса Буйко Петра Михайловича
16 мая 1950 года:

«В ночь с 23 на 24 июня 1946 года вместе с другими... подверг избиению жителя деревни Шашки Юратишского района Олешкевича Александра Степановича, а затем ограбили его, забрали у него корову, швейную машинку...

19 июля 1946 года вместе с Семак Владимиром совершил террористический акт над председателем Лаздунского сельсовета... Петровым, у которого затем забрали револьвер системы «наган» и полевую сумку с документами...

В ночь с 8 на 9 сентября 1947 года участвовал в вооруженном ограблении магазина Юратишского ОРСА леспромхоза в деревне Черневичи Юратишского района Молодечненской области, откуда было похищено товаров на сумму 10238 рублей...

Днем 30 сентября 1947 года вместе с другими... совершил террористический акт над председателем Субботниковского сельсовета Ивьевского района... Боровиковым Андреем Родионовичем»...

В общей сумме П.М. Буйко инкриминировалось 47 преступных деяний. Всего в 1947–49 гг. «юргелевцы» совершили 13 терактов, 19 нападений на учреждения и торговые точки. В результате ответных мер были убиты 13 и арестованы 17 бандитов. У них изъяли 32 ствола оружия, в том числе 3 ручных пулемета.

Структуры АК в Беларуси были окончательно ликвидированы в 1952 году, но террористические акции бывших аковцев отмечались и позже. Пример тому – дело Иосифа Гринцевича.

Из протокола допроса И.А. Гринцевича от 20 ноября 1953 года:

«Скрываясь от органов советской власти, летом 1950 года я убил агента уполномоченного по Третьяковскому сельсовету Лидского района Дягилева, имя и отчество которого мне не известно. Убил я его из-за того, что подозревал в связи с органами МВД, и что он пытался меня задержать.

Сцена расстрела

Летом 1953 года я убил участкового уполномоченного милиции Кириллова, который, встретив меня на шоссейной дороге между деревнями Сетковцы и Лотковцы, стал проверять у меня документы. Поскольку никаких документов у меня не было, и имея в виду, что Кириллов меня задержит, а потому во избежание задержания и ареста из имевшегося у меня пистолета «парабеллум» убил Кириллова. После убийства Кириллова я забрал у него пистолет «ТТ» и обойму с патронами...

В июне 1953 года я убил председателя укрупненного колхоза, название его не знаю, Шота Петра, за то, что подозревал его в связи с органами МВД. Убил я Шота Петра в лесу...

В августе 1953 года я убил капитана Советской Армии и трех солдат, находившихся вместе с ним, которые встретили меня на шоссейной дороге недалеко от деревни Бердовка Лидского района, потребовали у меня документы... Я выхватил имевшийся у меня пистолет «ТТ» и стал в них стрелять. Убив капитана и трех солдат, я забрал у них автомат».

В «Справке по состоянию агентурно-оперативной работы в органах МВД БССР по борьбе с польскими и украинскими националистами, бандитизмом и нелегалами» от 3 июня 1953 года приведены следующие данные.

С 1944 по 1 апреля 1953 года силами МГБ-МВД БССР было арестовано 5403 польских националиста, 1282 украинских националиста, 6913 бандитов, 4509

бандопособников, убито свыше 3000 бандитов. С февраля 1947 по 1 мая 1953 года ликвидировано 59 националистических организаций и групп, 170 бандитских групп, изъято 2147 стволов оружия (в том числе 80 пулеметов, 369 автоматов, 905 винтовок, 765 пистолетов и револьверов).

Заключение

Польское подполье в Беларуси агонизировало около десяти лет. Эта агония сопровождалась многочисленными убийствами и грабежами. Противостояние Советского Союза и реликтов довоенной Польши носило исключительно упорный характер, временами превращаясь в настоящую гражданскую войну регионального масштаба.

Человек, размышляющий о деятельности польского националистического подполья и вооруженных формирований в Беларуси (которые традиционно именуются Армией Краёвой), неизбежно сталкивается с вопросами, на которые существует однозначный ответ – «да».

Сражалась ли АК с немцами? – Да.

Сражалась ли АК с советскими войсками? – Да.

Повинна ли АК в гибели тысяч мирных граждан Беларуси? – Да.

Деятельность Армии Краёвой в Западной Беларуси была, по сути, борьбой довоенной Польши за земли, которые в течение 18 лет находились в составе польского государства. Но никто никогда не спрашивал жителей Западной Беларуси о том, в каком государстве они хотят жить. Поэтому этот край долгие годы оставался источником потенциального конфликта.

Точно так же, как Версальский мир 1919 года во многом обусловил трагедию немцев и многих других народов Европы, Рижский трактат 1921 года предопределил драматическую судьбу не только беларуского населения края, но и поляков. Последним слишком тяжело было отказаться от прежнего типа мышления, которое побуждало польское правительство вынашивать планы войны против СССР, участвовать в разделе Чехословакии (в 1938 г.), акции не менее безнравственной, чем сталинско-гитлеровский дележ Центральной Европы.

Польское эмигрантское правительство не хотело смириться с потерей «крэсов всходних». Но его политика была в принципе нереалистичной. Претензии «лондонской» Польши были несоразмерны с ее политическими, экономическими и военными возможностями, со степенью ее реального влияния в Западной Беларуси. Это стало решающим, хотя отнюдь не единственным фактором, предопределившим исключительно острые и кровавые формы противостояния в регионе, где более десяти лет не прекращалась война.

Максим Петров

Беларуские «лесные братья»

Беларуское антикоммунистическое вооруженное сопротивление по своим масштабам весьма значительно уступало польским и украинским аналогам на территории БССР. Это объясняется во-первых, разгромом беларуского национального движения в 1930-е годы в БССР и Западной Беларуси; во-вторых, низким уровнем национального сознания основной массы населения. Тем не менее, оно существовало.

Современные исследователи связывают его с опытом вооруженной борьбы против советских партизан, который беларуские националисты получили в период немецкой оккупации, и с деятельностью националистических организаций. Последние успешно использовали временный идеологический вакуум, связанный с ослаблением влияния коммунистов, а также с репрессивной антинациональной политикой советской власти:

> «Старший брат» и местные коллаборационисты /имеются в виду коммунисты, гнувшиеся перед Москвой – *Прим. ред.*/ всегда старались принизить наш народ... Беларусам было доверено войти в коммунизм, поэтому в их памяти не должно было остаться ничего национального»*.

Красная Армия принесла в 1944 годуне только освобождение от нацистов, но и прежнюю советскую диктатуру, которая стремилась к полному уничтожению всего национального:

> «Первый послевоенный год стал годом тяжелой безнадежности... В русскоязычных школах беларуские "оккупационные" дети учили еще один иностранный язык /русский – Прим. ред./и читали только что написанную "Молодую Гвардию" Фадеева». (Клыкоўская Ц. Жыццё – за імгненьні...)

Поэтому с лета 1944 года главным врагом всех местных националистов стала советская власть. Однако единым фронтом они не выступали, за исключением отдельных редких случаев сотрудничества на местах. В послевоенной Беларуси столкнулись несколько политических и национальных групп, каждая из которых преследовала свои цели. До начала 50-х гг. они вели кровавую борьбу за земли, которые считали своими. Самыми многочисленными и организованными отрядами на территории БССР располагала польская Армия Краёва (Armia Krajowa – АК), подчинявшаяся эмигрантскому правительству в Лондоне. По подсчетам польских исследователей, летом 1944 года на территории БССР отряды Полесского, Новогрудского и Виленского округов АК насчитывали до 20 тысяч бойцов, еще около 40 тысяч действовали в конспиративной сети.

На Полесье наиболее заметными были отряды Украинской повстанческой армии (УПА) Организации украинских националистов (ОУН). Еще в августе 1941 года один из ее деятелей – Тарас Боровец («Бульба»; 1908–1981), собрав на Полесье до 10 тысяч бойцов, захватил город Олевск, который провозгласил

---

* Клыкоўская Ц. Жыццё – за імгненьні: да 50-годдзя Саюза вызваления Беларусі // Беларуская маладзёжная. 1996, № 2.

центром Олевской республики, или, как ее еще называли, Полесской сечи. Эта «микрореспублика» была очерчена треугольником Слуцк – Гомель – Житомир и существовала до прихода сюда немцев в ноябре 1941 г. А в 1942 году началось формирование Украинской повстанческой армии.

В северо-западных районах БССР сражались бойцы освободительной армии Летувы (Lietuvos laisves armija). Они развернули террор против «красных» сразу после оккупации Прибалтики советскими войсками еще в 1940 году, находясь на нелегальном положении.

Когда говорят о «лесных братьях», обычно имеют в виду летувисов или украинцев. О повстанцах Летувы и бойцах УПА слышал практически каждый. О послевоенном антисоветском сопротивлении в Беларуси широкой общественности неизвестно практически ничего: о нем молчали в советское время, молчат и сейчас.

«Беларуский центр»

Между тем, еще в 1942 году была создана Беларуская партия независимости (Беларуская незалежніцкая партыя – БНП). История ее возникновения такова.

Осенью 1941 года развеялись надежды деятелей Беларуского национального центра (БНЦ), созданного 19 июня во главе с Николаем Щорсом, на отношение немцев к ним как к серьезным партнерам. Однако они получили ряд руководящих постов в оккупационной администрации и вспомогательной полиции, а также довольно широкое поле деятельности в сфере формирования национального сознания беларусов – при условии, что его неотъемлемым элементом будет антикоммунизм.

В новых условиях ксёндз-беларус Винцент Годлевский (1888–1942) выступил с инициативой создания партии, которая бы объединила деятелей молодого поколения беларуских националистов. В своих воспоминаниях Дмитрий Космович (Зміцер Касмовіч) писал:

Всеволод Родько

«21 августа 1942 года в Минске, в квартире Винцента Годлевского, собрались на тайное совещание я, Михаил Витушко, Всеволод Родько и Юлиан Сакович, чтобы обсудить политическую ситуацию в Беларуси, выработать план и тактику борьбы за независимое и свободное беларуское государство. На совещании было постановлено:

а) Создать тайную антикоммунистическую и антифашистскую организацию – Беларускую Незалежницкую Партию (БНП), которая бы сплотила в своих рядах наиболее преданных беларусов-патриотов. Их задача – организовать беларуские воинские единицы с целью объединить их в единую Беларускую Освободительную Армию, которая должна сражаться за воссоздание Беларуской Народной Республики и защищать ее границы;

б) Выдавливать поляков и русских с административных должностей и полиции Генерального округа Беларусь и заменять их беларусами. Тем самым не до-

пускать польских и большевистских провокаций относительно беларуского населения;

в) установить контакт с дружественными народами, угнетенными Москвой и со свободным миром;

г) стремиться создать тайное правительство Беларуской Народной Республики.

...Затем были обсуждены основные пункты программы БНП. Организаторы БНП хорошо понимали, что никто из иноземцев не даст беларускому народу свободу, ее надо добывать самостоятельно. Итак, Всеволоду Родько было поручено разработать программу партии и совместно с Юлианом Саковичем подобрать в Западной Беларуси надежный и сильный беларуский актив БНП, для организации на этой территории беларуских военных отрядов. Организацию сети БНП во фронтовой зоне Беларуси и организацию беларуских военных отрядов на среднем отрезке Восточного Фронта взяли на себя я и Михаил Витушко».

Справка: Дмитрий Космович (1909–1991) окончил беларускую гимназию в Радошковичах (1927). В 1929–39 учился (с перерывом в 1931–34) в ВУЗах Бельгии и Югославии, где организовал кружки студентов-беларусов. В 1931–34 служил в Войске Польском. В октябре — ноябре 1939, после вторжения войск Красной Армии, был депутатом Народного Схода Западной Беларуси, делегатом 5-й сессии Верховного Совета СССР и 3-й сессии Верховного Совета БССР. Накануне войны учился в Беларуском политехническом институте.

С началом немецкой оккупации сотрудничал с германскими властями. В 1942–43 был начальником полиции в Минске, затем в Могилеве, позже организовал на Смоленщине отряды Беларуского корпуса самообороны. С 1944 жил в Германии.

В 1954 основал и в течение 37 лет (до своей смерти) возглавлял Беларуский освободительный фронт, был также председателем беларуского сектора Европейского совета свободы, членом Всемирной антикоммунистической лиги.

Дмитрий Космович (фото 1944 г.)

Программа партии гласила, что Третий Рейх и Советский Союз в равной мере являются врагами беларусов, но сражаться с ними одновременно невозможно. Поэтому из тактических соображений следует временно сотрудничать с немцами. Надо войти в созданные ими организации и военно-полицейские формирования, чтобы заложить основы для строительства беларуского аппарата власти и вооруженных сил. Это позволит в конце войны создать, опираясь на легальные и подпольные организации, независимую Беларусь:

«Территорией деятельности партии является Беларусь и все другие страны, где живут беларусы. Целью БНП является ликвидация системы коммунистической диктатуры в Беларуси, достижение и обеспечение в будущем полной независимости Беларуси».

В условиях немецкой оккупации открыто выступить с такой программой означало подписать себе смертный приговор: независимая Беларусь не была нужна никому. Поэтому БНП действовала в условиях глубокой конспирации. Ее члены, занимавшие посты в немецких административных и военных структурах, ве-

ли работу по созданию беларуского вооруженного подполья. После возвращения советской власти они стали командирами и участниками беларуских партизанско-повстанческих отрядов.

Батальон «Дальвиц»

В конце июля 1944 года в Восточной Пруссии на основе соглашения между Абвером-СД и руководством Беларуской Центральной Рады был сформирован разведывательно-диверсионный батальон «Дальвиц» (по названию городка, где дислоцировался батальон)*. Его укомплектовали бывшими солдатами Беларуской Краевой Обороны и членами СБМ, поначалу в нем состояло около 200 человек (большинство их было членами БНП).

Иван Гелда

Батальоном командовали майор Иван Гелда и капитан Всеволод Родько. Гелда отвечал за военную подготовку солдат, Родько — за политическую подготовку. Здесь же находился и Михаил Витушко, имевший чин майора БКО.

Начальником учебных курсов был майор Герулис. Солдаты изучали саперное и подрывное дело, приемы радиосвязи. Д. Космович позже вспоминал:

«Цель руководителя БНП Всеволода Родько, согласно с планом ЦК БНП, была в том, чтоб дать возможность бойцам батальона /.../ пройти подготовку на курсах радистов, получить радиоаппаратуру и необходимое оружие, чтобы тайно вернуться в Беларусь, соединиться с военными отрядами БНП в лесах Беларуси и далее, совместно с членами БНП на Западе, вести борьбу против коммунистической сталинской оккупации Беларуси, за свободу и независимость беларуского государства.

После успешного обучения радистов /.../ к концу 1944 года были посланы из батальона «Дальвиц» на Беларусь несколько разведывательно-связных групп, с соответствующим военным и радиотехническим снаряжением. Вместе с этими группами вылетел на Беларусь заместитель Инспектора Беларуской Краевой Обороны майор Михаил Витушко.

ЦК БНП доверил Витушке /.../ командование всеми антикоммунистическими патриотическими партизанами Беларуси, чтобы далее вести освободительную борьбу против московско-коммунистических оккупантов».

Сам батальон в связи с приближением Красной Армии перевели в район Быдгоща, а позже под Берлин, где он вырос до 700 человек. Но далеко не все солдаты «Дальвица» попали в Беларусь. Одни сдались союзникам, другие решили не возвращаться в родные места.

Летом 1945 года Всеволода Родько арестовали в Белостокской области сотрудники военной контрразведки СМЕРШ. Под жестокими пытками он выдал ряд членов БНП. На основе его показаний были арестованы Янка Гинько, Иван Гелда, братья Леонид и Юрий Луцкевичи, Всеволод Король.

---

* В феврале 1944 года Гитлер подчинил военную разведку (Abwehr) Службе безопасности Третьего рейха (SD).

Родько и Гелду советский трибунал приговорил к смертной казни. Братья Луцкевичи, Гинько и Король «за измену Родине и сотрудничество с врагом во время войны» получили по 25 лет лагерей. Часть членов БНП попала в ловушки, расставленные органами НКВД, и тоже была арестована.

Деятельность оставшихся на свободе членов БНП продолжилась в нескольких партизанских отрядах. Кроме них, в отряды входили бывшие солдаты Беларуской Краевой Обороны, Беларуского Корпуса Самоохраны, полицейские.

«Чёрный кот»

Весной 1944 года, предвидя свое отступление с оккупированной территории СССР, командование Вермахта одобрило план «Цеппелин». Его разработал командующий Иностранными войсками Востока /«восточными добровольцами»/ генерал-лейтенант Рейнхард Гелен (R. Gehlen; 1902–1979).

План реализовали штурмбанфюрер /майор/ СС Эрих Хенельхаупт (E. Henelhaupt) и оберштурмбанфюрер /подполковник/ СС Отто Скорцени (O. Skorzeny; 1908– 1976). Они подчинялись начальнику СД и Абвера бригаденфюреру /генерал-майору/ СС Вальтеру Шелленбергу.

Парни из СБМ — источник кадров для батальона «Дальвиц» и «Черного кота»

Одним из элементов плана «Цеппелин» явилось создание летом 1944 года подразделения Ядфгербанде-Ост (Jadvgerbande-Ost), командиром которого стал Скорцени. Историк Бьёрн Фелберг пишет:

> «В приказе, датированном октябрем 1944 г. /.../, цели Ядфгербанде описывались следующим образом: во-первых, проведение специальных операций во вражеском тылу; во-вторых, развертывание, инициирование антисоветского движения сопротивления на Востоке или помощь ему. Одним из примеров деятельности Ядфгербанде была помощь УПА, которую обеспечивали оружием, инструкторами и даже бойцами».

По мнению беларуских исследователей С. Ерша и С. Горбика, операция по развертыванию антисоветского движения сопротивления имела кодовое название «Милая кошечка» (Liebchen Katzen) и охватывала территорию от Балтийского до Черного моря.

Инспирированные СД-Абвером антикоммунистические диверсионно-конспиративные сети создавались в национальном ключе и получали собственные кодовые обозначения. Но во всех употреблялось слово «кот» (katze). Так, в Латвии операция получила обозначение «Дикий кот» (Wildkatze), в Беларуси — «Черный кот» (Schwarzkatze).

Планировалось, что солдаты батальона «Дальвиц», подготовленные для операции «Чёрный кот», будут десантироваться на территорию БССР. Там, опираясь на беларуских деятелей, не ушедших с немцами, они будут создавать антикоммунистическое подполье. Между тем, по советским данным, после того, как фронт переместился далеко на запад, на территории БССР находилось не менее 35 тысяч человек, ранее служивших в пронемецких формированиях, занятых в оккупационной администрации или участвовавших в беларуских национальных организациях*.

Первая группа парашютистов из «Дальвица» (4 человека) десантировалась в сентябре 1944 г. в окрестностях местечка Дятлово недалеко от Баранович. Их задачей была разведка и установление контакта с членами БНП. Но вскоре после высадки всех четверых арестовали сотрудники органов НКВД.

17 ноября 1944 в районе Ивенца высадилась большая группа (28–30 человек) во главе с М. Витушко. Эти люди имели оружие, радиостанцию и походную типографию. Планировалось, что отряд создаст партизанскую базу в Налибокской пуще и начнет развертывать сеть партизанских отрядов и подпольных групп.

В декабре 1944 г. немцы сбросили еще одну группу (4 человека) из состава батальона «Дальвиц».

О дальнейших событиях повествуют две версии. Согласно первой (наиболее правдоподобной), Витушко в конце декабря 1944 года с частью своих людей присоединился к отряду АК Чеслава Станкевича «Комара» (Витушко хорошо знал польский язык и нередко выдавал себя за поляка). В рядах этого отряда Витушко погиб 7 января 1945 г. в бою с отрядом НКВД в районе Рудников. Отряд Станкевича потерял тогда 31 человека из 200, чекисты – около 50. А сподвижников Витушко постепенно перестреляли или переловили сотрудники НКВД.

По другой версии, в этом бою погиб однофамилец – не Михаил, а Николай Витушко, бывший майор РККА, заброшенный немцами 17 ноября. А Михаил десантировался в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1944 г.

Михаил Витушко
(фото 1944 г.)

Некоторые беларуские авторы (в основном из числа эмигрантов) утверждают, будто бы он создал обширную сеть подпольных ячеек и партизанских отрядов, действовавшую до 1950 года, общей численностью около 3,5 тысяч боевиков и 10–15 тысяч подпольщиков. А всю территорию БССР штаб Витушко разделил на три оперативные зоны – Север, Центр и Юг. Эта сеть, получившая название «Беларуский Освободительный фронт» (БОФ), якобы действовала до 1955 года.

Справка: Михаил Витушко родился в 1907 в Несвиже, окончил беларускую гимназию в Вильне. Затем учился в политехнических институтах Праги и Варшавы, был членом Объединения беларуских студенческих организаций. Пос-

* Валаханович И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Минск, 2002, с. 21–22.

ле 17 сентября 1939 исполнял обязанности начальника милиции в Несвиже, затем арестован НКВД, но вскоре отпущен. Летом 1941 организовал Полесскую беларускую самооборону, которая во взаимодействии с украинской Сечью Т. Боровца вела партизанские действия против отступавших советских войск.

В 1942 с разрешения немцев создал Беларускую самооборону, успешно действовавшую против советских партизан в Смоленской, Брянской и Могилевской областях. Одновременно был одним из руководителей БНП. Вероятнее всего, погиб 7 января 1945.

Беларуские эмигрантские издания сообщали, что в марте 1948 года отряды БОФ якобы взяли штурмом Новогрудок, перебили всех сотрудников МГБ, солдат местного гарнизона и работников администрации, освободили заключенных, захватили много оружия. Осенью 1948 года отряды «Черного кота» совместно с УПА захватили Кобрин, в марте 1949 – Гайновку. В сентябре 1949 года несколько сотен бойцов БОФ напали на концлагерь около Минска, чтобы освободить заключенных. И так далее, и тому подобное. Сам Витушко в 1950 году будто бы пробрался нелегально через Польшу в ФРГ, где жил до своей смерти, наступившей в 2006 году, на 99-м году жизни!

Однако кроме сообщений в эмигрантских газетах, других подтверждений всем этим событиям нет. И хотя КГБ Республики Беларусь не пускает в свои архивы независимых историков, все же такие сообщения представляются вымыслом.

Согласно опубликованным документам наркомата госбезопасности (НКГБ) БССР, в 1945 году было «установлено, что подпольные группы БНП были созданы во всех областных и районных центрах БССР». В 1944–45 гг. НКВД и НКГБ удалось разгромить несколько партизанских отрядов БНП и взять в плен ее руководителя Всеволода Родько, которого в 1946 году приговорили к смертной казни и расстреляли.

Легенду о Беларуском Освободительном Фронте и его командующем – «генерале Михаиле Витушко» подвергли убедительной критике беларуские историки Игорь Морзолюк и Яков Новгородцев, а также польский историк Рафал Внук.

Но, как следует из вышеизложенного, в период 1944–48 гг. (в отдельных случаях и позже) партизанские отряды беларуских националистов действительно существовали. Они вели на территории БССР вооруженную борьбу с представителями советской власти, сотрудниками милиции и органов госбезопасности, военнослужащими.

«Живем весело, но банды еще водятся»

О том, насколько неуютно чувствовали себя в 1944–46 гг. в Беларуси солдаты воинских гарнизонов и представители власти, красноречиво говорят документы того времени.

Вот фрагмент докладной записки военного коменданта Вилейки от 20 января 1945 г. Части 6-й дивизии внутренних войск НКВД, охранявшие город, убыли на длительную операцию и Вилейка осталась без вооруженной охраны.

«Такое отношение управления дивизии, обеспечивающей прикрытие области, оставившей центр области без охраны, при наличии активизации бандгрупп, опери-

рующих в непосредственной близости от г. Вилейка и доходящих до открытых вооруженных нападений на населенные пункты является крайне ненормальным, безответственным, не учитывающим специфические особенности обстановки в области, явлением. А потому ходатайствую о размещении в г. Вилейке постоянного гарнизона численностью до батальона».

Как видим, коменданту было мало того, что все милиционеры и партийные «товарищи» имели при себе оружие.

А вот отрывки из писем солдат своим родственникам, датированные июлем 1945 года.

«У нас сейчас очень опасно ходить, появилась очень большая банда. За день убивают четыре-пять офицеров /.../ Даже бывают такие дни, что откуда неизвестно, бьют из орудий, повреждают железную дорогу»...

«У нас ходят банды, как только выйдет кто из расположения части, так и слышишь, что убит или пропал без вести. В нашей роте убили одного ефрейтора, а то слышишь – нет старшины, нет офицера, сержанта»...

«Несмотря на то, что кончилась война, молодежь гибнет сильно, так как Белоруссия была под оккупацией немцев, там было много полицейских, а сейчас образовались целые банды. Нас ходило 170 человек, а вернулось 90 человек, остальные погибли. Жизнь моя сейчас опасная»...

«Живется мне хорошо и весело, только одно плохо, что появляются банды мелкими группами. У нас уже порезали шесть человек, пять курсантов и одного сержанта»...

«Живем весело, но банды еще водятся, часто бывают случаи убийств»...

«У нас несколько серьезных новостей: в прошлую ночь поймали два шпиона, а третий удрал. Эти шпионы убили часового на посту. Потом в соседнем полку уничтожили ефрейтора, забрали одного сержанта и старшину. Эти бойцы были в отдаленности от расположения части, и все эти случаи произошли за одну ночь».

(Цитаты приведены с сохранением орфографии и пунктуации подлинников. – *Ред.*).

Вооруженное противостояние между советской властью и «лесными братьями» продолжалось до начала 1950-х гг. Последние организованные отряды Армии Краёвой в Западной Беларуси ликвидировали в 1948 году. В конце 1949 года прекратила организованное сопротивление УПА. В 1952 году издал приказ о прекращении партизанской войны Раманаускас, командир повстанцев Летувы. Приказывать беларуским повстанцам было некому, но к 1950 году их вооруженная борьба угасла сама собой, хотя отдельные мелкие группы скрывались еще целое десятилетие.

Зачистка партизан

В отчете о работе ЦК КП(б)Б с июля 1944 по июнь 1946 года было отмечено:

«Бандитские формирования в первый год после изгнания немцев представляли собой крупные, хорошо вооруженные и экипированные воинские единицы, находившиеся под командой опытных конспираторов и офицеров, объединявшиеся и координировавшиеся эмиссарами заграничных центров».

Поэтому советские власти регулярно проводили в БССР крупномасштабные антипартизанские операции, привлекая для этого огромные силы. В одной только небольшой Вилейской области по деревням и поселкам размещалось около

4,5 тыс. солдат 6-й стрелковой дивизии НКВД. А кроме них была еще милиция, отряды так называемых «истребителей» («ястребков»), спецотряды НКГБ, наконец, обычные армейские части, тоже привлекавшиеся для борьбы с партизанами.

Все эти «истребители» в погонах и без таковых не сидели сложа руки. В том же отчете сказано:

«За два года (июнь 1944 – июнь 1946) убито 3035 и арестовано 17.872 бандитов и участников подпольных антисоветских организаций. Разоблачено и арестовано активных пособников банд, подпольных организаций и ставленников немцев 27.950 человек. Разоблачено и арестовано 5620 агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных органов. Всего было ликвидировано 814 подпольных террористических организаций и вооруженных банд, из них: 667 польских, 97 белорусских (12 % от общего числа – *Авт.*), 23 украинских и 27 других фашистско-националистических организаций и банд.

В ходе ликвидации банд и подпольных организаций за два года изъято 211 минометов, 193 противотанковых ружья, 3587 пулеметов, 68.377 автоматов и винтовок, 2979 пистолетов, 36.078 гранат и мин, 5 тонн тола, около 4 млн. патронов, 40 множительных аппаратов, 47 раций, поддерживающих двустороннюю связь с заграничными руководящими центрами».

Столь впечатляющих результатов (уничтожить или обезвредить 54.477 активных противников) удалось достичь – по меркам большевиков – недорогой ценой:

«Общее число убитых с нашей стороны – 924 человека: 242 партийных работников и сельских советских активистов, 320 «ястребков» и агентов госбезопасности, 362 солдата и офицера МВД и МГБ».

То есть, соотношение потерь 59 : 1 (54.477 : 924).

Когда в январе 1947 года партизаны Западной Беларуси сорвали проведение выборов в Верховный Совет БССР, в Минске состоялось секретное заседание ЦК КП(б)Б, которое поручило министрам МГБ (Цанаве) и МВД (Бельченко) «решительным образом усилить мероприятия» по борьбе с антисоветским подпольем и партизанским движением. В декабре того же года Лаврентий Цанава доложил в ЦК о результатах:

Советский военный патруль (весна 1945 г.)

«Выявлены и ликвидированы 15 белорусских, польских, украинских националистических организаций в Барановичской, Молодечненской, Брестской, Гродненской и других областях, созданных зарубежными националистическими центрами по указанию иностранных разведывательных органов. Полностью ликвидированы 36 ак-

тивно действующих банд, созданных и руководимых этим подпольем, а также нанесен серьезный разгром остальным 41 банде».

Как уже сказано, большинство этих отрядов («банд») и организаций были польскими и украинскими. Но около 12 % (6 или 7) – беларускими.

«После убийства скрылся с винтовкой»

Послевоенная история беларуского антисоветского сопротивления слабо изучена главным образом из-за мании секретности, присущей отечественным «силовикам». Если документы КГБ и МВД Украины и Летувы с момента распада СССР доступны для историков, то в Беларуси с ними можно было знакомиться только в период 1992–95 гг. С тех пор они снова закрыты для исследователей. Поэтому о беларуском сопротивлении известно мало достоверного.

Более или менее организованное сопротивление оформилось в 1944–45 гг. К тому времени на нелегальном положении в Беларуси находились десятки, а возможно, и сотни тысяч людей самых разных социальных групп и убеждений.

Понятное дело, в лес бежали прежде всего те люди, кто сотрудничал с немцами, но не успел или не захотел уйти на Запад, – бывшие полицейские, сотрудники немецкой администрации, участники антисоветских вооруженных формирований. Но не только они.

По логике советских властей, в период с июля 1941 по июль 1944 года беларусы не имели права не только работать или учиться, но и вообще существовать на оккупированной территории. Не ушел на Восток – значит, антисоветчик; учился в школе – немецкий прихвостень; работал на своей земле – кулак. Меч репрессий висел над каждым, кто пережил оккупацию.

Сколько было таких людей? На этот вопрос еще нет ответа. Имеются лишь разрозненные сведения. Так, до амнистии осени 1945 года одних только дезертиров из Красной Армии и уклонистов от призыва скрывалось в БССР около 170 тысяч человек. В архивных документах можно найти множество трагических фактов, связанных с мобилизацией в Красную Армию. Вот один из них:

> «15 июля с.г. /1944/ при сопровождении 159 мобилизованных из местечка Солы в г. Вилейка мобилизованные начали разбегаться в лес. В результате применения оружия сопровождающими убито 18 и ранено 20 человек. В г. Вилейка доставлено только 3 человека».

Поскольку беларусов могли в те времена принудительно отправить в любой уголок СССР, где требовались рабочие руки, ряды лесных жителей пополнялись и за счет людей, уклонявшихся от трудовой мобилизации. В лесу скрывались даже подростки, бежавшие из школ фабрично-заводского обучения, куда тоже отправляли насильно; бегство из таких школ считалось уголовным преступлением. Лес давал приют всем.

Вот типичный пример ухода в лес человека, доведенного до отчаяния. В октябре 1945 года управление НКГБ БССР по Минской области сообщило, что в колхозе «Чырвоная Каліна» совершен теракт – убит председатель колхоза Николай Лукашевич. Выехав на место, оперативники установили следующее:

«8 октября поименованный Лукашевич, будучи пьяным, подговорил своего товарища Лукашевича Владимира пойти в поселок № 10 для производства обыска у гражданки Стрелец Елены на предмет обнаружения и изъятия колхозной ржи, которую она якобы похитила».

Оба Лукашевича и с ними двое подростков «пришли в дом гр. Стрелец примерно в 9-м часу вечера и начали вчетвером производить обыск». Но о колхозной ржи они забыли, едва переступили порог:

«Лукашевич тут же начал избивать десятилетнего сына Стрелец, требуя от него, чтобы он сказал, где хромовые сапоги».

Елена Стрелец выбежала из дома и бросилась к своему брату — колхозному сторожу Герасиму Мельнику, охранявшему с немецкой винтовкой колхозный амбар. Выслушав сестру, сторож направился в ее дом:

«Мельник спросил Лукашевича «Ты чего здесь?» и тут же произвел выстрел, в результате которого Лукашевич Николай был убит, а остальные через него разбежались».

В протоколе зафиксированы характерные детали:

«Лукашевич оказался одетым в полушубок, принадлежащий Стрелец Елене, кроме этого в карманах его пиджака обнаружено один туфель и два полотенца, принадлежащие Стрелец».

То есть, председатель колхоза вел себя как обыкновенный бандит. И пулю он получил по заслугам. А Мельник, как отметил в протоколе оперативник, «после убийства скрылся с винтовкой в неизвестном направлении, один, без детей и сестры».

Реальность

Отрицание легенды о партизанско-повстанческом Освободительном фронте во главе с Михаилом Витушко не означает, что вообще не существовало вооруженного сопротивления беларуских националистов. Такое сопротивление было, хотя оно не имело единого командования, действия групп никто не координировал. Критерием для отличия партизан от уголовников служит характер их действий. Они убивали партийно-советских функционеров, сотрудников НКВД, МГБ и МВД, военнослужащих, нападали на колхозы и МТС...

«Лесные братья»

Например, существовала группа Яна Романчука. Во время войны этот человек возглавлял Беларускую Народную Самопомощь в Боярах, был директором Дома культуры в Несвиже. После прихода «советов» перебрался в Бара-

новичи, где работал столяром. В октябре 1944 года сотрудники НКВД попытались его арестовать, но он сумел бежать и перешел на нелегальное положение. Свыше двух лет скрывался с помощью родственников и знакомых. В мае 1947 года к нему присоединился Николай Демух, а весной 1948 года – бывший солдат БКА Бронислав Буко.

Тройка действовала в районе Несвиж – Столбцы – Барановичи на протяжении 1947–49 гг. Он убили несколько партийных активистов, председателя сельсовета и одного милиционера, совершили несколько налетов на кооперативы и магазины. В мае 1949 года в результате операции МВД все трое были схвачены*.

Похожей на группу Я. Романчука была группа Евгения Жихаря. Этот член СБМ в 1944 году окончил учительскую семинарию в Поставах, после чего стал курсантом школы в Дальвице. Позже на территории Германии он вступил в Красную Армию, а после окончания боевых действий демобилизовался, вернулся домой и стал учителем в Веретеях. Но в конце 1946 года сотрудники МВД заинтересовались его прошлым и попытались арестовать. Жихарь успел бежать. В начале 1947 года к нему присоединились несколько человек, находившихся примерно в такой же ситуации.

Отряд действовал в районе Глубокое – Поставы – Дуниловичи до января 1955 года (!), пока чекистам не удалось убить Е. Жихаря. По официальным данным, за семь с половиной лет партизаны «осуществили 23 террористических акта, 42 грабежа и 9 нападений на сельсоветы»**. Их жертвами становились в основном местные партийно-советские работники и милиционеры.

В Дуниловичском районе в 1945–47 гг. действовал отряд Антона Тайновича по кличке «Гиль». Во время войны Тайнович-Гиль служил в БКА. Этот отряд чекисты ликвидировали в январе 1947 года.

В районе Шарковщины с лета 1944 до октября 1949 года действовал отряд Хохлова (или Юзика). В 1949 году он состоял из 14 местных жителей, был хорошо вооружен, имел широкую сеть добровольных помощников и разведчиков.

Осенью 1948 года в Радошковичском районе возник отряд Винцлавского (или Глинки) в количестве 7 человек. По документам МГБ, он состоял из «местных жителей, дезертиров из школ ФЗО»*** и действовал преимущественно в трех районах – «молодечненском, радошковичском и ильянском». Винцлавский-Глинка ранее был комсомольским работником. Что заставило его уйти в лес – неизвестно.

Отряд жег помещения сельсоветов и кооперативов, убивал партийных активистов. 31 октября 1949 года его окружила оперативная группа МГБ, все партизаны погибли в бою, сам Глинка застрелился.

Ян Королёнок был из деревни Лисицы возле Дунилович (ныне этоПоставский район Витебской области). После возвращения «советов» в 1944 году вместе с братом уклонялся от призыва в Красную Армию. Чтобы скрыться от сотруд-

* Валаханович, с. 37–40.

** Там же, с. 39–41.

*** ФЗО – школы фабрично-заводского обучения. В большинство из них молодых людей отправляли принудительно, они находились на казарменном положении, при весьма скудном питании. Самовольное оставление таких школ считалось уголовным преступлением.

ников НКВД, они подались в лес. Довольно быстро Ян создал целый отряд из числа таких же людей и развернул партизанскую войну.

В течение девяти лет отряд Королёнка терроризировал местную советскую власть: убивал милиционеров, агентов и сотрудников МГБ, финансовых агентов, совершал нападения на административные учреждения, грабил магазины. Население в основном сочувствовало партизанам и как могло — помогало. Вот почему они продержались так долго. Чекисты устраивали засады, проводили войсковые операции, обещали награду за голову Яна Королёнка, но всё безрезультатно.

Только в 1953 году его выдал мальчик-пастушок. В бою Ян погиб вместе с большинством своих партизан. Трое суток после этого его тело лежало в Воропаево возле райотдела милиции.

Подземное убежище «лесных братьев»

В 1949 году в районе Ильи (восточнее Молодечно) возникла группа Сергея Микулича в составе 5 человек (в т. ч. Андрей Белькевич, Иван Будкевич, Антон Петрусевич). Все они во время войны сотрудничали с немцами, а теперь скрывались от ареста. Группа ограничивалась добычей средств к существованию и борьбой с теми, кто им мешал (местным «активом»). Но в апреле 1952 г. к ним присоединился посланник эмигрантского правительства БНР Янка Филистович.

Справка: Янка Филистович (1926–1953) был родом из деревни Понятичи под Вилейкой. Осенью 1943 вступил в 13-й полицейский батальон СД. В 1944 вместе с ним эвакуировался в Чехословакию. В январе 1945 попытался дезертировать, но был арестован и посажен в тюрьму в Пардубицах. Освобожден в мае 1945 после вступления в город Красной Армии. Через несколько месяцев пробрался через Польшу и Германию во Францию. В Париже он учился в Сорбонне, установил контакт с президентом БНР Николаем Абрамчиком и занялся пропагандистской деятельностью. В частности, основал журнал «Моладзь» и был его первым редактором. В марте 1951 взялся налаживать контакты между эмигрантским руководством и подпольем на территории БССР. После 3-х месяцев подготовки на базе под Мюнхеном в сентябре 1951 был сброшен на парашюте в своем родном районе.

Янка связался с семьей, несколько месяцев скрывался. Потом с помощью местного жителя П. Кулеша «вышел» на группу Микулича. Филистович взял на себя командование и попытался придать группе военно-политический характер. Он проводил идейно-политическую подготовку, запретил совершать грабежи и нападения на местных активистов. Согласно его плану, группа должна была заниматься политической пропагандой. С этой целью в марте было совершено нападение в Вязне (под Молодечно) на типографию, откуда похитили ротатор, на котором печаталась местная газета «Шлях да камунізму». Но отсутствие нуж-

ных материалов, а также типографского опыта не позволили реализовать этот план.

4 сентября 1952 года группа попала в засаду сотрудников МГБ. Микулич, Будкевич и Петрусевич погибли в бою, остальные были арестованы. Всего по этому делу проходили 17 человек. Филистовича долго допрашивали, а в 1953 году по приговору военного трибунала расстреляли. Точная дата пока неизвестна*. Вообще говоря, это странно, так как следствие установило, что на нем «не было крови.

Хлопцы из группы С. Микулича
(фото Янки Филистовича; 1951 г.)

Помимо названных, на территории БССР в период между 1945 и 1950 годами действовали партизанские группы Дуброва (в Пинском районе), Креза и Гармаза (в районе Ивенца), Евсея и Любко (в районе Корелич), Ивана Жилинского (в районе Слонима), Олысяка и Грибовского (в районе Клецка), Короля (Браславский и Дисненский районы), Кашкевича (Слонимский район), Попова-Горченко (в районе Гродно), некоего Сергея (в районе Ляхович), Степана Лобовича (в Зельвенском районе). К сожалению, вследствие недоступности для исследователей архивов КГБ и МВД Беларуси, об этих группах практически ничего не известно.

Как видим, вооруженное антикоммунистическое сопротивление в Беларуси имело место, хотя в значительно меньшем объеме, чем это изображали руководители эмигрантских организаций и журналисты эмигрантских изданий.

* Валаханович, с. 42–43.

Анатоль Тарас

Антикоммунистическое молодежное подполье в БССР (1944–1951 гг.)

Молодежное подполье возникло в Беларуси вскоре после возвращения коммунистов – как реакция на русификацию общественной жизни и учебного процесса. Членами нелегальных организаций были в основном учащиеся.

Осенью 1944 года они пошли в школы и училища, на вывесках которых было написано – «беларуские», но все обучение осуществлялось по-русски. Им внушали, что «в СССР государственный язык – русский, а бедная крестьянская «мова» за ненадобностью вскоре отомрет». Юноши и девушки, учившиеся в годы немецкой оккупации в настоящих беларуских школах, восприняли это как дикость.

Все руководящие структуры в БССР в первые годы после так называемого «освобождения от оккупантов» были переполнены пришлыми элементами, в основном из России. Они крайне враждебно относились не только к беларуской культуре, истории, обычаям, языку, но и к самому народу. Постоянно сыпались обвинения типа «были в оккупации», «работали на немцев». И немедленно следовал вывод: «этот народ не заслуживает доверия советской власти».

Это ясно показало молодежи: на смену немецким оккупантам пришли «новые старые» поработители, презирающие все беларуское...

Типичный представитель «новой старой» власти

Союз беларуских патриотов (СБП)

Рассмотрим подпольные молодежные группы в соответствии с хронологией. На рубеже 1945–46 гг. в Глубокском и Поставском педагогических училищах возникли подпольные кружки учащихся, члены которых изучали «подлинную» историю Беларуси и пытались противодействовать русификации молодежи.

В конце 1945 года было создано ядро СБП в Глубоком. Его возглавили Василий Мяделец, Антон Фурс и Александр Юршевич.

Одновременно в Поставском педагогическом училище была основана молодежная подпольная антикоммунистическая организация «За Беларусь!». Вожаками этой организации были Николай Осиненко, Александр Дикий, Александр Адамович. В начале 1946 года они установили контакт с Глубокской группой и уже в марте оба кружка объединились под названием «Союз беларуских патриотов».

Нина Осиненко
«Незабудка»
(ок. 1930 — ок. 1959)

В СБП не было четкой структуры. Организация состояла из «пятерок» (групп по 5 человек), в которых каждый знал только трех остальных членов и руководителя. Вся работа велась в «пятерках». Не предусматривались ни общие собрания, ни конференции. Новых членов принимали по рекомендациям. Они давали присягу (текст написал А. Юршевич). Присяга гласила:

«Я (имя, фамилия), вступая в Союз Беларуских Патриотов, присягаю перед Отчизной и беларуским народом, что всегда буду верен идеалам свободы и независимости Беларуси. Если же по слабости своей, или по злому умыслу я нарушу эту присягу и выдам тайну друзей, пусть покарает меня Бог позорной смертью изменника родины».

Ангелина Боровка
(ок. 1931–1999)

25 марта 1946 года на квартире Лидии Нестерович состоялась торжественная церемония присяги членов СБП, посвященная 28-й годовщине провозглашения БНР. Присягу читали перед бело-красно-белым флагом и гербом «Погоня».

Цель своей деятельности члены этой организации видели в достижении истинной, а не декларативной государственности независимой Беларуси путем выхода ее из состава СССР. В независимой республике единственным государственным языком должен быть беларуский, флаг и герб – те же, что в БНР (бело-красно-белое знамя и «Погоня»). Способы деятельности – устная пропаганда среди местного населения, прежде всего в школах.

Василий Мяделец
(1928–2004)

Вот что вспоминал один из членов поставской организации «За Беларусь!» Александр Омельянович (1928 г.р.):

«Восьмого марта /1946 г./ на квартире нашей однокурсницы Нины Осиненко, куда меня пригласил /ее брат/ Николай Осиненко, я узнал, что в педучилище создана нелегальная молодежная организация. Ее цели – защита родного языка, культуры, национальных традиций, самобытности».

А вот фрагмент из воспоминаний Тамары Барсук, участницы подпольной группы в Глубокском педагогическом училище:

«...Мое сердце болело за Отчизну, подавленную, лишенную свободы, оставленную без языка, без истории, без всего, что дается Богом и судьбой каждому народу... Смысл нашего объединения мы видели в объединении единой присягой, в постоянном ощущении своей обязанности думать о Беларуси, действовать на пользу Беларуси, беларуского дела... Хотели отстаивать свое право на родной язык, на свою историю, культуру, на действительно суверенную державу».

Олег Табола
(1929–2003)

Было решено, что организация будет расширять свои ряды путем идейно-просветительской патриотической работы. Но в будущем, когда наступит решающий момент в борьбе за независимость Беларуси, члены союза возьмут в свои руки оружие.

В феврале 1947 года СБП был разгромлен органами МГБ. В Глубокском педучилище член кружка Константин Талопило был агентом-провокатором МГБ В Поставской группе таким провокатором оказался Олег Стаховский, кадровый офицер МГБ, втершийся в доверие к Николаю Осиненко и Валентину Лагуненко. Весьма характерно то, что он подталкивал их к активным действиям, к терроризму.

Александр Юршевич
(1928–2007)

Членам СБП предъявили обвинения по ст. 63 часть 1 и ст. 76 Уголовного Кодекса БССР (измена Родине и участие в антисоветской организации).

По делу СБП прошли два судебных процесса. Всего было осуждено свыше 40 человек, получившие сроки заключения от 3 до 25 лет. Руководителей организации Василия Мядельца и Александра Юршевича (Глубокое), Николая Осиненко и Валентина Лагуненко (Поставы) военный трибунал приговорил к смертной казни, замененной на 25 лет лагерей вследствие временной отмены в СССР смертной казни*.

Другие подпольщики получили следующие сроки. Члены группы в Глубоком: Альберт Батяновский, Виктор Бабич, Иван Бабич, Антон Фурс, Терентий Евдокимов – по 25 лет;

Иван Бабич

Мария Бабич, Елена и Лариса Барсук, Лев Белевич, Гордей Климанский, Леонид Козак, Николай Конон, Людмила Краснодубская, Лидия Нестерович, Николай Почопко, Юстин Протас, Станислав Савик, Петр Спиркович, Олег Табола – по 10 лет;

Леонид Богович, Михаил и Павел Шуманы – по 5 лет; Тамара Лагун (Барсук) – 3 года. Член группы

* Смертная казнь была отменена 20 мая 1947 г. Восстановлена в 1949 г.

Виктор Дылевич избежал ареста и осуждения благодаря тому, что вместе с семьей уехал на ПМЖ в Польшу.

Члены группы в Поставах: Алеся (Александра) Умпирович — 25 лет; Александр Адамович, Ангелина Боровка, Иван Боровка, Александр Дикий, Семен Косаревский, Павел Лопушинский, Владимир Лысёнок, Елена Мацук, Александр Омельянович, Нина Осиненко, Иван Рымдёнок, Евгений Сидорович, Виктор Стаховский — по 10 лет.

Кроме того, двое родителей — Анна Бабич и Леонид Умпирович — были осуждены на 6 и 10 лет соответственно за недонесение на своих детей — «врагов народа». Л. Умпирович вскоре после оглашения приговора умер в тюрьме.

О том, какой мрак царил в то страшное время в мозгах так называемых «судей» (на самом деле — все тех же «чекистов»), красноречиво свидетельствует выдержка из приговора 16-летней ученице Ангелине Боровке:

> «Враждебно настроенная к советской власти, осенью 1945 вступила в подпольную организацию СБП. Приняла присягу на верность белорусскому народу. Размножала тексты присяги для тех, кто вступал в организацию. Предоставляла квартиру для проведения нелегальных сборищ и сама активно участвовала в них. Для конспирации практической деятельности имела кличку «Таполя». Хранила антисоветскую литературу /в качестве таковой фигурировал учебник беларуского языка Б. Тарашкевича, изданный во время войны. — *Авт.*/ Вместе с Осиненко Николаем сделала флаг для организации. Собирала членские взносы с членов организации».

Антон Фурс

Алеся Умпирович (Фурс)

«Чудовищные преступления», не правда ли? Больше похоже на любимую подростками игру в тайны. Но приговор совсем не детский — десять лет! Издевательства во время следствия и каторжный труд в мордовских лагерях сделали свое дело. Цветущая девушка превратилась в инвалида, а ее жизнь «на воле» стала сплошным страданием. Она прожила немного.

С позиций дня нынешнего очень хочется отправить тех «судей» на принудительные работы в каменоломню лет этак на 20. К сожалению это невозможно, они давно умерли — при своих чинах, наградах, персональных пенсиях и льготах, заботливо предусмотренных в СССР для «заслуженных механиков» огромной карательной машины. Именно эта машина — суть устройства СССР. А словами о «гуманизме» и прочих красивых вещах коммунисты оболванивали народ.

К счастью, не все беларусы поддавались их пропаганде. Антон Фурс писал в 1995 году в своих воспоминаниях:

> «Мы жили в холоде и голоде, не имели молодости — она была бесстыдно распята на колючей проволоке. Но мы ни о чем не жалеем, потому что оставались людьми — и тогда, когда большинство пело хвалу тирану, и тогда, когда были в неволе, и когда вернулись из лагеря».

«Чайка»

Это конспиративное название подпольной антисоветской (социал-демократического) направления организации, существовавшей в 1946–47 годах.

Инициаторами ее создания были Василий Супрун, Михаил Ракевич и Михаил Чигрин. «Учредительное собрание» состоялось в начале мая 1946 года в окрестностях Слонима. Председателем избрали Василия Супруна, который во время немецкой оккупации был членом СБМ – Союза беларуской молодежи.

Руководство «Чайки» стремилось расширить свои ряды. Были созданы ячейки в Бресте (в железнодорожном техникуме), Жировичах (в сельхозтехникуме), Ганцевичах (в педагогическом училище), Барановичах (в учительском институте).

Летом того же года было принято решение объединить слонимские, барановичские и брестские группы в Центр Беларуского Освободительного (Вызвольнага) Движения, который возглавил Василий Супрун. Его заместителями стали Александр Борейко (студент Барановичского учительского института) и Михаил Ракевич (студент Брестского железнодорожного техникума). В состав руководства Центра вошли также Михаил Агейко, Владимир Соловей и Николай Макаревич.

В начале 1947 года ячейки «Чайки» появились в Пинском и Ильянском районах.

ЦВБР предложил «круговую» структуру организации. Сам Центр должен руководить первым кругом – областными структурами во главе с руководителями подполья области. Последние должны курировать районные группы – это второй круг. Районные руководители управляют периферийными ячейками – третий круг. Разрабатывались также схемы конспирации, консервации структур организации на определенном этапе, шифры, система отчетности.

Портрет. Михаил Ракевич (1927–1992) был родом из деревни Волчки в нынешнем Слонимском районе. Решающее влияние на формирование его мировоззрения оказали рассказы отца, выезжавшего в 20-е годы на заработки в США, и общение с дядей Николаем – студентом Варшавского университета. Поэтому возвращение коммунистов в 1944 году он воспринял крайне негативно. Советские чиновники издевались над беларуским языком, обещали в скором будущем закрыть все костёлы и церкви, а крестьян – загнать в колхозы.

В руководстве «Чайки» Михаил – на тот момент студент Брестского железнодорожного техникума, отвечал за военные вопросы. Трибунал приговорил его к 25 годам лагерей, добавив еще 5 лет ссылки после окончания срока заключения. Лагерь оказался угольной шахтой в Воркуте, где в ужасных условиях рабы-заключенные добывали уголь. В 1957 году, во время хрущевской «оттепели», Михаила освободили. Но все его попытки вернуться на родину, хотя бы в шахтерский Солигорск, пресекали кураторы из КГБ. Они до конца 80-х годов «проверяли» всю его переписку, а тот факт, что Ракевич выписывал из БССР газеты и журналы на родном языке, считали убедительным доказательством неисправимого национализма. Пришлось ему остаться в заполярной

Михаил Ракевич (1927–1992)

Владимир Соловей (слева) и Василий Супрун

Инте. Только под конец жизни, когда коммунистический режим в СССР стал корчиться в предсмертных конвульсиях, Михаил смог вернуться домой. Теперь он покоится в родной земле.

Что касается политической программы, то руководители организации считали, что в скором будущем начнется война между СССР – с одной стороны, Соединенными Штатами и Великобританией – с другой. В этой войне беларусам надо выступить на стороне западных стран. Поэтому необходимо создать и объединить подпольные организации на всей территории БССР и готовиться к партизанской войне против коммунистического режима, которую следует начать сразу после начала нового международного конфликта.

Портрет. Владимир Соловей (1925–1996) учился в Барановичском учительском институте на историко-филологическом факультете. Здесь он создал ячейку «Чайки». Когда в 1947 году начались аресты друзей, Владимир успел перейти на нелегальное положение и оказался хорошим конспиратором. Чекисты искали его свыше трех лет. Но потом они отыгрались сполна. Владимир подвергся столь зверским истязаниям в застенках МГБ, что сошел с ума! Более 40 лет он провел в психиатрических клиниках строгого режима – сначала в Казани, потом возле Гродно. В 1996 году, уже в «новой Беларуси», его перевели в психбольницу для «хроников», размещенную в деревне Козловщина, что в Дятловском районе. Здесь за пациентами практически не следили, что и погубило Владимира. Он ушел зимой в лес на прогулку, заблудился и замерз.

Летом 1947 года организация была раскрыта и уничтожена. За период с июня по август органы МГБ арестовали 26 человек (по другим данным – 29). Арестованных обвинили в измене СССР и антисоветской агитации, в подготовке вооруженного восстания с целью отделения Беларуси от СССР (статьи 63-1 и 76 УК БССР). Членов «Чайки» судили военные трибуналы войск МВД в Барановичах (16–18 октября 1947 г.), где были осуждены 18 человек и в Минске (21 ноября 1947 г.), где судили еще 4 человек.

Василий Супрун /Инта, спецлаг № 2, 1953 г./

Вот кого судили в Барановичах: Агейко Михаил; Борейко Александр, Гордейко Александр, Гринь Владимир, Жданович Николай, Жуковский Александр, Кернога Николай, Ковальчук Леокадия, Козак Леонид, Красковский Вячеслав, Лозицкий Иван, Лозовский (имя не указано), Лях Леонид, Макаревич Николай, Манило Иван, Ракевич Михаил, Чигрин Михаил, Шаповал Александр.

В Минске осудили Антона Кобака, Константина Ольшевскго, Василия Супруна, Сергея Яновского.

Всех их приговорили к заключению в трудовые лагеря на срок 25 или 10 лет, с последующим лишением гражданских прав еще на 5 лет.

Портрет. Василий Супрун (1926 г.р.) окончил три курса учительской семинарии в Слониме. С сентября 1944 по июнь 1947 работал директором и учителем в сельских школах Слонимского района. В начале мая 1946 создал группу «Чайка». Агенты МГБ арестовали его 6 июня 1947 г. на дороге от родной деревни в школу. Под следствием находился более пяти месяцев, подвергаясь пыткам и заключениям в карцер. Судил его (вместе с большей частью группы) трибунал войск МВД в Минске 21 ноября. Был осужден на 25 лет лагерей плюс 5 лет поражения в правах, с конфискацией имущества. Заключение отбывал в Инте (спецлаг № 2) и Воркуте (лагерь № 175/14). Но и в лагерях Василий не успокоился: создавал объединения земляков, вел тайную переписку с поэтессой Ларисой Гениуш*.

Верховный Совет СССР освободил Супруна своим постановлением от 16 июня 1956 г., со снятием судимости и разрешением вернуться на родину. Он приехал в Слоним в декабре 1956, но сразу оказался под надзором КГБ. Ему запретили работать учителем. Пришлось покинуть БССР. Вернулся через два года, устроился научным сотрудником в Брестский областной краеведческий музей. Однако вскоре оставил это место и переехал в Слоним. Работал в строительных организациях, в 1986 вышел на пенсию. В 1995 стал членом Союза писателей Беларуси. Супрун – автор нескольких сборников стихов и ряда научных статей о древней истории Беларуси.

Кроме того, по делу «Чайки» проходили Владимир Соловей, Николай Лесковец, Владимир Разумович и Нина Корач (или Карач). Однако их судили отдельно.

Остались нераскрытыми несколько групп третьего круга, в т. ч. группа учителей Слонимщины во главе с Иваном Хомчиком (1915–1984). Утратив связь с руководством, они прекратили свою деятельность.

Союз освобождения Беларуси

Эта молодежная патриотическая антикоммунистическая организация действовала в 1946–47 гг. в Барановичской области.

Ее создал в ноябре 1946 года Геннадий Козак (1924–1948). Во время войны он был членом СБМ, а в 1944 году эвакуировался в Германию. Там он стал солдатом кадрового батальона Беларуской Краевой Обороны и окончил в Берлине унтерофицерскую школу этого формирования. Там же вступил в БНП (Беларускую Незалежніцкую партыю). Затем вместе со всем батальоном оказался в составе 30-й (беларуской) дивизии ваффен СС.

После окончания войны Козак вернулся из Германии на родину вместе с группой соотечественников, находившихся на принудительных работах. В ноябре 1946 года он приступил к созданию конспиративной сети СОБ, в который вовлекал бывших членов СБМ и бойцов БКА.

Козак разработал программу и устав союза. В программе говорилось о том, что беларуский народ подвергается колониальной эксплуатации и национальному угнетению со стороны России. Единственная сила, которая способна приве-

* Л. Гениуш с 1949 года отбывала заключение в одном из лагерей Инты.

сти к свободе – сам беларуский народ. В этой связи важнейший пункт программы – развитие и укрепление беларуского национального сознания. Главной целью СОБ было названо создание независимого беларуского государства путем выхода из состава СССР. Независимую Беларусь члены организации видели в мечтах республикой трудового крестьянства, рабочих и интеллигенции. В нее должны были войти все территории, где среди населения численно преобладали беларусы: Барановичская, Бобруйская, Вилейская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Молодечненская, Пинская, Полесская, Полоцкая, Смоленская области, а также Белостокский округ (Польша), Виленский край (Летува), северная Полотчина (часть Латгалии в Латвии и часть Псковской области).

Руководил Союзом организационный комитет, находившийся в Новогрудке. В нем было шесть отделов: организационный (М. Кожич), пропаганды (Г. Козак), военный (П. Деменчук), финансовый (К. Романович), контрольный и секретариат (А. Усюкевич). СОБ имел уполномоченных по Новогрудскому, Дятловскому и Любчанскому районам, а также в Барановичах.

Своим гимном члены Союза избрали марш слуцких повстанцев «Мы выйдзем шчыльнымі радамі», написанный Макаром Кравцовым, а символами – изображение «Погони» и бело-красно-белый флаг.

Константин Романович
(1927–2005)

Портрет. Константин Романович (1927–2005) был родом из деревни Лозки Новогрудского района. Во время войны учился в Новогрудской учительской семинарии, где вступил в Союз беларуской молодежи. Затем стал курсантом офицерской школы Беларуской Краевой Обороны в Минске. Эвакуироваться в Германию он отказался.

Осенью 1944 года, во время «зачистки» Беларуси, проводившейся советскими карательными органами, 17-летнего Константина арестовали и отправили в Воркуту – «перевоспитываться» за колючей проволокой. Через два года, выйдя по амнистии, он вернулся домой столь же убежденным врагом коммунистического режима, что и прежде. Вскоре вступил в нелегальный Союз освобождения Беларуси, где возглавил финансовый отдел...

Трибунал отмерил Константину 10 лет лагерей и еще 5 лет лишения гражданских прав после этого. Выйдя на свободу, он жил в Пинске. В 1990-е годы стал членом Товарищества беларуского языка имени Ф. Скорины и Беларуской социал-демократической Громады, создал демократическую организацию ветеранов с Полесья.

Оргкомитет делал ставку на пополнение организации за счет учителей, преподавателей пединститутов и техникумов, учащихся педучилищ и средних школ. Основным методом деятельности была избрана антисоветская агитация, но считались допустимыми и акты террора.

30 мая 1947 года Управление МГБ по Барановичской области арестовало 18 членов организации. Это Виталий Губаревич, Петр Деменчук, Михаил Кожич, Геннадий Козак, Михаил Коптилович, Александр Лепешко, Евгений Лишко, Михаил Мазан, Иван Макар, Самсон Перлович, Константин Романович, Ананий Родзевич, Софрон Стома, Александр Усюкевич, Адам Шаботько и еще три других человека.

Их выдал провокатор МГБ – Александр Божко, литсотрудник Барановичской областной газеты. Он и дальше, до конца своей никчемной жизни «разоблачал» антисоветскую «подрывную деятельность» беларуских националистов и клерикалов.

Александр Усюкевич (1925–2004)

Портрет. Александр Усюкевич (1925–2004) был родом из деревни Ходасы Новогрудского района. В августе 1944 года его призвали в Красную Армию. До мая 1945 был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга». Известен факт, ярко характеризующий этого человека. Вскоре после ареста министр госбезопасности БССР Лаврентий Цанава пожелал лично допросить Усюкевича. Но арестант схватил в руки деревянный столик и бросился с ним на «беларуского Берию». Присутствовавшие в кабинете охранники едва успели схватить смелого юношу. Из кабинета его вынесли без сознания, залитого кровью от головы до ног.

Десять лет лагерей Александр отбывал в Казахстане. После освобождения поселился в Павлодаре, где и умер 10 января 2004 года, на 79-м году жизни. А сталинский палач Цанава покончил с собой в камере Бутырской тюрьмы еще в октябре 1955 г.

Всех арестованных подвергли жестоким пыткам. Военный трибунал войск МВД в августе 1947 года осудил молодых подпольщиков на сроки от 8 до 25 лет лагерей. Руководитель организации Г. Козак попал в трудовой лагерь Долинка, в Карагандинской области Казахстана, где почти сразу погиб (был убит).

Союз борьбы за независимость Беларуси

Его основал в 1946 году бывший командир партизанского отряда Иван Романчук (кличка «Ястреб»). Действовал союз в Столбцовском, Клецком и Несвижском районах. Учредительное собрание инициативной группы состоялось летом 1946 года на хуторе Соская Липа, в нем участвовали 6 человек – студенты Гродненского пединститута (Владимир Кисель, Михаил Кожич и другие).

Своей главной целью они избрали подготовку ко «дню Х», когда начнется война между странами Запада и СССР (на них произвела сильное впечатление речь Уинстона Черчилля, произнесенная в марте 1946 года в американском городе Фултон о «железном занавесе» между странами Свободного Мира и странами Восточной Европы, где власть захватили коммунисты, установившие жестокую диктатуру).

Программа союза ставила своей целью подготовку политических сил, которые после начала вооруженного конфликта вступят в борьбу за независимость Беларуси. Никакой реальной деятельностью организация не занималась, все ограничивалось личными встречами и разговорами. Она была построена по принципу «пятерок», членов которых знал только руководитель этого звена.

В начале 1949 года органам МГБ удалось арестовать одного из руководителей организации – Михаила Кожича*. Под пытками он выдал ряд членов организа-

* Не путать с другим Михаилом Кожичем – членом Союза освобождения Беларуси.

ции. А в мае того же года был схвачен раненный в бою Иван Романчук. Обвинение на закрытом процессе трибунала МВД, состоявшемся 15–17 июня 1949 года, было традиционным – «измена Родине, косвенный террор и антисоветская агитация» (статьи 63 и 76 УК БССР). По делу СБНБ прошли 17 человек, которых трибунал осудил на различные сроки заключения.

Мядельско-Сморгонское молодежное антикоммунистическое подполье

Это объединение патриотически настроенной молодежи существовало в Мяделе и Сморгони в 1947–50 гг. Ее организатором стал Ростислав Лапицкий из деревни Микосецк.

Осенью 1947 года он поступил учиться в Мядельскую среднюю школу. Здесь вокруг него возник неформальный кружок, насчитывавший полтора десятка юношей и девушек из Мяделя и окрестных деревень (Кобыльники, Кочерги, Новосёлки, Прудники, Юшковичи). Подпольщики собирались на квартире Факунды Нестеровича в Мяделе или у Лапицкого в Микосецке.

В основном, их деятельность сводилась к устной антикоммунистической пропаганде. Лапицкий смастерил самодельный радиоприемник, с помощью которого получал сообщения западных радиостанций о международном положении, которые его товарищи передавали одноклассникам и местным жителям.

В декабре 1948 года они отпечатали на пишущей машинке Юзефа Кочерги несколько десятков листовок, которые распространили по окрестным деревням. В январе 1949 года юные подпольщики похитили из мядельской школы две винтовки, с которыми проводили в лесу занятия по стрелковой подготовке.

Летом 1949 года Лапицкий вместе с матерью, спасаясь от голода, переехал в местечко Сморгонь, где пошел учиться в 10-й класс местной школы. Здесь он сумел создать подпольную группу из пятнадцати учеников 7–10 классов города и района. Сходки проходили под видом молодежных вечеринок, на которых молодежь активно обсуждала «политику». Собирались чаще всего в домах Цыбовских или Юшкевичей.

В октябре 1949 года Лапицкий похитил из сморгонского Дома культуры пишущую машинку и пачку копировальной бумаги. На этой машинке подпольщики отпечатали более тысячи антикоммунистических листовок. Накануне Дня Конституции (5 декабря) они разбросали листовки по городу, расклеили на домах, заборах, столбах в Сморгони и окрестных деревнях. Листовки появились даже на зданиях милиции и райкома партии. Вот текст этих листовок:

«Сьмерць выродкам роду чалавечага!

Партызаны!

Падпольшчыкі!

Стойце на абароне сваёй справы! Беражыце ў сябе сьвятую нянавісць да камунізму, які нявечыць і разбэшчвае чалавецтва. Біце сталінскіх шакалаў!

Моладзь!

Не губляй сумленьня, змагайся супраць тых, хто сьлепа верыць у падман камунізму, узначаленага хрыстапрадаўцамі – Юдамі. Яны хочуць усіх нас расьпяць на пяціканцовай зьвязьдзе.

Да зброі! Не бойцеся ахвяраў і пакут!
Уперад да сьветлай будучыні!
Вашыя браты.»

Органы МГБ «вычислили» и арестовали ряд участников подпольной группы. Ростислава Лапицкого арестовали в январе 1950 года. 1–2 февраля 1950 года на квартире Леокадии и Чеслава Цыбовских, активных участников подпольной группы, была устроена засада. После фильтрации задержанных посетителей подпольщиков арестовали. Геннадий Нафранович из Юшкович застрелился в марте при попытке ареста.

Юношей и девушек держали в Молодечненской и Вилейской тюрьмах. Всех парней подвергли зверским пыткам. Им ломали зубы и ребра, сажали на ножки табуреток, держали под холодным душем до потери сознания, загоняли иголки под ногти...

17–20 июля 1950 года в Молодечно прошло заседание военного трибунала Беларуского военного округа. Лапицкого приговорили к расстрелу.

Портрет. Ростислав Лапицкий (1928–1950) родился в деревне Касута, что в Вилейском районе, в семье священника. В 1944 году, когда он был учеником 7-го класса, его арестовали в Мяделе за связь с подпольной организацией учащихся Виленской беларуской гимназии. Но летом следующего года Ростислав вышел на свободу по амнистии, объявленной в СССР в связи с победой в войне.

Мядельская средняя школа (фото 1949 г.)

Средняя школа в Сморгони
(современный вид)

Тюрьма в Молодечно, узниками которой было большинство членов организации Р. Лапицкого

Ростислав Лапицкий

Факунда Нестерович

Тадеуш Хотиловский

Когда семья переехала в Сморгонь, юноша поступил в здешнюю десятилетку. Он имел разносторонние способности. Хорошо рисовал, пел, играл на пианино и других музыкальных инструментах, мастерил приборы. Учеба давалась ему легко, но учителя держались с ним настороженно: Ростислав не скрывал своих антисоветских взглядов. Например, категорически отказался писать сочинение о героях романа Фадеева «Молодая гвардия».

В декабре 1949 года, после того, как подпольная группа наводнила Сморгонь листовками, Лапицкому пришлось скрыться. Но ищейки МГБ выследили его и схватили на хуторе Кобыльник, неподалеку от озера Нарочь. Во время следствия молодого парня избивали так жестоко, что соседи по тюремной камере принимали его за старика.

Выступая на суде, он не оправдывался. Наоборот, сам обвинял сталинский режим в колхозном «крепостном праве», непомерных налогах, закрытии храмов. Подавать прошение о помиловании Ростислав отказался. Его расстреляли 28 октября 1950 года в урочище Красный Бережок недалеко от Вилейки. За два месяца до казни ему исполнилось 22 года.

Факунда Нестерович (1929–1987), студент Минского политехникума, и Чеслав Цыбовский (1932–1978), ученик Сморгонской школы, были приговорены к смертной казни, замененной 25-ю годами трудовых лагерей.

Получили по 25 лет: Зенон Ахрамович, Осип Близнюк (1930–1994), Анатолий Корней (1928–2004), Юзеф Кочерга, Софья Лапицкая, Эдуард Сташкевич (1928–1974), Тадеш Хотиловский (1931–2002), Леокадия Цыбовская, Тамара Юшкевич (1932–1982).

Мария Бартошевич, Константин Ивановский, Збигнев Пашкевич и Татьяна Юшкевич получили по 10 лет. 17-летнюю Чеславу Ошуковскую трибунал приговорил к 8 годам.

Следует отметить, что чекистам удалось арестовать не всех подпольщиков. Никаких списков членов организации не существовало. А на допросах, несмотря на пытки, они держались стойко и друг друга не выдавали.

Подпольные группы националистически настроенной молодежи существовали и в других населенных пунктах Беларуси.

Так, в местечке Лебедево (Молодечненский район) Вячеслав Гомолка в 1948 году объединил вокруг себя нескольких учеников старших классов местной школы. Это были Иван Яблонский, Аркадий Слуцкий и двое тёзок: Иван — сын Галь-

яша Митько, и Иван – сын Яна Митько. Мотивом для создания подпольного кружка стало появление в Лебедево комсомольской организации. Молодые патриоты ощутили необходимость противостояния ей.

Гомолка оформлял и редактировал написанные от руки журналы «У хвалях малодосьці» и «Бяздонны мяшок». Его товарищи распространяли их среди жителей местечка.

София Лапицкая

В 1951 году к ним присоединился Михаил Акушко, уроженец деревни Громовичи. Он обещал наладить через своих знакомых выпуск нелегальных журналов типографским способом. Но в действительности Акушко являлся осведомителем («сексотом») МГБ. Летом 1951 года членов кружка, успевших к тому времени поступить в ВУЗы, арестовали. Всех их осудили на 25 лет лагерей. Срок заключения отбывали на рудниках и в шахтах Воркуты, Инты, Джезказгана. Но благодаря хрущевской «оттепели» в 1957 году вышли на свободу.

В городе Лида в августе 1950 года появилась своя подпольная организация. Ее создал 19-летний Иван Солдатенков, учившийся в Гродненском культурно-просветительском училище. Членами организации были, в частности, рабочий вагонного депо Виктор Параваев (19 лет), бухгалтер сельпо Аркадий Каштан (19 лет), ученик 9-го класса лидской школы № 12 Федор Козлов (18 лет), ученик 8-го класса той же школы Алексей Логвин (16 лет). Известны фамилии еще троих участников подполья: Бычек, Васякин, Мазурок.

Татьяна Юшкевич

В мае 1951 года органы МГБ арестовали всех подпольщиков. Из протоколов их допросов следует, что своей целью они ставили выход Беларуси из состава СССР, ликвидацию в независимом государстве советской власти, передачу колхозной земли единоличникам, установление частной собственности на средства производства, введение многопартийной системы. Основной формой деятельности организации была устная агитация среди учащихся.

Молодежные антисоветские организации существовали также в Минске, Молодечно, Пинске, Полоцке и некоторых других городах. Однако руководство КГБ Беларуси ревностно охраняет мрачные тайны сталинской эпохи, оно не допускает исследователей в свои архивы. Поэтому об этих группах в настоящее время известно очень мало.

Чеслава Ошуковская

В заключение хочу отметить факт, имеющий принципиальное значение. Нынешние «люди власти» в Бе-

ларуси все еще идеализируют фальшивые ценности коммунизма и не способны к радикальному пересмотру советской схемы истории. Соответственно, они категорически отказываются от реабилитации многих мужественных борцов с антинародным большевистским режимом. В официальной историографии для них тоже нет места.

ЛИТЕРАТУРА

Антысавецкія рухі ў Беларусі: 1944–1956. Даведнік. /Пад рэд. А. Дзярновіча/ Мн.: «Архіў найноўшай гісторыі», 1999. – 192 с.

Валаханович И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Мн.: БГУ, 2002. – 144 с.

Гарт: З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў (Глыбокае, Паставы, 1945–1947 гг.). Мн.: «Наша Ніва», 1997. – 350 с.

Кісель У. Сваю маладосць мы прысвяцілі незалежнасці Беларусі // «Пагоня», 1998, № 20 (17 сакавіка).

Клыкоўская Ц. Жыццё – за імгненьні: да 50-годдзя Саюза вызвалення Беларусі // «Беларуская маладзёжная», 1996, № 2 (69).

Ня бойцеся ахвяраў і пакут! Дакумэнты і матэрыялы пра дзейнасьць мядзельска-смаргонскага антыкамуністычнага падзем'я (1948–1950). /Уклад. М. Чарняўскі/ Вільня: «Наша будучыня», 2006. – 154 с.

Рамановіч К. Мы стварылі Саюз Вызвалення Беларусі. // «Навіны», 1998, № 105 (2 кастрычніка).

Супрун В. Яны змагаліся за Бацькаўшчыну / «Полацак», 1992, № 2 (12).

Умпіровіч А., Фурс А. Споведзь няспраўджаных надзеяў // «Спадчына», 1997, № 1.

Унук Р. Беларускае антыкамуністічнае падпольле – спроба пастаноўкі праблемы. // «Архэ», 2008, № 7–8, с. 841–870.

Фурс А. Усё яшчэ значымся ворагамі народу. // «Наша слова», 1992, № 16.

Фурс А. Мы заўседы лічылі сябе беларусамі (успаміны ўдзельнікаў СБП аб гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху). // «Пагоня», 1995, №№ 41 – 44.

Цадко А. Іншадумцы зь Лебедзеўскай школы. // «Куфэрак Віленчыны», 1998, № 4.

Чарняўскі М. Расціслаў Лапіцкі – з кагорты невядомых герояў // «Беларуская маладзёжная», 1997, № 1.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск 7

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Электронный адрес: AETaras@tut.by

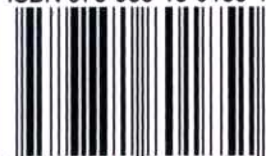
Подписано в печать 22.08.2011. Формат 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewBaskervilleC».
Усл.-печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 1000 экз. Заказ 2268.

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

РУП «Издательство "Белорусский Дом печати"».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 79.

ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР“

ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР“

ISBN 978-985-18-0185-1

